ЛМ
Ц 19
Царская Россия в мировой войне...
Т 1
Л 1926

ЛМ
1,19

ЦЕНТРАРХИВ

ЦАРСКАЯ РОССИЯ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ

ТОМ I

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
М. Н. ПОКРОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД - 1926

186829/4

ЛЕНГИЗ ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

ЛЕНИНГРАД, ДОМ КНИГИ, Проспект 25 Октября, 28. Телефон 132-44, 570-14;
Москва. Тверская, 51. Телефон 3-92-07, 4-92-31.

ИЗДАНИЯ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР.

Центрархивом ВЫПУЩЕНЫ следующие книги:

„Красный Архив“, т. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8. Под редакцией В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. И. Полонского, Ф. М. Фриче.

Русско-германские отношения. (Сборник секретных документов.) С предисловием М. Н. Покровского.

Достоевский. — Исповедь Ставрогина (неизданные главы из романа „Бесы“) и житие великого грешника. (План романа.) Под редакцией В. М. Фриче и Н. Л. Бродского.

Письма русских писателей. Из архива Достоевского. Под редакцией Н. К. Пиксанова.

Дневник А. Г. Достоевской.

Сборник материалов и статей по архивному делу. Вып. I.

Лейтенант Шмидт. (Письма и воспоминания.) Под редакцией и с предисловием Вл. Максакова.

И. С. Тургенев. (Новые материалы.)

Крестьянс
Под ре
Пичета

Архивно

Письма С
неева.

Чехов. —

Дневник
вием

Политические процессы 60-х годов. Вып. I. Под редакцией Б. Н. Козьмина.

Переписка Вильгельма II с Николаем II. С предисловием М. Н. Покровского.

Переписка Николая и Александра Романовых. Т. III. С предисловием М. Н. Покровского.

Бакунин (материалы для биографии). Под редакцией В. П. Полонского.

Аграрный вопрос в Совете Министров в 1904 г. Вып. IV. Под редакцией В. В. Веселовского, В. М. Фриче и В. И. Пичета.

Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. С предисловием М. Н. Покровского.

Южно-Русские Рабочие Союзы. Под редакцией В. В. Максакова и В. И. Невского.

Морозовская стачка. Под редакцией А. Лозовского и с предисловием В. И. Невского.

Русско-японская война. По дневникам
ткина и Н. П. Линевича.
М. Н. Покровского.
ний и распоряжений
делу.
ия в мировой войне.
М. Н. Покровского.
истов. Материалы. Т. I.
с предисловием М. Н. По-

НАХ ОВЛЯЮТСЯ.

М абря 1925 г.

Следств
ются.
и очерк. М. Н. Покровский.
“. — А. Е. Пресняков.

„Русска
реда
и П.
иговского полка. —
С. С. Мильман.

„Алфав
Б. J
(Печ
енных славян. — М. В.
дел по истории дека-

Восста
риал
и Ю
Н. К. Пиксанов и Н. М.

Дело I
реда
т. Н. Ф. Лавров и Ю.
ется.)

ЛМ / ЛН
Ц 19 / Ц 19

ЦЕНТРАРХИВ

302 (47)

ЦАРСКАЯ РОССИЯ
В МИРОВОЙ ВОЙНЕ

ТОМ I

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
М. Н. ПОКРОВСКОГО

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
186829/4

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 186829/4

782/2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

Колич. предыд. выдач.....

Гиз № 10390.
Ленинградский Гублит № 15895.
20 1/2 л. Отп. 4000 экз.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Связанная с империалистской войной дипломатическая переписка бывшего министерства иностранных дел отложилась в архиве в больших размерах.

Начатая еще в недрах министерских канцелярий систематизация составляющих эту переписку бумаг не закончена по сию пору.

Можно с несомненностью утверждать, что недалеко то время, когда исключительная по своему историческому значению, связанная с войной, дипломатическая переписка будет выявлена вся и опубликована с исчерпывающей полнотой.

В настоящий момент, сообразно возможностям нашего времени, задачу эту приходится выполнять лишь частично.

В предлагаемых ниже строках читатель найдет документы, собранные по вопросу о вовлечении в войну держав, к моменту ее возникновения остававшихся нейтральными, интересы которых проектировались преимущественно в пределах Балканского полуострова, того «ящика Пандоры», откуда вылетели постигшие Европу кровавые бедствия. Сюда следовало бы отнести материалы, посвященные Турции, Болгарии, Румынии, Италии и Греции. Вопрос о вовлечении в войну Греции уже получил в печати документированное отражение. Представилось поэтому возможным ограничиться публикациями, относящимися к первым четырем государствам, при чем вопрос о вовлечении в войну Италии, как страны, заинтересованной не только и не столько в определенном разрешении Балканского вопроса, сколько в территориальных приобретениях в Малой Азии, естественно, должен был получить лишь частичное отражение.

Исчерпывающее опубликование документов по каждому из рассматриваемых государств должно было бы привести к затяжной работе по подготовке многотомного, недоступного для широкого читателя издания.

Задача дать в настоящее время широким читательским кругам знакомство с типичными образчиками работы царской дипломатии

в указанных выше вопросах, хотя бы лапидарно и схематически наметить основные линии этой работы — с неизбежностью требовала несколько упрощенной формы использования тех заведомо несовершенных результатов систематизации материалов, какие остались нам в наследство от старого министерства.

Необходимо отметить, что в министерском делопроизводстве мы находим прежде всего коллекции бумаг, собранных по признаку отправителя (посла, посланника, министра) и расположенных в хронологическом порядке. В то же самое время по ряду вопросов мы найдем особые, заключенные в папки, коллекции документов, подобранных тематически, где из донесений представителей самых различных стран собрано все, имеющее отношение к данным вопросам.

Если принять во внимание отсутствие в архиве тематически подобранных папок по вопросу о вступлении в войну Турции и Болгарии, если принять во внимание также и то, что к моменту составления настоящего сборника далеко не все коллекции входящих оказывались в архиве собранными, что, в частности, не были собраны такие важные части дипломатической переписки как донесения русских послов в Лондоне и Париже, то станет понятным, почему при подготовке к печати глав «Россия и Турция» и «Россия и Болгариия» составителям сборника пришлось ограничиться публикацией почти исключительно двусторонней переписки, происходившей между министром иностранных дел и соответствующим дипломатическим представителем. Использованию подверглись, таким образом, хранящиеся в секретном архиве министра папки: «Телеграммы посла в Константинополе», «Телеграммы посланника в Софии» и «Исходящие из министерства иностранных дел», а также дополнительно — хранящиеся в азиатском департаменте папки с депешами и письмами русских дипломатических представителей в Софии и Константинополе.

Вытекающая из такой двусторонней переписки неполнота освещения вопроса сама собой очевидна; она не лишает, тем не менее, предлагаемых публикаций определенного значения;—главнейшие моменты, связанные с вопросом о вступлении рассматриваемых держав в войну, равно как и основные контуры работы царской дипломатии в них явственно намечаются.

Материалы, относящиеся к главам «Россия и Румыния» и «Россия и Италия», заимствованы целиком из хранящихся в секретном архиве папок: «Италия» (ч. I и II) и «Румыния» (ч. I — IV), составленных в министерстве тематически и с большою степенью тщательности.

Отсюда — то развертывание дипломатических переговоров в международном масштабе, которое наблюдается, в отличие от предыдущих, в этих двух главах.

Размеры настоящего издания вынудили публикаторов к самому жесткому сокращению собранного материала, к ограничению и в данном

случае также публикацией наиболее существенного, только того, что является скелетом всей сложной системы дипломатических переговоров, связанных со вступлением этих двух стран в войну.

Присутствие, так называемых, «дешифрантов», вернее, перехваченных телеграмм, вкрапленных в материалы всех четырех глав, в виду невыявленности такого рода коллекций во всей их полноте, имеет значение иллюстративное по преимуществу.

Редакция.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Издание печатаемых ниже документов подготовлялось к десятилетию разрыва императорской России с Турцией (в октябре 1914 года). «Турецкими» документами сборник и начинается. Целый ряд причин задержал издание, и оно выходит, с некоторым опозданием, к десятилетию вступления в войну Италии: перепискою по итальянским делам заканчивается этот том.

Лежащие в промежутке «болгарские» и «румынские» документы дорисовывают картину. В центре ее все время, от Турции до Италии, остаются Балканы. Объектом войны для Николая II и его дипломатов был Царьград: средоточие мира в мировой войне для России, но «богатейшая добыча всей войны» и для Англии. Перед царской дипломатией на пути к цели лежал целый ряд препятствий—и ряд сложных комбинаций приходилось создавать, чтобы эти препятствия преодолеть. Первой из них, раньше других сорвавшейся, было изолирование Турции. «Проливы», защищаемые германской техникой, были неприступны — англичанам скоро пришлось в этом убедиться на опыте. Не пустить немцев в проливы, отрезать Турцию от Германии, было первоочередной задачей. Этого проще всего было достигнуть, втянув в войну Болгарию; болгарский заслон был бы ближайшим к центру действия и самым надежным.

Стратегически это было бесспорно. Но, прежде чем стратегия могла приступить к действию, приходилось разрешить ряд политических проблем, и тут далеко не все было просто. Оказалось, что Болгария, истерзанная и еще кровоточащая со времени экзекуции, произведенной над нею в 1913 году под руководством ее «освободительницы» России, помимо очень горького осадка от экзекуции, окончательно изгнавшей всякие сентиментальные воспоминания об освобождении»[1]), может выступить только ради одного объекта: Македонии. Попытка подкупить болгар турецкой Фракией ни к чему не привела, кроме конфузных объяснений с турками, до сведения которых эта попытка

---

[1]) На вопрос одного руссофила лидеру одной из болгарских партий, ратовавшему за вступление Болгарии в войну на стороне Германии: «А что же вы будете делать с могилами 200.000 русских, пожертвовавших свою жизнь за освобождение Болгарии?» последовал ответ: «Будем с. . . . ходить на них». См. «Архив Русской Революции», т. XVI, стр. 157.

сейчас же дошла [1]). «Македония занимает в умах и чувствах всех болгар совершенно исключительное место»,—телеграфировал русский посланник в Софии (26 окт. по ст. ст.). «С Фракией у болгар связаны слишком тяжелые воспоминания и, кроме того, они считают, что на эту территорию у них нет конкурентов; к Добрудже они относятся сравнительно холоднее, а Македония стала теперь для всех прямо неотступною мечтой»... «Болгары настолько дорожат Македонией, что я уверен, что если, с согласия и по почину Сербии, мы бы предложили открыто эту комбинацию, то ни одно правительство не устояло бы пред натиском общественного мнения. В виду остроты сербо-болгарских отношений, можно было бы позаботиться, чтобы две армии действовали в различных местностях и не были связаны общим командованием». Пикантность последней фразы читатель оценит и без нашего содействия. «Братья» - славяне на Балканах вели себя так, как и полагается братьям, делящим наследство (в данном случае турецкое). Сербы всеми десятью пальцами вцепились в «свое» и ни под каким видом не соглашались выпустить его из рук. Меньше недели спустя тому же Савинскому приходилось телеграфировать: «Французский посланник сообщил мне полученную им из Бордо телеграмму с известием, что г. Спалайкович с таким же преступным шовинизмом, как сербский посланник в Афинах — телеграмма Демидова № 298—объявляет о невозможности для Сербии никаких уступок и о том, что он предпочтет оставить всю Сербию австрийцам, чем уступить клочок Македонии болгарам. Эти, ослепленные своими мелочными побуждениями и счетами, люди не хотят видеть, что они играют в руку Австрии, которая не перестает работать здесь всеми силами в пользу выступления Болгарии в сторону Македонии. Работа эта скорее благодарная, и если бы она удалась, и если бы сербские квази-патриоты исполнили свои (пропуск), то план Австрии легко бы осуществился. Раздавив Сербию, она заняла бы Македонию, временно предложив ее Болгарии; она купила бы этой ценой эту последнюю, а сама прошла бы к Салоникам и Константинополю».

Попытка англичан, со свойственным им духом компромисса, найти среднее решение, купив Болгарию к у с к о м Македонии, ровно ни к чему привести не могла [2]). Австрийцы, которые готовы были усту-

---

[1]) 17/30 августа 1914 Гирс телеграфировал из Константинополя: «Считаю долгом предостеречь против каких бы то ни было обещаний Болгарии возможных награждений за счет Турции. Таковые могли бы только вселить сомнения в искренности наших к ней отношений, в то время, когда мы выступаем с обязательством уважать ее территориальную неприкосновенность. Джавид бей указывал французскому послу, что ему известно от турецкого посланника в Бухаресте, со слов Радева, будто бы мы предложили Болгарии, без ее содействия в нынешней войне, — возвращение ей турецких владений на север от линии Энос-Мидия. На вопрос же, кому будет принадлежать область на юг от сказанной линии, якобы получился ответ,—конечно, России. Такие, приписываемые нам, отзывы могут только быть использованы немцами, как подтверждение возводимых ими же на нас обвинений, и, озлобляя турок, толкать их на разрыв с нами. По моему глубокому убеждению, компенсации, которые мы можем предложить Болгарии, должны быть сначала установлены с ведома заинтересованных и основаны исключительно на нашем нравственном праве требовать их». Ср. его же телеграмму от 24 авг./6 сент.

[2]) Депеша того же Савинского от 28 окт./10 ноября 1914: «Г. Панафье и я совершенно не понимаем, на чем могут быть основаны предложения Айронсайда. На основании самого тщательного исследования общего положения вещей в данное время, мы пришли к твердому убеждению, что линия Энос-Мидия не представляет в настоящий момент в глазах Болгарии того, что побудило бы ее итти против Турции; что касается линии Вардара, то надо было

пить Болгарии любую часть сербской территории, какая будет занята болгарскими войсками, имели в руках беспроигрышную игру, и уже в декабре 1914 г. у Тарновского (австрийского посланника в Софии) и Радославова (болгарского премьера) происходили такие разговоры. «Я сказал ему»,—телеграфировал в Вену Тарновский (копия телеграммы была выкрадена русским посольством, почему и попала в наши архивы),— «что положение серьезно, что как правительству, так и королю очень хорошо известно, что только при посредстве Империи они могут получить Македонию, что единственно составило бы действительно ценное приобретение для Болгарии; что министр-председатель должен отдать себе отчет в действительном положении вещей. Мы и Германия желаем, чтобы Болгария приступила к действиям, и не хотим никакого промедления. Министр-председатель всегда отговаривается тем, что Болгария еще не готова к войне, он, однако, не говорит, что как только будет готова, то сейчас же выступит.

«Мой собеседник ответил на это, что Болгария хорошо знает, что занятие Македонии невозможно без военного выступления, поэтому они и готовятся к нему серьезно.

«Я спросил, не вызывается ли то обстоятельство, что Болгария еще не вполне готова, недостатком снаряжения,—мой собеседник ответил, что, по его мнению, это, именно, так и есть, но добавил, что военный министр надеется быть в полной боевой готовности к 15-му. «Тогда Болгария тотчас же приступит к военным действиям», — сказал я, и услышал в ответ, что этот вопрос будет разрешен правительством, сам же министр-председатель не может единолично определить срок. Я сказал, что это далеко не определенный ответ, собеседник же мой заметил, что он желает нашей победы и что, если бы он был убежден, что она зависит от болгарского выступления, то он тотчас же предпринял бы его; он убежден, однако, что положение от этого лишь ухудшится, так как Греция и Румыния тоже не останутся нейтральными. Между тем, если бы Болгария еще некоторое время сохранила спокойствие, а мы разбили бы Сербию, то ни Греция, ни Румыния тогда уже не стали бы на сторону Сербии, и здесь-то болгарское выступление могло бы оказать нам действительную помощь.

«Министр-председатель выразил надежду, что он все же получит от нас и от Германии письменное обещание, как он о том просит. Он обратился с тем же и к германскому посланнику».

Осторожная болгарская буржуазия требовала векселя—а пока его не было, дальше нейтралитета, явно дружественного центральным державам, не шла. Но и этот нейтралитет хитрые «предприемачи» [1]) хотели оплатить за счет Антанты. Болгарский премьер телеграфировал своему посланнику в Лондоне: «Так как положение вещей все еще не выяснилось, и результат неизвестен, прошу вас избегать вступать в переговоры. Воспользуйтесь авансами, которые вам делают, и продолжайте

бы совершенно не понимать действительности, чтобы предположить, что она могла бы удовлетворить Болгарию, прекрасно знающую, что сами сербы, при всей их неуступчивости, все же признают, что линия эта должна отойти к Болгарии даже без оказания ею действительной помощи союзникам». Панафье — французский посланник в Софии; Айронсайд— английский.

[1]) Предприниматели — болгарский термин для крупной буржуазии.

подчеркивать болгарский тезис строгого, но полезного для Тройственного (согласия) нейтралитета и требуйте за него Добруджу, Македонию с Каваллой и пр.»... «И поныне Болгария не желает ничего чужого, но за услуги, которые оказывает воюющим державам, соблюдая нейтралитет, она надеется вернуть утраченное и уверена, что Англия в границах справедливости отнесется с уважением к своим ноябрьским обещаниям и договору, столь энергично поддержанному ею в Лондоне. На эту тему вы можете говорить, когда представится случай подчеркнуть претензии Болгарии на компенсации за соблюдаемый ею нейтралитет».

Это было накануне вступления балканского вопроса в новую критическую зону, благодаря начавшемуся форсированию Дарданелл англо-французским флотом. Первая критическая зона, закончившаяся вступлением в войну Турции, прошла без участия Болгарии, к великому разочарованию русского правительства. На Болгарию, до появления русского десанта у берегов Босфора, по русским планам ложилась главная задача. Правда, вспоминая 1912 год, очень заботились о том, чтобы болгары не опередили русских [1]). Но вовсе без болгар оперировать в европейской Турции было почти невозможно — на что-то русский десант должен был опереться. И, глядя на болгарский «нейтралитет», Сазонов не без раскаяния, быть-может, вспоминал мудрый совет французов, которому он не последовал. Еще 11 августа, неделю спустя после начала войны, Извольский телеграфировал ему: «В разговоре со мною Думерг подтвердил соображения, высказанные господином Понсо советнику посольства, а именно, что Турция опасается, что мы воспользуемся обстоятельствами и возможною победою над Австрией и Германией, чтобы захватить Константинополь и проливы, и что было бы весьма желательно, чтобы мы успокоили ее на этот счет, например, предложивши ей гарантировать целость ее владений. По мнению Думерга, это не мешало бы нам при ликвидации войны разрешить согласно нашим видам вопрос о проливах».

Думерг не знал, что Турция в эти дни предлагала больше, чем простой нейтралитет — что Энвер-паша предоставлял в распоряжение России турецкую армию — либо против Болгарии, либо против Австрии, как Россия найдет нужным [2]). Этот эпизод, один из наиболее сенсационных начала войны, уже был освещен в литературе [3]) и здесь на нем мы не останавливаемся. Но если Сазонов так решительно отклонил тогда предложение Энвера, то именно в расчете на немедленное выступление Болгарии. То, что это выступление не состоялось, расстроило весь русский план и, прежде всего другого, отдало Дарданеллы в руки немцев.

---

[1]) Телеграмма Сазонова посланнику в Бухаресте, 3/16 дек. 1914: «С точки зрения выгод России, военное выступление Болгарии может быть наиболее полезным, если оно будет направлено против Турции. Оно будет, однако, своевременным только, когда русские войска высадятся на Балканском полуострове».

[2]) Секр. депеша посла в Константинополе, от 27 июля/9 августа.

[3]) См. брошюру пишущего эти строки «Царская Россия и война» и «Раздел Азиатской Турции» изд. Нар. Ком. Ин. Дел. Полностью документы впервые опубликовываются в настоящем сборнике.

Их приходилось теперь выбивать — и по мере того, как этот момент приближался, Болгария вновь приобретала интерес, но уже не столько для России, сколько для ее союзников. В начале новой зоны и стоит, поэтому, визит в Софию герцога Гиз, одного из потомков Луи Филиппа, посланного «всей орлеанской семьей» для увещания онемечившегося кузена (Фердинанд болгарский был сын принцессы Орлеанского дома). Это сочетание орлеанской династии и французской демократической республики, изгнавшей претендентов со своей территории, во всякое другое время доставило бы много веселых минут читателям социалистической и даже просто радикальной прессы; но я не помню, чтобы в те дни по этому поводу хотя бы слегка улыбнулся какой-нибудь не только что радикал, но хотя бы и социалист из официальной партии. Социалисты же не официальные, тож интернационалисты и пораженцы, располагали слишком малым количеством газетных столбцов, чтобы найти на них место герцогу Гиз. Германия не имела в своем распоряжении орлеанских принцев — она поступила проще, дав Болгарии заем в 150 миллионов франков. После этого царь Фердинанд заявил своему кузену, что «по зрелом обсуждении вопроса с компетентными лицами, он видит, что не может выступить против Турции» [1]).

После того, как неофициальные дипломаты потерпели поражение, выпустили на сцену официальных, которые сразу заговорили с упрямцами решительным тоном. 25 марта Маджаров (болгарский посланник в Петербурге) телеграфировал царю Фердинанду (а русский телеграф перехватил) нижеследующее:

«Французский посол Палеолог, которого я видел вчера вечером, просил меня сообщить лично вашему величеству следующие его слова:

«Ныне Болгарии представляется самый удобный момент для восстановления своего народного единства. Для форсирования Дарданелл потребуется самое большое 2 месяца, но, может-быть, это произойдет и ранее.

«Если Болгария объявит, что выступит с Тройственным Согласием и назначит для этого определенный срок, то я гарантирую ей границы по линии Мидия-Энос, исполнение договора 1912 г., Петербургского протокола, Каваллу и все финансовые облегчения. Тройственное Согласие готово также обеспечить Болгарию от возможного выступления Румынии и Греции.

«Для десанта в Турцию у нас достаточно войска: со стороны России — 100.000, Англии — 60.000 и Франции — 50.000. Численность войск может быть увеличена, если Болгария не пожелает вмешаться в войну.

«Я говорю вам об этом лишь как друг вашего царя и Болгарии, о которых храню самые лучшие воспоминания.

«Ваше вмешательство необходимо ныне же, ибо впоследствии оно будет излишним.

«История предопределила вам блестящую роль, и от вас самих зависит выполнить ее или нет.

---

[1]) Депеша Савинского от 8/21 февраля 1915.

«Хотя вопрос о будущем Константинополя еще не решен, но союз трех держав останется незыблемым и после войны. Это будет могущественный фактор, и всякий, кто будет ему противиться (пропуск) от безденежья.

«После падения Венизелоса король Константин пригласил нашего посланника и заявил ему, что ни он, ни его страна не выступят с противниками Тройственного Согласия, и что Греция будет держаться той же политики по отношению к Тройственному Согласию, как и при Венизелосе.

«Вот почему Болгария должна поспешить занять место, которое подобает ей, как самой жизнеспособной из балканских держав».

«В заключение Палеолог сказал: «Подобное сообщение, быть-может, сделает вам и Бьюкенен. В своем рапорте я донес вашему величеству, что и Сазонов сделал мне такое же заявление».

На минуту угроза подействовала: после этого в поведении Фердинанда стала «замечаться полная нерешительность» (Савинский, 1 апреля 1915), а Радославов был «смущен» (он же, 3 апреля), главным образом, тем, что македонские банды, не выдержав, сделали набег на обетованную македонскую территорию — юридически бывшую территорией Сербии. Но это же обстоятельство и выручило болгар. 14/27 апреля Сазонов должен был телеграфировать в Париж и в Лондон: «Сербский посланник сообщил мне от имени своего правительства, что оно решительно отказывается от даже обещанных им (!) земельных вознаграждений в пользу Болгарии, в виду враждебного ее поведения». После этого на превращение поведения Болгарии в дружественное приходилось оставить всякую надежду.

А, между тем, Болгария теперь была нужна уже не только Англии и Франции: артиллерийская фаланга Макензена уже начала действовать в Галиции, и русский фронт стал гнуться. 15/28 мая Сазонов телеграфировал в Рим (копии в Париж, Лондон и Софию): «Считаю весьма желательным, чтобы итальянскому посланнику в Софии было поручено поддержать заявление посланников Согласия болгарскому правительству, имеющее целью вовлечь Болгарию в военные действия против Турции. Державы обещают за это Болгарии: Македонию в границах договора 1912 г., Фракию до линии Энос-Мидия; они обязываются также приложить старания к получению Каваллы от Греции и готовы содействовать, сверх того, в переговорах, которые Болгария и Румыния пожелали бы вести по вопросу о Добрудже. Текст заявления уже сообщен трем посланникам. В случае получения вашими французским и великобританским сотоварищами таковых же указаний, благоволите высказаться по содержанию этой телеграммы с министром иностранных дел».

Если бы все это предложили Болгарии в сентябре 1914-го года, возможно, что она бы не устояла перед искушением. И на этот раз она довольно долго колебалась, и Радославов жаловался Савинскому «на трудность своего положения» (Савинский, 4 июня). Но фаланга Макензена неудержимо двигалась вперед, русские потеряли сначала Перемышль, потом Львов, и 28 июля Савинский телеграфировал: «За последнее время здесь замечается сильная перемена настроения, находящая себе выражение в политических разговорах и прессе, не

исключая официальных органов. Под влиянием военных событий и нашего молчания, которое усиленно толкуется и здесь, и болгарскими представителями в четырех союзных столицах, как указание, что на нас серьезно рассчитывать нельзя, на смену прежней альтернативы: нейтралитет или кооперация с нами, является другая альтернатива: кооперация с нами или косвенное выступление против нас путем захвата Македонии. Болгары видят, что оставаться нейтральными они дальше не могут, и окончание уборки урожая недель через шесть будет сигналом к принятию того или другого решения, так как они сознают, что им нужно думать о собственных интересах — политических и экономических, сопряженных с вывозом урожая. В данную минуту у болгар закрыты оба выхода — Дунай и Дедеагач, и все газеты и партии в один голос требуют прекращения этого экономического изолирования, особенно в виду обильного урожая в этом году. Военные меры для занятия Македонии уже приняты: три южные дивизии усилены составом, а на конец августа назначены на греко-сербской границе маневры».

Но тем временем и сербы сознали отчаянность своего положения — и непреклонный Пашич по собственной инициативе начал переговоры с Радославовым о Македонии (Савинский, 18 и 28 августа). Последний раз русская — на этот раз она была опять гораздо более русской, чем антантовской — чашка весов прыгнула кверху, и Сазонов телеграфировал Савинскому (21 августа): «Благоволите, воспользовавшись свободной минутой, заявить, совместно с вашими товарищами, Радославову, что, каковы бы ни были обстоятельства, державы принимают на себя ручательство в том, что Болгария получит по окончании войны Македонию по линию 1912 г., если она выступит против Турции в согласии с требованиями держав».

Но у Германии оказался свой принц, лучше французского, и 31 августа от Савинского шла телеграмма, разрушавшая последние надежды: «Из источников, близких к Радославову, узнаю, что герцогу Мекленбург-Шверинскому поручено убедить короля и правительство примкнуть к германо-австрийскому союзу, выступив против Сербии. Высказанные им Радославову доводы следующие: разгром России уже начался, со дня на день ожидается занятие Вильны с угрозою Петрограду, разрабатывается план движения на Киев и занятия смежных с Румынией областей с целью отделить последнюю от России, дабы таким путем заставить ее пойти в союз с Германией. Аргументация герцога, по тем же источникам, произвела, будто бы, на Радославова очень сильное впечатление».

Германскому принцу помогли сербы. Уже чувствуя на горле железную руку противника, они все еще судорожно цеплялись за «свое». Уже Макензен был на Дунае, а Пашич все еще торговался о Македонии и «не находил возможным уступить (даже!) бесспорную зону по собственной инициативе» (Савинский, 25 сентября). Пришедший в отчаяние Савинский умолял своего коллегу в Нише убедить сербов, чтобы они уступили Македонию . . . лично Николаю II. А тот уже переуступит ее болгарам. Но последние уже объявили всеобщую мобилизацию, и Радославов заявил (в тот же день) Савинскому, что «Македония должна быть болгарской и что Болгария сама добудет бесспорную и спорную зону, если этого

не хотят ей» дать. 27 сентября посланники четверного (с Италией) согласия уже обсуждали проект ультиматума Болгарии по поводу объявленной ею мобилизации — а 2 октября Савинский передал Радославову, что «представитель России, связанной с Болгарией неувядаемой памятью ее освобождения от турецкого ига, не может оставаться в стране, в которой готовится братоубийственное нападение на союзный славянский народ. Императорский посланник получил предписание покинуть Болгарию со всем составом миссии и консульств, если в 24-часовой срок болгарское правительство не порвет открыто с врагами славянства и России и не примет мер к немедленному удалению из армии офицеров государств, воюющих с державами Согласия». Болгарское правительство ответило «торжественным заявлением», заканчивавшимся словами: «Угрожая покинуть Болгарию, если в 24-часовой срок болгарское правительство не порвет открыто сношения с противной России группой воюющих держав, императорский посланник призывает Болгарию выйти из нынешнего ее нейтралитета, следствие которого в пользу союзников России бесспорно.—Нет сомнения, что, продолжая свою настоящую политику, Болгария совершенно не в силах воздействовать на отмену принятого императорским правительством решения. Ей остается с сокрушенным сердцем искренно пожалеть, что положенные до сих пор болгарским народом и правительством усилия к тесному единению с братской Россией рушатся ею не по ее почину и инициативе».

Это была война — и война именно с Россией. Помимо всего прочего, это било в лицо так тщательно создавшуюся иллюзию единого славянского фронта против немцев. Вот почему «Петроград», сказав «а», никак не хотел сказать «б», и Сазонов телеграфировал командиру черноморского флота: «Отзывая посланников, мы войны не объявляем. Военные действия, как-то: нападения на болгарские берега и суда, не должны начинаться нами. Это оттолкнуло бы от нас оппозицию страны. Разумеется, практически, если у болгарских территориальных вод будут встречены турецкие суда, то их следует топить, но ни под каким видом нельзя нам первым стрелять по болгарам. Нота послана пока лишь Россией, а не Согласием».

Как-никак, а надеяться оставалось теперь только на «единоверную» еще пока — славу богу! — но уже не «единокровную» Румынию.

Румыния была той страной, при помощи которой Россия Николая II экзекутировала в 1913 г. Болгарию, посягнувшую, в лице царя Фердинанда, на исстари уготовленную российским императорам византийскую корону. На память о своей почетной миссии 1913 года Румыния получила от России болгарскую Добруджу. Этим надеялись сразу и приструнить Болгарию и разорвать де-факто, ежели не де-юре, военную конвенцию, которая связывала румын с Тройственным союзом и срок которой истекал только в 1916 году. Для того, чтобы вящше приголубить Румынию, Николай ездил со специальным визитом к румынскому королю в Констанцу. Все это должно было обещать, что «враг свободы и цивилизации», немец, встретит в Румынии сразу же непримиримого противника, Антанта же — верного союзника, несмотря на германское происхождение румынской династии, носившей

с Вильгельмом II даже одну фамилию Гогенцоллернов. На Румынию, поэтому, с самого начала возлагались надежды почти столь же прочные, как на Болгарию. Известие, что Румыния «будто бы склонна или к абсолютному нейтралитету или даже к общим действиям с Австрией», вызвало, поэтому, тревогу в Париже, и Извольский спешил переслать Сазонову мнение Пуанкаре, «что следует, не теряя времени, произвести воздействие на Румынию, обещав ей Трансильванию». Совет был запоздалым: уже за два дня до этой телеграммы (1 августа) Сазонов еще 30 июля (стало-быть, до объявления войны, в самый день всеобщей русской мобилизации) телеграфировал посланнику в Бухаресте, Поклевскому: «Весьма доверительно. — Если считаете возможным приступить к более конкретному определению выгод, на которые может рассчитывать Румыния в случае участия в войне против Австрии, можете определенно заявить Братиано, что мы готовы поддержать присоединение к Румынии Трансильвании».

Но у «коварного» врага было средство воздействия и на Румынию — не менее действительное, чем на Болгарию, и, во всяком случае, более неприятное для России. 3 августа Поклевский доносил: «По имеющимся у меня достоверным сведениям, германская и австрийская дипломатия требует от Румынии объявления нам войны под угрозой, что ее нейтралитет будет сочтен за враждебное отношение к Тройственному союзу. Последний дает также Румынии гарантии относительно Болгарии, предлагает Бессарабию и долину Тимока и уверяет в отсутствии наших войск в Бессарабии. Одновременно распускают слухи о неминуемости победы Тройственного союза и о заранее решенной перекройке карты Европы, что производит во всех кругах общества угнетающее впечатление».

В то же время Болгария предлагала Румынии «признать навсегда обладание ею Добруджи, взамен предоставления Болгарии полной свободы действий в настоящем кризисе» (Поклевский, 5 августа).

В отличие от буриданова осла, Румыния была не между двумя, а между тремя вязанками сена. Осел помер с голоду, Румыния же решила сохранить нейтралитет. Братиано (румынский премьер) спрашивал Поклевского, сочтет ли Россия сохранение Румынией нейтралитета за проявление к ней (России) дружбы? Поклевский, во избежание худшего, должен был ответить утвердительно, за что Братиано поблагодарил.

Далее, конечно, Румыния начала торговать своим нейтралитетом — чем же она хуже Болгарии, в самом деле. Уже 1 сентября Поклевский телеграфировал: «Некоторые здешние государственные люди уже начинают высказывать опасение насчет того, что нейтралитет Румынии недостаточно нами оценивается, и что нам следовало бы дать на этот счет какие-либо определенные обещания. У этих лиц и в некоторых органах печати проскальзывала даже надежда, что Россия отдаст Румынии за ее нейтралитет часть Бессарабии». Братиано намекал, что уже несоблюдение конвенции, заключенной с Австрией (об этом, конечно, можно было говорить лишь намеками — конвенция была секретная), есть «государственное преступление», и соглашался беседовать о дружественном по отношению к Антанте нейтралитете лишь при условии, что об этих беседах не будет известно ни королю, ни кому-либо

в Румынии, ни даже французскому и английскому посланникам — последним, по крайней мере, до поры до времени.

Словом, румыны ломались и важничали нестерпимо, не поддаваясь при этом ни на какие самые заманчивые соблазны. Уже в течение первого месяца войны русские войска оккупировали часть Буковины, заселенной наполовину румынами, наполовину украинцами. Сазонов выступил с коварным предложением — уступить немедленно же румынский район оккупированной территории Румынии. Но ловушка была слишком проста — и Братиано, вновь поблагодарив (он был утонченно вежлив все время), предложение отклонил, резонно указав, что «немедленное его принятие равносильно объявлению Румынией войны Австрии» (Поклевский, 21 сентября). Сазонов очень сердился, что его так быстро и просто расшифровали, но ничего не добился, кроме дополнительной неприятности узнать, что румынскую Буковину обещала Румынии и Австрия. Поди тут, обскачи!

В конце концов пришлось заключить с румынами соглашение, обеспечивавшее им по окончании войны присоединение румынских областей Австро-Венгрии, при гарантии сохранения за ними нерумынской Добруджи — в обмен на один лишь «благожелательный нейтралитет» (Поклевский, 3 октября), при чем пришлось еще объяснять, что под «благожелательным» нейтралитетом следует разуметь закрытие транзита через Румынию для денег и боевых припасов из Германии в Турцию (еще не воевавшую, но уже определенно союзницу центральных держав). Насчет военных припасов Братиано обещал «категорически», а насчет золота сказал: посмотрим; мне еще нужно с министром финансов переговорить.

Соглашение с Румынией было тем, что по пословице, получают с лихой собаки; и не мудрено, что у Сазонова оно вызывало иногда пароксизмы истерики. 10 января 1915 года, например, он телеграфировал Поклевскому: «Я сказал сегодня Диаманди, что поведение румынского правительства представляется весьма загадочным. Все надежды румын на осуществление национального идеала в Трансильвании основаны исключительно на нашей войне с Австрией. Между тем, с одной стороны, и в печати и даже в румынских военных кругах идет непрестанно речь о приготовлениях к выступлению против Австрии; с другой же стороны, до меня доходят заверения, что Румыния не решится объявить войну, и что она вступает в какую-то лигу нейтральных государств, направленную против господства славянства на Балканах. Заключенное с Румынией соглашение обязывает Братиано быть с нами откровеннее, и мне было бы весьма ценно получить от него определенные объяснения касательно ближайших его намерений» [1]).

Дело окончательно портилось, когда выяснилось, что Румыния отнюдь не согласна ограничить «осуществление своего национального идеала» полунемецкой Трансильванией и намерена распространить его на полуукраинскую Бессарабию — при чем последнее встречает явное сочувствие союзников Николая II в борьбе «за свободу и цивилизацию». 23 апреля 1915 г. французский посланник в Бухаресте, Блон-

---

[1]) Диаманди — румынский посланник в Петрограде.

дель, телеграфировал Делькассе: «Если Россия, аппетиты которой увеличиваются, так как она считает свою победу довольно близкой, останется непреклонной и не поймет, что для того, чтобы изгладить воспоминания 1878 г. и побудить Румынию к выступлению на стороне Тройственного Согласия, что могло бы повлечь за собой всеобщее охлаждение всех нейтральных стран к Германии и Австрии, ей надлежало бы проявить больше миролюбия, — она совершит ошибку, которая будет важнее совершенной ею в сентябре прошлого года».

Известие о том, что Палеологу предписано поддерживать румынские национальные притязания во всем их объеме, вызвало уже совершенно яростную реплику русского министерства иностранных дел. Заменявший Сазонова Нератов телеграфировал в Париж: «С своей стороны, прошу вас сказать Делькассе, что, если, отступая от этнографического начала, Румыния будет настаивать на приобретении почти всей Буковины в ущерб русским интересам и всего Баната за счет сербов, то соглашение на такой почве может встретить непреодолимые затруднения. Поэтому я надеюсь, что союзные правительства не только не поддержат Румынии в указанном направлении, но дадут понять в Бухаресте, что, если там действительно желают договориться с нами, необходимо умерить свои ничем неоправданные вожделения».

Министерству иностранных дел вторили военные сферы. Николай «большой», великий князь, главнокомандующий, писал Нератову: «Не имея известий из министерства иностранных дел о том, что привез Диаманди, я, основываясь на частных сведениях, которые гласят о каких-то чрезмерных требованиях Румынии и ее кичливом тоне, считаю нужным высказать министру иностранных дел свой взгляд с военной точки зрения. Выступление Италии дает нам такой существенный плюс, что выступление Румынии получает второстепенное значение. Вследствие этого я считаю, что надо ей дать понять, что ее выступление может быть допущено, но что, очевидно, ее вожделения чрезмерны и совершенно неприемлемы».

В то же время румыны, приободренные сочувствием Франции — а позже, как мы увидим, и Англии — разговаривали самым ультимативным тоном. «Братиано сегодня заявил здешнему французскому посланнику, что если мы не согласимся дать Румынии линию Прута и Тиссы до Сегедина, то Румыния не примет участия в войне, и никакая сила в мире не заставит Братиано согласиться на активное выступление его отечества. Он прибавил, что, в случае принятия румынских требований, он готов обещать выступить около 15 мая старого стиля»... «Братиано никаких признаков уступчивости не проявляет и третьего дня вновь повторил французскому посланнику, что Румыния не выступит, если ей не будут гарантированы просимые ею границы» (Поклевский, 4 и 13 мая), вызывая гневные реплики Сазонова, что о принятии румынских условий и «речи быть не может» (секретная депеша Поклевскому, от 5 мая), со ссылкой на то, что «с военной точки зрения верховный главнокомандующий уже не придает теперь румынскому выступлению прежнего значения».

Увы! Макензен и тут вел дело к переоценке всех ценностей. Уже 14 мая Сазонову приходилось признаваться, что «военное сотрудничество Румынии было бы несомненно встречено у нас с удоволь-

ствием», а 19 мая он вынужден был телеграфировать Извольскому: «Указывая на особенное значение выступления Румынии при сложившейся ныне обстановке в Галиции и на Карпатах, Палеолог просил меня принять подсказанное Делькассе примирительное решение, согласно которому Румыния получила бы Буковину по Серет и северо-восточную часть Торонтальского округа в Банате. Чтобы снять с себя перед союзниками всякую ответственность за возможный неуспех переговоров с Румынией, я согласился на это предложение на указанных в моей телеграмме Поклевскому условиях. Было бы желательно, однако, чтобы французы облегчили наше положение в Галиции усилением начатого ими наступления на их восточной границе».

Но Макензен, естественным образом, сделал и румын более осторожными, и 12 июня Братиано уже заявлял Поклевскому, «что он не может точно определить срок для объявления войны Австро-Венгрии, не посоветовавшись предварительно со здешними военными, и что, если ему и удастся определить такой срок, то он по необходимости должен быть максимальным в смысле отсрочки». Теперь уже и в штабе верховного главнокомандующего иначе относились к «чрезмерным требованиям» и «кичливому тону» Румынии. 20 июня Янушкевич (нач. главного штаба) телеграфировал: «Принимая во внимание настоящую военную обстановку, не могущую измениться к лучшему в близком будущем, считаю очень важным не отклонять предложений Братиано. Действительное военное выступление Румынии было бы, конечно, наиболее ценным сейчас же, но, так как это недостижимо, то можно, с военной точки зрения, примириться и с ее выступлением через пять недель, ибо самый благоприятный момент для ее кооперации уже прошел. Теперь же самое важное не упускать момента для закрепления Румынии в нашем лагере, так как переход ее в лагерь противника, в случае возможного нашего отступления из Галиции, несомненен. Для достижения этого, по моему убеждению, мы можем принять все политические условия, поставленные Братиано». А через три дня Братиано уже выражал «глубокую радость по поводу предоставления Румынии Буковины по Прут с городом Черновцами» (Поклевский, 23 июня), т.-е. того именно, о чем 5 мая «и речи быть не могло».

Но дальше «глубокой радости» Братиано дело пока не шло, и румынской армии в поле, и даже близ поля битвы не замечалось. В Париже начинали от этого приходить в глубокое отчаяние и винили Россию. Тут нельзя не привести целиком интереснейшей и независимо от румынского вопроса телеграммы Извольского от 29 июня: «Хотя в разговоре со мной Делькассе тщательно воздерживался от какой бы то ни было критики по нашему адресу или попытки повлиять на наше решение, я не мог не заметить, что затяжка наших переговоров с Румынией возбуждает в нем крайнее беспокойство. Оборот, принятый военными событиями как в Галиции, так и на здешнем театре, вызывает здесь весьма нервное настроение. Начавшееся больше месяца тому назад наступательное движение французской армии, несмотря на упорный характер борьбы и на громадные потери, до сих пор увенчалось лишь частичными успехами, и здесь начинают сомневаться в возможности, путем фронтальной атаки, пробить германские линии и отбросить неприятеля за пределы Франции. Возникает опасение вто-

рой зимней кампании в траншеях, или переброски сюда с восточного фронта крупных германских сил и массового наступления на Кале или на Париж. Спасения здесь продолжают ожидать от флангового движения Италии и Румынии, выступлению коих поэтому придается чрезвычайное значение. В правительственных кругах до сих пор не проявляется малодушия или усталости, но в общественном настроении уже наблюдаются некоторые тревожные симптомы, с которыми необходимо считаться. Вторая зимняя кампания в траншеях или неприятельское вторжение могут вызвать здесь припадок отчаяния и внутренние волнения. Хотя Делькассе и его товарищи открыто этого не высказывают, для меня ясно, что они разделяют мнение парламентских кругов, что при нынешних обстоятельствах военные соображения должны иметь решительное значение, и что поэтому содействие Румынии должно быть куплено какой бы то ни было ценой».

Сазонов мог ответить на это только воплем, что «для привлечения Румынии Россия решила согласиться на все требования румын в Буковине» — чего же еще от нее требуют... — и готов был ухватиться за полу даже итальянцев, о которых два месяца назад он говорил с полным пренебрежением: они почему-то должны были дать свое согласие на уступку Румынии сербского Баната. Но Братиано был не так прост, чтобы лезть под пушки Макензена даже и из за Баната. И вся трагикомедия этого периода заканчивается телеграммой Сазонова «всем, всем, всем» (послам в Париже, Лондоне, Риме, посланнику в Бухаресте) от 14 июля: «Так как становится все яснее, что при нынешних обстоятельствах Румыния ни за какие уступки не согласится выступить против Австро-Венгрии в определенный срок, считаю предпочтительным, прежде чем сделать в Бухаресте предположенное заявление о согласии держав на уступку Баната, дружественно запросить Братиано, готов ли он, вообще, установить срок выступления Румынии, если все до сих пор выставленные им требования будут удовлетворены державами».

Такой исход дела вызвал у союзников взрыв негодования против России. Относящуюся сюда телеграмму Извольского опять нужно привести целиком, ибо она великолепно освещает всю подкладку ситуации. «Не могу скрыть от вас, что возбуждение против России, вследствие сомнения в нашей готовности участвовать в военных действиях на Балканах, с каждым днем усиливается в здешних парламентских, газетных и даже правительственных кругах. С одной стороны, нас выставляют главными виновниками создавшегося на Балканах положения, вызванного, будто бы, нашей несговорчивостью по отношению к Румынии и систематическим пристрастием к Болгарии. С другой — указывают, что отсутствие наших войск не только нанесло бы удар союзному престижу и историческому положению России среди балканских народов, но поставило бы и Францию и Англию в самое невыгодное и опасное положение, внушив против них сказанным народам сомнение в единении союзников. Открывающемуся на Балканах новому фазису великой войны здесь придают громадное значение и считают, что открытие австро-германцами пути в Константинополь, помимо того, что оно прекратит доступ к России, даст Австрии и Германии возможность получать в неограниченном количестве из Малой Азии

продукты и людей. Поэтому общественное мнение громко требует, чтобы этому новому напору были противопоставлены соединенные усилия всех четырех союзных держав; в противном случае возникает вопрос, может ли Франция, без уверенности быть поддержанной на Балканах, рисковать ослабить свои силы на главном своем фронте. Указывают на то, что Россия должна получить после войны за счет Турции наибольшие выгоды, и что, если она не будет участвовать в общем (пропуск), Франция и Англия должны будут пересмотреть свои решения касательно Константинополя и проливов. Статья в этом смысле появилась в столь серьезном органе, как «Журнал де деба». Сегодня некоторые влиятельные газеты опять высказывают, что, ради спасения положения и привлечения Румынии, Россия должна пожертвовать частью Бессарабии. Все это создает здесь крайне для нас неблагоприятную атмосферу и может серьезно отразиться на наших отношениях с Францией. Между прочим, на этой почве происходит ожесточенная кампания против Делькассе и Палеолога, могущая кончиться их увольнением» (секретная телеграмма посла в Париже, 12 октября 1915 г.).

Использовав болгарский заслон, Россия желала остаться с глазу на глаз с Турцией, но союзники отнюдь не желали такого tête-à-tête. Для того, чтобы предъявить России при заключении мира условия насчет «проливов», им нужно было вовлечь в борьбу одну из держав, имеющих, наравне с Россией, в этих «проливах» интересы: такой державой и была Румыния. Что вовлечение последней в войну, при постановке вопроса о Бессарабии, с точки зрения реальных интересов русской политики, было невыгодно — а при незначительности военной поддержки, которую могла оказать Румыния, игра не стоила свеч: это Антанту трогало всего меньше. В телеграмме Извольского ключ к действительному смыслу мартовского соглашения о Константинополе — Царьград давали Николаю не ради его прекрасных глаз, а за реальную поддержку французского и английского империализма против германского; а ежели ты этой поддержки оказать не можешь, сам нуждаешься в поддержке, не только не дадут тебе проливов, но ты давай Бессарабию. Весь безграничный цинизм империалистских нравов только в одном месте еще нашел себе столь же яркое выражение, как в этой телеграмме Извольского: в знаменитой фразе Ллойд-Джорджа, что он будет держаться «до последнего русского солдата».

Но на Румынию уже не действовали ни французская истерика, ни вполне реальные взятки англичан, покупавших у Румынии пшеницу, которой они не могли вывезти, лишь бы она не продала ее Германии, и передавших Румынии к началу 1916 г. 12 миллионов фунтов стерлингов. Все это нисколько не помешало румынам сохранять нейтралитет и заключить торговое соглашение также и с Германией. Поклевский был совершенно прав, когда он связывал выступление Румынии (в своем письме Сазонову от 2/15 ноября 1915) с «пополнением сил, вооружения и боевых припасов» в русской армии, и с «тем моментом, когда последняя окажется вновь в состоянии перейти в наступление».

Удачное наступление Брусилова весною 1916 года, у самых границ Румынии, и растопило окончательно румынский лед. Правда, теперь со стратегической точки зрения румыны опять были не очень

нужны; как и до мая 1915 г., новый начальник штаба, Алексеев, находил всякие придирки к проекту военной конвенции с Румынией (депеша Базили, из ставки, 28 июля), и Извольскому снова пришлось еще раз вернуться к своей роли толкача. 1 августа 1915 г. он телеграфировал Сазонову: «Я мог удостовериться, что французское правительство крайне обеспокоено оборотом переговоров в Бухаресте и считает, что мы проявляем излишнюю неуступчивость по указанным в моей телеграмме № 545 двум пунктам, которым не придают здесь большого практического значения. Здесь убеждены, что выступление Румынии сократит войну на несколько месяцев, и окончательный неуспех сказанных переговоров произведет крайне тяжелое впечатление на французское общественное мнение, которое не преминет возложить ответственность за него на нас». Но на этот раз сама Румыния считала момент максимально благоприятным: теперь или никогда. И наша серия документов кончается следующей телеграммой от 15/28 августа из ставки: «Начальник штаба Одесского военного округа телеграфирует от сего числа: По сведениям пограничной стражи, в 10 часов 30 минут 15 августа в Румынии объявлена общая мобилизация».

О Бессарабии на этот раз речи не поднималось...

Если Болгария — в виду ее крайней слабости после кровопускания 1913 г. — представлялась правительству Николая II самым желательным союзником на Балканах, Румыния, в силу ее бессарабских аспираций, уже гораздо менее желательным—а в силу ее удаленности от Босфора менее нужной—то Италия, в проливах усиливавшая фронт «морских держав», а на Адриатике выступавшая весьма неприятным конкурентом Сербии, шла в числе союзников третьим сортом. Ее выступлению, до разгрома русской армии в Галиции, приписывалось чисто «нравственное» значение (депеша Сазонова, 4 апреля). Только разгром Николая Николаевича Романова в Галиции заставил на минуту считаться и с итальянцами как с реальной силой, но как скоро их реальность оказалась слабоватой, вернулись к прежнему отношению. С точки зрения империалистского «быта» итальянские документы принадлежат, пожалуй, к самым красочным. Началось, конечно, с самого наглого запроса. 11-го сентября Поклевский телеграфировал из Бухареста: «С самого начала войны здешний итальянский посланник высказывал в разговорах со мной сожаление о том, что Франция не делает Италии достаточно заманчивых предложений, дабы добиться ее вооруженного содействия. Он вместе с тем опасался, что военные успехи Германии могут сделать в будущем заключение подобного соглашения затруднительным. В настоящую минуту Фашиотти следующим образом резюмирует точку зрения Италии. Он считает, что только возбуждение вопроса о завершении национального объединения Италии может побудить ее к вооруженному выступлению против Германии и Австрии, а, именно, что Франции следовало бы уступить и графство Ниццу по реке Вар, и остров Корсику, и Италии же должно быть обещано присоединение Адриатического побережья до Истрии включительно. При этом Корсика могла бы быть впоследствии обменена на часть Туниса, за исключением Бизерты. Итальянский посланник так же, как и я, считает более чем вероятным, что Румыния не замедлит вслед за Италией выступить активно на нашей стороне. Братиано просил его на-днях предупредить

румынское правительство хотя бы за 48 часов до того, как Италия решит объявить войну Германии и Австрии. Позволяю себе довести в вышеизложенном, в виду особого доверия, которое итальянское правительство всегда оказывало своему здешнему посланнику. Последний, повидимому, тоже желал, чтобы я передал вашему высокопревосходительству сообщенные им мне сведения, и лично просил, в случае дальнейших переговоров, никак не упоминать его имени».

Но поскольку первый шквал прошел, Антанта не повалилась, дело обошлось и без уступки Корсики и Туниса за дружеские услуги Италии, тон по отношению к ней очень поднялся, особенно со стороны России. Образчиком может служить циркуляр Сазонова от 9 марта. «В виду того, что английское и французское правительства придают, повидимому, значение сотрудничеству Италии, г. Сазонов не имеет намерения ставить этому какие-либо препятствия. Он полагает, однако, что преимущества, которые союзные державы могли бы предоставить Италии за это, должны были бы находиться в соответствии с тем, насколько они выиграют в военном и политическом отношении от выступления Италии. В этом смысле было бы полезно пересмотреть предложения, которые державы готовы были сделать Италии шесть месяцев тому назад. Для того, чтобы согласовать их с настоящим положением, г. Сазонов считает необходимым, чтобы инициатива переговоров с Италией по этому поводу была предоставлена ей самой, и полагает, что Италия могла бы быть допущена к совместным с державами действиям против Турции только при условии одновременного деятельного участия в войне против Австро-Венгрии».

Это «допущение» Италии к войне бесподобно, разумеется; но сама Италия в эту минуту готова была смотреть на себя не иначе. «Здешний итальянский посланник постоянно спрашивает меня, почему державы Тройственного Согласия не начинают переговоров с Италией. Мой коллега сказал мне сегодня, что его правительство начинает думать, что мы хотим исключить Италию от участия в разделе турецкого наследства», опять телеграфировал из Бухареста Поклевский. Но в Петербурге готовы были к жертвам ради Италии еще меньше, чем ради Румынии. Сазонов телеграфировал 25 марта в Лондон Бенкендорфу: «Грэй, вероятно, ознакомил вас с ходом своих переговоров с итальянским послом и с теми соображениями, которые он высказал в телеграмме Бьюкенену в пользу новых уступок с нашей стороны Италии. На мой взгляд, при всей желательности побудить последнюю к скорейшему выступлению против Австрии, наша уступчивость должна иметь известный предел. Мы уже согласились на весьма крупные приобретения Италии, едва ли соразмерные с ее боевым значением. Окончательное же принесение в жертву итальянским притязаниям Сербии и Черногории не может быть оправдано. При ведении нами переговоров с римским кабинетом не следует забывать, что для Италии не менее важно, чем для нас, достигнуть соглашения, ибо только этим путем она может рассчитывать получить, при сравнительно небольшом напряжении военной силы, крупные приобретения как за счет Австрии, так и в Турции. В Риме должны сознавать, что, при неудачном исходе лондонских переговоров, Италии придется отказаться не только от Триеста, Далмации и Адалии, но, вероятно, даже и от Трентино, так

как, если Германия и Австрия узнают, что соглашение с союзниками не состоялось, они едва ли сочтут нужным пойти на земельные уступки в пользу Италии для удержания ее от вмешательства в войну. Допустить же возможность перехода Италии на сторону австро-германцев при известном настроении итальянского народа и в виду явной, в таком случае, несбыточности мечтаний о господстве на Адриатике—представляется немыслимым. Сообщается в Париж. Сазонов. На подлиннике царская пометка: «Хорошо». Царское Село».

Николаю это понравилось.

Чтобы гордые покорители Перемышля удостоили своим вниманием несчастных итальянцев, нужен был нажим со стороны «дорогих союзников»: им, наоборот, Италия была очень нужна, по тем же, приблизительно, мотивам как и Румыния. «Уступая настойчивым просьбам Грея»,—телеграфировал Сазонов Бенкендорфу 31 марта 1915 г.,—«я согласился на новые, на этот раз последние (!) уступки Италии...». Но если Сазонов еще поддавался на просьбы Грея, то Николая пришлось уламывать самому Пуанкаре. «Дорогой и высокий друг»,—писал царю президент французской республики,—«Да будет мне дозволено вашим величеством высказать ему, сколь опасным мне представляется замедление в присоединении союзников к итальянскому меморандуму.

«Генерал Жоффр, так же как и его императорское высочество великий князь Николай Николаевич, желает, чтобы выступление Италии произошло возможно скорее, но единственный способ ускорить дело — это немедленно подписать соглашение. До тех пор, пока оно не будет подписано, можно опасаться, как бы переговоры не были неожиданно прерваны в силу каких-нибудь непредвиденных обстоятельств. Приняв же на себя обязательство подписанием соглашения, Италия, напротив, была бы уже вынуждена приступить к действиям, как только она получила бы материальную возможность это сделать, и мы постараемся подвинуть ее на это решение. Отсрочка, которую она просит, могла бы быть сокращена, поскольку она действительно будет нашим союзником, но тогда мы будем иметь уверенность и основания полагать, что она просит ее не для того, чтобы уклониться от действий, что ей действительно необходимо сделать некоторые предварительные приготовления, и что, отказывая ей в предоставлении небольшой отсрочки, мы рисковали бы тем, что она осталась бы в нейтралитете. Пусть лучше она присоединится позднее, чем не присоединится никогда».

Самым комичным пассажем из всего является телеграмма Сазонова в ставку 6 апреля: «По всеподданнейшем докладе моем государю императору соображений вашего императорского высочества в связи с общим положением, его императорскому величеству благоугодно было повелеть мне уведомить великобританское правительство о согласии нашем на предложение Делькассе уступить Италии спорные острова, продолжая настаивать на присуждении Сабиончелло Сербии. В случае же, если не удастся достигнуть соглашения на этой почве, государь император соизволил уполномочить меня сделать еще крайнюю уступку, согласившись на отдачу и Сабиончелло Италии под условием его нейтрализации и обязательства Италии выступить против Австрии не позже конца апреля нового стиля».

Были ли уже в столь великодушно «уступленном» Сабончелло земские начальники? История умалчивает...

У переговоров с Италией была, конечно, большая и серьезная сторона — дележка Турции. Но так как эта тема, хронологически, выводит за пределы нашего сборника, то ее я здесь не касаюсь.

М. Покровский.

РОССИЯ и ТУРЦИЯ

1914 г.

1.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

12 (25) июля 1914 г., № 558.

Из доверительных объяснений с великим визирем я вынес впечатление, что Порта будет придерживаться выжидательной политики в австро-сербском конфликте, с твердой решимостью воспользоваться каждым обстоятельством, могущим послужить интересам Турции.

Гирс.

2.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

13 (26) июля 1914 г., № 561.

Получил вашу телеграмму № 1496 [1]).

В Турции несомненно радуются унижению Сербии, как бывшего противника, но пока придерживаются выжидательной политики, имея однако твердое намерение воспользоваться первым благоприятным случаем в том или другом направлении, могущим оказать пользу турецким интересам. До сих пор ни я, ни французский посол не замечаем признаков желания Порты выступить ныне же, хотя весьма вероятно, что мой австро-венгерский сотоварищ будет более чем когда-либо стремиться теперь же увлечь Турцию в орбиту влияния Тройственного Союза. Буду тщательно следить за означенным вопросом.

Гирс.

3.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

14 (27) июля 1914 г., № 566.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 561.

Великий визирь и Талаат заявили мне сегодня, что Турция намерена держать себя совершенно в стороне от австро-сербского конфликта

---

[1]) Телеграммой от 12 июля 14 г. № 1496 Сазонов предлагает Гирсу проверить слух о происходящих между Австрией и Турцией переговорах по поводу вступления последней в войну. (См. «Красный Архив» № 4, стр. 47.)

и выжидать обстоятельств. Великий визирь доверительно прибавил, что, по полученным им сведениям, он склонен думать, что Болгария не двинется теперь, но что турецкий поверенный в делах в Берлине доносит ему о крайне воинственном настроении Германии, где военная партия ныне преобладает.

Гирс.

4.

Письмо посла в Константинополе министру иностранных дел.

14 (27) июля 1914 г.

Весьма доверительно.

Милостивый Государь

Сергей Дмитриевич.

Предпринятый ныне Австро-Венгрией крайне серьезный шаг, выразившийся в предъявлении ею Сербии ультиматума, побуждает меня коснуться того значения, которое шаг этот будет иметь на Балканском полуострове вообще и, в частности, в сфере моей деятельности — в Турции.

Прежде всего я не могу не отметить постепенного, за последние два года, падения престижа Австро-Венгрии в Оттоманской империи. Присоединение ею Боснии и Герцеговины и последовавшее затем вынужденное согласие на таковое со стороны Сербии и Черногории, составившие последний крупный успех австрийской политики на Балканском полуострове, за истекшие два года совершенно изгладились из памяти впечатлительных турецких политических и общественных кругов. События Балканской войны, поражение Турции славянскими государствами и усиление последних за ее счет привели к усилению и торжеству идеи славянства в ущерб интересам Австро-Венгрии, а следовательно, к усилению престижа Тройственного Согласия в ущерб Тройственного Союза и к нарушению таким образом существовавшего ранее политического равновесия, что с горечью сознавалось здешними представителями союза.

Не будучи в состоянии примириться с создавшимся за последнее время и столь невыгодным для нее положением, Австрия, а за нею, быть-может и главным образом, Германия естественно старались найти выход из него и неминуемо должны были воспользоваться первым представившимся удобным случаем, чтобы вернуть себе свое прежнее положение и престиж на Ближнем Востоке и восстановить равновесие в пользу Тройственного Союза. Таким удобным случаем и явилось убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда.

Из разговоров с моими коллегами и, особенно, с склонным к откровенности моим германским сотоварищем я вынес убеждение, что и они смотрят на решительный шаг Австрии, предпринятый, несомненно, с ведома и согласия Германии, как на средство восстановления ею своего прежнего положения на Балканском полуострове и возвращения прежнего преобладающего значения в Турции Тройственному Союзу, значения, нарушенного по их понятиям торжеством панславизма, на

который они довольно откровенно указывают, над идеей пангерманизма, о которой они предпочитают пока умалчивать.

Предъявленный Австро-Венгрией Сербии ультиматум, столь необычный в истории международных сношений и проводящий столь опасный принцип допустимости порабощения великими державами более мелких государств, должен был, в случае его принятия Сербией, поставить последнюю в вассальное положение по отношению к Австро-Венгрии. Ответ Сербии был признан неудовлетворительным. Австрийский посланник покинул Белград, дипломатические сношения между двумя государствами прерваны, и, повидимому, с минуты на минуту следует ожидать начала военных действий.

Не может быть сомнения в том, что, будучи предоставлена самой себе, Сербия в конце концов будет раздавлена своею могущественной соседкою.

Такое блестящее достижение Австро-Венгрией поставленной ею себе цели, торжество ее, а, следовательно, и торжество поддерживающего ее Тройственного Союза будет иметь своим неизбежным конечным результатом полное нарушение политического равновесия на Балканском полуострове в пользу последнего и, при отмеченной мною уже впечатлительности турок, окончательное привлечение их к Тройственному Союзу и создание из них наших врагов.

Я считаю своим долгом обратить внимание вашего высокопревосходительства на то, что успешное завершение предпринятого Австро-Венгрией шага будет иметь также результатом полное разрушение нашего престижа и добытого путем стольких жертв и усилий положения на Ближнем Востоке, самым пагубным образом отразится на всех наших экономических интересах и сведет на-нет все достигнутые за последние годы результаты. Создается такое невыносимое для нас положение, что недалеко быть-может то время, когда мы сами, чтобы найти из него выход, будем вынуждены принять на себя инициативу войны.

В предвидении этого, по крайнему моему убеждению, мы должны быть готовы ко всяким случайностям. Я позволю себе поэтому еще раз вернуться к уже неоднократно возбуждавшемуся мною вопросу, именно, к настоятельной и безусловной необходимости возможно более быстрого и значительного усиления нашего черноморского флота и приведения в полную боевую готовность наших сухопутных сил, чтобы могущая легко наступить минута нашего активного выступления не застала нас врасплох и не приготовленными к нему.

М. Гирс.

5.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

20 июля (2 августа) 1914 г., № 611.

Копии в Бухарест и Софию.

В виду распространившегося вечером слуха о полной мобилизации в Турции, я сегодня же посетил в его частном конаке великого визиря и запросил его о ее цели. Он доверительно заявил мне, что мобили-

зация действительно объявлена, что он точно не знает, каких именно призывов она касается, что завтра, при посещении мной Порты, он точнее определит мне эти призывы, и что Порта решилась собрать во Фракии и на Босфоре армию в 200.000 человек, опасаясь движения Болгарии. Он добавил, что никакого сосредоточения войск на кавказской границе не предполагается.

Гирс.

6.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

20 июля (2 августа) 1914 г., № 612.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 611.

Из дальнейших моих объяснений с великим визирем я заключаю, что Порта, сохраняя до поры до времени нейтралитет, все же хочет быть готова ко всяким случайностям, твердо решив воспользоваться или возможным изменением Бухарестского трактата [1]) в пользу Болгарии, или всяким другим обстоятельством, могущим принести какую-либо прибыль Турции. Нет сомнения, что, опасаясь нас и подозревая нас вследствие наветов наших доброжелателей в намерении захватить ныне же Босфор, она в душе желает успеха наших врагов. Это чувство сильно поддерживается офицерами немецкой миссии, повидимому, остающимися в Турции. Это элемент крайне нежелательный, так как он, несомненно, натравливает турок на нас, но Порта, полагаю, не решится удалить его до выяснения результатов нашей борьбы с Германией. По отзыву нашего военного агента, турецкая армия в настоящий момент в таком состоянии, что не представляет для нас пока опасности. При этих условиях, я полагал бы, что, принимая все меры предосторожности в наших пределах, нам не следовало бы при нынешних событиях входить с нею в какие-либо препирательства по поводу военных ее мероприятий, пока они не носят аггрессивного против нас характера. Я полагал бы, однако, крайне желательным, чтобы Англия или Франция не допустили прихода сюда дредноута «Оеман».

Гирс.

7.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

21 июля (3 августа) 1914 г., № 618.

Ссылаюсь на свой № 612.

По объяснениям, данным мне великим визирем и французскому послу Энвером, последний высказал будто бы офицерам германской

---

[1]) Бухарестским трактатом, подписанным 25 июня (8 августа) 13 г., закончилась Балканская война. Согласно трактата Румыния получила сев.-восточную Болгарию по линии Туртукай — Балчик, Сербия — всю территорию между Вардаром и Струмой, исключая округ Струмицы, Греция — Серес, Драму и Кавалу.

миссии готовность отпустить их, если они того пожелают, но Лиман [1]) ответил, что Берлин приказал им остаться в Турции. Не подлежит сомнению, что распоряжение Берлина сделано с расчетом использовать тем или другим путем *(пропуск)* Турции и вызвать недоразумение между нею и нами. Я убежден однако, что нам удалось бы добиться удаления миссии лишь в случае нашего военного успеха над Германией, тем более, что Энвер, несмотря на свои уверения, все же дорожит присутствием немецких офицеров из недоверия к нам. Он категорически отрицает основательность ходящего здесь слуха о назначении Лимана начальником штаба турецкой армии.

Гирс.

8.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

22 июля (4 августа) 1914 г., № 621.

Великий визирь уведомил меня, что совет министров решил вчера поддерживать строжайший нейтралитет и с этой целью, между прочим, дать приказ поставить минное заграждение в Босфоре и Дарданеллах с оставлением прохода для коммерческих судов под проводкою лоцманов, чтобы сегодня в десять часов утра мины были поставлены. В виду того, что Германия всячески старается возбуждать Турцию против России, убеждая ее намерением нашим сейчас захватить Босфор и распуская здесь слухи о нахождении вблизи Босфора черноморского нашего флота, желательно, чтобы с нашей стороны не было бы дано поводов, могущих быть понятыми Турцией, как подтверждение распускаемых здесь Германией вышеизложенных слухов, иначе под впечатлением внезапного испуга турки будут в состоянии совсем закрыть проливы и решиться на безрассудные против нас действия.

Копия Эбергардту.

Гирс.

9.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

23 июля (5 августа) 1914 г., № 628.

По моему поручению, генерал Леонтьев посетил сегодня Энвер-пашу, который заявил ему, что мобилизация отнюдь не направлена против России, что, если это будет отвечать интересам России и может успокоить ее со стороны кавказской границы, то она согласна взять оттуда часть войск из 9 и 11 корпусов. Далее он заявил, что Турция сейчас ни с кем не связана и будет действовать сообразно с своими интересами. Если бы Россия пожелала обратить внимание на турецкую армию и использовать ее для своих целей, то он и такую комбинацию не считает невозможной. Эта армия могла бы быть использо-

[1]) О миссии генерала Лиман фон-Сандерса см. «Материалы по истории русско-французских отношений». Изд. Н.К.И.Д., стр. 631 — 694.

вана Россией, как для нейтрализации армии того или иного балканского государства, которое намеревалось бы выступить против России, так и для содействия армиям балканских государств против Австрии, если бы России удалось примирить балканские государства между собой и с Турцией на условии взаимных уступок. На вопрос генерала Леонтьева, какие именно могли бы быть эти уступки, Энвер ответил, что они могли бы выразиться для Турции в Эгейских островах и в области Западной Фракии, при чем Греция могла бы получить компенсацию в Эпире, Болгария в Македонии, Сербия в Боснии и Герцеговине. На ряд сомнений, выраженных генералом Леонтьевым, Энвер ответил утверждением, что он убежден в возможности такой комбинации с турецкой стороны. К ней с радостью примкнут и правительство, и турецкий народ, раз только будут знать, что она может принести реальные результаты.

Генерал Леонтьев просит передать копию этой телеграммы в военное министерство.

Гирс.

10.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

23 июля (5 августа) 1914 г., № 629.

В разговоре с Энвером генерал Леонтьев, по моему поручению, выразил ему удивление, что немецкие офицеры еще продолжают оставаться в армии. Энвер ответил, что он не удерживал немцев, но не имел прямых оснований просить их об отъезде, пока политическое положение не выяснилось. Было бы и не в интересах армии насильственно удалить этих офицеров в такой трудный момент, как мобилизация. Он лично не сомневается, что, оставляя их в Турции, германское правительство преследовало свои цели именно в смысле вовлечения Турции в свою орбиту, но что эти цели не будут достигнуты, так как Турция будет преследовать только свои собственные интересы. Если только состоится комбинация, о которой говорится в телеграмме № 628, то он в тот же день скажет немцам: «Теперь вы наши враги, и я прошу вас удалиться».

Прошу копию этой телеграммы послать в военное министерство.

Гирс.

11.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

23 июля (5 августа) 1914 г., № 630.

Генерал Леонтьев получил сведения из источника, внушающего ему полное доверие, что Турция зондировала почву для военного соглашения с Болгарией, при чем, якобы по мысли немцев, турецкая мобилизация должна устрашить Болгарию и побудить ее к военному единению

с Австрией в настоящий критический момент. Я поручил генералу Леонтьеву, как близкому к болгарским кругам, действовать в духе возможного противодействия этой опасной для нас комбинации.

Гирс.

12.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

23 июля (5 августа) 1914 г., № 631.

Ссылаюсь на №№ 628, 629, 630.

Сегодня же посетил меня болгарский посланник и, оговорив, что он высказывает лишь личное свое мнение, настойчиво доказывал мне, что наступил момент возвращения Болгарии в орбиту русского влияния и нравственного единения с балканскими государствами. На мой ответ, что я искренно сочувствовал бы всякому почину Болгарии на этом пути, и что она имеет полную возможность взять его, именно, в настоящий момент, подав руку *(пропуск)* Сербии, Тошев возразил, что, к сожалению, раздражение болгар против сербов еще настолько велико, что он сомневается в возможности немедленного выступления болгарской армии в союзе с сербской. Однако он будто бы убежден, что она и не поднимется против Сербии, и что Болгария вполне будто бы искренно будет придерживаться строжайшего нейтралитета в течение всего нынешнего кризиса. Она хотела бы при этом быть гарантированной от нападения со стороны Турции и видела бы такую гарантию во взаимном обязательстве Греции, Турции, Болгарии и Румынии — не принимать участия в настоящей войне. В таком обязательстве он видел бы зачаток балканского блока против Австрии. За сохранение нейтралитета балканские государства получили бы территориальные компенсации. При этом Тошев высказал по их поводу решительно те же предположения, которые в тот же день излагались Энвером-пашою нашему военному агенту. Это последнее обстоятельство несомненно доказывает, что между Турцией и Болгарией велись переговоры касательно общности действий в нынешнем кризисе, опираясь на Австрию и Германию. Болгарии пришлось отказаться от активного выступления под угрозой вмешательства Греции и Румынии. Присоединение же к нам Великобритании в борьбе с Германией несколько отрезвило и Турцию. Полагаю, что опасение немецкой неудачи и страстное желание все же получить какую-либо реальную пользу от нынешней войны — и побуждают Турцию, а может-быть и Болгарию, заигрывать ныне с нами. Нисколько не доверяя их искренности, я все же полагаю, что нам не следовало бы их отталкивать, так как этим мы бросили бы их в объятия наших противников. Сама же идея образования балканского блока, со включением в него Турции, может быть нам лишь полезной до того времени, пока обстоятельства не позволят нам самим стать твердой ногой на проливах. Поэтому позволяю себе высказать предположение о желательности вовлечь Порту в дальнейшие разговоры с нами на тему возможного между нами соглашения.

Гирс.

13.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

23 июля (5 августа) 1914 г., № 632.

Ссылаюсь на мой № 631.

В течение разговора, передаваемого мной в предыдущей телеграмме, Тошев довольно прозрачно намекал, что, по его сведениям, между Турцией и Германией состоялось будто бы уже соглашение об общности действий против нас, но Турция сохранила, будто бы, за собой право выступить, лишь когда обстоятельства ей позволят. Не отрицаю возможности такого соглашения, но оно не может быть применимо так скоро в виду неготовности турецкой армии. Оно приняло бы более опасное значение, если бы Болгария присоединилась к нему, так как оно вызвало бы тогда вмешательство на Балканском полуострове, что, несомненно, облегчило бы положение Австрии.

Гирс.

14.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

24 июля (6 августа) 1914 г., № 633.

Срочно. Телеграфирую Эбергардту.

В дополнение к моей телеграмме № 621 могу лишь вновь высказать мнение, что нам не следует играть в руку немцам, принимая меры, могущие напугать турок. Их сочувствие, конечно, не на нашей стороне, их намерения недостаточно выяснены для них самих. Эти намерения находятся в зависимости от дальнейшего развития событий на театре военных действий.

Гирс.

15.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Лондоне и Париже.

24 июля (6 августа) 1914 г., № 1703.

Сообщается в Константинополь.

Наше морское ведомство считает возможною попытку Австрии при сообщничестве Турции, поведение коей весьма двусмысленно, направить свой флот в Черное море, где он имел бы несомненное преобладание над нашим флотом, усилившись присоединением германских и быть-может турецких судов. Таким маневром достигнуты были бы как безопасность австрийского флота, так и вместе с тем возможность нанести нам чувствительный удар.

Вследствие этого представляется крайне желательным возможно скорее выяснить, на какое содействие Франции и Англии мы можем

рассчитывать для недопущения австрийского флота к производству указанной операции. К сему следует присовокупить, что наше положение затрудняется еще тем, что какие-либо предупредительные меры, принятые нами в непосредственной близости с Босфором, получили бы враждебный против Турции характер, что крайне желательно избежать, ибо это только побудило бы турок присоединиться к нашим противникам. Успех, который одержала бы Австрия против нас в Черном море, мог бы предопределить в неблагоприятную сторону положение Румынии, не принявшей еще решения. Кроме того, Турция стала бы хозяином на Черном море. Одновременно австрофильское течение в Болгарии могло бы одержать верх.

Содействие Франции и Англии в указанном вопросе способствовало бы обеспечению доставки из наших южных портов хлеба в оба эти государства. Прошу вас срочно сообщить отзыв правительства, при коем аккредитованы, на наш запрос.

Сазонов.

16.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Константинополе.

24 июля (6 августа) 1914 г., № 1705.

Считал бы желательным, чтобы генерал Леонтьев продолжал объяснения с Энвер-беем в благожелательном смысле, хотя бы для известного выигрыша времени, избегая каких-либо связывающих заявлений.

Сазонов.

17.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

25 июля (7 августа) 1914 г., № [1]).

Срочная. Ссылаюсь на мой № 632. Прошу срочных распоряжений.

По секретным сведениям генерала Леонтьева, турецкая армия начнет в ночь с 26 на 27 сосредоточиваться на севере и на западе Фракии. Это сосредоточение совершается под давлением Австрии и Германии *(пропуск)* принудить Болгарию вступить в соглашение с Австрией и обеспечить ей ее тыл. По некоторым признакам, Болгария поддается этому влиянию. Полагаю, что более, чем когда-либо, необходимо побудить Румынию противодействовать этому плану, хотя бы ценой жертв с нашей стороны, которые, несомненно, окупятся при успехе. Генерал Леонтьев просит передать это сведение военному министерству.

Гирс.

---

[1]) В оригинале номер пропущен; вероятно, следует читать: «636».

18.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

25 июля (7 августа) 1914 г., № 6317.

Срочно. Ссылаюсь на свой № 628.

Я видел сегодня великого визиря и в совершенно доверительной беседе высказал ему, что Энвер-паша в разговоре с генералом Леонтьевым повторил данные мне великим визирем заверения, что мобилизация турецкой армии не направлена против России, и что Турция готова взять с нашей границы часть 9 и 11 корпусов. Я запросил великого визиря, в курсе ли он этого разговора. Он ответил мне, что Энвер не сообщал ему его, но что данный министр человек цельный и искренний, что он, великий визирь, вполне сочувствует всему, что могло бы дать нам удовлетворение в вопросе о мобилизации, и готов поддержать всякое начинание на этом пути. Он надеется привлечь своих коллег к этому же убеждению. Факт, что Энвер не передавал великому визирю своего разговора с генералом Леонтьевым, указывает скорее на личную его искренность, тем более, что генерал Леонтьев довольно настойчиво высказывал ему, что личные объяснения великого визиря со мной по вопросам, затронутым Энвером, крайне желательны. Он является в совете министров самым убежденным сторонником активного выступления Турции. Моя беседа с великим визирем происходила до получения вашей телеграммы № 1705. Вполне разделяя ваше мнение, я вновь направлю генерала Леонтьева к Энверу. Ваша телеграмма № 1703 еще не получена мною.

Гирс.

19.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

26 июля (8 августа) 1914 г., № 648.

Срочная. Телеграфирую начальнику морских сил в Черном море:

Великий визирь категорически заявил мне сегодня:

1) что «Гебена» и «Бреслау» он чрез Дарданеллы никоим образом не пропустит;

2) что наши консула могут вновь пользоваться *(пропуск)* для телеграмм;

3) что он будет продолжать строго придерживаться нейтралитета.

Он просит меня телеграфировать об изложенном вашему высокопревосходительству. Тем не менее, считаю положение очень серьезным в виду крайней впечатлительности турок, сильного влияния военной партии, возбуждаемой немцами, и недостаточной авторитетности великого визиря. Буду держать вас и адмирала Эбергардта, насколько возможно, в курсе.

Гирс.

20.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

27 июля (9 августа) 1914 г., № 650.

Срочная. Прошу срочных распоряжений.

Согласно данному поручению телеграммой № 1705 генерал Леонтьев сегодня снова посетил Энвера. Военный министр заявил, что он стоит на прежней точке зрения, т.-е. за союз с Россией. Он не скрыл, что может встретить сильную оппозицию в правящих кругах, но надеется ее побороть, тем более, что армия в его руках. Вопреки существующему мнению, Турция еще не связана с Тройственным Союзом; он знает, что на правительство оказывается сильнейшее давление со стороны немецкого и австрийского послов. Последние дни начали формулировать свои предложения и болгары, но он убежден, что при конкретной постановке вопроса восторжествуют национальные оттоманские интересы. Военный министр ставит вопрос ясно и коротко: турки убирают с кавказской границы все, что у них есть, с целью дать русским полную гарантию своих добрых намерений и возвратить с Кавказа большую часть войск на западную границу. Вместе с тем они собирают в ближайший срок сильную армию во Фракии и ставят ее в наше распоряжение, с готовностью двинуть ее против любого из балканских государств, в том числе против Болгарии или совместно с ними против Австрии. В день, когда будет установлено соглашение, он обязуется удалить с турецкой службы всех немецких офицеров. В заключение Энвер-паша ставит условие: возвращение Турции западной Фракии и Эгейских островов и заключение с Россией оборонительного союза на срок от 5 до 10 лет, дабы Турция могла быть обеспечена от мести своих соседей на Балканском полуострове. Энвер-паша все время говорил в спокойном и доброжелательном тоне, с большой искренностью, совершенно правильно нарисовав генералу Леонтьеву картину общего политического положения с точки зрения турецких интересов. Вызванный Леонтьевым, он ответил, что он отлично понимает, что Турции и Болгарии придется считаться с ненавистью немцев, но, как он выразился, это обстоятельство не испугает, ибо, даже в случае победы немцев, им трудно будет причинить ей серьезный вред, так как у них нет общих границ, и он, по примеру войны в Ливии, знает, какое противодействие может быть организовано против морской экспедиции. Генерал Леонтьев вынес убеждение, что дело может быть сделано, если только решение будет принято немедленно. Вся сила теперь в руках Энвера, тем более, что он только что назначен главнокомандующим. Генерал Леонтьев, не имея времени шифровать, просит копию этой телеграммы передать в военное министерство.

Гирс.

21.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Константинополе.

27 июля (9 августа) 1914 г., № 1769.

Верховный главнокомандующий считает нежелательным обращение к турецкому правительству с просьбой об отводе части войск 9 и 11 корпусов от нашей границы.

С военной точки зрения Турция не составляет в настоящее время особой угрозы нашей кавказской границе, оттяжка от которой их сил создала бы, напротив, большую сосредоточенность оных. В политическом отношении подобная наша просьба могла бы быть истолкована, как признак нашей слабости.

Сазонов.

22.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

27 июля (9 августа) 1914 г., № 651.

5 ч. 50 мин. пополудни.

Я видел великого визиря, который теперь вполне в курсе объяснения Энвера с генералом Леонтьевым и, повидимому, сочувствует им, хотя официально стоит на почве сохранения полного нейтралитета Турцией, не соглашаясь, что присутствие германских офицеров нарушает этот нейтралитет. Наше свидание происходило до последней поездки генерала Леонтьева к Энверу, так что я мог сказать великому визирю, что буду ожидать этих объяснений, чтобы по их поводу выслушать и его отзыв.

Гирс.

23.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

27 июля (9 августа) 1914 г., № 652 [1]).

Срочная. Прошу срочных указаний.

Ссылаюсь на телеграмму № 650.

Почитаю долгом высказать, что нам надлежит немедленно принять предложение Энвера, не входя ни с кем в какие-либо предварительные объяснения, так как время не терпит. Если победа останется за нами, мы всегда сумеем вознаградить и Болгарию и Грецию. Между тем, наш отказ несомненно и бесповоротно бросит Турцию в объятия наших врагов. Если даже Энвер не вполне искренен, наше согласие выяснит положение, которое в настоящем обостренном фазисе не может не привести к кризису и разрыву.

Гирс.

---

[1]) Текст настоящей телеграммы в качестве цитаты приводится полностью в предисловии к сборнику документов «Раздел Азиатской Турции». Изд. НКИД, стр. 58.

24.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Константинополе.

28 июля (10 августа) 1914 г., № 1779 [1]).

Сообщается в Париж и Лондон.

Пока не получил ответа из Софии, имейте в виду необходимость в переговорах с Энвером выигрыша времени. Имейте в виду, что действий Турции непосредственно против нас мы не опасаемся.

Вместе с тем, сохраняя вполне дружественный характер объяснений с турками, постарайтесь им внушить, что в случае действий, не получивших нашей санкции, они рискуют всей Малой Азией, ибо нам они не в состоянии вредить, а в союзе с Францией и Англией мы можем подвергнуть риску все ее существование.

Сазонов.

25.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

28 июля (10 августа) 1914 г., № 653.

Прошу срочных распоряжений. Ссылаюсь на № 1769.

Чтобы не вышло недоразумения и чтобы из-за него не было задержки в заключении соглашения, столь важного в политическом отношении в смысле приобретения, может-быть, исключительного влияния на Балканском полуострове, почитаю долгом высказать, что вопрос об отводе 9 и 11 корпусов, выставленный самим Энвером в виде гарантии искренности Турции, сам по себе является побочным. Смею думать, что он мог бы быть решен, как, впрочем, и все остальные вопросы, касающиеся организации и действий турецкой армии, в полном соответствии с указаниями августейшего верховного главнокомандующего. Цель, к которой нам необходимо стремиться, заключается в совершенном устранении всегда враждебного нам господства Германии в Турции. К достижению этой цели представляется теперь крайне благоприятный случай. Если мы его выпустим, то бесповоротно бросим Турцию в объятия Германии, которая, даже ослабленная и побежденная, будет все же весьма враждебна нам на Ближнем Востоке. На сегодняшнем дипломатическом приеме великий визирь доверительно высказал мне, что он сочувствует стремлению Энвера сблизиться с нами и готов оказать свое полное содействие быстрому заключению соглашения. Я заметил ему, что лично вполне сочувствую соглашению России с Турцией, но что оценка способа для условий его достижения зависит исключительно от императорского правительства. Я глубоко убежден, что настал исторический момент, когда мы имеем возможность окон-

---

[1]) Телеграмма напечатана в фальсифицированном виде в официальном изд. М.И.Д. 1914 г. «Сборник дипломатических документов. Переговоры, предшествовавшие войне с Турциею», стр. 14, тел. № 16.

чательно подчинить себе Турцию и чрез нее парализовать готовящиеся выступить против нас враждебные нам силы на Балканском полуострове.

Гирс.

26.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

29 июля (11 августа) 1914 г., № 660.

Срочная. Прошу срочных указаний.

Великий визирь подтвердил сегодня послу заявление Энвера, что сразу ставит вопрос на реальную почву и дает возможность рассчитывать, что висящее в воздухе военное соглашение с Германией еще не подписано, вопреки общему здесь убеждению. Не подлежит, однако, сомнению, что это может случиться с минуты на минуту, ибо Энвер и все правительство находятся под постоянным давлением со стороны немцев, не останавливающихся ни перед какими обещаниями и способами воздействия, чтобы достигнуть цели. По моему глубокому убеждению, только наше немедленное решение может спасти положение и нанести Германии на Балканах непоправимый удар, и притом в самом чувствительном для нее месте, ибо даже одно изгнание немецких офицеров из турецкой армии совершенно разрушит ее престиж и выроет навсегда яму между Турцией и Германией. На-ряду с этим моральным эффектом надо учитывать и реальные военные выгоды, связанные с получением в свои руки 200.000-ой армии, собранной в тылу наших возможных противников. Но много вероятий, что под влиянием именно этой армии и нравственного удара, нанесенного германскому престижу, эти возможные противники переменят фронт и повернут в нашу сторону, что сразу поставит наших врагов и, в частности, Австрию, в крайне невыгодное стратегическое положение и позволит нам нанести ей сокрушительный удар. Посол просит добавить, что он полностью разделяет все положения, доложенные в настоящей телеграмме. В виду отказа телеграфа принимать от военных агентов срочные телеграммы— настоящая телеграмма передается срочно через министерство иностранных дел № 296. Леонтьев.

Гирс.

27.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Константинополе.

29 июля (11 августа) 1914 г., № 1810.

Сообщается в Париж и Лондон.

В случае, если Порта заявит, что «Гебен» и «Бреслау» куплены ею, благоволите, сговорившись с французским и английским послами, энергично протестовать против этого акта, как нарушающего нейтралитет Турции.

56-я ст. Лондонской морской декларации 1909 г., хотя не ратификованной, однако, применявшейся всеми державами во время последней войны и приобревшей характер обычного международного морского

права, признает переход под нейтральный флаг неприятельского торгового судна после открытия военных действий ничтожным. Тем с большим основанием положение это применимо к военным судам.

Покупка Турцией германского военного судна, находящегося в несомненной опасности в бассейне Средиземного моря, преследует явную помощь Германии, и соображения выгод Турции не имеют никакой юридической силы.

Сазонов.

28.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

29 июля (11 августа) 1914 г., № 669.

Брандт телеграфирует:

Принимая шифрованные телеграммы по Турции, телеграф отказал передать в Россию нижеследующую телеграмму. «Маевский доносит, что в пределах береговой полосы Пензалу все военнообязанные — с двадцати по сорокапятилетний возраст включительно — спешно направляются небольшими командами без офицеров, без оружия, в своей собственной одежде кратчайшими путями внутрь страны, на линию Испир-Байбурт-Эрзинджан. Следуют многими дорогами рассредоточенно эшелонами, дабы облегчить продовольствие и ночлег. Одновременно со всех береговых пунктов идет усиленная отправка внутрь страны лошадей и мулов и всех оставшихся здесь запасов, оружия и патронов. Двадцать шестого июля в Трапезонд прибыло со стороны Константинополя около двухсот офицеров и столько же призвано на службу из отставки в районах Трапезонда и Самсуна».

Убежден, что все это меры обороны, вызванные каким-нибудь давлением на Турцию.

Гирс.

29.

Секретная телеграмма посла в Париже.

29 июля (11 августа) 1914 г., № 264.

В разговоре со мною Думерг подтвердил соображения, высказанные господином Понсо советнику посольства, а именно, что Турция опасается, что мы воспользуемся обстоятельствами и возможною победою над Австрией и Германией, чтобы захватить Константинополь и проливы, и что было бы весьма желательно, чтобы мы успокоили ее на этот счет, например, предложивши ей гарантировать целость ее владений. По мнению Думерга, это не мешало бы нам при ликвидации войны разрешить согласно нашим видам вопрос о проливах.

Извольский.

30.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

30 июля (12 августа) 1914 г., № 674.

Прошу срочных указаний. Ссылаюсь на ваш № 1779.

Покупка «Гебена» и «Бреслау» изменяет положение здесь не в нашу пользу. С военной точки зрения думаю, что она все же усиливает значительно боевую готовность Турции, с политической — она, несомненно, имеет самые серьезные последствия, так как она сильно подняла дух турок и может придать им смелость прибегнуть к самым решительным выступлениям. Следуя вашим указаниям, буду стараться выиграть время, но должен высказать, что необходимо немедленно принять решение, если с нашей стороны допускается возможность общности действий с Турцией, так как завтра будет уже быть-может поздно. Я убежден, что соглашение с Турцией лишь облегчит нам возможность сговориться с Болгарией, тогда как, ожидая ответа болгар, в искренности коего мы все же должны сомневаться, мы рискуем выпустить и Турцию и Болгарию и иметь их обеих против нас.

Гирс.

31.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

31 июля (13 августа) 1914 г., № 684.

№ 1810 получил. Копии в Бухарест, Софию и Афины.

Немедленно по получении известия из Дарданелл о входе германских судов, мною был заявлен протест, поддержанный французским и английским представителями, касательно нарушения Турцией нейтралитета. При сегодняшних вторичных моих объяснениях великий визирь повторил мне, что покупка судов состоялась в самое последнее время по предложению Германии после захвата англичанами турецких дредноутов. Великий визирь утверждает, что теперь же происходит удаление всей германской команды и замена ее турецкой. Английский поверенный в делах поручает адмиралу Лимпусу удостовериться в действительности замены. Лимпус настаивает, чтобы ни один немец не оставался на судах. Продолжаю думать, что лучшим решением для предупреждения брожения германской команды на судах будет высылка ее из пределов Турции, но для возможности подобного решения необходимо пропустить команду чрез Болгарию и Румынию или на нейтральном пароходе морем.

Гирс.

32.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

31 июля (13 августа) 1914 г., № 690.

Получил № 1855 [1])

Мнение Фахр-Эддина соответствовало настроению Порты до войны, теперь же оно уже отстало, и он, видимо, не в курсе дела. Великому визирю и Энверу нужно, именно, территориальное приобретение, чтобы поднять дух армии и народа, и сознание, что Турция что-то такое приобрела. Полагаю, что главным образом необходимо приобретение островов [2]), из-за стремления к которым вопрос о флоте стал крайне популярным среди мусульман. Приобретение Западной Фракии является больше стратегическим пожеланием Энвера и военных — полагаю, приблизительно по водоразделу на линии меридиана Гюмюльджины. Полагаю, что болгары помирились бы с этой уступкой, тем более, что эта местность населена более мусульманами. Подозреваю, что соглашение турецко-болгарское, которое, если и не заключено еще, то очень близко к заключению, отдает Гюмюльджину туркам. С потерей островов Греция должна будет помириться если не теперь, то в ближайшем будущем. Оговариваюсь, что я вполне сознаю необходимость привлечь вновь Болгарию в Балканский блок и нахожу, что Греция и в особенности Сербия должны всеми мерами содействовать этому. Соглашение с Турцией никоим образом не пойдет вразрез нашему попечению о Болгарии, ибо ее интересы не пострадают от уступки указанного клочка территории. Здесь все упорнее утверждается мнение, что турецко-германское соглашение уже состоялось. Посылка войск в Анатолию как бы подтверждает это мнение. Тем не менее я убежден, что нам до того важно вырвать Турцию из рук Германии, что необходимо добиваться этого, пока есть малейшая надежда на успех.

Гирс.

33.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Лондоне.

31 июля (13 августа) 1914 г. № 1873.

Сообщается в Константинополь.

Наше морское ведомство опасается, что, если английская морская миссия покинет Константинополь, это только усилит положение немцев, которые заместят англичан. Само собою разумеется, что оставление германской команды на «Гебене» и «Бреслау» недопустимо.

---

[1]) В телеграмме от 30 июля (12 августа) за № 1855 Сазонов сообщает о высказанных в Петербурге турецким поверенным в делах Фахр-Эддином предположениях. В интерпретации Сазонова — Фахр-Эддина позиция Турции сводилась к следующему: Турция не стремится к территориальным приращениям, она желает лишь обеспечения своей территориальной неприкосновенности. Она готова предоставить России военную помощь, если ей будет обещана передача всех принадлежащих Германии концессий в Малой Азии и если Россия обязуется не поддерживать националистических армянских течений.

[2]) Повидимому, — Эгейских островов. (См. дальше телеграмма Сазонова № 718.)

Не можем согласиться, чтобы морское положение улучшилось. Наоборот, усиление турецкого флота «Гебеном», калибру коего не отвечает ни одно из судов нашего черноморского флота, ставит последний в весьма затруднительное положение, что тем более прискорбно, что англичане имели возможность не допустить его в Дарданеллы.

Пользование «Гебеном», хотя и не против нас, но для действий на Балканах, конечно, осложнит наши общие задачи.

Сазонов.

34.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Константинополе.

1 (14) августа 1914 г., № 1876.

№ 674 получен.

Доверительно. — Вчера турецкий поверенный в делах, придя в министерство, сообщил, что к нему явилось лицо, выдавшее себя за уполномоченного нами вести с ним переговоры. Мы разъяснили Фахр-Эддину происшедшее недоразумение, в силу коего то же лицо выдавало себя за уполномоченного им, Фахр-Эддином.

В дальнейшей беседе с турецким поверенным в делах мы сказали ему, что, если Турция искренно желает соглашения с нами, мы готовы пойти ей навстречу.

Раньше, чем говорить о территориальных приобретениях, разумнее поставить вопрос о реальном обеспечении территориальной неприкосновенности Турции.

На эту почву мы готовы встать искренно и решительно.

Что касается компенсаций, то их можно найти, не ища даже территориальных приращений. Если Турция сама у себя дома станет на место немцев, то она выгадает значительно больше того, что ей дали бы сомнительные завоевания.

Фахр-Эддин, лично придерживающийся, повидимому, разумных и примирительных видов, обещал донести изложенное своему правительству.

Сазонов.

35.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

1 (14) августа 1914 г., № 693.

Получил № 1855. Копия в Бухарест.

В сегодняшнем совершенно доверительном разговоре с великим визирем он коснулся вопроса о нашем соглашении. Я повторил, что, по личному моему мнению, вопрос этот несколько скомпрометирован появлением германских судов и что я усиленно советую немедленно выслать команду и морских офицеров в Германию. Великий визирь ответил, что он обдумает способ их высылки — сухим ли путем или на нейтральном судне. Затем я высказал ему, что не уполномочен еще официально входить с ним в объяснения, но что имею сведения, что мы были бы готовы принять основанием соглашения гарантирование

нами территориальной неприкосновенности Турции. На его вопрос, каким образом возможно было бы оформить эту гарантию, я заметил, что следует обсудить эту форму во время переговоров, но что, конечно, многое зависит от той пользы, которую готова принести нам Турция. Он спросил, какие предъявим мы требования к ней и к ее армии. Я ответил, что при развитии переговоров это будет выяснено, но что, несомненно, мы потребуем прежде всего удаления германской военной миссии. О территориальных приобретениях не было речи, так как весь разговор носил характер совершенно личного и доверительного предварительного зондирования. Я однако не сомневаюсь, что вопрос об островах обязательно всплывет, остальные территориальные пожелания будут в зависимости от требований, кои мы предъявим. Полагаю однако, что некоторой приманкой может действительно быть присвоение Турциею всех германских концессий Малой Азии. Такое присвоение не нарушило бы наших экономических интересов. Наш личный разговор великий визирь, несомненно, передаст кабинету, и лишь тогда возможно будет судить о произведенном им впечатлении.

Гирс.

36.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

1 (14) августа 1914 г., № 694.

Срочно. Получил вашу телеграмму № 1822.

Джемаль-бей [1]) мало известная личность, к которой следует относиться осторожно. Сведения его ненадежны. Действительно, Энвер стоит во главе военной партии, стремящейся к активному выступлению и находящейся под сильным влиянием немцев. Его слегка поддерживает Талаат, желающий извлечь какую-либо пользу для Турции из настоящего конфликта. Против них в кабинете выступают Джемаль и Джавид, сторонники Франции, но не России, требующие сохранения нейтралитета. Влияние великого визиря, к сожалению, слабое [2]).

Копия в Бухарест.

Гирс.

37.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Лондоне.

2 (15) августа 1914 г., № 1896 [3]).

Сообщается в Константинополь и Париж.

Согласно предложению французского правительства, благоволите вместе с Грэем и Камбоном обсудить необходимые меры, в связи с создавшимся положением, благодаря покупке Турцией «Гебена».

---

[1]) В телеграмме за № 1822 от 29/VII 14 г. Сазонов сообщал посланнику в Бухаресте о прибытии в Петербург турецкого политического деятеля Джемаль-бея.

[2]) Великим визирем был принц Саид-Халим.

В период, непосредственно предшествовавший войне, в младотурецких кругах дважды— в марте и в июне 1914 г. — обсуждался вопрос о замене Саид-Халима другим лицом «в видах сохранения за этой должностью того значения, которое она должна иметь». (См. депеши Гирса от 17 марта и 7 июня 1914 г.)

[3]) Текст телеграммы цитирован полностью в предисловии к «Разделу Азиатской Турции» (стр. 61.)

С своей стороны полагали бы возможным следующие предложения Турции:

1) В доказательство искренности своего нейтралитета Турция приступит к демобилизации своей армии.

2) Взамен этого три державы гарантируют территориальную неприкосновенность Турции и готовы для этого на обсуждение любой комбинации.

3) Турция вступает в обладание всеми экономическими, железнодорожными и иными концессиями и предприятиями Германии в Малой Азии, и таковое завладение будет обеспечено в мирном договоре.

Считаем желательным, чтобы трем послам в Константинополе были даны срочные инструкции.

Вместе с тем готовы обсудить всякие иные комбинации, равно и меры принуждения, если бы обстоятельства того потребовали.

Сазонов.

38.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне.

2 (15) августа 1914 г., № 1912.

Английский и французский послы выразили надежду, что, несмотря на опасения, внушаемые нам Турцией, мы не отвлечем войск для охраны кавказской границы. Я ответил, что, сознавая необходимость сосредоточения удара против главного противника, мы уже направили на запад часть кавказских войск, которых мы теперь не намерены вернуть. Мы не можем однако остаться равнодушными к военным приготовлениям Турции, настроение коей после приобретения «Гебена» очень повышено. Поэтому желательно воздействие Англии и Франции на Турцию для обеспечения нас от случайностей на Кавказе и на Черном море.

Сазонов.

39.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

2 (15) августа 1914 г., № 705.

Получил № 1876. Копия в Бухарест.

Великий визирь не получил еще донесения Фахр-Эддина. На сегодняшнем свидании я говорил с ним в смысле вашей телеграммы. Лично он вполне удовлетворился бы обеспечением территориальной неприкосновенности Турции и передачею ей немецких концессий в Малой Азии. Он будет влиять в этом смысле, насколько это от него зависит, на своих товарищей. Он возвратился к вопросу о той форме, в которую гарантия эта могла бы вылиться. Он надеется, что срок ее будет не годовой, а возможно продолжительный. Отъезд Талаата и Халиля, ближайших его советников, в Бухарест отложен, вероятно, на 2 или на 3 дня *(пропуск)* его предложения по этому поводу. Я высказал, что необходимо за это

время выслать команды германских судов. Полагаю, что нам следовало бы самим предложить форму гарантии.

Гирс.

40.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

2 (15) августа 1914 г., № 706.

Великий визирь сообщил мне, что Талаат и председатель палаты депутатов Халил выезжают сегодня в Бухарест для переговоров с греками по вопросу об островах.

Копии в Бухарест, Афины, Софию и Ниш.

Гирс.

41.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

2 (15) августа 1917 г., № 713.

Срочная.

Ссылаюсь на свой № 706. Копии в Бухарест, Софию, Афины и Ниш.

Сообщая официальную причину поездки Талаата и Халиля в Бухарест, данную мне великим визирем, я должен прибавить, что она все же внушает мне некоторые опасения в виду двусмысленного поведения Талаата за последние дни. Считал бы крайне необходимым следить там за его деятельностью. Повидимому, он скоро возвращается, оставив в Бухаресте Халиля.

Гирс.

42.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Лондоне.

3 (16) августа 1914 г., № 1924.

Сообщается в Константинополь и Париж.

Бьюкенен сообщил мне сегодня, что великий визирь конфиденциально сказал английскому послу в Константинополе, что Порта опасается наших приготовлений, и просил, не могут ли Англия и Франция гарантировать, что Россия не имеет враждебных намерений против Турции.

В виду этого представляется желательным скорейшее заявление в Константинополе тремя державами о готовности их совместно дать гарантии территориальной неприкосновенности Турции в случае ее нейтралитета, а также обещать обеспечение перехода в ее обладание германских концессий.

Доверительно. — Возможно, что благоразумное влияние великого визиря окажется недостаточным, ибо приход «Гебена» поднял в Константинополе обаяние германского морского искусства и повысил требо-

вания. В виду неоднократно высказывавшегося нашим послом в Константинополе мнения о том, что без территориальных приобретений турки едва ли удовлетворятся, нельзя ли доверительно обсудить возможность следующего компромисса. Турция получает Лемнос и отказывается от всяких видов на другие острова. При этом условии Греция получает самой дешевой ценой гарантию безопасности обладания Хиосом и Митиленэ.

Взамен Лемноса Греции может быть обещан Эпир.

Что касается Лемноса, то возвращение этого острова Турции отвечало бы жизненным ее интересам, а также держав Тройственного Согласия, ибо все значение Лемноса сводится к обеспечению безопасности проливов, что также отвечает требованию турок реальных гарантий территориальной неприкосновенности.

Сазонов.

43.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Константинополе.

3 (16) августа 1914 г., № 1925.

Сообщается в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на мой № 1924.

Мы понимаем нейтралитет Турции, между прочим, и как остановку ее движения в Азербейджан.

Было бы крайне желательно, чтобы соответственное заявление было также поддержано Англией и Францией.

Если бы, однако, со стороны этих держав встретилось промедление в обсуждении этого вопроса, то, дабы не задерживать переговорами совместных выступлений, можете сделать соответствующее заявление отдельно, присоединившись в общем представлении к форме, которая будет принята Францией и Англией.

Сазонов.

44.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

3 (16) августа 1914 г., № 718.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 705.

Копия в Бухарест.

Передавая личное мнение великого визиря по вопросу о нашем соглашении, я все же, в виду крайней серьезности положения и крайней опасности для нас союза Турции с Германией, должен повторить, что влияние великого визиря очень слабое, что он может быть устранен во всякую минуту и что тогда Энвер сделается уже окончательно диктатором положения. При этих условиях единственной гарантией невыступления Турции против нас может быть соглашение с ней на основаниях,

более или менее соответствующих предложениям Энвера. Я глубоко убежден, что времени перед нами очень мало и что необходимо теперь же принять решение.

Гирс.

45.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне.

3 (16) августа 1914 г., № 1939.

Ссылаюсь на телеграмму Гирса № 718.

В пояснение этой телеграммы считаю долгом сообщить, что несколько дней тому назад Энвер делал следующие предложения:

1) Турки отзывают войска с кавказской границы;

2) предоставляют нам армию во Фракии, могущую действовать против любого балканского государства, в том числе и Болгарии, если она пойдет против нас;

3) удаление всех немецких инструкторов из Турции.

За это Турция получает компенсацию: 1) во Фракии по водоразделу по линии меридиана Гюмильджина и 2) Эгейские острова.

Одновременно с этим заключается между Россией и Турцией оборонительный союз на 10 лет.

Сазонов.

46.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

4 (17) августа 1914 г., № 747.

После короткой задержки движение воинских поездов на восточных железных дорогах снова усилилось, и ожидается возвращение к полному военному грузу. Вся девятая дивизия собралась на европейском берегу, пятая ушла в Демотику. Продолжается усиленный подвоз резервистов в первый, второй и третий корпуса. Перевозка четвертого корпуса во Фракию еще не началась. Также не определилось и направление перевозки пятого корпуса. Относительно района сосредоточения войск во Фракии существуют две версии: по одной — главные силы собираются к Демотике и по другой (болгарского происхождения) — в трехугольнике Родосто — Мидия — Константинополь. По негласным посольским сведениям, готовится концентрация войск и к стороне кавказской границы, главным образом, к Баязиду. Эти сведения подтверждаются донесениями консула в Ване и отчасти в Багдаде и других. Мобилизация, несмотря на все задержки, недочеты и даже беспорядки в различных вилайетах, все же производится с большой настойчивостью и энергией. Излишне призванных старших возрастов и необученных распускают по домам. В турецких кругах растет уверенность в неизбежности войны с Россией, и соответственно развивается враждебное настроение по адресу русских и вообще иностранцев. Циркулируют слухи о готовящихся попытках вызвать брожение среди русских

и английских *(пропуск)*, при чем, яко бы, на Кавказ посылаются партии бомб и ведутся переговоры о высылке большого количества оружия. Фактическое командование флотом передается немецким офицерам. Вопрос об отсылке немецких офицеров и экипажа с «Гебена» и «Бреслау» остается открытым. В Дарданеллах положены две новые линии мин и сделано распоряжение о снятии с пароходов, входящих в заливы, беспроволочного телеграфа. Пока к русским пароходам оно не применялось. Реквизиция во всей Турции продолжается в широких размерах. В общем, вся страна обращена в военный лагерь. С каждым днем положение делается более напряженным, и с минуты на минуту можно ожидать вспышки, сигнал к которой будет дан немцами с согласия Энвера, не могущего не чувствовать, что его надежды и предложения, направленные по нашему адресу, не нашли сочувственного отклика. 312 Леонтьев.

Гирс.

47.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

5 (18) августа 1914 г., № 751.

Сегодня утром я застал великого визиря более нервным и видимо поддающимся влиянию военной партии и Энвера, который выходил из его кабинета перед моим входом. Возвращаясь к вопросу о компенсации, он заметил, в противность тому, что заявил мне третьего дня, что, не желая крупных территориальных приобретений, он не считает таковыми то, что по праву должно принадлежать Турции. Он указал на острова и часть западной Фракии, населенной магометанами. Вообще, положение становится все серьезнее, тем более, что может настать время, когда власть ускользнет из рук самого Энвера, на которого сильно налегают военные шовинисты, подстрекаемые немцами.

Гирс.

48.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

5 (18) августа 1914 г., № 753.

Получил телеграмму № 1896. — Копия в Бухарест.

Продолжение № 751.

Инструкции получил только английский посол, вернувшийся только сегодня из отпуска. Тем не менее, в виду вынесенного мною впечатления из сегодняшней моей беседы с великим визирем и необходимости не терять времени, мы решили сделать совместное заявление Порте в пределах, возможных для французского посла без специальных инструкций. Мы поочереди были у великого визиря в Порте и заявили, что, в случае сохранения Турцией строгого нейтралитета, мы гарантируем территориальную неприкосновенность Турции и защитим ее от посягательств. При этом я добавил, что Порта должна будет дать нам гарантию в действительности своего намерения сохранить нейтралитет.

Слово «демобилизация» не было произнесено, так как великий визирь не в состоянии в данный момент провести ее, и она лишь ускорила бы кризис, ибо военные не допустили бы ее. Наше заявление произвело хорошее впечатление на великого визиря и может дать ему некоторую почву опоры. Продолжаю однако думать, что принципиальное согласие на некоторые территориальные приобретения и обещание содействовать ему дает нам возможность рассчитывать на устранение кризиса.

Гирс.

49.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

6 (19) августа 1914 г., № 762.

С согласия посла представляю резюме *(пропуск)* доклада. По поводу сообщения, что предложения Энвера не имеют шансов быть принятыми и что взамен территориальных приобретений предполагается гарантировать неприкосновенность Турции, на условии немедленной демобилизации, считаю необходимым с полной откровенностью доложить. Убежден, что мы могли бы купить Турцию в данный момент только принципиальным согласием на предложение Энвера, при чем лишь размеры приобретений могли бы послужить предлогом дальнейшего обсуждения. Разумно или нет, но Турция делает сейчас чрезвычайные усилия, чтобы поднять на ноги все свои вооруженные силы, и пока Энвер у власти, останется нейтральной, а при случае выступит за нас только на условиях, если эти усилия принесут реальные плоды. Вполне уверен, что Турция на демобилизацию не согласится и, если бы и дала нам при таких условиях новые заверения о своем нейтралитете, то они не имели бы никакой цены, так как, при первой же все-таки возможной удаче наших врагов, она не постеснится нарушить этот нейтралитет. Смею же думать, что вся задача теперешних усилий с нашей стороны по отношению к Турции должна бы заключаться в обеспечении нашего фланга на всякий случай, и в том числе и на случай неудачи, когда вмешательство третьего государства — Турции может оказаться для нас опасным. Эта опасность получит чрезвычайные размеры, если Турция выступит, согласившись с Болгарией и с другими не определившимися еще балканскими государствами. Предпринятая в настоящий момент поездка Халиля и Талаата в Софию и Бухарест является в этом отношении угрожающим симптомом. При таком обороте вещей будет особенно обидно, если все эти государства пойдут на эти именно уступки и соглашения, о которых говорил Энвер, вне нашего влияния, по инициативе своей или наших врагов, с тем, чтобы взаимно освободившиеся, таким образом, силы были направлены против нас и союзной нам Сербии. Возвращаясь к вопросу о гарантиях, полагаю, что не демобилизация являлась бы для нас лучшей гарантией, а полное изгнание из армий германских офицеров, на что с таким легким сердцем и пошел бы Энвер в связи с столь улыбавшимся ему соглашением с нами. Теперь, вне соглашения, он, конечно, на такую резкую меру

больше не согласится. Что касается самой турецкой армии, то, как бы она ни была слаба и как бы низко она ни оценивалась при теперешнем своем состоянии, все же ее нужно считать в общей сложности не менее как на 400.000 человек, а по некоторым расчетам и больше. Несколько лет тому назад, представляясь его императорскому высочеству верховному главнокомандующему, занимавшему тогда пост председателя Совета Государственной Обороны, я имел честь докладывать о совершенной необходимости с военной точки зрения на случай войны с Тройственным Союзом привлечь на свою сторону балканские государства. В частности, говоря о Румынии, я осмелился доложить, что, считая румынскую армию в 250.000 чел., при расчетах за или против надо будет поставить разницу вдвое, или в 500.000. Великий князь изволил отнестись тогда благосклонно к моему докладу. В настоящий решительный момент, думается мне, что если не двойной, то полуторный расчет следовало бы применить и к турецкой армии, особенно действительный при затяжной войне, и тогда на весы упадет крупная цифра в сотни тысяч людей, которая не может оказаться лишней в предстоящей нам гигантской борьбе. 314. Леонтьев.

Гирс.

50.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

6 (19) августа 1914 г., № 780.

Копии в Париж и Лондон.

Джавид, не застав меня дома, зашел к советнику посольства и в совершенно частной беседе высказал, что, не отрицая большого значения сделанного третьего дня мной французским и великобританским послами заявления, он считает, что оно не дает умеренным членам кабинета достаточно сильного оружия, чтобы бороться с воинственно настроенными, под влиянием немцев, товарищами. Немцы в особенности за последние дни все более расточают обещания, столь соблазнительные, что противостоять им весьма трудно. По словам Джавида, державы Согласия должны были бы предложить туркам выгоды хотя и меньшие, нежели обещаемые немцами, но все же достаточно ценные, чтобы удержать правительство от неосторожного решения. По его мнению, сделанное нами заявление должно было бы быть повторено на письме и иметь силу на срок не менее 15 — 20 лет. Тем же актом Турции должна бы быть предоставлена полная экономическая независимость, и им должен был бы быть уничтожен капитуляционный режим. На поставленный ему Гулькевичем вопрос, была ли бы при таких условиях изгнана из Турции германская миссия, Джавид ответил, что изгнанием миссии можно было бы обусловить предоставленные Турции льготы. Никаких других требований Джавид не выставлял и вопроса об островах не поднимал, полагая, повидимому, что он будет разрешен непосредственно обеими заинтересованными сторонами в Бухаресте.

Гирс.

51.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

7 (20) августа 1914 г., № 781.

Ссылаюсь на свой № 780. Копии в Париж и Лондон.

По поводу предложений Джавида должен высказать, что положение здесь в высшей степени серьезно в том отношении, что все дела в руках военных, позволяющих себе всякий произвол и открыто стремящихся под напором немцев втянуть Турцию в войну с нами. Джавид, великий визирь и Джемаль противятся этому, но я далеко не убежден, что последнее слово останется за ними. Во всяком случае нам следует сделать все возможное, чтобы поддержать их. Я считал бы даже приемлемым, если нам необходимо избежать войны с Турцией, условие об отмене капитуляций. Я не возражал бы против письменного заявления о гарантии неприкосновенности территории, но я стремился бы сократить срок гарантии до пяти или десяти лет, так как не считал бы удобным, в виду вероятного продолжения процесса разложения Турции, связывать себя на более продолжительное время.

Гирс.

52.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

7 (20) августа 1914 г., № 791.

Копии в Париж и Лондон.

Джавид посетил сегодня английского и французского послов и повторил им предложение, сделанное нам вчера. Вчера в том же духе Джемаль объяснялся с Маллетом. Разница в предложениях состоит в том, что турки не скрыли от моих коллег, что они главным образом опасаются нас и не доверяют нам и что поэтому они желали бы заключить не одно общее письменное соглашение с державами Согласия, а с каждой из них в отдельности. Я полагал бы необходимым подчеркнуть в данный момент солидарность трех держав и настоять, в случае нашего согласия на письменное соглашение, чтобы оно было выражено в одном общем акте. Джавид не определял Бомпару срока соглашения. Я продолжаю думать, что 15-ти-летний срок слишком продолжителен, и предпочел бы, если 5-ти-летний покажется слишком кратким, совершенно не определять срока. По вопросу о капитуляциях мои коллеги находят затруднительным их уничтожение. Тем не менее они вполне сознают полную возможность значительно сузить их применение. Я полагал бы вполне возможным ограничить их обеспечением неприкосновенности личности и жилищ иностранных подданных и консульским содействием на суде.

Гирс.

53.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Париже.

7 (20) августа 1914 г., № 2028 [1]).

Сообщается в Константинополь и Лондон.

Прошу вас доверительно и в дружеской форме обратить внимание министра иностранных дел на то обстоятельство, что совместное заявление трех послов в Константинополе не было сделано в предложенной нами форме, то-есть с упоминанием о возможных экономических компенсациях в Малой Азии благодаря тому, что французский посол уклонился, ссылаясь на неполучение инструкций.

Со своей стороны мы придавали самое серьезное значение полной солидарности наших действий в Константинополе и надеемся, что французское правительство не откажет дать соответствующие указания своему послу для дальнейших переговоров.

Сазонов.

54.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и в Лондоне.

8 (21) августа 1914 г., № 2051 [2]).

Сообщается в Константинополь.

Ссылаюсь на телеграмму Гирса № 780.

Сообщив содержание этой телеграммы французскому и английскому послам, я просил их рекомендовать их правительствам не отвергать целиком оснований, предлагаемых Джавидом. Хотя вероятность соглашения с Турцией сомнительна, однако мы полагаем, что не следует отталкивать более умеренные элементы.

Если правительство, при коем вы аккредитованы, согласно с нашей точкой зрения, мы могли бы в вопросе капитуляций предложить туркам формулу, которая дала бы более кажущееся, чем по существу, удовлетворение их самолюбию.

Сазонов.

55.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Константинополе.

10 (23) августа 1914 г., № 2090.

Сообщается в Париж и Лондон.

Английский посол передал памятную записку, в коей говорится, что его правительство, находя запросы турок чрезмерными, считает желательным не отвергать их, рассматривая как материал для переговоров.

---

[1]) Текст цитирован в упомянутом предисловии (стр. 66).
[2]) См. там же, стр. 67.

Англия готова вместе с нами и Францией дать письменную гарантию в том, что неприкосновенность и независимость Турции будет уважаться тремя державами и что в мирном договоре не будут включены условия, противоречащие этим началам. Возвращение Турции германских железнодорожных концессий может быть также обеспечено.

Далее, как только будет установлена схема, обеспечивающая отправление правосудия, способная удовлетворить современным условиям, Англия согласится отказаться от территориальной юрисдикции, осуществляемой в силу капитуляций [1]).

Взамен этого турецкое правительство обязуется дать письменное обязательство соблюдать в течение нынешней войны все обязательства, вытекающие из нейтралитета, и всемерно облегчать безостановочный и беспрепятственный проход торговых судов через проливы.

Равным образом Турция немедленно приступит к возвращению на родину германских офицеров и всего экипажа «Бреслау» и «Гебена».

Приняв указанные предложения Англии, прошу вас, сговорившись втроем, руководиться ими в дальнейших переговорах с Портою.

Если бы переговоры эти приняли благоприятный оборот, мы считаем, что единственной надежной гарантией дальнейшего образа действий Турции будет удаление всех вообще германских офицеров из Турции.

Сазонов.

56.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

14 (27) августа 1914 г., № 855.

Копия в Париж и Лондон.

Получил вашу телеграмму № 2090.

Положение дел на французском театре военных действий сильно возбуждает турок, считающих, что общая победа вполне будто бы обеспечена за Германией. В виду этого временное сравнительно благоприятное впечатление, произведенное на Порту нашим предложением письменно гарантировать неприкосновенность территории Турции, сильно сглаживается, и она не проявляет особенного нетерпения связать себя с нами. Тем не менее считаю, что нам надлежит, не теряя времени, продолжать переговоры и усилия привлечь турок на нашу сторону. Между тем, мой французский коллега не имеет еще указаний касательно письменных гарантий. Необходимо, чтобы они были самого положительного свойства и чтобы сверх их ясно определялось, что мы будем уважать неприкосновенность и защищать от других в случае сохранения строгого нейтралитета Турцией. Необходимо, чтобы три державы Согласия ныне же выработали редакцию письменных гарантий, чтобы могли немедленно выступить с ней как только найдем благоприятным момент. События идут так быстро, что, может-быть, не окажется возможным воспользоваться редакцией, но все же до последней минуты следует настаивать перед Турцией и быть готовыми выступить уже с оформленным предложением.

Гирс.

---

[1]) В тел. от 10 авг. за № 826 Гирс сообщает, что турки фактически уже перестали считаться с капитуляциями и что посольства поставлены перед создавшимся положением.

57.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Константинополе.

14 (27) августа 1914 г., № 2198.

Передайте министру иностранных дел, что мы считали бы крайне желательным, чтобы представителям Франции и Англии в балканских столицах было указано на необходимость полного согласования выступлений со своими русскими коллегами.

Основанием настоящей просьбы является следующее обстоятельство. Английский посланник в Софии говорил о возможности компенсации Болгарии между прочим и за счет Румынии, что может лишь возбудить подозрительность румын.

В то же время в Афинах представители Франции и Англии говорили о возможности помощи этих государств Греции в случае нападения на нее со стороны Болгарии. Между тем в настоящее время в Афинах и Нише нужно настаивать на необходимости уступок в пользу Болгарии. Если же Греция получит обеспечения против опасности со стороны Болгарии, то едва ли можно будет рассчитывать на уступчивость с ее стороны.

Сазонов.

58.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне.

15 (28) августа 1914 г., № 2224.

Сообщается в Константинополь, Бухарест, Софию, Афины и Ниш.

По доходящим до нас сведениям, сербское и греческое правительства выказывают совершенно неоправдываемый обстоятельствами оптимизм относительно положения, занимаемого турецким и болгарским правительствами. Вследствие этого ни то, ни другое не расположены к уступкам в пользу Болгарии.

Между тем из источников, заслуживающих доверия, узнаем о возможности в ближайшее же время перехода Турции к наступательным действиям.

Турция может предъявить Болгарии ультиматум о пропуске через болгарскую границу турецких войск без враждебных против Болгарии целей.

Опасаемся, что нынешний болгарский кабинет ограничится протестом.

Не видим, какими конкретными действиями державы Тройственного Согласия могут помешать нападению Турции, быть-может, в союзе с Болгарией, на владения Греции и Сербии.

Во всяком случае, если греческое и сербское правительства рассчитывают на помощь трех держав, то они обязаны считаться и с нашими настояниями.

В виду этого полагаем, что указания о желательных уступках в пользу Болгарии должны быть сделаны в Афинах и Нише в друже-

ской, но самой категорической форме, которая облегчит даже Пашичу и Венизелосу необходимые быстрые решения. Представления эти должны быть сделаны вполне солидарно, без ссылки представителя той или иной державы, что он только поддерживает своего русского коллегу.

Сазонов.

59.

Секретная телеграмма министра иностранных дел директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего.

16 (29) августа 1914 г., № 2248.

Сообщается адмиралу Эбергардту и в Константинополь.

Продолжаю придерживаться мнения, что нам важно сохранить мирные отношения с Турцией, пока не определится решительный перевес русско-французских войск над австро-германскими.

Считаю поэтому нежелательным какое-либо вызывающее действие против турок, могущее усилить влияние тех турецких деятелей, которые стоят за войну.

Сам по себе выход «Гебена» в Черное море не означает разрыва, и меры против него теперь допустимы только в случае полной уверенности в успехе. С общей политической точки зрения, разделяемой Францией и Англией, весьма важно, чтобы война с Турцией, если бы она оказалась неизбежной, была вызвана самой Турцией.

В настоящее время нами ведутся переговоры с балканскими государствами, имеющие целью путем компенсаций склонить Болгарию занять определенное положение против Турции. Успех этих переговоров и благоприятное выяснение общей политической обстановки в значительной степени будет зависеть, по моему мнению, от успехов наших войск, особенно против Австрии, в ближайшие дни. Все эти соображения склоняют меня к выводу о нежелательности инициативы разрыва с Турцией с нашей стороны.

Послу в Константинополе поручено уведомлять адмирала Эбергардта о всяких обстоятельствах, могущих служить угрожающим признаком, поскольку телеграфные сношения будут обеспечены.

Сазонов.

60.

Секретная телеграмма министра иностранных дел директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего.

17 (30) августа 1914 г., № 2271.

Сообщается адмиралу Эбергардту.

Продолжаю с политической точки зрения считать нежелательным принятие инициативы разрыва с Турцией.

Вследствие высказываемых однако нашим морским ведомством соображений о желательности предоставить адмиралу Эбергардту свободу принять меры, по усмотрению, в случае появления «Гебена» в Черном море, не встречаю к тому препятствий.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

Желательно, однако избежать предварительного минирования устья Босфора, тем более, что операция эта, повидимому, не может остаться тайной, и турки получат возможность выловить мины.

При этом условии предварительное минирование, оказавшись технически нецелесообразным, ускорит разрыв, что политически нежелательно.

Высказывая эти соображения, не могу от себя лично не добавить, что, если бой с «Гебеном» нашей эскадры представлял бы значительный риск, то следует взвесить все последствия в случае нашей неудачи, которая начала бы войну с Турцией с утраты наших судов.

Сазонов.

61.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

17 (30) августа 1914 г., № 899.

Копии в Париж, Лондон и Бухарест.

Ссылаюсь на телеграмму Извольского 324 [1]).

Считаю долгом предостеречь против каких бы то ни было обещаний Болгарии возможных награждений за счет Турции. Таковые могли бы только вселить сомнения в искренности наших к ней отношений, в то время, когда мы выступаем с обязательством уважать ее территориальную неприкосновенность. Джавид-бей указывал французскому послу, что ему известно от турецкого посланника в Бухаресте, со слов Радева, будто бы мы предложили Болгарии, без ее содействия в нынешней войне, возвращение ей турецких владений на север от линии Энос-Мидия. На вопрос же, кому будет принадлежать область на юг от сказанной линии, якобы получился ответ, — конечно, России. Такие, приписываемые нам, отзывы могут только быть использованы немцами, как подтверждение возводимых ими же на нас обвинений, и, озлобляя турок, толкать их на разрыв с нами. По моему глубокому убеждению, компенсации, которые мы можем предложить Болгарии, должны быть сначала установлены с ведома заинтересованных и основаны исключительно на нашем нравственном праве требовать их.

Гирс.

62.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

17 (30) августа 1914 г., № 901.

Получил № 2209 [2]). Копии в Лондон и Париж.

Сегодня французский, английский послы и я передали великому визирю, посетив его поочереди, проект нашего заявления касательно

---

[1]) В тел. от 14 (27) авг. за № 324 Извольский передает мнение Делькассе, сводящееся к следующему: усилия держав склонить Турцию к сохранению нейтралитета потерпели неудачу, поэтому необходимо энергичное воздействие на Болгарию, путем обещания ей территориальных компенсаций за счет Турции.

[2]) В тел. № 2209 от 15 (28) августа Сазонов просил Извольского убедить Делькассе согласовать выступления французских дипломатических представителей с деятельностью русской дипломатии и побудить французского посла в Константинополе сделать в скорейшем времени совместно со своими коллегами сообщение Порте о гарантиях.

гарантий территориальной неприкосновенности Турции, оговорив, что мы передадим это заявление официально, как только Порта выразит с своей стороны готовность дать письменное же заявление о том, что она будет сохранять строжайший нейтралитет в течение этой войны. Мы прибавили, что ей необходимо выслать из пределов Турции всех моряков обоих судов. Великий визирь ответил мне, что команды будут бесспорно высланы и что, равным образом, прибывшие на этих днях партии немцев не останутся здесь. Вероятно, на этих днях он сообщит нам результат обсуждения нашего требования в совете министров.

Гирс.

63.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

19 августа (1 сентября) 1914 г., № 912.

Копии в Париж и Лондон.

Великий визирь и Джавид вновь заявили мне вчера, что, пока они у власти, — Турция останется нейтральной и что они ожидают возвращения Талаата из Бухареста, имеющего состояться не позже, как через два дня, для представления нам проекта ответа Порты на наше заявление о гарантии территориальной неприкосновенности. При этом Джавид высказал, как личное мнение, что последнее изменение, введенное в первую редакцию [1]) нашего заявления по предложению Англии, может вызвать некоторые опасения, подчеркивая то обстоятельство, что гарантия строго ограничена исключительно сроком нынешней войны. — В миролюбивых намерениях обоих министров не сомневаюсь, но их влияние в кабинете поколеблено военной партией.

Гирс.

Передана 23 августа 1914 г. в Лондоне за № 2422.

64.

Секретная телеграмма австрийского посла в Константинополе маркиза Паллавичини министру иностранных дел графу Берхтольду.

2 сентября 1914 г. № 525 [2]).

Военные действия Турции.

Германский посол сказал мне, что здесь в германских военных кругах еще существуют разногласия по вопросу о том, достаточно ли уже защищены Дарданеллы против нападения со стороны англичан. Барон Вангенгейм высказал своему правительству, что он тогда только сочтет,

---

[1]) Первая редакция — русская — заключала в себе безоговорочное заявление держав Согласия о готовности «гарантировать неприкосновенность Оттоманской империи» (тел. Сазонова № 2209).

Вторая редакция — английская — гласила: «неприкосновенность была бы гарантирована против всякого неприятеля, который покусился бы извлечь пользу из нынешней войны» (см. тел. Бенкендорфа от 16 (29) авг. № 390).

[2]) Перевод с немецкого. Дешифрант. Новый стиль.

что для флота наступил момент действовать, когда все знатоки дела единодушно признают Дарданеллы в полной безопасности. Я вполне разделяю его мнение. Выступление турецкого флота в Черном море было бы во всяком случае в высшей степени важно, потому что русская *(пропуск)*. Черного моря произвела бы сильное впечатление на Румынию и могла бы ее заставить обнаружить, на чьей она стороне. Неизвестно, каков был бы результат действий против Одессы или *(пропуск)*.

Но если бы удалось выступлением флота привлечь на нашу сторону Румынию, то и турецкая сухопутная армия могла бы решиться выступить активно в сотрудничестве с румынскими силами.

Паллавичини.

65.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

22 августа (4 сентября) 1914 г., № 954.

Копии в Бордо, Лондон, Афины, Бухарест и Ниш.

Со времени возвращения Талаата в турецко-греческих отношениях наступило очень заметное ухудшение. Совет министров обсуждал вчера греческие предложения и признал их неприемлемыми. Турки находят, что положение вопроса об островах изменилось коренным образом в их пользу. Они считают, что Греция не может больше опираться на решение Европы, так как последняя больше не существует, что Сербия занята Австриею и что Болгария, хотя бы и без предварительного уговора, готова будет в решительный момент напасть на Грецию, а в худшем случае не будет противодействовать Турции. Что же касается Румынии, то, по утверждению Талаата, Братиано будто бы неоднократно говорил ему, что Румыния напрягает ныне все свое внимание на север и не вмешается в греко-турецкую распрю, находя, что Греция должна быть уступчивее и не подвергать самое себя опасности. Повидимому, на вчерашнем совете решено, в случае упорства Греции, отозвать Халиль-бея из Бухареста под благовидным предлогом получения новых инструкций и, не возобновляя разговора, выждать время, когда удобнее будет выступить против Греции, рассчитывая, что война будет исключительно на суше, так как на море Англия не допустит выхода турецкой эскадры. Таким образом, общее положение здесь обостряется, принимая несколько измененную окраску, направленную более против Греции. Не могу не высказать глубокого сожаления по поводу возможности во всякую минуту нашей войны с Турцией, благодаря упрямству Греции, которой, несомненно, следовало бы заручиться если не Турциею, то по крайней мере Болгарией. При этих условиях, позволяю себе вновь находить, что нам никоим образом не следовало бы теперь же связывать себя по отношению к Греции каким-либо заявлением, чтобы быть совершенно свободными в наших действиях и в решении вопроса, — выгодно ли нам и в какой момент итти на разрыв с Турцией.

Гирс.

66.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

24 августа (6 сентября) 1914 г., № 969.

Срочная.

Ссылаюсь на телеграмму Штрандтмана 22 августа [1]). Копии в Бордо, Лондон и Ниш.

Сербский театр войны имеет серьезное значение, лишь насколько он приносит нам помощь в борьбе с Германией и Австрией, сокрушение коих решит и спорные вопросы между маленькими державами. Поэтому почитаю долгом вновь высказать глубокое убеждение, что нам необходимо настоять перед Сербией, чтобы она несвоевременными выступлениями против Албании не отвлекалась от прямого своего долга наступлением на Австрию содействовать скорейшему разгрому главного врага, что удалит, главным образом, и возможность объявления нам войны с Турцией.

Гирс.

67.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

24 августа (6 сентября) 1914 г., № 970.

Копии в Бордо, Лондон, Ниш и Софию.

Великий визирь, не без горечи, заметил мне вчера в частном разговоре, что ему известно, будто бы мы предлагаем Болгарии за ее вступление в Балканский блок область, лежащую на север от линии Энос-Мидия. Я ответил ему, что мне ничего не известно об этом и что подобные слухи лишены основания. Позволяю себе вновь высказать убеждение, что, в виду нынешнего настроения в Турции, нам в переговорах о территориальных компенсациях надлежит быть крайне осторожными.

Гирс.

68.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

24 августа (6 сентября) 1924 г., № 977.

Копии в Лондон и Бордо.

В частной беседе Джавид жаловался на выступления представителей держав Согласия, затрудняющие деятельность умеренных членов кабинета, стремящихся удержать Турцию от войны. Он будто бы скрыл от сочленов по кабинету телеграмму Рифаата, в которой последний передает разговор с Делькассе, в коем французский министр иностранных

---

[1]) В телеграмме от 22 авг. за № 518 Штрандтман касается вопроса о той опасности, которую представляет всякое отвлечение сербских вооруженных сил к границам Болгарии.

дел заявил, что «неприкосновенность Оттоманской империи не является более догматом для Франции».

Неприятно поразили будто бы также утверждения императорского посланника в Софии о необходимости образования на Балканах блока из «христианских» держав и заявления Радева относительно приписываемого нашим дипломатам обещания предоставить Болгарии область на север от линии Энос-Мидия, о чем я уже доносил императорскому министерству.

Гирс.

69.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Афинах.

25 августа (7 сентября) 1914 г., № 2460.

Ссылаюсь на телеграмму Гирса № 954.

Сербское правительство сообщило нам телеграммы своего посланника в Афинах, который передает впечатление греческого министра иностранных дел и генерального штаба, будто приготовления Турции несомненно направлены только против России, а не Греции и что во всяком случае поведение Турции не представляет непосредственной опасности для Греции.

Подобная оценка положения представляется нам способной создать опасные иллюзии. Мы, конечно, не беремся решать, в какую сторону определится Турция, но полагаем, что, хотя немцы, вероятно, предпочли бы натолкнуть ее прямо против нас, однако сами турки могут быть гораздо более заинтересованы начать гораздо менее для них рискованную войну с Грецией, особенно в союзе или при попустительстве Болгарии.

Считали бы необходимым обратить на это внимание греческого правительства.

Сазонов.

70.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

25 августа (7 сентября) 1914 г., № 997.

Копии в Бордо и Лондон.

В сегодняшних доверительных объяснениях со мной Талаат подтвердил мнение, что он не сомневается в возможности для Турции увлечь Болгарию в борьбу с Грецией и что дважды будто бы Братиано заявил лично ему, что Румыния, сосредоточивая все свое внимание на севере, не вступится за Грецию в случае войны между последней и Турцией. Тем не менее, Талаат утверждает, что он приложит старания избежать этой войны, так как он не желает участия Турции в обще-европейском конфликте, а между тем война с Грецией может втянуть Турцию в этот конфликт. Не могу, конечно, ручаться за искренность заявлений Талаата, который не постеснялся бы прибегнуть к обману

для скрытия и достижения политических своих целей. Тем не менее, я вынес из нашего разговора впечатление, что до сих пор по крайней мере он колеблется и не примкнул еще к партии, желающей войны. Обстоятельство это имеет значение, так как Талаат почти единственный член кабинета, могущий противостоять влиянию Энвера.

Гирс.

71.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

26 августа (8 сентября) 1914 г., № 1017.

Копии в Бордо и Лондон.

По некоторым данным имею основание предполагать, что в самом ближайшем будущем Порта предполагает заявить о состоявшемся уничтожении капитуляций. Считаю необходимым заранее определить, по соглашению с нашими союзниками, наше отношение к подобному заявлению. Лично полагаю, и мои коллеги разделяют это мнение, что многое зависит от того, как заявление будет формулировано, но что пока было бы, быть может, целесообразнее не высказывать *(пропуск)* протеста и ограничиться некоторыми оговорками.

Гирс.

72.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

27 августа (9 сентября) 1914 г., № 1028.

Копии в Бордо, Лондон.

По мнению лица, находящегося в близких отношениях с оттоманскими министрами, Турция связана с Германией соглашением, на заключении коего будто бы настоял главным образом Энвер. Соглашение это не обязывает будто бы, однако, турок к немедленному объявлению нам войны, чем и объясняется занятое ими ныне положение, несмотря на все усилия немцев ускорить наступление развязки. Стараясь оказать давление на турок, германская и австрийская дипломатии одновременно толкают Болгарию на объявление войны Сербии. Болгария же, по словам сказанного лица, мало расположена в настоящую минуту к военному выступлению. Повышение за первую половину года поступления налогов на 30% убеждает будто бы правительство в правильности его решения преждевременно не мобилизовать и выждать окончания европейского столкновения для осуществления жизненных идеалов страны. Только отказ Сербии считаться с таковым позволило бы болгарскому правительству объявить войну Сербии, не подвергая себя риску восстановить против себя Россию. Объявление же войны Сербии, согласно советам германского блока, ныне, когда последняя борется совместно с Россией, было бы несомненно сочтено Россией за вызов. Царь Фердинанд вполне сознает, что объявление войны Россией Болгарии вызвало бы революцию в стране, которая смела бы династию вместе с сидящим у власти правительством. В таком духе будто бы высказывается здесь

Тошев, стараясь удержать турок от войны. Мало искренние турки как будто бы соглашаются с этим, и Талаат, перед своим выездом в Бухарест утверждавший, что Турция не тронется без Болгарии, по возвращении из Румынии снова подтвердил это уверение болгарскому посланнику. Не ручаясь за достоверность сообщаемых сказанным лицом сведений, должен сказать, что они до некоторой степени объясняют колебания Турции и замечаемую близость сношений между турецкими министрами и болгарской миссией.

Гирс.

73.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

2 (15) сентября 1914 г., № 1084.

Срочная.

По вынесенному мною впечатлению сегодняшнего моего разговора с Талаатом и Халилем заключаю, что турки начинают сознавать поспешность, с которою они отменили капитуляции, и опасаться последствий ее по окончании войны. Оба министра, видимо, желали бы войти в соглашение с нами. Они частным образом сказали мне, что готовы отделить экономическую часть вопроса от юридической, отложив отмену последней на некоторое время. Им важна, главным образом, ныне экономическая свобода, в виду невозможности без нее удовлетворить бюджетным требованиям. По вопросу об отмене экономической капитуляции, против которой принципиально правительства не возражают, они хотели бы немедленного применения. — Лично полагаю, что нам следовало бы итти им на встречу теперь же, чтобы нашим отказом не играть в руку немцам, и этим спасти на время, пока мы заняты войной, самую главную для нас сторону капитуляций, касающуюся юридического обеспечения наших подданных.

Гирс.

74.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

4 (17) сентября 1914 г., № 1113.

Джавид, ссылаясь на то, что он успешно будто бы борется с воинствующей партией в кабинете, сказал вчера советнику посольства, что он уверен, что державы Тройственного Согласия могли бы добиться демобилизации Турции, если бы они обусловили таковую согласием на отмену капитуляций, как экономических, так и юридических. На поставленный ему вопрос, возможно ли было бы обусловить такое соглашение одновременно также и удалением всех немецких моряков, Джавид ответил, что может поручиться за своих единомышленников в кабинете, что ими такое условие было бы принято, но отказался считать достижимым удаление германской военной миссии. Гулькевич ответил Джавиду, что он мог бы доложить мне об его предложении только при уверенности, что оно было бы сделано от имени всего каби-

нета. В виду поползновений турок, после обратного взятия Адрианополя, поставить Европу перед совершившимся фактом, на отмену которого они отказываются засим итти, и в виду того, что, помимо объявления им войны, у держав не имеется в настоящую минуту средств оказания на них давления, прошу указаний возможно безотлагательно, как отнеслось бы императорское правительство к предположению Джавида, если бы оно было повторено от имени всего кабинета и при секретной оговорке, что новый бескапитуляционный режим будет применяться к иностранцам лишь по выработке новых норм, достаточно обеспечивающих неприкосновенность личности и жилища иностранцев.

Передана в Бордо и Лондон 6 сентября 1914 года за № 2744-А.

Гирс.

75.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

10 (23) сентября 1914 г., № 1179.

Из доверительного источника узнаю, что германское посольство распространяет слух о том, что выехавшие сегодня утром из Константинополя в Софию Геннадиев и Тошев везут с собой проект соглашения между Болгарией и Турцией.

Копии София и Бухарест. Гирс.

76.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

11 (24) сентября 1914 г., № 1192.

Лично. Прошу расшифровать лично. Павлов [1]) телеграфирует 15-го сентября: «До шести часов не было получено ответа из Софии. Накануне Энвер сказал, что, по приказанию султана, флот выйдет в Черное море 17-го сентября, при чем просил хранить это в строгой тайне. Энвер считает высадку в Одессе возможною только в случае уничтожения русского флота. Высадка эта при наличности таких условий потребовала бы несколько недель. На замечание, что уже одна угроза высадки была бы весьма полезной, министр ответил, что обстоятельство это будет еще взвешено. По мнению Энвера, главною заботою настоящей минуты является необходимость заставить Болгарию высказаться определенно». Гирс.

77.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

14 (27) сентября 1914 г., № 1224.

(Передана телеграммой адмирала Эбергардта, № 7664.)

Личная. — Прошу расшифровать лично. — Павлов телеграфирует 14 сентября нов. ст.: «Оттоманское правительство известило болгарское,

---

[1]) Условное наименование, употребляемое Гирсом в случаях, когда речь идет об информации, исходящей от австро-германского представительства.

что, если последнее не назначит до сегодняшнего вечера срока для совместного выступления и не решится немедленно вмешаться в войну, оттоманское правительство проведет свою армию через границу».

Гирс.

78.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

14 (27) сентября 1914 г., № 1225.

(Передана адмиралом Эбергардтом за № 7665.)

Личная. Прошу расшифровать лично. — Телеграммою от 17 сентября Борисов [1]) просит Павлова всеми имеющимися в его распоряжении средствами вызвать выступление турецкого флота против России.

Гирс.

79.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

14 (27) сентября 1914 г., № 1230.

По получении известий о закрытии Дарданелл французский, английский послы и я немедленно отправились к великому визирю поочередно протестовать против закрытия. На наш вопрос, состоялось ли оно по предписанию правительства или по личной инициативе коменданта, великий визирь ответил, что коменданту были даны несколько времени тому назад общие указания закрыть проливы в случае опасности и что в данном случае, усмотрев в английском заявлении опасность, он счел себя в праве закрыть, не предупредив Порты. Я посоветовал великому визирю не утверждать решения коменданта и сделать немедленное распоряжение об открытии пролива. Совет министров обсуждает этот вопрос в настоящий момент. Великий визирь в беседе со мной жаловался, что английское распоряжение было сообщено сперва на Дарданеллы, и лишь затем подтверждено ему в ноте английского посла, идущей, по его мнению, в разрез с предыдущим официальным заявлением Англии, что лишь «Гебену» и «Бреслау» запрещен выход в Эгейское море. — Я высказал ему, что Порта должна пенять на себя, так как немецкие офицеры допущены ею и на другие турецкие суда. Как только решение совета министров станет мне известно, немедленно сообщу.

Гирс.

80.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

15 (28) сентября 1914 г., № 1232.

Лично.

«Отсюда» [2]) телеграфирует 16-го сентября: «Из беседы с Энвером и Талаатом, от коих ныне все зависит в Турции, выяснилось, что они

---

[1]) Условное выражение, употребляемое в случаях, аналогичных приведенным в примечании к тексту телеграммы № 1192.

[2]) Выражение, употребляемое Гирсом вместо слова «Павлов» (тел. Гирса от 14/IX 14 г. за № 1226).

имеют твердое желание приступить к военным действиям и считают настоящую минуту для этого подходящей. Они все еще ожидают ответа Болгарии. По мнению Талаата, замена болгарского военного министра начальником генерального штаба находится в связи с сказанным ожидаемым ответом. Отставка министра последовала будто бы против его желания. На вопрос Павлова, не следовало ли бы оказать давление на Болгарию, либо прибегнуть к угрозе в отношении ее, Талаат ответил отрицательно, опасаясь, что таковые могут поставить кабинет в трудное положение и даже принудить его к отставке. Высадка в Одессе кажется Энверу-паше ныне несвоевременной».

Гирс.

81.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

15 (28) сентября 1914 г., № 1240.

Личная. Прошу расшифровать лично. — «Отсюда» телеграфирует 22 сентября, что Геннадиев уведомил его будто бы здешнее правительство получило весьма серьезные известия, и, в виду этого, Павлов имел беседу с Энвером, Талаатом. Последние предложили, чтобы Болгария немедленно выставила дивизию на границе Сербии. Геннадиев признал настоящую минуту неподходящей, ибо такая мера окончательно бросила бы Румынию в объятия держав Согласия. Энвер согласился с таким мнением. Тогда решили: 1) Успокаивать Румынию и, если это не удастся (*пропуск*), сговориться относительно совместных действий. Геннадиев уезжает завтра с Тошевым в Софию доложить о беседах с турками. Павлов старался убедить болгар не довольствоваться оттоманскими принципиальными решениями и постараться столковаться относительно военных мероприятий на случай, если бы Румыния выступила против Австрии. Геннадиев полагал, что, если турецкий флот сыграет значительную роль, атакует Констанцу и высадит войска, которые могли бы совместно с Болгарией... [1])

Гирс.

82.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

15 (28) сентября 1914 г., № 1241.

Личная. Прошу расшифровать лично.

«Отсюда» телеграфирует 21-го сентября: «Я имел доверительную беседу с великим визирем и полагаю, что мне удалось успокоить его относительно выраженного им германскому послу опасения, что немецкие офицеры смогут «провоцировать» русский флот и без особого на то приказания. Великий визирь решительно подчеркнул, что было бы

---

[1]) Текст телеграммы обрывается.

опасным колебать в общественном мнении положение оттоманского правительства. Таким путем было бы потеряно все, что было достигнуто за последние недели. Необходимо, по его мнению, главным образом, чтобы балканские государства были успокоены Турцией. Выступление Турции могло бы иметь место только, если в таковом приняла бы участие Болгария. Сегодня выходил в Черное море «Гебен». Когда я заговорил об этом с великим визирем, который об этом ничего не знал, он был поражен».

Гирс.

83.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

16 (29) сентября 1914 г., № 1254.

Лично. Прошу расшифровать лично.

«Отсюда» телеграфирует 20 сентября: «Я только что повторил Талаату и Джемалю сказанное мною вчера великому визирю относительно необходимости немедленного выступления флота. Я подчеркнул впечатление, которое оно могло бы произвести в Софии и Бухаресте. Мои собеседники заверили меня в полной готовности служить нашим интересам. По их мнению, ни для Турции, ни для нас не может быть выгодным вызывать Россию и восстанавливать против себя также и Францию и Англию. Не будучи уверены в Болгарии, они опасались, что Турция может оказаться в трудном положении, что турецкая армия не только должна будет обороняться против возможной высадки со стороны Греции или других воюющих держав, но что она может быть вынуждена связать свои войска на болгарской границе. Флот произведет рекогносцировку в Черном море. «Бреслау» выйдет туда сегодня, «Гебен» будет выходить в следующие дни. Повидимому, турки опасаются, что весь флот может выйти сразу и что германские офицеры могут вызвать бой с русским флотом. Угроза германского посла, что германские суда выйдут одни в Черное море, весьма озабочивает турецких министров, и они согласились допустить вышеупомянутую рекогносцировку, лишь бы избежать опасности выхода одних германских судов. Талаат-бей сказал мне, что турецкий флот получит предписание защищать болгарские берега, как только болгарское правительство обещает напасть на Сербию. Это вполне соответствует тому, что он мне уже однажды говорил. Мне сообщают, что из Адрианополя на Босфор перевели мортирные полки, обстоятельство, могущее служить доказательством опасения, существующего в военных кругах, возможной высадки русских».

Гирс.

84.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

17 (30) сентября 1914 г., № 1270.

Прошу расшифровать лично.

Румынский посланник совершенно доверительно сообщил мне, что германский посол дал ему сегодня прочитать телеграмму германского

посланника в Софии, передающую разговор последнего с Радославовым. Болгарский первый министр заявил будто бы, что болгарскому посланнику в Бухаресте предписано предупредить Братиано, что, в случае начатия Румынией военных действий против Австрии, болгарские войска войдут в Добруджу. По словам Радославова, турецкий посланник в Бухаресте должен одновременно заявить Братиано, что Турция поддержит в таком случае Болгарию своими войсками.

Гирс.

85.

Секретная телеграмма посла в Париже.

17 (30) сентября 1914 г., № 535.

Сегодня утром Делькассе получил от Бомпара телеграмму со след. подробностями: тотчас по передаче Порте условленных 50.000.000, герм. посол потребовал от нее немедленного выступления против Р. В состоявшемся совете турецких министров голоса разделились, и, чтобы выиграть время, было решено послать в Вену Халиль-бея. Тогда герм. посол, по соглашению с преданными Германии министрами, отдал приказание турецкому флоту, под нач-м германских офицеров, открыть против нас военные действия. В виду сего Гирс, Бомпар и Маллет, обсудив положение, пришли к заключению, что следовало бы заявить Порте, что, если она тотчас же не уволит всех немецких сухопутных и морских офицеров, она будет ответственна за их действия и, тем самым, очутится в войне со всеми тремя союзниками.

По мнению Бомпара, Т., конечно, уже не может освободиться от давления Германии, но подобный способ разрыва с нею будет выгоднее для союзников. Бомпар присовокупляет, что наш посол в момент отправления его телеграммы, т.-е. вчера вечером, не имел никакого предписания из Петрограда и что Гирс просит вас телеграфировать ему не только прямо, но и чрез посредство фр. пр-ва и посла. Делькассе телеграфировал сегодня утром о вышеизложенном Палеологу.

Извольский.

86.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

20 сентября (3 октября) 1914 г., № 1314.

Лично. Прошу расшифровать лично.

В тревожное время, переживаемое здесь, единичные события так быстро чередуются и сообщаемые сведения так противоречат друг другу, что, опасаясь ввести вас в заблуждение, передаю вам лишь те, которые могут иметь влияние на общее положение. Оно за последние недели упорно развивается в одном направлении—усиленной подготовки Турции к войне. Появление «Гебена» и «Бреслау» совершенно вскружило голову туркам, чем не замедлили воспользоваться немцы и австрийцы для окончательного привлечения Турции на свою сторону. Из теле-

грамм секретного источника и моей телеграммы № 1028 [1]) вам известно, что состоялся даже договор между ними. С тех пор военный министр, назначенный генералиссимусом армии и флота, совершенно передал как ту, так и другую в немецкие руки. Турция наводнилась немецкими офицерами, нижними чинами, орудиями и снарядами. Немцы стали усиленно готовить ее к войне со всеми державами Согласия, усиленно укреплять проливы и создавать нам всем затруднения на границах. Обращение всей Турции в военный лагерь отразилось и на отношении гражданских властей к иностранцам, и роль посольств и консульств в защите интересов иностранных подданных стала крайне тяжелой. Ухудшение положения немцев на театре военных действий до некоторой степени отрезвило более умеренных министров, и они начинают противиться стремлению немцев немедленно втянуть Турцию в военные действия. В совете идет борьба между умеренной партией и Энвером, часто поддерживаемым Талаатом,—борьба постоянно колеблющаяся в зависимости от известий, получаемых с театра военных действий. Но война может возникнуть и помимо решения кабинета от самовольных распоряжений немцев, имеющих флот в руках. Последний может выйти в море и самовольно напасть на нас. В стране, обираемой для военной цели, несомненно, возникает сильное недовольство правительством. В армии растет недовольство против немецкой гегемонии, но нет достаточно энергичного лица, чтобы стать во главе движения. Говорят о бунтах в войске, но слухи эти недостаточно проверены, и строить на них расчеты нельзя. Такое тревожное, неопределенное положение может продолжаться до полного нашего успеха на войне, когда у нынешних же министров может явиться смелость избавиться от Энвера и от немцев. Вероятнее же, однако, что до того немцами будет создан инцидент, который ввергнет Турцию в войну. Мои сотоварищи и я руководствуемся убеждением, что в настоящий момент нет выгоды итти на войну с Турцией, раз таковой добивается Германия, и потому всеми мерами сдерживаем Порту, стараясь лишь, насколько возможно, не вызывая крупного конфликта, обеспечить интересы наших подданных. При другой политической коньюнктуре отношение наше было бы несомненно более требовательным, ныне же оно только сыграло бы в руку немцам и вызвало бы немедленно войну. Последняя, вероятнее всего, неизбежна; но вашему высокопревосходительству надлежит указать мне, когда возможно будет ее допустить. Положению нашему здесь будет нанесен, однако, тяжелый удар, если война начнется хотя бы частичной неудачей нашего флота.

Гирс.

87.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

22 сентября (5 октября) 1914 г., № 1347.

Единственным турецким органом печати, имеющим уже известный круг читателей, и который можно было бы приобрести, является

[1]) См. выше.

«Сабах». Но талантливый и вместе с тем бессовестный его редактор Килакиан, не желая довольствоваться известной субсидией, предпочитает таковой продажу газеты. Он, конечно, рассчитывает остаться ее редактором. Просит он за газету 12.000 турецких фунтов. Полагаю, что удалось бы сбавить цену до 8.000. Казалось бы, однако, что газета должна была бы быть куплена не нами одними, а сообща с правительствами держав Согласия, имеющими здесь, по крайней мере в настоящую минуту, однородные интересы—бороться с немцами.

Гирс.

88.

Письмо посла в Константинополе министру иностранных дел.

22 сентября (5 октября) 1914 г.

Доверительно.

Милостивый Государь

Сергей Дмитриевич.

При возникновении настоящей европейской войны, как общественное мнение Турции, так и все внимание правящих кругов было поглощено надеждою на близкий приход в Константинополь двух построенных и приобретенных в Англии дредноутов. При посредстве последних Турция рассчитывала свести свои счеты с Грецией и, в частности, решить в свою пользу столь существенный для нее вопрос об островах.

Наложенный великобританским правительством секвестр на эти дредноуты, притом через несколько часов после получения от оттоманского правительства последнего следуемого за них взноса, разрушив вышеизложенные планы, нанес сильный удар самолюбию турок и вызвал в стране взрыв всеобщего негодования как против Англии, так и вообще против держав Тройственного Согласия.

Как раз в это время Германия предложила Турции свои два военных судна «Гебен» и «Бреслау», которые успели спастислгв турецких водах и которых, к великому сожалению, не захватила англо-французская эскадра. Это, пришедшееся так кстати предложение, с одной стороны, снова приподняло упавшее было воинственное настроение турок, а с другой—создало Германии в их глазах славу спасительницы Турции.

Опьяненные столь удачным для них оборотом дела, возбуждаемые и подстрекаемые германцами и австрийцами, всеми силами и средствами убеждавшими их в своей скорой и несомненной победе, турки всецело перешли на сторону Тройственного Союза и стали деятельно готовиться к войне. Объявление всеобщей мобилизации и связанное с нею обращение всей страны в военный лагерь привели к подчинению гражданских властей военным, к преобладающему влиянию воинственной партии с Энвером-пашою во главе, назначенным генералиссимусом армии и флота и фактически захватившим в свои руки все управление страною.

Таким положением не замедлили воспользоваться германцы, чтобы еще более упрочить свое значение в Турции и захватить в свое веде-

ние не только армию, но и флот. В Турцию стали появляться крупными партиями германские офицеры и нижние чины, приходить целые транспорты оружия, военных припасов и даже денег. Под руководством германских офицеров началось деятельное укрепление проливов и подготовление Турции к войне с всеми державами Тройственного Согласия и, в частности, с Россиею, войне, обусловленной, повидимому, в состоявшемся между Турциею и Германиею и Австро-Венгриею договоре.

При такой обстановке деятельность как посольства, так и консульств в деле защиты интересов русских подданных является крайне тяжелою, тем более, что приходится считаться с возможностью, при более настойчивом и энергичном образе действий, вызвать нежелательный для нас в данный момент и столь выгодный для наших противников конфликт с Турциею.

За последнее время однако под влиянием известий об ухудшении положения германцев на театре военных действий и о блестящих успехах наших войск в Галиции, в настроении турок можно отметить некоторое отрезвление. В совете министров началась борьба между воинственною партиею и партиею умеренных, во главе с Джавидом-беем и Халиль-беем, старающихся удержать Турцию от немедленного вовлечения в войну. Эта умеренная партия не без основания видит опасность для Турции от ее немедленного активного выступления до выяснения общего положения на театре военных действий. Влиянию ее можно приписать противодействие, которое встретил со стороны турок германский проект о выходе турецкой эскадры в Черное море.

Произведенная в Турции мобилизация, привлекшая под оружие около 1.000.000 солдат, из коих, правда, лишь 400.000 вооружены настоящим образом, связанные с нею реквизиции, поборы и всевозможные злоупотребления, тяжело отразившись на населении, создали в стране крайне напряженное состояние, выход из коего так или иначе должен быть найден.

Для частичного разряжения сгущенной атмосферы партия умеренных провела отмену капитуляций, видя в ней меру, могущую, с одной стороны, дать известное удовлетворение общественному мнению, а с другой — послужить оправданием мобилизации и тех жертв, которые понесла страна.

Вопрос об отмене капитуляций не нов и должен был служить предметом обсуждения при заключении Турциею экономических и финансовых соглашений с великими державами. Являясь ныне односторонним актом Оттоманского правительства и нарушением прав и преимуществ, установленных трактатами, отмена капитуляций не могла не вызвать протеста держав, особенно в той части их, которая касается обеспечения юридических и личных прав иностранных подданных в пределах Оттоманской империи.

Как известно вашему высокопревосходительству, необходимость изменения нынешнего судебного режима была сознана и самими турками, и Халиль-бей заявил мне, что Порта отдала секретное предписание не применять временно нового порядка в делах судебных. Трудно однако надеяться на безусловное исполнение такого предписания, особенно в провинции, где власть всецело перешла в руки военных. Вместе с тем Халиль-бей заявил, что им образована особая комиссия

для обсуждения проекта судебных реформ, в состав коей вошли европейцы, состоящие на службе турецкого правительства, в роде графа Остророга, англичанина Кларка, и несколько турецких сановников. Выработанный комиссиею проект будет представлен на рассмотрение иностранных представителей в Константинополе.

Нет сомнения, что мероприятия правительства за последнее время вызвали сильное недовольство в стране, несущей все тяготы нынешнего военного положения. До меня доходят слухи о брожении в армии, недовольной гегемониею немцев, о бунтах в войсках и проч. Но слухи эти недостаточно проверены, и во всяком случае на этом недовольстве нельзя строить надежд, тем более, что до сих пор не появилось достаточно энергичного и влиятельного лица, которое могло бы использовать его для свержения нынешнего правительства.

Как я уже имел честь высказать в секретной телеграмме моей от 20-го сего сентября за № 1314, по моему мнению, война вероятнее всего неизбежна. Весь вопрос в том, когда именно и при каких условиях она наступит. Быть может, нынешнему тревожному напряженному состоянию будет положен конец самими немцами, которые могут создать инцидент, который вовлечет Турцию в войну даже против ее желания. Быть может, и сами турки решатся на нее в случае успеха наших противников.

Единственным средством избегнуть таковой был бы крупный успех наш на войне, который бы дал более прочную почву умеренной партии для борьбы с военною и побудил бы быть может даже само правительство избавиться от всесильного ныне Энвера-паши и германского влияния.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и таковой же преданности.

М. Гирс.

89.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

27 сентября (10 октября) 1914 г., № 1411.

Прошу расшифровать лично.

Павлов телеграфирует 6-го октября: — «Талаат сказал мне сегодня, что с его стороны выступление в Черном море оттоманского флота против русского не встретило бы возражений, лишь бы существовала полная уверенность в Болгарии. На нее однако, как кажется, нельзя еще рассчитывать. Если бы, вследствие действия турецкого флота в Черном море, Турция оказалась в войне и с остальными державами Тройственного Согласия, Турции пришлось бы считаться также с возможностью высадки греческих войск в Галлиполи на мало-азиатском берегу. Такое обстоятельство представило бы опасность для Турции, если бы Болгария напала на нее с тыла. Талаат сказал мне, что он переговорит об этом частным образом с великим визирем, только что позвавшим его к себе».

Гирс.

90.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

27 сентября (10 октября) 1914 г., № 1412.

Прошу расшифровать лично.

Павлов телеграфирует 5-го октября: «Я сказал сегодня великому визирю, что в Вене и Берлине считают момент наступившим для военных действий Турции, и поэтому следовало бы иметь в виду выступление турецкого флота в Черное море. Великий визирь, который до сих пор отказывался предпринимать что-либо, что могло бы привести к разрыву с Россией, поддавался более моим аргументам, так что я вынес впечатление, что нам удастся убедить Турцию *(пропуск)* к немедленным действиям. Великий визирь возразил мне лишь, что, по его мнению, действие флота не может иметь решительного влияния на нынешнее положение, на что я ответил ему, что господство турецкого флота над Черным морем произведет сильное впечатление, как на балканские государства, так и на весь мусульманский мир. Я стараюсь воздействовать в таком духе на остальных влиятельных государственных деятелей Турции. Германский посол, имеющий тождественные инструкции, обещал также переговорить с великим визирем».

Гирс.

91.

Депеша посла в Константинополе.

30 сентября (13 октября) 1914 г., № 98.

Как мне сообщают из секретного источника, за последние дни, в виду ожидавшегося с минуты на минуту падения Антверпена, Энвер-паша особенно энергично настаивал на начатии военных действий против России, предлагая на кавказской границе ограничиться лишь оборонительной тактикой, но в Черном море напасть на русский флот и произвести высадку войск.

Эти предложения послужили предметом обсуждения в комитете партии «Единение и Прогресс», при чем было указанно, что перевозка войск по морю представляется рискованною, и что, вообще, план Энвера-паши не достаточно серьезен.

В том же заседании был прочитан рапорт одного из членов комитета, Эюба Сабри, осматривавшего войска и нашедшего, что вооружение их недостаточно и что среди призванных из запаса много лиц престарелых, не могущих приносить никакой пользы.

Хотя за достоверность приводимых сведений я не могу ручаться, но несомненно, что между комитетом и всесильным ныне Энвером-пашою проявляется уже известное трение и критическое отношение комитета к распоряжениям последнего.

Тем не менее власть Энвера, опирающегося на немецких офицеров и на преданную ему константинопольскую армию, настолько велика, что комитету приходится с нею считаться.

М. Гирс.

92.

Депеша посла в Константинополе.

30 сентября (13 октября) 1914 г., № 99.

Как мне сообщают из секретного источника, адмирал Сюшон, поддерживаемый Энвером-пашой, настаивал на выходе всей турецкой эскадры в Черное море с целью уничтожить наш флот.

Это предположение встретило однако возражение со стороны Джемаля-паши, указывавшего, что Турция еще не находится в войне с Россией и что имеющиеся у нас подводные лодки легко могут потопить турецкий флот.

После продолжительного обсуждения положения в комитете партии «Единение и Прогресс» и в кабинете было решено, в виду необходимости для турецкого флота играть известную роль в Черном море, а равно вследствие возможности подхода всей русской эскадры к Босфору, чтобы турецкий флот выходил в море и делал там эволюции, а некоторые из быстроходных судов постоянно держались в море, на некотором расстоянии от Босфора, и извещали о приближении русского флота.

При этом вышеуказанным судам предписано будто бы, в случае входа русских военных судов в турецкие территориальные воды, потребовать их удаления, ссылаясь на нейтралитет Турции, но не нападать на них.

Вместе с сим, под влиянием известия, что после смерти короля Карла Россия будет действовать более энергично и предполагает напасть на Турцию со стороны Эрзерума, местным пограничным властям приказано быть наготове.

Хотя все вышеизложенные сведения требуют проверки, несомненно, однако, то, что за последние дни турецкие общественные и политические круги находятся в значительном волнении под влиянием, во-первых, известия о последовавшей кончине румынского короля, предполагаемого о связи с этим изменения во внешней политике *(пропуск)* Румынии и, во-вторых, сообщения о выходе нашей черноморской эскадры к берегам Румынии и Болгарии. Здесь одно время ходили даже нелепые слухи в бомбардировании нами Варны.

М. Гирс.

93.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

6 (19) октября 1914 г., № 1507.

Лично. 12-го октября Павлов телеграфирует, что великий визирь признал, что необходимо изгладить впечатление, произведенное появлением русского флота в Черном море на Болгарию и Румынию, и добавил, что оттоманский флот вышел в море. Что касается нападения на русский флот, то великий визирь пока колеблется, но, повидимому, скоро сдастся. Энвер же стоит за немедленные действия, опасаясь кризиса в кабинете. Он просил также Павлова передать германскому

*

послу, что немедленно нужны деньги, ибо в противном случае невозможно будет долее поддерживать мобилизацию.

Гирс.

94.

Депеша посла в Константинополе.

6 (19) октября 1914 г., № 102.

Месяц тому назад в связи с объявлением об отмене оттоманским правительством капитуляций, возник слух об уничтожении также и учреждения Оттоманского Долга. Президент совета последнего посетил тогда же Джавид-бея, чтобы убедиться, насколько распространявшиеся тогда слухи отвечали действительности. Министр финансов заверил де-ла-Булиньера, что в намерение правительства вовсе не входит посягать на учреждение, неоднократно оказавшее столь ценные услуги правительству, и обещал телеграфировать оттоманскому послу во Франции, дабы последний опроверг в печати слухи, неосновательность коих была очевидною.

Между тем вчера мне донесли из весьма доверительного источника, что председатель германских держателей оттоманских ценностей Г. Прич, уехавший в Берлин дней 5—6 тому назад, увез с собою, дабы *(пропуск)* представить его на благовоззрение своего правительства проект о преобразовании Оттоманского Долга. Из учреждения иностранной опеки над частью оттоманских финансов, таковое намечается в проекте, как чисто оттоманское учреждение с оттоманским министром финансов во главе и с иностранными специалистами на турецкой службе, в качестве членов совета.

Если бы такому начинанию удалось осуществиться, оно явилось бы новым шагом к столь яро и бесцеремонно преследуемому младотурками освобождению Турции от пут, наложенных на нее Европою. От этой «реформы» более остальных держав пострадала бы Франция, менее всех, или вовсе не пострадали бы мы, так как в руках наших соотечественников не имеется оттоманских ценностей.

М. Гирс.

95.

Депеша посла в Константинополе.

10 (23) октября 1914 г., № 107.

Как я уже имел случай неоднократно сообщать вашему высокопревосходительству, германцы и австрийцы принимают все меры и направляют все свои усилия к тому, чтобы принудить Турцию к выступлению против держав Тройственного Согласия вообще и против России в частности.

Преследуя эту цель, германцы не пренебрегают никакими средствами, могущими возбудить против этих держав турецкое общественное мнение.

Особое внимание обращено было ими на возбуждение панисламистского движения, как в самой Турции, так и в других местностях с мусульманским населением.

Из моих телеграмм, а равно из донесений наших консулов ваше высокопревосходительство уже изволили осведомиться о тех мерах, к которым прибегают турки, по наущению и на средства германцев, в целях возбуждения этого движения в Египте, Персии и т. д. При этом, движение это должно быть направлено против держав Тройственного Согласия, являющихся, якобы, главными врагами и угнетателями ислама.

В своем увлечении идеею величия ислама, турки доходят до того, что вполне сознательно верят, что, в случае войны Турции с этими державами, она найдет поддержку мусульман Индии, Египта, Туниса, Алжира, Кавказа, Туркестана и проч. На ряду с этим они наивно воспринимают самые нелепые, распространяемые среди них, слухи, в роде того, что император Вильгельм принял мусульманство и что немцы исповедуют религию, ничем от ислама не отличающуюся. Мне сообщили, что в некоторых местах Константинополя происходили моления за германского императора, при чем его поминали особенным присвоенным ему турецким именем.

В виду такого возбуждения религиозного мусульманского чувства представляется весьма вероятным, что, в случае войны Турции с державами Тройственного Согласия, положение христианского населения Оттоманской империи окажется несравненно более тяжелым, чем оно было во время последних итало-турецкой и балканских войн.

М. Гирс.

96.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

12 (25) октября 1914 г., № 1571.

Прошу расшифровать лично.

19-го октября Паллавичини телеграфирует: «Великий визирь продолжает колебаться и в ответ на мои уверения, что военное выступление турок в Черном море вынудит Болгарию к более решительным действиям, возразил мне, что он располагает достаточными данными, убеждающими его в том, что и при таких условиях Болгария останется нейтральною. Великий визирь высказал мне также опасения относительно Италии, где очень взволнованы тем, что происходит на севере Ливии. Великий визирь не хотел согласиться со мною, что военное выступление флота в Черном море может иметь влияние на общее военное положение. Из его сомнений я вывожу заключение, что он все же в конце концов сдастся. Талаат мне признался совершенно откровенно, что он стоит за немедленное выступление, но что вопрос этот следует обсудить не только с военной точки зрения, но и с политической. По мнению Талаата, Турция могла бы на случай военного своего выступления оказать давление на Болгарию, пригрозив ей. Он полагает, что Румыния будет также вынуждена действовать, ибо господство над Черным морем наверное окажет на нее большое влияние».

Гирс.

97.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

15 (28) октября 1914 г., № 1595.

По доверительным словам Тошева, кажущимся мне правдоподобными, поездка Халиля была будто бы вызвана стремлением убедить Вену и Берлин, что Турция не может начать ныне войну и что в интересах Германии и Австрии дать ей отсрочку до весны, когда панисламистское движение будет сорганизовано против держав Тройственного Согласия. Здешние германский и австрийский послы слишком будто бы скомпрометировали себя перед своими правительствами, постоянно обещая немедленное военное выступление Турции, и не могут ныне будто бы изменить занятое ими в данном вопросе положение. При всем том как оба посла, так и в особенности Лиман, продолжают напрягать все усилия для вызова турецкого выступления. Гирс.

98.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Константинополе.

16 (29) октября 1914 г., № 2523.

Наместнику его императорского величества на Кавказе, адмиралу Эбергардту и директору канцелярии при штабе верховного главнокомандующего.

Сообщается в Бордо, Лондон, Рим, Бухарест, Софию, Афины, Цетинье и Ниш.

Турки открыли военные действия против незащищенного порта Феодосии и канонерки, стоявшей в одесском порту.

Вследствие сего благоволите сделать распоряжение о выезде наших консулов, передав охрану наших интересов итальянскому послу.

Вместе с сим заявите Порте, что, вследствие упомянутых враждебных действий, вам предписано покинуть Константинополь с подведомственными вами чинами.

Я просил итальянского посла передать турецкому правительству, что с его представителями и подданными в России будет поступлено так же, как с нашими в Турции. Сазонов.

99.

Секретная телеграмма министра иностранных дел директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего [1]).

17 (30) октября 1914 г., № 3543 — 3544.

По всем признакам, нападение турецкого флота на наши суда и побережье в Черном море — дело германских командиров. Наш

---

[1]) На подлиннике на полях синим карандашом царская пометка: черта и две точки. На полях же пометка рукою Николая II: «В России никто не поймет такой постановки вопроса. По моему мнению, война с Турцией фактически началась, так как русская кровь уже пролита».

Царское Село.
17 октября 1914 г.

то тогда можно еще было бы приступить к переговорам об удовлетворении за вероломное нападение на наши берега и причиненный от этого ущерб.

Я разрешил Фахр-Эддину отправить шифрованную телеграмму в этом смысле, прибавив, что сделанное им сообщение ничего не меняет в создавшемся положении.

Фахр-Эддин получит паспорта для выезда завтра, в виду чего ответ может быть передан через итальянского посла.

Сазонов.

РОССИЯ и БОЛГАРИЯ

1914 г.

1.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

12 (25) июля 1914 г., № 141.

Вернувшийся сюда недавно из Вены австрийский посланник за эти дни имел частые и продолжительные беседы с Радославовым. По всей вероятности, граф Тарновский, получив в Вене соответствующие инструкции, запросил Радославова, какое положение займет Болгария, если бы Австрия, в случае неудовлетворительного ответа Сербии на переданную в Белграде ноту, прибегла к репрессивным против Сербии мерам. Кроме того, Австрия стремится, повидимому, заручиться в случае выступления против Сербии, если не активной, то во всяком случае нейтральной поддержкой Болгарии. Вчера Радославов, по совещании с австрийским посланником, был во дворце. Здешние военные круги, весьма враждебно настроенные против Сербии, очень сочувственно отнеслись бы к походу на сербов.

Савинский.

2.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

16 (29) июля 1914 г., № 146.

Ваша телеграмма № 1496 получена [1]).

Радославлов заверял меня вчера, что болгарское правительство решило оставаться нейтральным в австро-сербском вопросе. Но на мое замечание, что австрийский посланник в своих бесконечных разговорах, как с ним, так и с королем, наверно, обещает им за поддержку за счет Сербии Македонию, он не скрыл, что, конечно, взял бы Македонию обеими руками. Положительных данных, утверждающих, что у Болгарии с Австрией есть на этот счет соглашение, не имею, но, по всему видно, что это более, чем вероятно. Если и когда Австрия нападет на Сербию, Болгария наверное будет посылать в Македонию

---

[1]) В телеграмме за № 1496 Сазонов предлагает Савинскому проверить слухи о переговорах, происходящих между Турцией, Болгарией и Австрией. См. «Красный Архив» № 4, стр. 47.

своих комитаджей и делать сербам, по уговору с австрийцами, всякие другие затруднения. Как явствует из разговоров с правительственными, так и с оппозиционными деятелями, они в принципе согласны, что поставленная в такое ужасное положение Сербия нуждается в помощи и симпатии, но на практике не считают возможным забыть свои с ней счеты. Нейтралитет, о котором говорил Радославов, по-моему, чисто выжидательный. Со своим практическим умом болгары хотят несколько осмотреться, а потом, смотря по ходу событий, решить, с кем им выгоднее будет итти. Я твердо заявил, что еще все без различия направлений уверены, что Россия не допустит нового издевательства Австрии, и тогда они с легкостью повернут спину Вене. Малинов уверял меня, что даже король держится этой тактики. Но, если мы позволим Австрии ее акт международного разбоя, то Болгария, конечно, постарается извлечь из этого возможно большие для себя выгоды. Не могу скрыть при этом, что в таком случае наш престиж в славянском мире вообще погибнет безвозвратно.

Савинский.

3.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

16 (29) июля 1914 г., № 151.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 150 [1]).

Из этой телеграммы ясно, что от объявленного Болгарией нейтралитета остается очень мало. Очевидно, болгары, подбадриваемые Австрией, решили не упустить случая и под шумок завладеть Македонией или объявить ее автономной, и, если не напасть на Румынию, то во всяком случае быть готовыми отразить ее нападение. Нам предстоит теперь же решить, как отнестись к этому умалению и без того обездоленной Сербии. Слишком большое ослабление Сербии и особенно в пользу Болгарии не должно входить, мне кажется, в наши расчеты вообще, и, особенно, потому, что, если предположенный шаг удастся теперешнему болгарскому правительству, роль руссофильских партий в Болгарии будет кончена раз навсегда. Третьего дня я телеграфировал, что предостерег Радославова от австрийских соблазнов и посылки чет; без особого вашего приказания мои дальнейшие настояния были бы бесцельны, так как на словах они будут все отрицать. Может-быть, можно было бы сделать что-нибудь чрез Радко-Дмитриева или чрез Бухарест на почве неприкосновенности Бухарестского трактата [2]), если еще о таковой неприкосновенности может быть речь. Не нужно скрывать от Сербии, что все, что мы будем предпринимать в этом смысле, будет впоследствии обращено болгарами против нас.

Савинский.

---

[1]) В тел. № 150 от 16 июля сообщается о военных приготовлениях в Болгарии и о деятельности болгарских агентов в Македонии.

[2]) См. примечание на стр. 6.

4.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии.

21 июля (3 августа) 1914 г., № 1655.

Копия в Ниш.

Прошу вас заявить правительству и, если найдете соответственным, королю следующее:

«В ответственную минуту, переживаемую ныне, поведение Болгарии, быть-может, навсегда предопределит отношение к ней России. Руководителям болгарской политики представляется возможность рассеять все недоразумения, восстановить с новой силой узы Болгарии с Россией и выйти из предстоящего испытания, приблизившись к осуществлению народных идеалов. Для этого требуется добросовестное, честное согласование болгарской политики с начинаниями России. Болгария может получить от этого действительные выгоды, в случае территориальных приобретений Сербии. Если же, вместо того, она начнет возбуждать смуту в Македонии и питать какие-либо злые умыслы против Сербии, то в виду вступления России в войну, такое поведение Болгарии будет рассматриваться нами, как открытый враждебный акт против России, и навсегда разроет пропасть между обоими народами. Руководители Болгарии возлагают на себя личную ответственность за последующую политику, и мы хотим верить, что, памятуя лучшие заветы своей истории, Болгария им не изменит и решительно заявит о своем намерении теперь же вступить с нами в переговоры о согласованности наших взаимных видов».

Сазонов.

5.

Секретная телеграмма министра иностранных дел поверенному в делах в Сербии.

23 июля (5 августа) 1914 г., № 1684.

Прошу вас сообщить Пашичу следующее:

«Мы полагаем, что в настоящую минуту надо, откинув мелочные расчеты, действовать решительно и быстро. С этой точки зрения мы полагаем, что содействие Болгарии, независимо от исхода войны, может быть обеспечено только отдачей ей теперь же Иштиба и Кочан с территорией до Вардара. В случае же победоносной войны Болгария получает так называвшуюся спорную территорию, предусматривавшуюся второй статьей тайного приложения сербо-болгарского договора 29 февр. 1912 г., от вершины Голема севернее Кривой Паланки, до Охридского озера со включением Струги.

Если бы Болгария затруднилась выступить с военными силами, то за добросовестное соблюдение нейтралитета она могла бы быть вознаграждена Кочанами и Иштибом с территорией до Вардара лишь после победоносной войны, в чем Сербия теперь же даст обязательство России, которая сообщит таковое Болгарии».

Делая настоящее сообщение, выскажите Пашичу следующую нашу общую точку зрения: начиная войну, требующую напряжения всех своих сил, войну, вызванную защитой Сербии, и которая с божьей помощью приведет к исполнению ее народных идеалов, Россия не сомневается, что сербское правительство без колебания пойдет навстречу ее заветному желанию восстановить братство всех славянских народов и прежде всего Сербии и Болгарии.

Жертвы, которые для этого придется понести Сербии, несоизмеримы с тем, что она может получить. Они несоизмеримы также с теми жертвами, которые несет Россия. Само собою разумеется, условия, сообщаемые ныне Пашичу, не должны быть нами сообщены болгарам. Для нас необходимо лишь быстрое и категорическое согласие сербского правительства предоставить России полномочие начать переговоры в указанных выше пределах. Какие-либо колебания в настоящий момент мы считали бы прямо пагубными.

Сазонов.

6.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

27 июля (9 августа) 1914 г., № 180.

Получив подтверждение об усиленной работе здешней австрийской дипломатии, вчера имел длинный и энергичный разговор с Радославовым, в котором доказал ему всю невыгодность для Болгарии следовать вероломным и эгоистичным советам Австрии и указал, наоборот, что, если к моменту окончания войны Болгария не нарушит по собственному почину дружественного России нейтралитета и Россия не будет в состоянии ее ни в чем упрекнуть, то она может ожидать самых щедрых вознаграждений. Этот разговор произвел впечатление на Радославова, который спросил, может ли он передать его совету министров. В самое последнее время появились указания, что работа австро-германской дипломатии потерпела некоторый урон; от нападения на Румынию, с целью заставить ее вернуться в лоно Австрии, Болгария, повидимому, отказалась к большому негодованию Вены, направившей тогда свои усилия совместно с Германией на Турцию в надежде таким образом заставить Болгарию, под страхом турецкого нападения, выступить против Сербии. Из вчерашних слов Радославлова было ясно, что болгарское правительство ждет с нашей стороны более определенных обещаний. Это определилось в полной мере сегодняшним разговором с военным министром. Последний под большим секретом сообщил, что у Болгарии имеются письменные обещания Австрии и Германии, что, в случае успешного для них исхода войны, Болгария получит нынешнюю сербскую территорию с Пиротом и Нишем, Македонию с Вардаром и Салониками. Как ни несбыточны эти обещания, однако, болгары ими дорожат, и мне кажется, что для того, чтобы привлечь Болгарию на нашу сторону, нам непременно нужно, не теряя ни минуты, сделать им также письменные предложения, не входя, конечно, в детали, а определив в общих чертах будущие территориальные приращения Болгарии. Теперь, когда начинает появляться надежда действительно удержать

Болгарию от австрийского соблазна, и когда не только Греция и Сербия, но и Румыния убедились в невозможности сохранения неприкосновенности Бухарестского договора, мысль о возобновлении балканского блока [1]) становится осуществимой. Конечно, пока следовало бы избегать всяких частностей. Мой румынский коллега во вчерашнем разговоре пошел дальше, чем Братиано в беседе с Поклевским, и дал понять, что за Трансильванию Румыния охотно отказалась бы от Болгарской Добруджи. Мне кажется, это было бы только справедливо, ибо нет причины обеспечивать желательный Румынии нейтралитет Болгарии лишь греческими и сербскими уступками, как о том высказался Братиано и Порумбаро. Но, с другой стороны, немыслимо допустить, чтобы Сербия, из-за которой мы объявили войну и которую ожидают богатейшие приращения, ставила теперь какие-то условия, в роде тех, которые изложены в телеграмме Штрандтмана № 311, или высказывались мысли, заключающиеся в его телеграмме № 331 [2]). Казалось бы, Сербия должна совершенно довериться нам. Если ваше высокопревосходительство найдете целесообразным сделать Болгарии вышеупомянутые обещания, необходимо не терять ни минуты, так как враждебная нам дипломатия должна не сегодня-завтра произвести на болгарское правительство последний сильнейший натиск.

Савинский.

7.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии.

27 июля (9 августа) 1914 г., № 1768.

Срочно. Копия в Ниш и Бухарест.

Вызвав болгарского посланника, я сказал ему, что письменный ответ, полученный нами на запрос Болгарии о ее намерениях, я не могу признать искренним. Переложение ответственности за возможное восстание в сербских областях не способно ввести нас в заблуждение. В настоящую минуту всякая двусмысленность крайне опасна. Поэтому я прошу серьезно предостеречь его правительство от тех последствий, которые Болгария навлекла бы на себя каким бы то ни было выступлением против Сербии, с которой мы состоим в союзных отношениях. Последствия этого были бы пагубны для Болгарии. Наоборот, если Болгария сохранит благожелательный нейтралитет, обязывающий ее противиться наступательным действиям Турции, мы можем обеспечить ей территориальные приращения с Иштыбом и Радовиште. В случае победоносной войны, которая может сулить Сербии значительные приращения, мы, конечно, приняли бы во внимание возможность и более широкого удовлетворения Болгарии. Объяснитесь в том же смысле с болгарским правительством.

Сазонов.

---

[1]) Имеется в виду образовавшаяся при деятельной поддержке русской дипломатии к осени 1912 г. четвертная коалиция балканских государств, направленная против Турции и Австро-Венгрии.

[2]) В телеграмме от 24 июля (6 августа) 1914 г. за № 311 Штрандтман указывает со слов Пашича, что сербский кабинет не согласится на территориальные жертвы в пользу Болгарии, но что сербы станут уступчивее, если получат обещания выхода к Адриатике.

В телеграмме за № 331 от 27 июля 1914 г. Штрандтман говорит об опасности преждевременного возбуждения Болгарии в случае, если Румыния и Греция обнаружат готовность покинуть почву Бухарестского договора.

8.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии.

27 июля (9 августа) 1914 г., № 1771.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 1768. Копия в Париж, Лондон, Константинополь, Ниш, Бухарест и Афины.

Благоволите заявить болгарскому правительству, что мы ждем совершенно точного и незамедлительного ответа на наше предложение о нейтралитете с обязательством помешать действиям Турции. В случае неполучения совершенно точного ответа или затяжки в ответе, мы предупреждаем болгарское правительство, что Россия оставляет за собой полную свободу действий, вытекающую из ее союзных отношений с Сербией, и перелагает личную ответственность на руководителей нынешней болгарской политики за последствия. — В случае указания Болгарии на трудность одной справиться с задачей, можете сказать, что в случае утвердительного ответа она может рассчитывать на содействие нашего черноморского флота. Изложенное сообщено мною болгарскому посланнику.

Сазонов.

9.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

29 июля (11 августа) 1914 г., № 184.

Копии в Париж, Лондон, Константинополь, Ниш, Бухарест и Афины.

Ваша телеграмма № 1771 получена. Ссылаюсь на свою телеграмму № 181 [1]).

Исполнил ваше приказание. Ответ обещан завтра утром после совещания с королем и обсуждения в министерском совете.

Инструкция вашего высокопревосходительства предусматривает возможность военных действий между Турцией и Болгарией. На случай, если бы императорское правительство желало однако их избежать, смею вернуться к высказанной вчера мысли о нашем совместном шаге с Англией и Францией в Конс-п-ле. Если требование демобилизации будет признано за слишком ультимативное, быть-может, можно было бы ограничиться предупреждением не нападать на Болгарию, с которой нас связывают традиционные узы. Этот шаг, если его сделать публичным, может оказать двойную услугу, так как покажет здешнему общественному мнению, что Россия не покидает Болгарии в трудную минуту, и подорвет положение теперешнего правительства [2]).

Савинский.

---

[1]) В тел. от 27 июля за № 181 Савинский развивает мысль о желательности сделать в Константинополе через трех послов представление с требованием демобилизации и одновременно с обещанием в случае необходимости военной помощи Болгарии.

[2]) С июля 1913 г. кабинет возглавлялся Радославовым, сторонником австрийской ориентаци. (См. «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910 — 1914 гг.». стр. 629 и 694).

10.

Секретная телеграмма посланника в Софии [1]).

30 июля (12 августа) 1914 г., № 187.

Вот текст только что полученного мной письменного ответа болгарского правительства.

«Королевский министр иностранных дел имеет честь довести до сведения российской императорской миссии, что совет министров рассматривал сегодня сообщение, представленное вчера 29 июля старого стиля его превосходительством г-ном Савинским.

Принимая во внимание то обстоятельство, что не случилось ничего, что могло бы изменить его предшествующие решения, совет министров, в полном сознании своей ответственности перед нацией, постановил сообщить императорской миссии, что Болгария будет продолжать соблюдать самый строгий нейтралитет и будет заботиться о защите своей территории».

Савинский.

11.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

30 июля (12 августа) 1914 г., № 188.

Копии в Париж, Лондон, Константинополь, Ниш, Бухарест и Афины. № 2 [2]).

За № 1 сообщаю текст болгарского ответа. Хотя требуемой вами точности в нем нет, но дается обещание исполнить оба наши требования: сохранение строжайшего нейтралитета и обязательство охранять неприкосновенность болгарской территории. В другой ноте, полученной мною накануне, к обязательству сохранять строжайший нейтралитет прибавлено: «во время и до конца кризиса, через который ныне проходит Европа».

Умолчание о предлагаемой нами помощи я объясняю боязнью нарушить нейтралитет, так как правительство боится войны и надеется в конце концов ее избегнуть...

Некоторая сдержанность ответа объясняется задетым самолюбием короля, который станет открыто на нашу сторону, лишь когда увидит, что победа в начавшейся борьбе за нами.

Французский посланник, посетивший Радославова после отправки ноты с целью поддержать мой шаг, вынес из длинного разговора с первым министром, что Болгария приняла твердое решение отразить силою турецкое нападение.

Оппозиция, которую я, согласно вашему указанию, посвятил в содержание ответа, выразила свое удовлетворение и приветствовала принятое правительством решение.

---

[1]) Перевод с французского.

[2]) Упоминаемый текст болгарского ответа приводится в телеграмме Савинского за № 187.

Так как здесь всегда возможны неожиданности, и, несмотря на данные обещания, Болгария может в последнюю минуту их не сдержать и поддаться австро-германским внушениям, считал бы последним средством, дабы удержать правительство от непоправимого шага, личное обращение государя императора в свое время по телеграфу к королю. Такое обращение, которое должно стать известным народу, может в решительную минуту заставить короля образумиться.

Если эта мысль в принципе будет принята, было бы практично для выигрыша времени доставить мне текст обращения заблаговременно. Само собою разумеется, я воспользовался бы им только в крайнем случае и с особого разрешения.

Савинский.

12.

Письмо посланника в Софии министру иностранных дел.

2 (15) августа 1914 г.

Милостивый Государь

Сергей Дмитриевич.

События идут таким невероятно быстрым темпом, что даже телеграфная переписка иногда не успевает за ними следовать. Поэтому я воздерживаюсь от депеш и писем, тем более, что у вас нет лишнего времени на их чтение, но все-таки считаю долгом доложить вам о своей аудиенции у короля и сообщить некоторые имеющие значение и интерес подробности насчет здешнего политического положения за последние дни.

Получив вашу секретную телеграмму от 21 июля за № 1655, я тотчас же испросил аудиенцию у короля и, прочтя его величеству текст инструкции, развил в полуторачасовом разговоре ее главные положения, стараясь, на основании некоторых фактов и подробностей, доказать королю всю гибельность для Болгарии ее нынешней политики.

Я начал с знаменитого письма 23 июня мин. года, написанного королю теперешними его министрами, в котором давался совет, порвав с Россией, обратиться к Австрии. «Люди, подписавшие это письмо, — сказал я, — были призваны вашим величеством к власти и по сию пору ее сохраняют в своих руках. Ваше величество можете судить сами о том впечатлении, которое это должно производить в России. После объяснений, которые давались неоднократно мне как Радославовым, так и Геннадиевым насчет этого письма, после их заверений, что в письме этом не заключается политической программы и что оно теперь утратило всякое значение, императорское правительство, в своей бесконечной благожелательности, согласилось стать на эту точку зрения, особенно, когда увидело тяжелые во всех отношениях условия, которые ставились болгарскому правительству берлинскими банками во время

недавних переговоров о займе [1]); правительство решило великодушно прийти Болгарии на помощь и совместно с Францией предложило весьма легкий и выгодный заем. Что же встретили мы, к нашему огромному удивлению? Упорное нежелание правительства даже рассмотреть французские предложения и ничем неоправдываемое решение взять немецкие деньги. Эти обстоятельства в связи с тем неслыханным нарушением всякой законности, к которому прибегло правительство при обсуждении займа в народном собрании, с очевидностью доказали нам, что речь шла не о простом займе, а о займе политическом, что правительство было связано известными обязательствами и не смело их нарушить. Было ли это то обязательство, которое, как уверяют, было подписано министром иностранных дел вашего величества Геннадиевым в октябре минувшего года в Вене, сейчас после того, что он уверял нашего посла в Париже о решении согласовать свою политику с видами России, или какое-либо другое соглашение с Австрией — письменное или устное — я не знаю, да это и безразлично; но наличность такового доказывается необъяснимым иначе поведением болгарского правительства». — При этих словах король поднял плечи и с горькой усмешкой сказал: «Геннадиев подписывает соглашение с Веной!».

Затем я продолжал: «Пока Россия не была в войне, подобная политика, хотя и была преступна, но она была преступна лишь против Болгарии, а теперь она становится недопустимой для нас, и такое поведение Болгарии мы будем рассматривать, как открытый враждебный акт, способный навсегда создать пропасть между двумя странами. — Оставляя в стороне соображения чувства и благодарности, я совершенно отказываюсь понять, как по соображениям собственного интереса Болгария может ожидать чего-нибудь от Австрии, от той Австрии, которая за свое вероломное и эгоистичное отношение к союзникам и «друзьям» так ужасно брошена в критический момент и Италией и Румынией, изверившимися в ней и не получившими из этого сближения никакого удовлетворения своих интересов. Это отпадение вызывает негодование в Берлине и Вене, но оно вполне заслужено, а нам оно облегчает победу над смутителями европейского мира и врагами славянства. Если эта победа будет нам дарована, то одной из забот России будет установление действительного и прочного равновесия на Балканском полуострове, а не того эфемерного, к которому всегда стремилась в своем коварстве Австрия, дорожившая иметь возможность ловить рыбу в мутной воде, и тогда, если Болгария будет пред Россией безупречна, она наверное в обиде не останется.

Принятый вчера вашим величеством посланник ваш в Белграде должен был доложить вашему величеству, что и сама Сербия сознает справедливость того, чтобы ваше благожелательное отношение к ней во время войны было должным образом вознаграждено». — Король подтвердил доклад Чапрашикова.

«Но бог войны капризен; неизвестно, несмотря на все находящиеся у нас шансы, на чью сторону склонится военное счастье,

[1]) Болгарское правительство в течение мая и июня 1914 г. ведет переговоры о займе с представителями германских и французских банков, при чем вокруг переговоров развертывается ожесточенная политическая борьба. Победило течение (правительственное), стоявшее за реализацию займа в Берлине. Договор о займе был подписан 29 июня 1914 г. в Софии министром финансов Тончевым, с одной стороны, и представителями Disconto Gesellschaft, с другой.

*

можете вы сказать. Прекрасно. Рассмотрим даже ту кажущуюся мне невозможной случайность, что Австрия выйдет из войны победительницей: ее первым шагом будет уничтожение с лица земли Сербии, которой мы больше не найдем ни на одной географической карте, а вторым — обращение ненужной больше ей Болгарии в ничтожный вассальный организм, который не мешал бы осуществлению заветного стремления Австрии к Салоникам, к Эгейскому морю». — «О, да! Салоники!» — прошептал король, закатив глаза и подняв плечи.

Я закончил свой разговор, настаивая, что все хорошее в будущем может прийти для Болгарии только от России, как это было в прошлом, а для этого мы не требуем ничего другого, как честного соблюдения нейтралитета до конца войны и воздержания от возбуждения смуты в Македонии и злых замыслов против Сербии.

На мое замечание, что мне доподлинно известно, — с именами, цифрами и другими подробностями, — что образование чет в Болгарии поощряется и что есть четы, которые уже перешли сербскую границу, король сказал: «Это для меня положительно сюрприз, я думал и был уверен, что никакого четнического движения нет». Говоря это, король сказал заведомую неправду, так как мне положительно известно, что дворец снабжал деньгами шефов банд, которые вербовались лицами, имеющими личные и непосредственные сношения с дворцом.

Король просил меня оставить ему, как памятную записку, заготовленный мной заранее французский перевод вашей инструкции и обещал мне, переговорив с Радославовым, дать ответ.

В тот же день, 23 июля, я говорил в том же смысле с Радославовым и Геннадиевым; передачей длиннейших разговоров с ними не буду вас утруждать. Скажу только, что в дополнение к тем доводам, которые я развивал пред королем, я отметил всю уродливость того явления, что Болгария, при одном известии об объявлении Россией войны, не встала, как один человек: Россия не нуждается в ее помощи, наоборот, сама просит ее оставаться спокойной, но одна мысль, что правительство болгарское в такую минуту может не быть на стороне России, представляется безобразнейшим явлением с нравственной точки зрения и преступным с политической, так как, сочувствуя враждебной России комбинации, Болгария рискует самим своим существованием.

В конце концов оба мои собеседника не могли не признать основательности моих доводов. Результатом был тот ответ правительства, содержание которого я передал вам в секретной телеграмме за № 174 [1]) и полный текст которого препровождаю сегодняшним курьером.

Ответ этот был признан вами неискренним, и с тех пор я имел честь получить ваши секретные телеграммы №№ 1768 и 1771, предписывавшие мне сделать более энергичные представления болгарскому правительству с требованием от него обязательства помешать действиям Турции. Из многочисленных телеграмм моих вам известны подробности, которые я буду пополнять новыми телеграммами по мере того, как неясное ныне положение будет выясняться.

Прошу ваше высокопревосходительство принять уверение в глубоком моем уважении и неизменной преданности.

А. Савинский.

---

[1]) Телеграмма № 174 в делах отсутствует.

13.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

5 (18) августа 1914 г., № 199.

Радославов уверял меня, что с Талаатом [1]) он «пока» не пришел ни к какому заключению, но что он будет еще с ним видеться сегодня перед его отъездом в Бухарест и сообщит мне результаты. Он отвергает мои подозрения насчет действительной цели приезда Талаата и говорит лишь о желании установления приятельских отношений с соседкой, которой он боится. Он не отрицал возможности присоединения Румынии к соглашению, но настаивал на его мирных задачах. Полной искренности заявлений Радославова я не верю. Из его неясных слов и намеков можно заключить, что он понимает, что поездка Талаата сюда и в Бухарест — плод австро-германских усилий, но что Болгария желает взять от этого посещения лишь то, что ей полезно, и не итти далее, сохранив свой нейтралитет и обезопасив себя как со стороны Турции, так и Румынии. На мое замечание об опасности такого блока, благодаря существованию которого Болгария может в каждый данный момент быть втянута во враждебную России комбинацию, Радославов, с одной стороны, положительно отрицал возможность выступления Болгарии против Сербии, а с другой — утверждал, что из разговора с Талаатом вынес впечатление, что Турция боится России. Я указал Радославову самым решительным образом, насколько было бы гибельно для Болгарии связать себя в такую важную минуту с коварной Австрией и вековым врагом Турцией, и, наоборот, насколько будет для нее выгодно чувствовать себя безупречной перед Россией в момент, когда мы будем решать судьбу балканских государств. Я подтвердил ему, что ваше высокопревосходительство уже теперь озабочены возможно более широким обеспечением интересов Болгарии в минуту ликвидации войны, а, в случае нападения Турции, императорское правительство не оставит ее своей поддержкой. Благодаря стараниям России такая поддержка обеспечена и со стороны Греции, как то явствует из телеграммы Демидова № 183. Общее впечатление разговора скорее тягостное: — питая вместе с королем австро-германские симпатии, правительство относится с недоверием и к нашим военным успехам и к нашему отношению к нему самому. Он не исключает возможности победы немцев и получения из их рук выгод, а я ему повторил, что все благополучие Болгарии в будущем, подобно тому, как в прошлом, — может исходить только от России.

Савинский.

14.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

8 (21) августа 1914 г., № 205.

Не зная, в чем состояло ваше решение по отношению к Турции, и узнав его впервые из переданных мне вами телеграмм Гирса №№ 751

---

[1]) В телегр. от 3 авг. 1914 г. за № 197 Савинский сообщает о прибытии в Софию турецкого м-ра вн. дел Талаат-бея и председателя парламента Халиля. По мнению посланника цель их поездки — привлечение Болгарии и Румынии к австро-германской коалиции.

и 753 [1]) о существовании конкретных переговоров с Портою, позволяю себе высказать следующие соображения: теперешняя мировая борьба должна на долгое будущее устранить возможность новых потрясений; поэтому каждый из участников будет и должен стараться, при ее ликвидации осуществить возможно более широко свои национальные задачи и закрепить за собой возможно большие выгоды. Если таковыми для себя мы не будем считать завладение проливами, — то, конечно, нам желательно удержать Турцию от активного выступления, хотя последнее, может-быть, и не было бы для нас особенно страшно, в виду царящей там сумятицы и нашей малой уязвимости со стороны Турции сравнительно с тем вредом, который мы можем ей нанести. Если, в целях удержания Турции, императорское правительство признает желательным заручиться ее нейтралитетом и согласится за это не только гарантировать ей территориальную неприкосновенность, но, сверх того, обеспечить хотя бы территориальные приобретения, то, мне кажется, их следует ограничить лишь островами, так как одно возбуждение вопроса об уступке части западной Фракии вызовет в Болгарии общее самое сильное негодование. Когда здесь шли переговоры о займе, то главным аргументом против заключения его в Германии было требование немцами в качестве обеспечения отдачи в их пользование естественных богатств вновь приобретенных фракийских земель, этой единственной «жемчужины», доставшейся Болгарии после Бухарестского мира. Одно принципиальное согласие наше на эту уступку, о чем турки вновь осведомят болгар, оттолкнет от нас даже наших друзей, разве мы формально пообещаем и гарантируем Болгарии другие компенсации, возбуждать вопрос о которых в настоящую минуту, как я вижу из переписки вашей с Бухарестом, Афинами и даже Нишем — преждевременно и опасно.

Савинский.

15.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Афины, Ниш, Бухарест, Софию, Париж, Лондон, Константинополь.

10 (23) августа 1914 г., № 2094.

Грэй сообщил нам, что он поручил английскому посланнику в Софии разъяснить болгарскому правительству, что неправильно думать, будто Англия не расположена к Болгарии.

Сочувствуя идее союза балканских государств, Грэй разделяет мысль о необходимости для Греции и Сербии пойти для осуществления этого на достаточно заманчивые предложения Болгарии, при чем Греция и Сербия получат достаточные вознаграждения при поражении Австрии. С своей стороны английское правительство готово оказать финансовую поддержку балканскому блоку, если бы он осуществился.

Сазонов.

---

[1]) См. «Россия и Турция», стр. 26.

16.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии.

11 (24) августа 1914 г., № 2113.

Получил ваше письмо от 2-го августа.

Дали ли вы понять членам нынешнего кабинета, что для них представляется случай возобновить нормальные отношения с Россией и что мы готовы предать забвению личные недоразумения, если руководители болгарской политики искренно пойдут нам навстречу.

Полагаем, что это желательно разъяснить в виду значения личных вопросов для Радославова, Геннадиева и их единомышленников

Сазонов.

17.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне.

12 (25) августа 1914 г., № 2149.

Сообщается в Афины, Константинополь, Софию, Бухарест, Ниш.

Компенсации со стороны Греции могли бы состоять в присоединении к Болгарии чисто славянских областей, примыкающих к нынешней южной границе Сербии.

Новая граница могла бы быть приблизительно намечена так: от Дойрана, между Воденой и Агостосом и выйти в направлении к Кастории.

Сазонов.

18.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

12 (25) августа 1914 г., № 214.

Английский посланник, не сговорившись, к сожалению, с Панафье и со мной, был у Радославова и высказался в смысле инструкций, переданных мне вами в телеграмме № 2094. Французский посланник и я сделали то же самое, но из полного недоверия к Радославову, неизменно отвечавшему нам, что Болгария хочет остаться нейтральной, мы все трое повторили все секретарю короля, так как король дает все указания, касающиеся внешней политики. — Мы все настаивали на том, что восстановление балканского блока должно быть необходимым последствием нынешней войны и что в принципе для его осуществления необходимы взаимные территориальные уступки, установление которых должно составить предмет последующего обсуждения самими заинтересованными державами под верховным покровительством России. — Вступать же теперь в конкретный обмен мыслей на этот счет ни мои коллеги, ни я, без вашего на то особого указания, не решились, отдавая себе отчет, насколько возбуждение этого вопроса до поражения Австрии

трудно и щекотливо и сопряжено с практическими затруднениями. Для обеспечения успеха наших дальнейших выступлений втроем весьма желательно, чтобы английский посланник получил категорические предписания не выступать, не сговорившись с французским посланником и со мной.

Савинский.

19.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

15 (28) августа 1914 г., № 220.

Здесь все больше и больше признаков, что король и правительство желают пойти по пути, приведшему Болгарию в прошлом году к 16 июня [1]) и Бухарестскому миру. В № 219 я доношу о проезде германских матросов. К этому случаю открытого нарушения нейтралитета присоединяется много других, менее явных, совокупность которых свидетельствует, однако, что здесь что-то затевается. Узнать, что именно — нельзя, но от дворца и от послушного ему правительства следует ожидать всего. Для того, чтобы развязать себе руки и обеспечить за собой полный произвол, правительство ввело в стране *(пропуск)* военное положение. Усиленно говорят о предстоящей мобилизации. Констатируется агитаторская деятельность в Македонии, принимаются, очевидно, по требованию австрийского посланника, всевозможные стеснительные меры против Сербии. Назначенное на завтра возобновление заседаний Народного Собрания после совещания вчера Радославова с королем отменено и предположено Собрание распустить. Это делается, конечно, из желания правительства уклониться от обещанных разъяснений по внешней политике и избегнуть готовившихся запросов о нарушении нейтралитета, принятии наших предложений и так далее. В виду всего этого скорейшее приведение в исполнение задуманного вами плана становится все более и более настоятельным. Мне кажется, что при наличности существующего настроения будет недостаточно сделать правительству проектированные вами территориальные предложения, а нужно будет подчинить их ответу на поставленный одновременно совершенно категорически королю и правительству вопрос, с нами ли Болгария или против нас: при чем оговорить, что уклончивых ответов, во внимание к важности момента, мы более не примем. Это отнюдь не должно означать, что мы хотим, чтобы Болгария сейчас же выступила активно, а только — что мы требуем вполне ясного заявления, что Болгария, в случае нашего столкновения с Турцией, уже теперь дает нам обещание содействовать всеми мирными мерами нашей с ней борьбе и, лишь в случае нападения Турции на Болгарию или нарушения Турцией ее территориальной неприкосновенности, выступить активно. При всяких других обстоятельствах, подобное соглашение должно было бы оставаться тайной, но теперь можно было бы потребовать от правительства, чтобы оно откровенно заявило австрийскому и германскому посланникам,

[1]) Начало военных действий против сербов (II балканская война).

что оно под давлением обстоятельств меняет политику, которой оно следовало до сих пор; необходимым условием и последствием такой перемены могла бы явиться хотя бы частичная перемена в составе кабинета, что для нас весьма важно, так как сговориться с теперешними людьми нам не удается. Мобилизация, которая может быть объявлена со дня на день и при этом без всякого предупреждения нас, явится, конечно, враждебным нам актом. Предпочтительнее, чтобы она нас не застала врасплох, почему прошу уже теперь самых точных указаний, что в таком случае мы будем делать.

Савинский.

20.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Лондоне.

16 (29) августа 1914 г., № 2259.

Сообщается в Париж, Константинополь, Ниш, Бухарест, Софию и Афины.

Английский посол сообщил сущность инструкций, данных английским представителям в Сербии, Афинах и Софии.

Из них явствует, что Грэй продолжает говорить в Софии о возможности сопротивления со стороны Болгарии и Румынии. На желательность такого упоминания мы уже указывали.

Далее Грэй полагает, что державы Тройственного Согласия должны ограничиться указанием на желательность компенсаций в пользу Болгарии, предоставив балканским государствам самим взаимными переговорами определить их размер.

Между тем из телеграмм Штрандтмана ясно, что Пашичу можно только навязать необходимость известных компенсаций, но рассчитывать на добровольные уступки совершенно невозможно. По отношению к Греции Грэй снова хочет повторить обеспечения против нападения со стороны Болгарии, не отдавая себе отчета в том, что успокоенное подобными заверениями греческое правительство не будет расположено на уступки в пользу Болгарии.

Прошу вас убедить, если возможно, Грэя в необходимости безотлагательного и энергичного воздействия со стороны всех трех держав на сербское и греческое правительства с целью побудить их или самим или через посредство России, Франции и Англии вступить в Софии в переговоры на указанных нами в №№ 2105 [1]) и 2149 основаниях.

Со своей стороны мы полагаем, что, при своей неискренности, болгарскому правительству трудно будет оправдаться перед своим общественным мнением, если оно уклонится от переговоров на основах существенных выгод. В случае двоедушия со стороны болгарского кабинета, мы можем поставить его в трудное положение, если огласим те условия, кои были ему предложены.

Сазонов.

---

[1]) В телеграмме за № 2105 от 11 августа 1914 г. Сазонов передает просьбу Пашича об ускорении организованного коллективного воздействия на Болгарию со стороны России, Франции и Англии. По мнению Пашича, державы должны при этом обещать Болгарии «не призрачные, а реальные компенсации», которые должны выразиться в отдаче Болгарам «спорной зоны».

21.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии.

17 (30) августа 1914 г., № 2273.

Сообщается в Ниш, Афины, Бухарест, Париж и Лондон.

Делькассе предлагает заявить Болгарии, что, независимо от компенсаций, которые она может получить от Сербии и Греции, державы Тройственного Согласия признают ее права на приобретение Фракии до установленной Лондонским трактатом [1]) линии Энос—Мидия, в случае, если Болгария окажет сопротивление наступательным действиям Турции.

Вы уполномочены сделать соответствующее заявление сообща с английским и французским посланниками.

Сазонов.

22.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии.

30 августа (12 сентября) 1914 г., № 2615.

Доверительно. — Узнаем из весьма секретного источника, что некий Наумов, являющийся здесь негласным агентом болгарского правительства, донес последнему, что Россия желала бы за гарантию нейтралитета и сопротивление наступательным действиям Турции достигнуть возвращения Болгарии спорной зоны, а также славянских областей, принадлежащих ныне Греции. В числе последних Наумов ошибочно упоминает Каваллу, Серес, Драму и Кукуш.

Было бы желательно, если представится к тому случай в разговоре, исправить неправильное представление, могущее создаться в Софии, отнюдь не называя источника.

Сазонов.

23.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

2 (15) сентября 1914 г., № 262.

Получил вашу телеграмму № 2615.

Еще до получения этой телеграммы в одном из разговоров с Радославовым, доказывая ему преимущество наших обещаний перед австрийскими, имел случай высказаться в желаемом вами смысле. Воспользуюсь первым удобным случаем, чтобы сделать это вновь. Наумов, демократ, член Народного Собрания, отправился в Петроград в качестве корреспондента болгарского телеграфного агентства с паспортом здешнего министерства иностранных дел, который был визирован нами 2-го августа сего года. — По собранным сведениям он ведет двойную игру и является клевретом Радославова.

Савинский.

---

[1]) Лондонский мирный трактат, зафиксировавший результаты I балканской войны, был подписан 17 (30) мая 1913 г.

24.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Афинах и поверенному в делах в Нише.

19 сентября (2 октября) 1914 г., № 3021.

Сообщается в Софию.

Прошу вас обратить внимание правительства, при коем вы аккредитованы, на необходимость воздержаться от вторжения регулярных войск в территорию Болгарии, ибо это дало бы желанный повод болгарскому правительству счесть это за вызов и выступить совместно с Турцией.

Сазонов.

25.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

21 сентября (4 октября) 1914 г., № 307 [1]).

Английский посланник дал сегодня французскому посланнику и мне следующее резюме инструкций, полученных им за последние дни из Лондона.

«Конфиденциально. Не имея возможности брать на себя обязательств, касающихся урегулирования территориальных вопросов на Балканском полуострове, стоящих еще также в зависимости и от той общей коньюктуры, которая сложится в будущем, и касающихся прежде всего самих балканских государств, мы отнесемся, однако, сочувственно к пожеланиям Болгарии, если бы оказалось, что другие государства в результате войны получат значительные территориальные приращения. Мы имеем полную возможность обещать Болгарии денежную помощь, если поведение ее по отношению к нашим союзницам будет дружеским».

Савинский.

26.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

21 сентября (4 октября) 1914 г., № 308.

Опасаясь того македонского движения, о признаках которого я доносил в письме от 14 сентября, я опять заговорил вчера с Радославовым об опасности для Болгарии, если она его допустит. Он еще раз заверил меня, что Болгария никогда не пойдет против России. «А против Сербии?» — спросил я. — «Это другое дело, — ответил он,—в ту минуту, когда мы будем видеть, что война кончается и что Болгария, зная сербов, рискует ничего не получить, то мы, может-быть, и оккупируем Македонию, но предварительно непременно спросим Россию». «Решив при окончании удачной войны и в случае соблюдения

[1]) Перевод с французского.

Болгарией честного нейтралитета пойти навстречу ее национальным стремлениям, Россия, — сказал я, — наверное скажет вам и тогда не брать с оружием в руках того, что она будет в состоянии предложить вам без пролития крови». Разговор кончился тем, что Радославов обещал мне честным словом, что теперь никаких выступлений и авантюр правительство не допустит и до конца сохранит нейтралитет и что, когда, по его мнению, придет момент, то он обратится к нам. Я дал понять Радославову, что всегда благосклонное к славянам, вообще, и к Болгарии в частности, императорское правительство, по всей вероятности, и тогда найдет средство уладить дело между Болгарией и Сербией к обоюдному удовольствию. Из этого разговора видно, что мысль об оккупировании Македонии здесь существует, но, как совершенно верно заметил Пашич, в телеграмме поверенного в делах Сербии № 637 [1]), срок выступления определится обстоятельствами. Дабы побудить Радославова строже относиться к бандам, я, в виде конфиденции, не называя источника, по телеграмме посланника в Афинах № 260 [2]), сказал, что у меня есть указания, что Сербия и Греция готовы не стесняться в средствах дать отпор бандам, что мы даем советы умеренности в Нише и Афинах, но советуем и Болгарии принять самые энергичные меры. Радославов обещал.

Савинский.

27.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

16 (29) октября 1914 г., № 1607.

Разбирая положение исключительно с точки зрения выгодности славянства, а в частности и наших здесь интересов, приходится признать полную несостоятельность предположений Пашича, что Россия может удержать Болгарию только угрозой. Военные действия Сербии за последние три месяца должны были убедить ее, что она не сможет завоевать сама земли, на которые распространяет свои вожделения. Земли эти могут дать ей только великие державы. При таких условиях Сербии следовало бы подчиниться пожеланиям, выдвигаемым Россией в славянских интересах, понимаемых в более широком смысле, нежели с исключительно узкой сербской точки зрения. Только жертвами в пользу Болгарии, а не угрозами и не доводя ее до отчаяния, можно помешать ей выслушивать предложения турок и австрийцев.—Удерживая Болгарию, мы парализуем Турцию и можем добиться установления более устойчивого порядка, нежели созданного Бухарестским договором. Время слишком дорого, чтобы терять его во взаимных обвинениях. Сербия должна была бы понять, что теперь нужно иметь в виду только благополучное окончание европейской войны, и мы в праве требовать от тех, за которых сражаемся, соблюдения и наших выгод.

Гирс.

---

[1]) В телеграмме № 637 от 13 сент. 1914 г. Штрандтман рассказывает об известных ему фактах, характеризующих подготовительную агитационную и организационную работу болгаро-турецких агентов в Македонии.

[2]) Телеграммой от 18 сентября 1914 г. за № 260 Демидов сообщает со слов сербского посланника о принятом Грецией и Сербией совместном решении по вопросу о борьбе с болгарскими четниками в Македонии.

28.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

16 (29) октября 1914 г., № 373.

В прошлое воскресенье я съездил в Ниш с целью поговорить с Штрандтманом по сербско-болгарским делам. Пашич, знавший о моем приезде, сказал ему, что был бы доволен меня повидать. Разговор с Пашичем главным образом касался той почвы, на которой могло бы произойти болгаро-сербское примирение. Не входя ни в какие конкретные подробности, я настаивал на принципиальной необходимости территориальных уступок. Пашич, ссылаясь на их трудность, указал, как на максимум, на территорию до Вардара. На мое замечание, что если нам удастся осуществить национальный *(пропуск)*, то мы этим не можем удовлетвориться, он, приведя все аргументы, которые вам известны уже по телеграммам Штрандтмана, сказал, что, в случае неудачи переговоров с Болгарией, Сербия будет защищаться и что надеется в таком случае на помощь Греции и Румынии. Из всего разговора, имевшего, конечно, характер совершенно частного обмена мыслей, можно было вывести заключение, что, помимо трудности уступать ту государственную территорию, которая уже в руках сербов, Пашич находит для Сербии целесообразнее сохранить общую с Грецией границу. В заключение Пашич сообщил мне о своем намерении просить вас послать в Сербию русскую дивизию, каковая мера должна, по его мнению, иметь громадное материальное и нравственное значение. С точки зрения порученных мне интересов я считаю эту меру весьма целесообразной, как средство удержать болгар от всяких неожиданных выступлений.

Савинский.

29.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

19 октября (1 ноября) 1914 г., № 389.

№ 1. В № 2 излагаю подробно здешние настроения в связи с нашей войной с Турцией. Общественное мнение, единодушно признавая ваше требование о невыступлении против Сербии слишком слабым, высказывается за активное участие в войне. Для этого ставится несколько условий, но самым серьезным является обеспечение тыла со стороны Румынии. Радославов со свойственной ему недальновидной хитростью, вместо того, чтобы вступить в открытые переговоры, пользуется сторонними путями для пробных шаров относительно пожеланий правительства. Сегодня буду его видеть, но, конечно, без определенных инструкций, разговор будет иметь лишь академический характер.

Савинский.

30.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

19 октября (1 ноября) 1914 г., № 390.

№ 2.

В виду оборота, принимаемого событиями, почитаю долгом несколько подробнее остановиться на характеристике общественно-политического настроения Болгарии в связи с русско-турецкой войной. Все без исключения партии и органы печати указывают на чрезвычайную важность Турции для всех балканских государств, а особенно для Болгарии, при чем органы демократов, народников и радикалов, а равно и лидеры их открыто высказывают необходимость для Болгарии примкнуть к России, Франции и Англии. Правительство в лице Радославова и Фичева в заверениях своих не делать ни малейшего жеста, неугодного России, кажется мне теперь несомненно искренним, и думаю, что, при вероятной дальнейшей эволюции, ему не трудно будет перейти от этого отрицательного благожелательства к активной с нами солидарности. Даже так называемые «руссофобские» круги начинают признавать, что вне России нет будущего благоденствия Болгарии. Мне говорили, что такие заявления делали Геннадиев и Радев — посланник в Бухаресте, на-днях побывавший в Софии, а бывший помощник главнокомандующего Савов прислал доверительное лицо сказать Тодорову, что, по его мнению, пришел момент активного выступления Болгарии, при условии, если Россия гарантирует ей: 1) Македонию согласно договору 1912 года и границу Мидия—Энос, 2) безопасность тыла со стороны Румынии, 3) безопасность черноморских берегов и 4) свободу командования над болгарскими войсками. По слухам, которые я еще не успел проверить, в этом же смысле высказался сегодня Радославов пред популярным корреспондентом «Times» Баучером. Условия эти Савов желает обсудить с Тодоровым; для этого между ними уговорена встреча на этой неделе, после чего Савов будет добиваться аудиенции у короля, дабы воздействовать на него в этом смысле. Сам король, повидимому, тоже склоняется перед очевидностью и, в сознании решающей воли России в судьбах балканских народов, спросил через Фичева мнения Тодорова о политическом моменте. Тодоров, так же, как и Малинов, решивший испросить на-днях аудиенцию в виду серьезности минуты, изложил Фичеву единственно спасительную, по его мнению, политическую программу в Болгарии в смысле единения с Россией. Лично я думаю, что два факта — преобладание наше на Черном море и благожелательное нам поведение Румынии — устранят последние колебания правящих сфер в Софии, которые ожидали и ожидают нашего предложения об активном выступлении. Радославов при последнем свидании со мной, повидимому, ожидал от меня именно подобного требования, и, когда я сообщил ему о вашем предложении лишь воздерживаться от всякого враждебного выступления против Сербии, то он, как я телеграфировал за № 381 [1]), тотчас же поспешил дать мне усердные уверения в этом

---

[1]) Телеграмма Савинского от 18 октября 1914 г.

смысле. Шефы же оппозиции, узнав об этом требовании, столь по их мнению невинном, объясняли воздержание ваше от предложения активного выступления тем недоверием к настоящему кабинету, которое естественно должно было укрепиться в вас на основании всего его предыдущего поведения.

Не имея инструкций, я, конечно, воздерживаюсь от настояний в смысле активного выступления Болгарии и ограничиваюсь разъяснением того, насколько в интересах будущности болгарского государства было бы необходимым, чтобы болгары попросили нас о допущении их к совместным с нами действиям против Турции. Конечно, с течением времени мы и одни справимся с турками, но содействие болгар значительно ускорило бы развязку турецкой агонии. Помимо чисто военного значения помощи болгарских войск и полного соответствия выступления Болгарии тем политическим видам, которые мы всегда возлагали на нее, вмешательство ее в военные действия теперь же, по моему крайнему разумению, весьма желательно также и потому, что, в противном случае, сохранив нетронутой свою военную мощь до момента ликвидации больших проблем, Болгария — непослушная и злопамятная — служила бы немаловажной угрозой сама по себе и предметом интриг даже со стороны наших нынешних союзников англичан, которые, в случае могущих возникнуть с нами разногласий, могли бы поощрять неумеренные притязания болгар в сторону проливов. Только что получил телеграммы Штрандтмана, №№ 803 и 821 [1]), по содержанию коих я не успел еще обменяться мыслями с Радославовым. Признавая нравственное значение жеста Пашича, сомневаюсь, чтобы практически Болгария придала ему особое значение.

Савинский.

31.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

20 октября (2 ноября) 1914 г., № 393.

Сегодня имел с Радославовым продолжительный разговор. Он утверждал, что после нападения на нас Турции с королем не виделся, и возникшее новое положение в совете министров еще не обсуждалось. Я выразил изумление, что правительство относится к вопросам первостепенной важности для Болгарии столь равнодушно, и путем долгих убеждений заставил его обещать обсудить вновь созданное положение. Я высказал следующее соображение: настоящая минута редко благоприятна для Болгарии, чтобы доказать России, что она не окончательно забыла ее благодеяния; вместе с тем Болгария, таким образом, могла бы надеяться восстановить многое, утраченное в Бухаресте. Усилия Болгарии были бы минимальные, так как в случае ее выступления ей пришлось бы иметь дело со знакомыми местами и со слабыми турецкими войсками; соседи ее настроены все скорее благожелательно. Лично думаю, что, если болгарское правительство не выяснило до сих

---

[1]) В телеграмме за № 821 от 18 (31) октября 1914 г. сообщается о сделанном Пашичем болгарскому правительству заявлении, составленном в дружеских тонах.

пор еще своего положения, то, конечно, это происходит ни по чему другому, как потому, что оно все еще окончательно не уверено в исходе борьбы и, в случае победы Австрии, надеется получить не только сербскую Македонию, но и часть старой Сербии. Французский посланник прочел мне сегодня инструкции, данные *(пропуск)* французским послам в Петрограде и Лондоне. Мне кажется, предлагаемый им способ действий единственно практичный: когда мы будем в состоянии втроем предложить гарантировать Болгарии компенсации, то она скорее сдастся на наши требования. Размер же этих компенсаций можно было бы установить на основании трех международных актов, составленных под покровительством и при участии трех держав согласия: сербо-болгарское соглашение 1912 года [1]), Петроградский и Лондонский протоколы. Правда, при этом условии останется невыясненным вопрос о размерах уступок со стороны Греции. К воззванию Пашича Радославов отнесся снисходительно. В разговоре с Радославовым я подчеркнул его нравственное значение, но зашедшему ко мне сербскому посланнику сказал откровенно свое мнение, что «соловья баснями не кормят».

Савинский.

32.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

22 октября (4 ноября) 1914 г., № 400.

Я до сих пор не знаю, считает ли ваше высокопревосходительство выступление Болгарии желательным или нет. В утвердительном случае косвенным средством к тому могло бы послужить выступление Греции, выбор момента которого греческое правительство всецело предоставило нам. По сведениям французского посланника, Греция, будто бы, уже теперь замышляет высадку своих войск в Галлиполи. Ревниво относясь к возможности новых завоеваний последней, особенно в тех местах, где в войну с Турцией действовали болгарские войска, Болгария, наверное, не успокоится. Таким образом, мы получили бы против Турции сразу двух союзников. Продолжаю думать, что у Болгарии нет с Турцией формального договора, но спокойствие, с которым болгарское правительство относится к последним событиям, заставляет предполагать, что какой-нибудь уговор существует, по всей вероятности, сводящийся к тому, что, если одна из них в войне, то другая остается нейтральной. На существование близких отношений указывают также частые и продолжительные свидания турецкого посланника с Радославовым и особенно с Фичевым. Наконец некоторые неосторожные слова последнего в разговоре с нашим военным агентом также могли бы быть истолкованы

---

[1]) Союзный болгаро-сербский договор был подписан 29 февр. (15 марта) 1912 г. Гешовым и Миловановичем.

Военная конвенция была подписана 29 апреля 1912 г.

Указанный договор, предусматривавший выступление союзников против Турции, разделял отвоевываемую территорию на три зоны: сербскую — к северу и западу от Шар-горы, спорную — между Шар-горой, Родопами, архипелагом и Охридским озером, и болгарскую — к востоку от Родопских гор и реки Струмы.

в смысле существования каких-то взаимных обязательств, например, говоря с Татариновым о сравнительно большом количестве войск, оставляемых турками во Фракии, Фичев сказал: «Не верят нам».

Савинский.

33.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии.

22 октября (4 ноября) 1914 г., № 3622.

Ваша телеграмма № 390 получена.

Узнав о нападении на нас Турции, я ограничился на первых порах предложением Болгарии не выступать против Сербии. Я не счел возможным пойти дальше, потому что предыдущие наши предложения нашли так мало сочувствия у болгарского правительства.

Воспользовавшись последующим свиданием с Маджаровым, который сам заговорил о возможности совместного с нами выступления Болгарии, я не скрыл от него причин моей сдержанности и уполномочил его лично от себя запросить инструкций для переговоров на следующих двух основаниях.

Содействие Болгарии нам в войне с Турцией обеспечивает ей наше согласие на приобретение Фракии по линии Энос — Мидия. Содействие нам же на австрийском фронте в районе действий сербских войск обеспечило бы Болгарии в случае победоносной войны компенсации на базе договора 1912 г.

Узнаем секретно, что Маджаров запросил инструкций, повидимому, почтой, что может замедлить ответ. Во всяком случае, соблюдая должную осторожность и не придавая нашим словам характера официальных предложений, пока мы не уверимся в действительном намерении правительства пойти нам навстречу, можете пользоваться изложенной беседой в ваших обменах мнений.

Если бы здешний посланник получил инструкции на основе четырех пунктов, передаваемых вами, то дело нашего соглашения могло бы значительно подвинуться. Безопасность болгарского побережья могла бы быть достигнута разрешением нашему флоту пользоваться Бургасом, как базой для действий против Турции. Компенсации за счет Сербии потребовали бы указанного выше содействия Болгарии против Австрии. Безопасность тыла со стороны Румынии может быть легко нами оговорена. Свобода командования войсками должна быть предметом переговоров между военными в целях согласования.

Сазонов.

34.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии.

22 октября (4 ноября) 1914 г., № 3623.

Имейте в виду, что следует не касаться в переговорах вознаграждений за счет Румынии.

Сазонов.

35.

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

22 октября (4 ноября) 1914 г., № 298.

Болгарский посланник утверждает, что колебания Болгарии находятся в зависимости:

1) от опасения за незащищенные ее порты и берега.

2) от неуверенности в многочисленном ее мусульманском населении, и

3) от затруднений со стороны македонской партии, не желающей и слышать о выступлении к Адрианополю, пока Македония остается в руках сербов. Мой сербский коллега открыто заявил Пассарову — с просьбой передать в Софию, что, если бы Болгария вздумала захватить Македонию, Сербия отвлекла бы все свои силы от австрийского фронта на болгарский, предоставляя австрийцам занять Сербию как германцы Бельгию, впредь до разрешения великой европейской борьбы. Слухи о болгарско-турецком соглашении основаны будто бы на уговоре Геннадиева и главарей македонской партии с Турцией без участия софийского правительства. Венизелос только и ждет активного выступления Болгарии против Турции, развязывающего руки Греции, чтобы начать совместные военные действия.

Демидов.

36.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии.

23 октября (5 ноября) 1914 г., № 3643.

Копии в Бордо, Лондон и Ниш.

Французское и английское правительства предлагают совместно заявить болгарскому правительству о компенсациях в случае его выступления. Я ответил согласием, указав, что за участие против Турции можно согласиться на линию Энос — Мидия, за участие против Австрии — на компенсации в духе договора 1912 г. Полагаю, что при этом нужно иметь в виду настойчивое желание Сербии и Греции иметь смежную границу, каковое могло бы быть удовлетворено за счет Албании. Узнаю из секретного источника, что Маджарову поручено повременить переговорами, которые будут вестись в Софии, когда наступит время.

Сазонов.

37.

Памятная записка великобританского посла в Петрограде российскому министру иностранных дел [1]).

5 ноября 1914 г. [2])

Болгарский премьер-министр довел до сведения посланника его величества в Софии, что его правительство решило продолжать сохра-

---

[1]) Перевод с английского.

[2]) По новому стилю.

нять строгий нейтралитет. Он сказал, что Болгария не нападет на Румынию в случае, если последняя к нам присоединится, и прибавил, что ничто не может побудить его действовать против Тройственного Согласия. Он заметил, что это официальное заверение.

Его превосходительство указал также на то, что болгарские войска еще не забыли перенесенных ими в траншеях лишений, что поэтому они встретили бы без энтузиазма перспективы зимней кампании против Турции.

Премьер-министр просил сэра Бакс-Айронсайда передать сэру Э. Грэю уверения в искренности этого заверения и прибавил: «события пойдут своим чередом».

Все вышеприведенные заявления были подтверждены начальником королевской канцелярии.

Обсудив со своими русскими и французскими коллегами положение, создавшееся в связи с изложенным в памятной записке посольства от вчерашнего числа предложением, сэр Бакс-Айронсайд доносит, что, по их мнению, если бы вслед за этим предложением последовало разрешение Болгарии немедленно занять предлагаемую ей к востоку от Вардара территорию, то этим в ближайшее же время могло бы быть обеспечено ее сотрудничество.

38.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

24 октября (6 ноября) 1914 г., № 408.

Получил вашу телеграмму № 3622.

Воспользовался заключающимися в ней мыслями в разговоре с зашедшим ко мне вчера Добровичем, а сегодня с Радославовым. Я начал с того, что грущу за Болгарию, которая занимает такое положение, которое может лишить ее в конце войны всяких оснований на компенсации. Указал на вашу неохоту даже разговаривать с правительством, обнаруживающим настолько мало сочувствия. Советовал лично от себя, для изглажения впечатления горечи, испытываемого всей Россией от поведения болгарского правительства, начать переговоры, высказать пожелания, сделать соответственные предложения. Коснулся сам тех вопросов, которые заключались в четырех пунктах моей телеграммы № 390. Указал на безопасность со стороны румын *(пропуск)*, ожидающих решения Болгарии для определения своего собственного положения, и на дошедший до меня слух о решении Сербии покинуть теперь австрийский театр войны и обратиться против болгар, в случае захвата Болгарией Македонии. На все эти доводы Добрович и особенно Радославов отвечали, что правительство твердо решило сохранять нейтралитет, что у него теперь нет ни подготовки, ни денег вести войну, притом война с Турцией непопулярна и т. д. Но, если бы Болгарии была дана сейчас Македония, то у всего народа явился бы новый подъем. Я ответил Радославову, как личное мое мнение, что я готов был бы согласиться с его доводами против активного выступления и даже поддержать их пред вами, если бы видел с его стороны больше лояль-

ности и прямоты; если бы, вместо того, чтобы выжидать, на чьей стороне будет окончательная победа, и прислушиваться к широким по форме, но пустым по содержанию австро-немецким обещаниям, он прямо сказал мне: Болгария хотела бы выступить против Турции, по разным соображениям этого не может, но, не боясь ни немцев, ни австрийцев, публично объявляет, что все ее симпатии и помощь на стороне России, например, ее порты открыты для русского флота, ее территория для всего того, что может России понадобиться и т. д. При этих условиях я взялся бы защищать перед вашим высокопревосходительством интересы Болгарии и, наверное, не без успеха. А нынешнее поведение Болгарии при ликвидации не даст даже ее друзьям никаких козырей в ее пользу, и она останется не при чем. Видимо, настроенный за два дня, что я его не видел, немцами, Радославов упорствовал и указывал на ту пользу, которую уже принес нам болгарский нейтралитет. Я признал это для периода до войны с Турцией, но после 16 октября нейтралитет Болгарии лишь в интересах нашего противника — Турции. «Если Румыния и Греция выступят, то тогда, — сказал Радославов, — положение изменится». — «В каком смысле? — спросил я. — Вы выступите вместе с греками против Турции?» — «Нет, мы займем Македонию, но, повторяю, — не иначе, как с вашего согласия, которое, мы надеемся, нам будет тогда обеспечено, так как в то время Сербия будет наверное уже в Боснии и Герцеговине». Из этих слов видно еще раз, насколько все помыслы Болгарии сосредоточены на Македонии.

Савинский.

39.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

24 октября (6 ноября) 1914 г., № 409.

Ваша телеграмма № 3643 получена.

На основании бесед с Добровичем и Радославовым, переданных мною в моей телеграмме № 408, боюсь, что наши совместные заявления болгарскому правительству о компенсациях в случае его выступления, обречены на неуспех. Его выступление в настоящее время может быть достигнуто лишь одной ценой — немедленной передачей Македонии в пределах договора 1912 года.

Савинский.

40.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

26 октября (8 ноября) 1914 г., № 413.

Совершенно доверительно. Из предыдущих моих телеграмм ваше высокопрев—ство знаете, что между компенсациями, которые могут быть предложены Болгарии, Македония занимает в умах и чувствах всех болгар совершенно исключительное место. С Фракией у болгар связаны слишком тяжелые воспоминания и, кроме того, они считают, что на эту территорию у них нет конкурентов; к Добрудже они относятся сравнительно холоднее, а Македония стала теперь для всех прямо неотступною мечтой. С другой стороны, по поступающим

сведениям, видно, что в настоящее время ни Греция, ни Румыния на территориальные уступки не идут. Несмотря на то, что великая война начата нами для защиты Сербии и что мы ей готовим в будущем особо крупные приобретения, конечно, было бы несправедливо отнести исключительно на ее счет болгарские компенсации, особенно в тот момент, когда она так героически борется с сильнейшим врагом, если бы к этому не принуждали ее же собственные интересы. С каждым днем неравная борьба становится тяжелее и тяжелее, убыли в войсках весьма чувствительны, военные припасы и люди истощены и нуждаются в самом необходимом, наступают холода, и от Шабаца до Вальева и Ниша недалеко. Между тем австрийцы, проигрывая кампанию против нас, захотят удовлетворить свое самолюбие, раздавив окончательно Сербию. На это есть прямые указания в телеграмме Штрандтмана № 851 и в том внимании, которое австрийцы стали уделять в последнее время сербскому театру; психологически это только понятно. При этих условиях не благоразумнее ли сербскому правительству самому взять инициативу уступки Болгарии Македонии взамен за выступление болгар на австрийском театре?

Болгары настолько дорожат Македонией, что я уверен, что если, с согласия и по почину Сербии, мы бы предложили открыто эту комбинацию, то ни одно правительство не устояло бы пред натиском общественного мнения. В виду остроты сербо-болгарских отношений, можно было бы позаботиться, чтобы две армии действовали в различных местностях и не были связаны общим командованием. Если бы все-таки было признано более целесообразным, чтобы занятие Македонии произошло после окончания войны, то теперь можно было бы сделать болгарскому правительству тожественное, гарантированное тремя державами Согласия, заявление, предоставив правительству сообщить Народному Собранию, что, если Болгария посодействует успешному окончанию нами войны, то в вознаграждение за это три державы гарантируют ей Македонию в пределах договора 1912 года. Быть-может, при этой комбинации удастся двинуть Болгарию и против Турции. Помимо предохранения таким путем Сербии от полного разгрома и обеспечения нам содействия Болгарии, это развяжет руки Румынии и Греции. Искушенный опытом, Пашич не может не оценить положения во всем его значении: именно его патриотизм и любовь к Сербии заставят его найти те слова убеждения к сербскому общественному мнению, которые оправдают пред последним его решение.

Савинский.

41.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Бордо и в Лондон [1]).

27 октября (9 ноября) 1914 г., № 3687.

Сообщается посланнику в Софии.

Французский и английский послы договорились со мной по поводу текста тожественной телеграммы их правительствам следующего содержания:

---

[1]) Перевод с французского.

«Английский посланник в Софии полагает, что державы Тройственного Согласия могли бы добиться содействия Болгарии против Турции, гарантировав ей расширение ее территории:

1) до линии Энос—Мидия,

2) до Вардара.

В виду этого г. Сазонов ничего бы не имел против того, чтобы начать в этом смысле переговоры, если бы можно было быть уверенным в том, что болгарское правительство отнесется к ним искренне.

Поэтому он бы желал, чтобы сэр Б. Айронсайд лично убедился в том, каковы действительные намерения короля Фердинанда и его министров».

Сазонов.

42.

Секретная телеграмма посланника в Софии [1]).

28 октября (10 ноября) 1914 г., № 417.

Французский посланник и я имели случай уже сообщать своим правительствам неоднократно и раньше, а также сообщали и совсем недавно о той неблагоприятной для нашего дела роли, которую играет наш английский коллега; не поддерживая сношений ни с политическими кругами Болгарии, ни с нами, он совершенно не знаком ни с краем, ни с местными условиями, ни с болгарскими стремлениями.

Будучи не в курсе последних и обладая прискорбным тщеславием, Айронсайд желает играть крупную роль и, не входя в обсуждение политических вопросов ни со мной, ни с Панафье, он единолично принимает те или иные решения, сообщая о них то болгарскому, то лондонскому правительству. Выступление, о коем идет речь, в вашем № 3687, дает тому блестящее доказательство. Г. Панафье и я совершенно не понимаем, на чем могут быть основаны предположения Айронсайда. На основании самого тщательного исследования общего положения вещей в данное время, мы пришли к твердому убеждению, что линия Энос—Мидия не представляет в настоящий момент в глазах Болгарии того, что побудило бы ее итти против Турции; что касается линии Вардара, то надо было бы совершенно не понимать действительности, чтобы предположить, что она могла бы удовлетворить Болгарию, прекрасно знающую, что сами сербы при всей их неуступчивости, все же признают, что линия эта должна отойти к Болгарии даже без оказания ею действительной помощи союзникам.

Переговоры, начатые на основаниях, указанных Айронсайдом, заранее обречены на полнейшую неудачу, и лучше бы было их не начинать.

В выступлении Айронсайда перед министерством иностранных дел, предпринятом тайно от Панафье и меня, мы имеем лишь лишнее доказательство непригодности английского представителя и его желания во что бы то ни стало играть роль, которая ему не по плечу. Вам известен характер его отношений с моим предшественником. Что касается

---

[1]) Перевод с французского.

оснований, которые могли бы быть приняты для переговоров с Болгарией в настоящее время, в этом отношении я продолжаю придерживаться того взгляда, который я имел честь сообщить вам моей телеграммой № 413. Памятуя о том, что великие моменты требуют великих решений и великих средств, необходимо постараться добиться согласия Сербии и сделать соответственные предложения Болгарии.

Единственно возможной почвой для этого является Македония с ее границами 1912 года; спорным здесь может быть лишь вопрос о том, к какому, именно, времени будет решено приурочить ее передачу Болгарии.

Французский посол, будучи возмущен выходкой нашего английского коллеги и совершенно не разделяя его взглядов, предупреждает свое правительство о той опасности, которую представляет собой мера, рекомендованная Айронсайдом и заранее обреченная на неудачу. Кроме того, Панафье телеграфирует в Бордо, что заметный недостаток солидарности между представителями Тройственного Согласия может произвести здесь крайне невыгодное впечатление; с другой же стороны, то первенствующее положение, которое Айронсайд стремится занять в глазах короля и правительства, если судить о том по вашей вышеупомянутой телеграмме, мало совместимо с традиционным положением России, которая в балканских вопросах привыкла на оказывающих ей содействие друзей смотреть лишь как на своих помощников.

Савинский.

43.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

31 октября (13 ноября) 1914 г., № 422.

Французский посланник сообщил мне полученную им из Бордо телеграмму с известием, что г. Спалайкович с таким же преступным шовинизмом, как сербский посланник в Афинах — телеграмма Демидова № 298 — объявляет о невозможности для Сербии никаких уступок и о том, что он предпочтет оставить всю Сербию австрийцам, чем уступить клочок Македонии болгарам. Эти, ослепленные своими мелочными побуждениями и счетами, люди не хотят видеть, что они играют в руку Австрии, которая не перестает работать здесь всеми силами в пользу выступления Болгарии в сторону Македонии. Работа эта скорее благодарная, и, если бы она удалась и если бы сербские квази-патриоты исполнили свои *(пропуск)*, то план Австрии легко бы осуществился. Раздавив сербов, она заняла бы Македонию, временно предложив ее Болгарии; она купила бы этой ценой эту последнюю, а сама прошла бы к Салоникам и Константинополю. Слухи о том, что Австрия напрягает свои силы против Сербии и, приблизившись таким образом к болгарской границе, хочет силой увлечь Болгарию, здесь более и более подтверждаются.

Савинский.

44.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии [1].

2 (15) ноября 1914 г., № 3797.

По получении вашим и французским и великобританским коллегами инструкций, благоволите сделать следующее заявление министру иностранных дел:

«В виду того, что немедленное выступление Румынии явилось бы чрезвычайно ценной военной помощью для Сербии, императорское правительство желало бы получить от болгарского правительства формальное обещание не предпринимать никаких враждебных действий по отношению к Румынии в случае, если бы последняя напала на Австрию.

Если бы Болгария решилась действовать согласно желаниям трех держав, она могла бы рассчитывать на их содействие в деле охраны ее собственных интересов».

Если бы при этом выяснилось, что Болгария не расположена дать заверения в том, что она не нападет на Румынию, то после того, как остальные аргументы будут исчерпаны, вы могли бы устно, дабы не задеть самолюбия болгар, сообщить, что «если Болгария воспользуется выступлением против Австрии для того, чтобы напасть на румынскую территорию, державы Согласия сочтут это нападение за враждебный по отношению к ним акт и сделают из него в соответствующий момент все необходимые выводы».

Прошу вас иметь в виду, что особенно желательным было бы соглашение Болгарии с Румынией на почве согласования их действий.

Имеются некоторые основания считать, что Румыния была бы готова пойти в известной мере навстречу пожеланиям болгар. Это обстоятельство, в свою очередь, облегчило бы нашу задачу склонить Сербию к уступчивости.

Сазонов.

45.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

3 (16) ноября 1914 г., № 430.

Английский посланник только что пригласил Панафье и меня к себе и, прочтя нам обширную дипломатическую переписку за последние дни, сообщил, что он был вчера у Радославова и Добровича и от имени трех держав Согласия передал следующее: «три державы за активное выступление Болгарии против Турции предлагают ей при окончании войны Фракию до линии Энос—Мидия, часть Македонии до Вардара и денежную помощь».

Радославов и Добрович, поблагодарив за сообщение, обещали передать его королю и дать ответ. Из вышеупомянутой переписки Панафье

[1]) Перевод с французского.

и я впервые узнали, что мысль о предложении части Македонии, а не территории, предусмотренной соглашением 1912 г., принадлежит английскому посланнику в Афинах. Соображения, высказанные мною по существу этого вопроса в телеграмме № 417, остаются неизменными, и французский посланник и я боимся, что шаг Айронсайда обречен на неуспех. Мы оба обратили в дружеской форме внимание Айронсайда на то, что мы могли рассчитывать, что, выступая от имени трех держав, он нас предупредит, во избежание впечатления, которое могло бы произвести на того же Добровича и Радославова, если бы они увидели, что мы даже не знаем о столь важном шаге английского коллеги.

Айронсайд понял и обещал впредь быть с нами в постоянном контакте.

Савинский.

46.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

4 (17) ноября 1914 г., № 435.

Ссылаюсь на свою телеграмму №430. Английский посланник сообщил Панафье и мне, что Радославов и Добрович ответили ему вчера следующее: король и правительство, благодаря державы Тройственного Согласия за предложение, порешили держаться и впредь строгого и лойяльного нейтралитета, так как теперь, в виду наступающего зимнего времени и памятных болгарскому солдату страданий последней зимней кампании, война против Турции была бы непопулярна и даже можно было бы опасаться неповиновения отдельных частей. Радославов и Добрович заверили при этом Айронсайда, что Болгария никогда не выступит против держав Согласия. На вопрос Айронсайда о положении, которое Болгария заняла бы по отношению к Румынии в случае выступления последней против Австрии, Родославов самым официальным образом заявил, что Болгария никогда не нападет на Румынию, если только последняя выступит совместно с нами. Радославов уполномочил Айронсайда довести о сем официально до сведения английского правительства.

Савинский.

47.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

4 (17) ноября 1914 г., № 436.

Во время разговора с английским посланником, изложенного в предъидущей телеграмме, Айронсайд получил телеграмму от Грэя, которую тут же нам прочел. Грэй сообщил ему, что он дал указания послам в Петрограде и Бордо предложить вам и Делькассе вызвать активное участие Болгарии против Турции путем обещания ей Македонии в пределах соглашения 1912 г. Эта эволюция, происшедшая во взгляде Грэя, обрадовала нас всех, так как в ней мы видим залог нашего успеха. Мысль эта была предложена вами еще в июле месяце и со стороны Делькассе сразу встретила сочувственный прием. В виду обстоятельств

последнего времени—война с Турцией и стратегическое положение Сербии—и принимая во внимание характер болгар и условия минуты, а также необходимость действовать наверняка для достижения результата, прежде всего важного для нас самих, мы втроем пришли единогласно к заключению, что должны настоятельно высказать пред нашими правительствами следующие соображения и пожелания: 1) Три правительства не должны дать повод говорить, что они делают новые предложения после отклонения Болгариею первых, сделанных Айронсайдом 31 октября; то, что будет решено предложить теперь, должно составить естественное продолжение и развитие предложений 31 октября. 2) Болгарии гарантируются при окончании войны территориальные приобретения в Македонии на точном основании договора 1912 г. 3) В виде залога и доказательства доброжелательности, ей предоставляется немедленная оккупация предложенной 31 октября территории до Вардара. 4) Если будут сделаны только обещания без разрешения немедленной оккупации, то мы все единодушно убеждены, что эта новая полумера приведет к новым неопределенным результатам. Между тем пред наличностью указываемых нами предложений никто в Болгарии не устоит, и увлечение Болгарии в войну с Турцией обеспечено. Конечно, нужно раз навсегда отказаться от кооперации болгарских и сербских войск против австрийцев, но обязать Болгарию гарантией не нападать ни в коем случае на Румынию. 5) Мы все также единодушно убеждены, что настоящие переговоры должны вестись в полном секрете и не только от нишского правительства, но даже от наших представителей в Сербии, так как единственно возможный способ успеха, это—поднести Сербии совершенно готовое и бесповоротное решение.

Соображения, которые может противопоставить этому Пашич или сербские патриоты и которые переданы в телеграммах Штрандтмана №№ 932 [1]) и 934 [2]), конечно, по нашему глубочайшему убеждению, не выдерживают самой снисходительной критики. Ясно, что «исполнить добровольно наши требования ни одно сербское правительство не может», но, именно, поэтому во всех словах Пашича сквозит желание, чтобы его принудили к этому. Что Россия, начавшая войну из-за Сербии, спасающая ее в данный момент от полного уничтожения Австрией и отдачи ее территории той же Болгарии, но в гораздо больших размерах, наконец, Россия, мечтающая в ближайшем будущем о Великой Сербии, может поступиться сербскими интересами, этому в Сербии никто не может искренне поверить; не верит этому и сам Пашич, который говорит, что «надеется только на Россию и верит в ее конечное торжество, которое даст силу перенести все испытания». Так пусть же Пашич и все сербы почерпнут эту силу в сознании, что Сербия, правда, путем болезненной операции, спасается от гибели и что вместе с тем Россия, таким образом, не только страхует славян на будущие века от немецкого засилья, но, что главное для нас, охраняет и свои собственные интересы, оставаясь верною своим историческим

---

[1]) В телеграмме за № 932 от 2 (15) ноября 1914 г. приводится мнение Пашича о нежелательности обещаний болгарам компенсаций, как поощряющих их требовательность, а также указание Пашича на то, что появление болгарских войск в Македонии будет истолковано и в Сербии и в Греции как акт, враждебный интересам последних.

[2]) В телеграмме за № 934 от 2 (15) ноября 1914 г. говорится о непримиримых болгарофобских настроениях сербов.

задачам и заветам. Если бы императорское правительство в согласии с союзниками согласилось на вышепредлагаемый образ действия, то это был бы такой успех для нас и удар нашим противникам, от которого они долго не оправились бы. Английский и французский посланники телеграфируют в том же смысле своим правительствам. Если нам будут даны инструкции, весьма важно, чтобы они были идентичные с приказанием передать письменно дворцу и правительству. Конечно, для исторического престижа России, российский представитель должен был бы играть первую роль.

Савинский.

48.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

5 (18) ноября 1914 г., № 440.

Румынский посланник сообщил мне, что по его, как он говорит, вполне заслуживающим доверия, сведениям, болгарский посланник в Константинополе телеграфировал сюда, что турки, по совету немцев, намекают на возможность уступки Болгарии, за ее поддержку, значительной части Фракии хотя и не до линии Энос—Мидия. Румынский посланник сообщил мне только что, будто здешний германский посланник, принимая на-днях македонскую депутацию, сказал ей, что Германия очень сочувствует занятию Болгарией Македонии. Все это подтверждает не представляющий никакого сомнения план австро-немцев: раздавив Сербию, увлечь Болгарию во враждебную нам комбинацию.

Савинский.

49.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии.

5 (18) ноября 1914 г., № 3858.

Телеграфирую Бордо и Лондон.

Ссылаюсь на телеграмму Савинского № 435. Я считал бы весьма полезным, чтобы представители держав Согласия выразили Радославову удовлетворение по поводу данного им обещания, что Болгария, сохраняя нейтралитет, не нападет на Румынию, если последняя выступит с нами. Тождественное заявление могло бы быть изложено в следующей форме: «Три союзные державы с удовлетворением приняли к сведению данные господином Радославовым посланнику его величества короля Великобритании заверения в том, что Болгария решила сохранять во время нынешнего кризиса строгий нейтралитет и что она не нападет на Румынию в том случае, если последняя присоединится к направленным против Австрии действиям, о чем и сообщено Румынии» [1]).

Сазонов.

---

[1]) Текст заявления приводится в переводе с французского.

50.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Бордо и Лондоне.

7 (20) ноября 1914 г., № 3894.

Сообщается в Софию и Бухарест.

Сообщаю вам текст выработанного мною, совместно с французским и великобританским послами, заявления болгарскому правительству:

«Правительства трех союзных держав с чувством удовлетворения приняли к сведению заявления, сделанные председателем совета министров Болгарии посланнику его величества короля Великобритании в Софии.

Если, согласно этим заявлениям, Болгария принимает на себя обязательство соблюдать по отношению к Румынии, Греции и Сербии строгий нейтралитет, державы Согласия гарантируют ей, что, при окончательном урегулировании всех вопросов после войны, они примут во внимание линию ее поведения и предоставят ей значительные территориальные компенсации.

Компенсации эти будут увеличены в том случае, если Болгария решится выступить против Турции или Австро - Венгрии» [1]).

Сазонов.

51.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

8 (21) ноября 1914 г., № 445.

Сообщается в Бордо, Лондон и Бухарест.

Получил вашу телеграмму № 3894.

Предложенное вами заявление болгарскому правительству, не содержа в себе конкретных предложений, не произведет должного впечатления. Для того, чтобы правительство решилось открыто заявить, что оно на нашей стороне, а тем паче выступить активно, нужно дать ему то, что вы совершенно определенно предопределили в вашей телеграмме от 23 июля за № 1684, т. - е. сейчас — территорию до Вардара, а по окончании войны территорию до линии Голема - Охрида - Струга.

Французский и английский посланники вполне разделяют это мнение.

Савинский.

52.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

9 (22) ноября 1914 г., № 449.

Сообщается в Бордо и Лондон.

Дополнение к моей телеграмме № 445.

Продолжая неукоснительно держаться мысли о целесообразности применить к теперешней важной минуте решительные меры, но, опа-

---

[1]) Перевод с французского.

саясь, что по причинам, о которых я догадываюсь, мысль эта не находит вашего сочувствия, считаю долгом предложить присоединить к тексту выработанного заявления болгарскому правительству следующую фразу, которая обеспечит возможность дальнейших переговоров, а следовательно, и более верное достижение преследуемой конечной цели, и которая не отнимает у болгар надежды, что нами еще не сказано последнее слово: «Вместе с тем правительства трех союзных держав готовы обсудить впоследствии с болгарским правительством вопрос о территориальных приобретениях и определить таковые с большею точностью» [1]).

Савинский.

53.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии.

10 (23) ноября 1914 г., № 3936.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 449. Копии в Бордо и Лондон. Ссылаюсь на свою телеграмму № 3894.

Благоволите сделать заявление болгарскому правительству согласно сообщенному вам в моей телеграмме тексту. Когда выяснится отношение к нам болгар, не возражаю против развития сказанного заявления в указанном вами смысле, но устно.

Сазонов.

54.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

11 (24) ноября 1914 г., № 458.

Сообщается в Бордо и Лондон.

Получил ваши телеграммы №№ 3894 и 3936.

Английский посланник, французский и я передали сегодня упоминаемое в них тожественное заявление Радославову, сказав, что оно делается в развитие заявления Айронсайда 31 октября. Радославов отнесся к заявлению сочувственно и обещал, переговорив с королем, дать ответ. Я дал ему понять, согласно вашей телеграмме № 3936, что от этого ответа и, вообще, от отношения к нам болгар будет зависеть и наше дальнейшее отношение к ним. Я входил к Радославову последним, когда он уже знал содержание нашего заявления; он встретил словами: «Как жаль, что Болгария не готова; если бы не это, то она могла бы с Россией итти против Австрии либо против Турции». Словам этим нельзя придавать серьезного значения, но, как они, так и, вообще, все отношение Радославова к нашему заявлению, свидетельствуют, что пока болгарское правительство довольно, что мы от него не требуем ничего другого.

Савинский.

---

[1]) Текст дополнения дается в переводе с французского.

55.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии.

16 (29) ноября 1914 г., № 4025.

Ваша телеграмма № 458 получена.

Я сожалею, что, исполняя возложенное на вас поручение, вы и ваши сотоварищи не удержали Радославова от нежелательного для нас обещания дать ответ по существу на ваше обращение. Таковое имело целью исключительно принятием к сведению сказанного Радославовым великобританскому посланнику придать его словам характер обязательства. Такой характер обязательства ныне ослаблен. Вместе с сим задерживается намеченное выступление представителей Согласия в Бухаресте. Не можете ли вы, в виду этого, чрезвычайно осторожно и отнюдь не оказывая давления, вызвать ускорение ответа болгарского правительства.

Сазонов.

56.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

18 (30) ноября 1914 г., № 476.

Получил вашу телеграмму № 4025. Прошу срочных распоряжений.

Ответа на наше обращение не будет. Радославов понял, что оно имело целью принятие к сведению сказанного им великобританскому посланнику, и еще раз подтвердил мне только что самым категорическим образом свои слова.

Савинский.

57.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии.

19 ноября (1 декабря) 1914 г., № 4076 [1]).

Телеграфирую Бордо, Лондон. Копии Бухарест, Афины.

Предлагаю французскому и британскому правительствам присоединиться к императорскому правительству, дабы предпринять следующие выступления: 1) в Афинах: заявить греческому правительству, что, если греческая армия немедленно двинется на помощь Сербии, — три союзных державы защитят Грецию от возможного нападения Болгарии; в награду за свое содействие Греция получит после войны южную часть Албании; 2) в Софии: заявить болгарскому правительству, что три союзных державы приняли на себя защиту Греции от возможного нападения Болгарии. Если во время имеющих совершиться событий правительство Болгарии сохранит строгий и честный нейтралитет, Болгария получит после войны значительное улучшение

[1]) Перевод с французского.

своей границы в Македонии и расширение своей территории во Фракии до линии Энос—Мидия. Гарантировать, кроме того, болгарскому правительству, что находящиеся на Сербской территории в Македонии греческие войска покинут ее тотчас по окончании военных действий. 3) В Бухаресте: просить румынское правительство присоединиться к декларации, коей три союзных державы принимают на себя защиту Греции от возможного нападения Болгарии.

Сазонов.

58.

Секретная телеграмма австрийского посланника в Софии графа Тарновского министру иностранных дел графу Берхтольду [1]).

София, 2 декабря 1914 г. [2]).

Во время разговора со мною министр-председатель сначала настаивал на том, что его не удовлетворяет одно обещание сербских областей, которые займет своими войсками Болгария, и просил письменного подтверждения этого обещания, безусловного или обусловленного нейтралитетом.

Мне удалось его уговорить касательно последнего, но он не надеется, что, если бы он и решился обратиться с этой просьбой к германскому представителю, с которым он по этому поводу еще не говорил, его желание было бы исполнено.

Утратив эту надежду, министр-председатель сказал, что иметь обещание сербских областей, которые будут заняты Болгарией, все же лучше, чем совсем не иметь такового, и что он желал бы его получить.

Я старался его убедить в том, что в письменных заверениях нужды нет, однако, он сказал, что придает значение подобному заверению. Он обещал не только держать означенный документ в тайне и никому его не показывать, но и не ссылаться на него в случае, если бы ему пришлось давать объяснения в парламенте, и ни при каких обстоятельствах не говорить, что он получил от нас формальное заверение. Последнее могло бы, в случае надобности, послужить исключительно, как основа разъяснений, которые, в таком случае, носили бы общий характер.

Хотя я не думаю, чтобы поведение Болгарии в дальнейшем зависело от того, получит ли она от нас означенное обещание, все же я рекомендовал бы его дать, под условием абсолютной тайны. Я считаю, что мы можем положиться на обещание министра-председателя, и потребую при этом от него, чтобы он, в случае выступления в парламенте с разъяснениями, представил на мое усмотрение их текст.

59.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

26 ноября (9 декабря) 1914 г., № 520 [3]).

Текст тождественной декларации, сделанной сегодня Радославову тремя посланниками:

---

[1]) Перевод с немецкого. Дешифрант.
[2]) По новому стилю.
[3]) Перевод с французского.

«По предписанию своего правительства, ссылаясь на заявление от 11 ноября, российский посланник имеет честь довести до сведения королевского правительства, что три державы Согласия гарантировали Греции защиту ее от нападения со стороны Болгарии.

В дополнение к вышеупомянутому сообщению, три державы Согласия гарантируют Болгарии, что, если она будет строго и добросовестно соблюдать нейтралитет, она получит после войны справедливые территориальные компенсации в Македонии и расширение своей территории во Фракии до линии Энос—Мидия». Савинский.

60.

Секретная телеграмма посланника в Софии [1]).

26 ноября (9 декабря) 1914 г., № 522.

Текст ответа Радославова, переданного 26 ноября трем посланникам:

«Королевское правительство ознакомилось с врученной сего 11 ноября г-ну председателю совета министров его превосходительством российским посланником в Софии декларацией, согласно которой, если Болгария обязуется соблюдать по отношению к Румынии, Греции и Сербии строгий нейтралитет, державы Согласия дадут ей гарантию в том, что в момент урегулирования связанных с окончанием войны вопросов, они примут во внимание линию ее поведения, предоставив ей значительные территориальные компенсации, которые будут увеличены в том случае, если Болгария решится напасть на Турцию или Австро-Венгрию. В виду того, что не произошло ничего, что могло бы изменить линию поведения Болгарии, соблюдавшей до сих пор нейтралитет, королевское правительство намеревается не сходить с этого пути, охраняя при этом интересы страны, которые среди всех прочих соображений должны иметь первенствующее значение».

Савинский.

61.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии.

27 ноября (10 декабря) 1914 г., № 4210.

Я вызвал Маджарова и предостерег его от последствий, которые могли бы постигнуть Болгарию, если бы она необдуманно поддалась влиянию бессовестной и коварной политики Австрии. Опасаясь восстановления блока балканских государств, столь невыгодного для ее происков, ибо он является залогом мира на полуострове, Австрия напрягает все силы к тому, чтобы натолкнуть болгар на сербов. Поэтому болгарскому правительству нельзя ограничиваться принятием мер против македонской пропаганды внутри страны; оно должно в своих же интересах строго следить за тем, чтобы агенты-провокаторы, направляемые Австриею в Македонию, не могли туда проникнуть. Мы придаем особое значение поведению болгарского правительства в данном вопросе, и от такового зависит наше отношение к нему в будущем.

Сазонов.

---

[1]) Перевод с французского.

62.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии.

28 ноября (11 декабря) 1914 г., № 4241.

В ваших стараниях обеспечить переход Болгарии на сторону Тройственного Согласия вам не следует указывать на необходимость немедленного ее выступления против Турции. Таковое представляется, по политическим соображениям, преждевременным. Совершенно достаточно будет заручиться уверенностью, что Болгария объявит Турции войну, когда державы Согласия признают это желательным.

Сазонов.

63.

Секретная телеграмма австрийского посланника в Софии графа Тарновского графу Берхтольду [1]).

София, 13 декабря 1914 г. [2]), № 3203.

Министр-председатель спрашивал меня, получен ли мною ответ на мое обращение по поводу письменных заверений в компенсациях.

Я сказал ему, что еще не получил определенного ответа, но что я думаю, что в Вене не склонны давать Болгарии определенных обещаний за ее бездейственность и что, напротив того, там готовы дать заверение относительно той части сербской территории, которая была бы занята болгарскими войсками.

Министр-председатель сказал, что такой ответ вполне соответствовал бы как нашему, так и германскому взгляду на положение вещей, так как и мы и они, как это вчера было высказано министру-председателю германским посланником, желаем немедленных действий со стороны Болгарии. Правительство же последней могло бы лишь пожалеть о таковом ответе, в виду того, что представители Антанты обратились к Болгарии с письменным предложением, согласно коего за сохранение нейтралитета Болгарии гарантируется получение большей части Македонии и Фракии до Энос—Мидия. Записка по сему вопросу якобы находится у короля, и сегодня министр не мог мне ее показать.

Я сказал, что от нас Болгария могла бы получить значительно больше: от Болгарии лишь требуется, чтоб она это взяла.

Обещания держав Согласия, которые, как в том убежден не только я, но и министр-председатель, не выйдут из войны победителями, лишены какой-либо цены. Никто в Болгарии не будет ждать, чтобы Сербия заняла Боснию, что является предварительным условием выполнения своих обещаний державами Согласия.

Министр-председатель сказал, что моя оценка положения была бы правильной, если бы Болгария была в состоянии тотчас занять Македонию, однако же, в виду того, что последнее невозможно и *(пропуск)* предложение держав Согласия приходится считать более выгодным. Это обстоятельство, по его словам, могло бы оказать соответственное влияние на правительство.

---

[1]) Перевод с немецкого. Дешифрант.
[2]) По новому стилю.

По ликвидации в течение нескольких дней текущих дел в палате он предложит на рассмотрение короля принципиальный вопрос о русской политике, и его величество решит, может ли положение быть признано удовлетворительным.

Я сказал ему, что положение серьезно, что как правительству, так и королю очень хорошо известно, что только при посредстве Империи они могут получить Македонию, что единственно составило бы действительно ценное приобретение для Болгарии; что министр-председатель должен отдать себе отчет в действительном положении вещей. Мы и Германия желаем, чтобы Болгария приступила к действиям, и не хотим никакого промедления. Министр-председатель всегда отговаривается тем, что Болгария еще не готова к войне, он, однако, не говорит, что, как только будет готова, то сейчас же выступит.

Мой собеседник ответил на это, что Болгария хорошо знает, что занятие Македонии невозможно без военного выступления, поэтому она и готовится к нему серьезно.

Я спросил, не вызывается ли то обстоятельство, что Болгария еще не вполне готова, недостатком снаряжения, — мой собеседник ответил, что, по его мнению, это, именно, так и есть, но добавил, что военный министр надеется быть в полной боевой готовности к 15-му. «Тогда Болгария тотчас же приступит к военным действиям?» — сказал я, и услышал в ответ, что этот вопрос будет разрешен правительством, сам же министр-председатель не может единолично определить срок. Я сказал, что это далеко не определенный ответ, собеседник же мой заметил, что он желает нашей победы и что, если бы он был убежден, что она зависит от болгарского выступления, то он тотчас же предпринял бы его; он убежден, однако, что положение от этого лишь ухудшится, так как Греция и Румыния тоже не останутся нейтральными. Между тем, если бы Болгария еще некоторое время сохранила спокойствие, а мы разбили бы Сербию, то ни Греция, ни Румыния тогда уже не стали бы на сторону Сербии, и здесь-то болгарское выступление могло бы оказать нам действительную помощь.

Министр-председатель выразил надежду, что он все же получит от нас и от Германии просимое им письменное обещание. Он обратился с тем же и к германскому посланнику.

64.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

3 (16) декабря 1914 г., № 4302.

Сообщается в Ниш, Париж и Лондон.

С точки зрения выгод России, военное выступление Болгарии может быть наиболее полезным, если оно будет направлено против Турции. Оно будет однако своевременным только, когда русские войска высадятся на Балканском полуострове. В виду этого, ближайшею задачей наших нынешних стараний является воссоздание балканского блока. В достаточной мере выяснилось, что без его существования ни Греция, ни Румыния не решатся вести войну. Образование же этого блока недостижимо без территориальных вознаграждений Болгарии,

главным образом, в Македонии. Поэтому содействие Румынии в этом вопросе представляется особенно ценным, так как ей легче всего удастся повлиять на сербов, раз она сама готова итти на известные земельные уступки, в целях возобновления союза балканских государств. Не подлежит сомнению, что немедленное возвращение Болгарии части Новой Добруджи послужило бы наиболее убедительным примером для Сербии. Так как подобное решение румынского правительства представляется ныне еще недостижимым, то было бы уже весьма полезным убедить Братиано вступить, по крайней мере, с Пашичем в переговоры, для установления между собою соглашения на почве одновременной уступки территорий Болгарии. Следующим затем шагом была бы выработка Сербией и Румынией, совместно с Болгарией, условий передачи последней сказанных земель. Привлечение к союзу Греции должно последовать уже тогда, когда названные три государства придут между собою к соглашению. Если бы Братиано не пожелал взять на себя почин вступления в непосредственные сношения с сербским правительством, то представители держав Согласия могли бы о намерениях румынского правительства доверительно довести до сведения Пашича.

Сазонов.

1915 г.

65.

Секретная телеграмма австрийского посланника в Софии графа Тарновского министру иностранных дел барону Буриан [1]).

16 января 1915 г. [2]), *№ 50.*

Министр-председатель сообщил мне, что его посетил итальянский посланник, осведомлявшийся о миссии Геннадиева. Министр-председатель сказал ему, что он нашел необходимым в связи с вопросами внутренней политики послать в настоящее время Геннадиева с поручением заграницу. Геннадиев в качестве близкого правительственным сферам человека отправился в Рим, где ему предстоит вступить в частные переговоры с местными политическими деятелями. Министр-председатель упомянул при этом о сделанных итальянским посланником намеках на то, что Италия и Болгария могли бы стать соседями. На один из таких намеков итальянского представителя министр-председатель, по его словам, ответил, что, если бы Албания перешла под господство Италии или Австрии, то Болгария могла бы это лишь приветствовать. Далее министр-председатель сказал, что Сербия проявляет беспокойство в связи с устремлениями Италии в Албанию; отношения между Римом и Нишем никак нельзя считать хорошими; преследуя же свои цели, Италия отнюдь не будет считаться с Сербией. Министр-председатель вынес впечатление, что теперь Италия могла бы вести с Болгарией согласованную политику. Итальянский посланник заверил министра-председателя, что Италия не пришла ни к какому соглашению с Грецией.

---

[1]) Перевод с немецкого. Дешифрант.
[2]) По новому стилю.

66.

Секретная телеграмма австрийского посланника в Софии графа Тарновского министру иностранных дел барону Буриану [1]).

23 января 1915 г., [2]) *№ 67.*

В ответ на мой вопрос министр-председатель сказал мне сегодня, что он не может точно определить срок, когда Болгария начнет военные действия. Необходимо еще выяснить, какой оборот примет наше наступление в Сербии. Возможно, что Болгарии придется выступить до полного поражения Сербии. Это будет зависеть также от Румынии, которая после начала наших наступательных действий против Сербии не сможет оставаться нейтральной. Несколько дней тому назад министр-председатель сказал, что Румыния выждет нашего наступления на Сербию и только после поражения последней пойдет с нами против России. Сегодня он сказал, что Румыния должна выйти из состояния нейтралитета к началу нашего наступления, но что пока еще нельзя предусмотреть, выступит ли она за или против нас.

67.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

15 (28) января 1915 г., № 20.

Копия в Бухарест.

Весьма доверительно. Говоря сегодня о болгаро-румынских отношениях, Радославов выразил большое сожаление, что отсутствие румынского посланника из Софии длится так долго, и сказал, что в этом он склонен видеть нежелание румынского правительства сговориться с болгарским. На мое замечание о неправильности такого толкования, он ответил, что, с своей стороны, он категорически заявил Де-Русси о желании прийти с Румынией к соглашению и, продолжая это желать, теперь ждет румынских предложений. Мне кажется, что скорейшее возвращение Де-Русси при этом с определенными инструкциями весьма желательно.

Савинский.

68.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

15 (28) января 1915 г., № 21.

Лично. Видел сегодня вернувшегося накануне из Бургаса Радославова. В день отъезда в Бургас он был у короля; на мой вопрос о содержании их беседы он сначала ответил уклончиво, а потом сказал, что король еще ни на что не решается и предпочитает немного повременить. На мое возражение, что уже и без того потеряно много

---

[1]) Перевод с немецкого, Дешифрант.
[2]) По новому стилю.

времени и что дальнейшее промедление, задерживая нашу работу по сербо-болгарскому сближению, может вредно отразиться на интересах самой Болгарии, Радославов высказал, в виде собственной мысли, убедительно прося его не выдавать, что было бы полезным мне лично поговорить с королем и представить ему все мои доводы в пользу необходимости для Болгарии определиться в сторону Тройственного Согласия. Мои же доводы все те же, — что Болгария оставаться вечно нейтральной не может, что ей нужно сделать выбор между двумя группировками, что с точки зрения жизненных интересов страны нет сомнения, что этот выбор должен быть сделан в сторону России и что в таком случае Болгария может рассчитывать получить от союзников всякие выгоды: и деньги, и провоз оружия, и помощь. Радославов разделяет мой взгляд, но, видимо, не может преодолеть нерешительность короля; он особенно настаивал на желательности объяснить королю, что от его решения будет зависеть не только благополучие Болгарии, но и династии. Из дальнейших его слов я понял, что короля пугает его непопулярность при нашем дворе и в России вообще. Считая настоящий момент психологическим для воздействия на короля, не смею скрыть и обратной стороны вопроса: его болезненное самолюбие может истолковать подобный шаг, как средство давления, тем более, что на-днях сюда приезжает из Франции герцог Гиз, сын герцога Шартрского, посылаемый всей Орлеанской семьей для увещания короля. Об этом посещении и его цели сказал мне совершенно конфиденциально французский посланник, получивший официальное приказание Делькассе довести о нем до сведения короля. Узнав о приезде герцога, последний прислал к Панафье секретаря, из расспросов которого французский посланник усмотрел, что во дворце испытывается некоторая нервность [1]). Если бы ваше высокопревосходительство признали испрошение мною аудиенции желательным, буду просить наметить возможно точнее канву разговора, который во всяком случае, по моему мнению, не должен бы предшествовать визиту герцога Гиза.

Савинский.

69.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

15 (28) января 1915 г., № 23.

Итальянский посланник сообщил о получении им телеграммы из Берлина с известием, что Стоянову и фон-Маху для получения денег поставили условием для Болгарии стать на сторону Германии. Если это верно, нужно думать, что они вернутся без денег.

Савинский.

70.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

15 (28) января 1915 г., № 25.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 20. Копии в Ниш и Бухарест.

Румынский посланник вернулся, но без определенных инструкций. Я сказал ему, что это произведет здесь, наверно, неблагоприятное

---

[1]) Панафье очень просил не называть его в возможных разговорах ваших с Палеологом... (примечание автора телеграммы).

впечатление, для улучшения которого просил его постараться использовать перед Радославовым все, что ему известно о готовности румынского правительства сблизиться с Болгарией на почве территориальных уступок. Он обещал. Он повторил переданное Поклевским в № 41 сетование Братиано на отсутствие сербо-болгарского соглашения, настаивая, что его наличность развязала бы руки Румынии. Он жаловался на неотзывчивость сербов ко всем румынским авансам и, в частности, выражал опасение насчет непримиримости нового сербского посланника в Бухаресте Маринковича. Последнего я знаю по его последнему приезду в Софию и склонен разделять опасения румын. Становится все яснее, что *(пропуск)* положение в сербо-болгарском сближении, для достижения которого, может-быть, пришел момент прибегнуть к более энергичному действию как в Софии, так и Нише.

Савинский.

71.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Париже.

21 января (3 февраля) 1915 г., № 385.

Французский посол сообщил мне, что Делькассе разделяет точку зрения посланников в Нише о необходимости сделать заявление сперва в Болгарии, а затем уже в Сербии. Благоволите приложить все старания к убеждению его в опасности такой тактики. Чувства болгар в отношении сербов хорошо известны ему, — без обещания точных определенных выгод, Болгария никакими обязательствами не пожелает себя связать в отношении держав Согласия. Из весьма доверительного источника мне стало известно, что правительство Радославова, с королем во главе, далеко еще не отрешилось от своих германофильских симпатий, хотя бы и идущих в разрез с чувствами народа. При наличности таких условий, только надежда на наживу может заставить болгарское правительство встать на правильный путь. Вместе с тем я считаю неудобным давать какие бы то ни было обещания за счет Сербии, не имея на то полномочий последней. В виду того, что от Сербии державы требуют известных уступок, хотя и взамен предлагаемого ей более широкого вознаграждения, представляется естественным обратиться сначала в Ниш.

Державы Согласия должны были объявить Пашичу о твердом своем решении не отступить от выраженных ими требований и выразить надежду, что Пашич найдет в себе мужество подчиниться таковым на благо Сербии.

Сазонов.

72.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

22 января (4 февраля) 1915 г., № 36.

Радославов и министр финансов сказали мне, что Стоянов на-днях возвращается из Берлина; ему удалось получить в счет второй половины июльского займа 150 миллионов франков номинальных, из которых

половину он привезет с собой, а остальная половина будет выплачиваться частями, начиная с 19 марта, каждые две недели по 10 миллионов. Никаких новых условий, по словам Радославова, к июльскому контракту прибавлено не было, и вся операция составляет лишь исполнение сего контракта. Радославов признается, что он не ожидал, что немцы дадут деньги, и что даже рассчитывал на их отказ, дабы уничтожить контракт. Он мне подтвердил, что Стэг сказал ему, что при известных условиях Франция с легкостью возьмет на себя пред Болгарией все обязательства немецких банков и даже сделает больше.

Савинский.

73.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

25 января (7 февраля) 1915 г., № 41.

Правительство опубликовало через местное телеграфное агентство, что соглашение с «Дисконто-Гезелльшафт» относительно аванса в 150.000.000 вступило в силу со вчерашнего дня. Германофильские круги склонны придавать этой сделке известное значение в смысле нового поворота правительства в сторону Германии. Румынский посланник, видевший вчера Радославова, уверяет, что мог заметить это настроение, что Радославов настойчиво говорил о необходимости сохранения нейтралитета и относился гораздо холоднее, чем прежде, к болгаро-румынскому сближению, отказываясь от ранее данного заверения следовать во всем за Румынией и говоря, что до активного выступления согласованность действий Болгарии и Румынии не пойдет. Согласие Германии дать деньги, хотя и в столь невыгодных и даже обидных для Болгарии условиях — мой № 38 [1]) — было вызвано, конечно, желанием не выпускать Болгарию из своих рук и сохранить в силе июльский контракт о займе. Согласие это должно бы быть при этом тем тяжелее для Берлина, что взамен Болгария, как видно, не дала ничего другого, кроме обещания продолжать сохранять нейтралитет. Чего стоит это обещание и как оно будет выполнено в момент нашей решительной победы в Польше или даже в случае удачи миссии герцога Гиза — это другой вопрос. Правительство Радославова продолжает шататься из стороны в сторону под влиянием всяких второстепенных обстоятельств, как, например, теперь по случию получения аванса, устроенного убежденным сторонником Германии Тончевым.

Савинский.

74.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

25 января (7 февраля) 1915 г., № 42.

Лично. — Герцог Гиз был вчера любезно принят королем. В полуторачасовой беседе он сумел подробно изложить цель своей миссии

---

[1]) Условия были таковы: 50 милл. уплачивалось в момент подписания сделки, 25 м.— в 5 приемов по одному каждые 10 дней, а 75 милл. по 10 милл. каждые 15 дней, начиная с 19-го марта. Аванс выдавался взамен бонов госуд. казначейства из 6% и $^3/_8$% комиссионных; срок погашения — год спустя после заключения мира. (Секр. тел. Савинского от 23 янв. 1914 г. за № 38).

и указать на те выгоды, которые лично король и Болгария извлекли бы от откровенного обращения к Тройственному Согласию. Король обещал все обстоятельно обдумать и дать ответ в одно из следующих свиданий. Тем временем он просил герцога продолжать жить в гостинице, сохраняя инкогнито. Передавая в этом сжатом виде свою беседу с королем французскому посланнику, герцог прибавил, что он обещал королю не говорить пока более подробно о его ответах. Панафье заключает из этого, что король, должно быть, высказал нарекание на правительство трех держав. Герцог в общем доволен результатами своего свидания.

Савинский.

75.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

26 января (8 февраля) 1915 г., № 45.

Лично. — Король объявил вчера герцогу Гизу, что, по зрелом обсуждении вопроса с компетентными лицами, он видит, что не может выступить против Турции. Как предлог, он выставил, что война была бы не популярна и солдаты не пойдут в бой. Истинную причину этого решения определить, конечно, трудно, тем более, что их может быть несколько: нежелание выступать против Австро-Германии, личные счеты с Россией и Францией, нежелание допустить давление на себя со стороны и, наконец, причина, выставленная королем, но эта последняя мало вяжется со всеми наблюдающимися здесь военными приготовлениями. Известное влияние оказывает и то соображение, что болгары признают линию Мидия — Энос дважды им обещанною: в Лондоне и 26 ноября минувшего года, за соблюдение ими нейтралитета — моя телеграмма № 520 — и ради нее не считают необходимым выступать против Турции. Как бы то ни было, миссию герцога Гиза приходится считать вполне провалившейся.

Савинский.

76.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне [1]).

27 января (9 февраля) 1915 г., № 498.

Я передал вчера французскому и великобританскому послам памятную записку следующего содержания:

«Характер нейтралитета, которого до сих пор придерживалась Болгария, не таков, чтобы державы Согласия могли настаивать перед сербским правительством на территориальных жертвах, которыми бы питались национальные стремления болгар. В виду этого союзницы вынуждены просить болгарское правительство определенно и немедленно высказаться за Тройственное Согласие и заявить о своей готовности предоставить в его распоряжение свои вооруженные силы в момент, который будет

[1]) Перевод с французского.

ими указан. Державы Согласия, с своей стороны, обеспечивают Болгарии, в случае, если она примет их предложение, передачу ей македонских территорий, расположенных к югу от линии Эгри—Паланка-Кепрюлю и Охриды, включая эти города, как только Сербия получит обещанные ей державами Согласия территориальные компенсации.

Помимо территориальных приобретений, Болгария могла бы в широкой мере рассчитывать на финансовую помощь со стороны союзников, на присылку военного снаряжения и на всякую другую помощь и поддержку, которая будет обусловлена переменой ее политики.

Если же тем не менее Болгария будет продолжать придерживаться прежнего образа действий, она одна понесет могущие произойти от ее политики колебаний последствия».

Сазонов.

77.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии.

27 января (9 февраля) 1915 г., № 506.

Сообщается в Париж, Лондон и Ниш.

Вы можете по получении вашими сотоварищами соответствующих инструкций сделать болгарскому правительству заявление, сообщаемое вам в телеграмме № 498.

Сазонов.

78.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

28 января (10 февраля) 1915 г., № 51.

Весьма доверительно. Видел вчера Радославова, который по собственному почину спросил меня, что привез «парижский гость», намекая на герцога Гиза. Я отозвался незнанием. Из дальнейшего разговора и намеков Радославова было ясно, что король говорил с ним о миссии герцога и, вероятно, поручил ему в разговоре со мной загладить впечатление, полученное герцогом от отказа. Радославов сказал, что теперь наступило для правительства самое трудное время, так как оно чувствует, что пришел момент изменить характер строгого нейтралитета, которого до сих пор держалась Болгария, и что его работа состоит в том, чтобы этого момента не упустить. С одной стороны, он видит, что державы Тройственного Согласия ставят непременным условием активное выступление Болгарии против Турции, а с другой — сознает, что эта война была бы непопулярна, так как весь народ считает, что он положил достаточно человеческих жизней в неравной борьбе против Турции; что, как славянин, он страдает от сознания, что не может прийти на помощь России в ее борьбе за славянские интересы. Я ответил, что, если он правильно понимает интересы своей страны, то его поведение было бы совершенно ясно, и что он давно воспользовался бы неоднократно предлагавшимися Россией случаями вступить с ней в доверчивые переговоры, которые и могли бы разъяснить поло-

жение, что, медля бесконечно, Болгария рискует и в этот раз прогадать, не говоря уже о том тяжелом впечатлении, которое получается у всех русских и славян вообще от этой нерешительности.

«Счастье проходит мимо вас,—сказал я,—и вы рискуете его упустить. Вместо того, чтобы обратиться к России,—сказал я,—вы получаете деньги от немцев». По этому поводу он клялся, что эта ничтожная финансовая операция никакого политического значения не имеет и что Болгария не может связывать себя с Германией, союзницей Турции, уничтожение которой одинаково желательно и для Болгарии и для России. Я передаю несколько подробнее этот разговор на случай, если бы ваше высокопревосходительство в полученном Болгарией авансе также впоследствии не усматривали непреодолимого препятствия для возобновления тех переговоров, которые недавно велись между тремя кабинетами Согласия. Если бы это случилось, думаю, на основании совокупности всех имеющихся у меня данных, что было бы практичнее и целесообразнее не ставить болгарскому правительству условием активное выступление, а лишь требовать придать открыто и на деле нейтралитету дружественный нам характер.

Савинский.

79.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне.

30 января (12 февраля) 1915 г., № 571.

Ссылаюсь на телеграмму Савинского № 51.

Слова Радославова о неминуемости, повидимому, прекращения нейтралитета Болгарии без упоминания в чью пользу, получение денег в Берлине, а также известия о возобновившемся, будто бы, австрийцами обстреле Белграда, о наведении германскими саперами понтонных мостов на Дунае, указывают на крайнюю напряженность настоящей минуты. Ныне уже нельзя откладывать до посылки на Балканы союзных войск предложенное мною выступление, ибо обстоятельства могут опередить полезность такового. Благоволите приложить все старания к убеждению правительства, при коем вы аккредитованы, в необходимости сделать безотлагательно намеченное в Нише и Софии заявление.

Сазонов.

80.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне.

1 (14) февраля 1915 г., № 594.

Великобританский посол сообщил мне, что Грэй предпочитает, до официального заявления держав в Нише и Софии, сначала узнать от болгар, какое содействие они согласны оказать трем державам или их союзникам, дабы, в зависимости от такого обещания болгар, добиваться

для них у сербов земельных уступок. Такая постановка вопроса мне не кажется правильною, ибо она даст повод болгарам предложить самые незначительные жертвы и предъявить за таковые требования, которые, во всяком случае, будут превышать те, что державы Согласия смогут доставить им. Переговоры с Софиею сделаются известными сербскому правительству, которое в этих переговорах увидит новое покровительство Болгарии, хотя бы на пользу Сербии, но без ее полномочия.

Я готов согласиться с Грэем, что, быть-может, в настоящую минуту военное положение не определилось еще для нейтральных держав с достаточною ясностью, чтобы заявление в Софии увенчалось успехом. В виду этого я не возражаю против отсрочки наших выступлений в обеих балканских столицах до того времени, когда какое-нибудь военное событие откроет глаза и болгарам, но в таком случае, нужно предвидеть, что для сербов будет труднее встать на нашу точку зрения о необходимости земельных уступок.

Я также присоединяюсь к мнению Грэя о необходимости одновременно с официальным обращением к правительству ознакомить с содержанием нашего заявления и вожаков оппозиции. Они будут в таком случае знать, на ком лежит вина в замедлении осуществления заветных пожеланий Болгарии.

Сазонов.

81.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

10 (23) февраля 1915 г., № 87.

Сэр Эдуард Грэй уведомил английского посланника, что он сказал болгарскому представителю в Лондоне, что великобританское правительство, продолжая относиться сочувственно к идее объединения разных балканских народностей, находит, однако, что положение, занятое Болгарией, не дает Англии достаточных оснований настаивать перед Сербией на территориальных уступках в пользу Болгарии. Поэтому английское правительство не берет на себя в данную минуту никаких обязательств гарантировать Болгарии те или другие территориальные приобретения, но выступление Болгарии против Турции совершенно изменило бы отношение Англии к этому вопросу.

Савинский.

82.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

13 (26) февраля 1915 г., № 93.

Совершенно лично. — Здесь замечается заигрывание немцев с греками, совпавшее с известием, сообщенным мне французским посланником об отказе греков допустить высадку англо-французских войск в Салониках. С другой стороны, в последнем разговоре у Радославова вырвалось, что Кавалла составляет предмет особых желаний болгар. Радославов сказал, что, если они ее получат, то были бы готовы отка-

заться раз навсегда от Салоник. Если бы нам пришлось перестать рассчитывать на содействие Греции и если бы мы увидели, что последние подчинились влияниям из Берлина, то ценою Каваллы можно было бы, быть-может, приобрести содействие Болгарии.

Савинский.

83.

Секретная телеграмма министра иностранных дел Болгарии Радославова посланнику в Лондоне Хаджимишеву [1]).

16 февраля (1 марта) 1915 г., № 220.

Так как положение вещей все еще не выяснилось и результат неизвестен, прошу вас избегать вступать в переговоры. Воспользуйтесь авансами, которые вам делают, и продолжайте подчеркивать болгарский тезис строгого, но полезного для Тройственного [2]) нейтралитета и требуйте за него Добруджу, Македонию с Каваллой и пр. Нейтралитет, который болгарское правительство столь строго соблюдает из уважения к России и ее союзникам, с риском подвергнуться критике в своей же стране, и все усилия удержать народ от стремления отомстить Сербии и Румынии — уже два раза спасли Сербию от полного разгрома и удержали Румынию в самом начале от ее влечения к Тройственному Союзу. Будучи гарантирована перед Тройственным Согласием, Румыния может приступить ныне к осуществлению своих национальных задач, столь торжественно обещанных Тройственным Согласием малым народностям и державам. Для своего обеспечения Болгария сделала во время балканской войны все усилия и больше своих союзников принесла жертв, благодаря которым Греция была реабилитирована, а Сербия получила возможность расширить свою территорию даже вне пределов, предусмотренных договором 1912 г. И поныне Болгария не желает ничего чужого, но за услуги, которые оказывает воюющим державам, соблюдая нейтралитет, она надеется вернуть утраченное и уверена, что Англия в границах справедливости отнесется с уважением к своим ноябрьским обещаниям и договору, столь энергично поддержанному ею в Лондоне. На эту тему вы можете говорить, когда представится случай подчеркнуть претензии Болгарии на компенсации, за соблюдаемый ею нейтралитет.

84.

Секретная телеграмма министра иностранных дел Болгарии Радославова посланнику в Петрограде Маджарову [3]).

21 февраля (6 марта) 1915 г., № 260.

Откуда вы узнали, что Румыния обязуется вернуть принадлежавшую нам часть Добруджи? По имеющимся у нас сведениям, Румыния не желает войти в соглашение с Болгарией, пока последняя

---

[1]) Перевод с болгарского, сделанный в канцелярии М. И. Д. Дешифрант.
[2]) Пропуск слова. Вероятно: «Согласия».
[3]) Перевод с болгарского. Дешифрант.

не столкуется с Сербией. Того факта, что Россия обещала Румынии за ее нейтралитет Трансильванию, не отрицает и доныне г. Савинский. Ваши другие заверения — преждевременны, так как Румыния дала обязательства и центральным державам.

85.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

9 (22) марта 1915 г., № 149.

Имеются разнообразные признаки, указывающие на намерение короля переменить или обновить кабинет. Нужно думать, что, во избежание внутренних потрясений, король отложил проведение своего намерения впредь до роспуска на летние каникулы Народного Собрания, назначенного на 15 марта. В прошлом перемена правительства обыкновенно приурочивалась королем ко времени, когда Народное Собрание не заседало. В виду остающихся до закрытия всего нескольких дней, не будет ли практичнее, если будет решено сделать известное представление [1]), отложить его до закрытия Собрания, так как его принятие не может не сопровождаться хотя бы частичными переменами в кабинете. Такой способ действий, не противореча намерениям короля, был бы им легче воспринят, а мы бы потеряли всего несколько дней. Говорят о коалиционном кабинете, который остался бы под председательством Радославова. Считаю, что это было бы предпочтительнее, чем замена всего кабинета новым, так как в первом случае все политические течения имели бы своих представителей, и новое правительство нельзя было бы упрекнуть в пристрастии. Освобожденный от стамбуловистов и тончевистов Радославов, по своей безличности, был бы обезврежен.

Савинский.

86.

Секретная телеграмма болгарского посланника в Петрограде Маджарова царю Фердинанду [2]).

Петроград, 12 (25) марта 1915 г., № 256.

Французский посол Палеолог, которого я видел вчера вечером, просил меня сообщить лично вашему величеству следующие его слова:

«Ныне Болгарии представляется самый удобный момент для восстановления своего народного единства. Для форсирования Дарданелл потребуется самое большое 2 месяца, но, может-быть, это произойдет и ранее.

Если Болгария объявит, что выступит с Тройственным Согласием и назначит для этого определенный срок, то я гарантирую ей границы по линии Мидия—Энос, исполнение договора 1912 г., Петербургского протокола, Каваллу и все финансовые облегчения. Тройственное

---

[1]) См. телеграмму Сазонова от 27 января 1915 г. за № 498.
[2]) Перевод с болгарского. Дешифрант.

Согласие готово также обеспечить Болгарию от возможного выступления Румынии и Греции.

Для десанта в Турцию у нас достаточно войска: со стороны России — 100.000, Англии — 60.000 и Франции — 50.000. Численность войск может быть увеличена, если Болгария не пожелает вмешаться в войну.

Я говорю вам об этом лишь, как друг вашего царя и Болгарии, о которых храню самые лучшие воспоминания.

Ваше вмешательство необходимо ныне же, ибо впоследствии оно будет излишним.

История предопределила вам блестящую роль, и от вас самих зависит выполнить ее или нет.

Хотя вопрос о будущем Константинополя еще не решен, но союз трех держав останется незыблемым и после войны. Это будет могущественный фактор, и всякий, кто будет ему противиться, *(пропуск)* от безденежья.

После падения Венизелоса король Константин пригласил нашего посланника и заявил ему, что ни он, ни его страна не выступят с противниками Тройственного Согласия и что Греция будет держаться той же политики по отношению к Тройственному Согласию, как и при Венизелосе.

Вот почему Болгария должна поспешить занять место, которое подобает ей, как самой жизнеспособной из балканских держав».

В заключение Палеолог сказал: «Подобное сообщение, быть-может, сделает вам и Бьюкэнен». В своем рапорте я донес вашему величеству, что и Сазонов сделал мне такое же заявление.

87.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

13 (26) марта 1915 г., № 163.

Лично. За последнее время, особенно с падения Перемышля, в правительстве и у короля замечается сдвиг в нашу сторону. Радославов принял и беседовал последовательно со всеми шефами оппозиционных партий, а король сегодня принял Малинова; на-днях обещана аудиенция Гешову. Малинов лично для моего сведения рассказал мне содержание беседы, от которой в общем у него очень хорошее впечатление. Главным положением, которое совершенно категорически выдвигал Малинов, была необходимость возможно скорее войти в обмен мыслей с Тройственным Согласием, иными словами, с Россией; он изложил королю, с одной стороны, пожелания, которые могло бы формулировать болгарское правительство, а с другой—те услуги, которые оно должно было бы оказать союзникам. Король выслушал Малинова внимательно и благожелательно, указал на трудность своего положения, сравнив его с положением кормчего, ведущего корабль в бурю, и упрекнул Малинова, что он и его политические друзья могли сомневаться в нем и думать, что он поведет корабль не по тому пути, по которому нужно, т.-е. против Тройственного Согласия. На вопрос

короля, какими средствами можно было бы произвести перемену политики, Малинов уклонился ответить, сказав, что, когда министерский кризис станет вопросом открытым, он не отказывается высказать свое мнение. В конце аудиенции король сказал, что с закрытием Народного Собрания обратится к Малинову вновь. Военный министр говорил сегодня военному агенту по поводу провоза через Болгарию военных припасов, что Болгарии нужно скорее выйти из нейтралитета и примкнуть к России; что Радославов и король это поняли теперь и что он надеется, что в скором времени этот поворот произойдет.

Савинский.

88.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

19 марта (1 апреля) 1915 г., № 181.

Вчера король принимал Гешова, который зашел ко мне сегодня рассказать подробности аудиенции. Сначала король попросил Гешова высказаться насчет теперешнего политического момента. Выслушав внимательно его совет возможно скорее образовать коалиционное правительство и вступить в переговоры с Тройственным Согласием в целях выступления против Турции, король ответил, что он уже думал об общепартийном кабинете, но что для принятия решения ему нужно еще подумать и переговорить с Радославовым. Во всем поведении короля продолжает замечаться полная нерешительность.

Савинский.

89.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

23 марта (5 апреля) 1915 г., № 192.

Поступающие с разных сторон, хотя бы и преувеличенные известия о происшедшем вторжении в Новую Сербию болгарских банд и о готовящихся новых вторжениях производят в министерстве и политических кругах удручающее впечатление. Боятся новых авантюр, которые будут гибельнее для Болгарии, чем авантюра 1913 года. Со всех сторон высказывается мнение, что наступил момент, когда нужно серьезно пригрозить правительству и королю. Эти отголоски общественного мнения вполне соответствуют оценке момента, данной мною и Трубецким в предыдущих телеграммах. Если будет сочтено желательным сделать здесь представление, то помимо нарушения болгарским правительством нейтралитета и сопряженной с ним утраты прав на компенсации в будущем можно было бы указать на открытую враждебность акта по отношению к державам Согласия и на те последствия, которые неизбежно произойдут для Болгарии, если правительство не захочет или окажется бессильным справиться с происками македонцев и австрийцев, открыто орудующих на их территории в нарушение суверенных прав Болгарии. Угроза могла бы выразиться в морской демонстрации союзных флотов.

Савинский.

90.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии.

23 марта (5 апреля) 1915 г., № 1539.

Я принял предложение Грэя поручить вам, совместно с вашим французским и великобританским сотоварищами, пригласить болгарское правительство высказаться окончательно, согласно ли оно присоединиться к союзным державам, на условиях получения Македонии в границах 1912 года с Монастырем включительно, а также Фракии до линии Энос — Мидия.

Вместе с сим я считаю необходимым предупредить в самых решительных выражениях болгарское правительство, что, в виду угрожающих размеров, принятых деятельностью в Македонии чет, снаряжаемых в Болгарии, — последняя может рассчитывать на благожелательное отношение союзников к ее вожделениям только в том случае, если болгарским правительством будут приняты немедленно меры к прекращению движения, допустить которое державы не могут.

Сазонов.

91.

Секретная телеграмма посланника в Софии [1]).

25 марта (7 апреля) 1915 г., № 195.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 1539.

Прошу срочных указаний.

По всестороннем обсуждении предполагаемого шага и его последствий в связи со здешними настроениями данной минуты, считаю долгом доложить следующие соображения: здесь все под впечатлением происшедшего в Сербии столкновения и со страхом спрашивают себя, как отнесется Россия к этому явно недружелюбному акту. Поэтому, одновременно делать представления по поводу четнического движения и давать столь широкие обещания компенсации может вызвать в здешних умах представление, что последние — результат произведенного в Македонии давления, и может поощрить к требованию таким же путем компенсации со стороны Греции и Румынии. Если, тем не менее, будет решено сделать предписанный в вашей телеграмме № 1539 шаг, то прошу разъяснить, является ли эта инструкция совершенно самостоятельною или соображения телеграммы № 498 остаются в силе, то-есть, нужно ли пояснить болгарскому правительству, что «присоединение к союзникам» будет означать необходимость активного

---

[1]) На подлиннике имеется собственноручная пометка Николая II: «Оба представления следует безусловно разделить. Я имел в виду серьезно пригрозить Болгарии о недопустимости подобных нападений организованных чет на нашу союзницу Сербию. Прошу энергичного воздействия — момент очень серьезный».

Царское Село.

27 марта 1915 года.

выступления при первом их требовании, что обещаемые компенсации будут даны по получении Сербией своих и что Болгария может рассчитывать на денежную и военную помощь.

Савинский.

92.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии.

1 (14) апреля 1915 г., № 1666.

Благоволите по получении вашими французским и великобританским сотоварищами соответствующих инструкций сделать следующее представление болгарскому правительству:

«Державы Согласия имеют неопровержимые доказательства того, что австрийские агенты стараются увлечь Болгарию по пути, идущему в разрез с ее жизненными интересами и традициями ее прошлого. Сеть их интриг распространяется по всей стране: в последние дни, при содействии худших македонских элементов, этими агентами было организовано вторжение вооруженных банд в Македонию. Болгарскому народу грозит опасность быть, без его ведома и вопреки его воле, вовлеченным в конфликт, последствия которого могут быть для него столь же плачевны, как последствия катастрофы 1913 года.

Стремясь обеспечить после нынешнего бедствия продолжительный мир, державы Согласия считают своим долгом предостеречь королевское правительство от опасностей, которым подвергает страну его непрямолинейная политика. Служа интересам двух центральных империй, политика эта не может доставить Болгарии тех преимуществ, обеспечить которые могут ей только державы Согласия. Если королевское правительство будет продолжать держать себя как соучастник врагов Тройственного Согласия и будет впредь допускать их происки, державы сочтут себя свободными от данных ими обещаний и предоставят ему нести ответственность за могущие явиться последствием их поведения события.

Болгарское правительство может быть однако уверено в том, что державы Согласия ни мало не желают быть вынужденными стать во враждебные к Болгарии отношения и что они относятся доброжелательно к законным стремлениям болгарского народа. Если королевское правительство намерено к ним присоединиться, державы Согласия готовы изыскать способы удовлетворить его желания и приложить в этом направлении свои усилия и свое влияние».

Сазонов.

93.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

3 (17) апреля 1915 г., № 213.

Ваша телеграмма № 1666 получена.

Лично. Французский посланник сообщил мне несколько телеграмм Делькассе, в которых последний, со слов английского посла в Париже, передавал ваши разговоры 28 и 29 марта с Бьюкененом

по поводу проектируемых вами угрожающих мер против Болгарии и поведения последней в Валандовском инциденте [1]). Инцидент этот, имевший место уже две недели тому назад и который в свое время признавалось нежелательным оставить без внимания, теперь забыт, а главное, смею уверить, болгарское правительство в нем менее виновно, чем в других случаях, например, в нападении на мост при Демир-Капу, уже не говоря о всех нарушениях нейтралитета по наущению Австрии. Инициаторами Валандовского набега являются, без всякого сомнения, австрийцы; организаторами — здешний австрийский военный агент и министр финансов Тончев, находящийся у австрийцев на откупу; исполнителями — македонцы, турки, австрийцы, быть-может, несколько болгар. Радославов скорее смущен: он призывал македонских вождей для убеждения и велел разоружить всех вернувшихся со станции Струмицы участников набега. Здешний сербский посланник, человек уравновешенный, не шовинист, как некоторые другие сербские представители за границей, говорил мне, что, во внимание к важности минуты, сербы готовы не поднимать истории, если бы только они были застрахованы в будущем от повторения подобных набегов. Настроение Болгарии, как я доносил, все последнее время, с каждым днем более и более высказывается за присоединение к Согласию; самые крайние элементы, в роде македонцев, готовы итти на уступки, отказываясь теперь от всяких территориальных изменений до окончания войны.

С другой стороны, если в начале войны положение Болгарии, с чисто военной точки зрения, было для нас более или менее безразлично, то теперь, со времени начала действий на проливах, мне кажется, что это не так. Болгарам, как вы уже знаете, я без устали повторяю, что с ними или без них план держав будет неукоснительно приведен в исполнение, но помощь Болгарии теперь, конечно, нам нужна, и наша задача значительно усложнится, если мы будем иметь дело на проливах и у Константинополя с соединенной турецко-болгарской армией.

В виду всех этих соображений, мне казалось бы, что разрыв с Болгарией был бы теперь несвоевременным, но, конечно, императорскому правительству это виднее. Если оно своим сообщением, текст коего мне передан телеграммою № 1666, имеет в виду привлечь Болгарию на нашу сторону, то наперед можно безошибочно сказать, что сообщение это не только обречено на полнейший провал, но оно оттолкнет от нас даже самых преданных нам друзей. В самом деле, если Болгария до сих пор не определилась, то в значительной степени потому, что в предыдущих обращениях мы никогда точно не определяли тех выгод, на которые она могла бы рассчитывать: была упомянута линия Энос — Мидия; насчет же самого жгучего вопроса — македонского — было сказано лишь: «По окончании войны она получит в Македонии право на исправление границ, основанное на принципах справедливости». Но все-таки это было кое-что; последняя же фраза нового обращения возвращается к еще более туманным обраще-

[1]) Нападение на сербские поселения (около Струмицы) отряда македонских четников, рассматривавшееся русскою дипломатией, как действие, инспирированное болгарским правительством.

ниям, чем прежние, и без всякого сомнения вызовет недоумение и горчайшее разочарование даже в самых преданных нам лицах.

Я высказываю эти крайне озабачивающие меня мысли исключительно с местной точки зрения, не зная общего политического положения, но считаю нравственною обязанностью обратить внимание вашего высокопревосходительства, что сообщение в редакции телеграммы № 1666 оттолкнет от нас всю Болгарию; если мы хотим этого, то результат обеспечен. Если же мы хотим ее присоединения, то, как я и требовал неоднократно, нужно придать выступлению вполне категорический, почти ультимативный характер, но сохранить то содержание, которое было в вашем № 498.

Савинский.

94.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Париже.

7 (20) апреля 1915 г., № 1769.

Уступая желанию Делькассе, предписываю посланнику в Софии воздержаться от выступления до получения новых указаний.

Сазонов.

95.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии.

12 (25) апреля 1915 г., № 1883.

Не можете ли вы подтвердить дошедшие до нас из Константинополя сведения о состоявшемся будто бы по почину Талаата, заключении болгаро-турецкого договора? Пунктами такового являются: предоставление Болгарии временно занять Фракию до линии Энос—Мидия, а также усиление, согласно предложению фон-дер-Гольца, четнического движения в Македонии, при участии немцев, австрийцев и турок.

Сазонов.

96.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

14 (27) апреля 1915 г., № 234.

Получил вашу телеграмму № 1883.

По поводу приезда в Софию в конце февраля Халиль-бея я телеграфировал за № 125 [1]), что, по слухам, его миссия состояла в обеспечении болгарского нейтралитета, путем уступки, по настоянию немцев, части Фракии. Впоследствии Радославов это отрицал и вообще объяснял свою политику с Турцией желанием усыпить внимание

[1]) В секретной телеграмме от 28 февр. 1915 года за № 125 Савинский отмечал приезд Халиль-бея в Софию, как акт симптоматичный, направленный к удержанию Болгарии в нейтралитете.

последней подобно тому, как она сделала это с Болгарией перед обратным отобранием у нее Адрианополя. С тех пор мне не удалось узнать дальнейших подробностей. На этих днях Талаат, действительно, был в Адрианополе; как говорят, виделся с болгарами, но с кем именно, никто не знает, и слухи об уступке болгарам части Фракии снова появились и имеются, между прочим, у французского и румынского посланников из совершенно различных источников. Прибавляют даже, что турецкие войска будут отозваны из Адрианополя, и во Фракии останутся лишь две тысячи солдат для несения жандармской службы. Относительно организаторской роли австрийцев и участия турок в движении чет в Македонии я уже доносил. Покуда не могу сказать ничего, более определенного. Продолжаю следить сам и через военного агента. Думаю, что, если упомянутое соглашение и состоялось, то об активном сближении с Турцией здесь не думают и за турецкие уступки обещают лишь все тот же нейтралитет, в ожидании наших более определенных и существенных предложений.

Савинский.

97.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне.

14 (27) апреля 1915 г., № 1909.

Сообщается в Ниш.

Сербский посланник сообщил мне от имени своего правительства, что оно решительно отказывается от даже обещанных им земельных вознаграждений в пользу Болгарии, в виду враждебного ее поведения. Последнее, по словам Пашича, выразилось в недоброжелательном нейтралитете и в допущении австрийцев снаряжать четы для нападения на сербские транспорты. Я не скрыл от г. Спалайковича невыгодного впечатления, которое произвело на меня его заявление, из которого я усматриваю, что Сербия притязает на направление и разрешение всех выдвигаемых войною вопросов с сербской только точки зрения, не желая считаться с условиями общего для всех союзников дела. Королевское правительство может быть уверено, что державы попрежнему озабочены утверждением на Балканах прочного порядка и мира, предполагающего удовлетворение разумных сербских интересов, и приложат к тому все старания. В виду этого сербское правительство должно положиться всецело на суждение и решение союзных держав.

Сазонов.

98.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

15 (28) апреля 1915 г., № 239.

Лично. Из прибывшей сюда и отправляемой сегодня же в Петроград экспедиции Демидова я впервые ознакомился с подробностями последних переговоров между Афинами и державами Согласия. Главное требование греков — гарантии территориальной неприкосновенности

Греции — конечно, заключает в себе опаснейший залог болгаро-греческого конфликта в будущем. Не зная всей совокупности политических обстоятельств, обусловливающих вышеупомянутые переговоры, с местной точки зрения нахожу, что, может-быть, было бы полезно ранее принятия нами на себя требуемой греками гарантии, заявить болгарскому правительству, что, если мы сговоримся с греками, то болгарам придется навсегда оставить всякие мечты о Кавалле. Это могло бы послужить стимулом для выступления Болгарии. Кроме того, чем более будет у нас помощников при взятии Константинополя, тем нам будет легче справиться с претензиями каждого из них. Здесь имеются указания, что даже Англия не примирилась бы вполне с нашим будущим господством на проливах.

Савинский.

99.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне.

22 апреля (4 мая) 1915 г., № 2066.

Сообщается в Софию:

Я согласился на предложение Грэя сделать Болгарии, по заключении с нами соглашения с греками, заявление, что мы готовы вступить с ней в переговоры относительно совместных военных действий и что наш договор с Грецией не содержит никаких постановлений, противных болгарским интересам.

Добавление для Софии:

По получении вашими французским и великобританским сотоварищами соответствующих указаний, благоволите сделать вышеупомянутое сообщение болгарскому правительству.

Сазонов.

100.

Секретная телеграмма болгарского посланника в Лондоне Хаджимишева министру иностранных дел Радославову [1]).

29 апреля (12 мая) 1915 г., № 240.

Сегодня я виделся с Грэем, который прочел мне текст телеграммы английского посланника в Софии по поводу разговора вашего с ним в прошлую субботу. В этой телеграмме было передано ваше заявление, что Болгария готова содействовать Тройственному Согласию, если ей будет гарантировано приобретение перечисленных в вашей телеграмме территорий [2]).

Так как в вашей телеграмме ко мне не достает этого заявления, то Грэй высказал желание, чтобы вы поручили мне подтвердить ему сделанное вами английскому посланнику заявление. Однако, полагая,

---

[1]) Перевод с болгарского. Дешифрант.

[2]) Разговор между Айронсайдом и Радославовым происходил 28 апреля 1915 г. Речь шла о Драме, Сересе и Кавалле, которые Айронсайд соглашался принять, как «базу для переговоров» (см. телегр. Савинского от 28 апреля 1915 г.).

что вышеуказанное ваше заявление было правильно передано, Грэй обещал довести до сведения союзников предложенные царским правительством условия, но при этом он просил передать вам, что желание Болгарии получить спорную зону встретит большие затруднения, так как до настоящего времени Тройственное Согласие имело в виду лишь бесспорную зону.

Грэй прибавил, что в предложения союзников входит также и граница по линии Энос — Мидия; что же касается Добруджи, то этот вопрос может быть легко улажен непосредственно с Румынией.

Я спросил Грэя о ходе переговоров с Грецией, и он ответил мне, что переговоры продолжаются, при чем просил меня повторить вам его уверения по этому вопросу, о коих я уже доносил вам в телеграмме за № 208, а именно, что Тройственное Согласие не пойдет на уступки, которые лишили бы Болгарию возможности оказать содействие союзникам.

Грэй обещал известить меня о результатах обмена мыслей с Россией и Францией.

В ожидании этого, прошу вас ответить мне, дабы я мог подтвердить ваши слова, сказанные английскому посланнику в Софии.

101.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии.

6 (19) мая 1915 г., № 2318.

Сообщается в Париж и Лондон.

№ 1. Ссылаясь на сделанное Геннадиевым вашему великобританскому коллеге заявление, Грэй просил меня уполномочить Бакс-Айронсайда войти от имени союзников в переговоры с болгарским правительством в целях привлечь Болгарию на нашу сторону. Выбор наиболее удобного *(пропуск)* для выступления времени должен быть предоставлен великобританскому посланнику, обращение же должно, по мнению Грэя, быть изложено приблизительно в выражениях, сообщенных вам в телеграмме № 2.

Я принял предложение Грэя и поручаю вам поддержать вашего великобританского коллегу, когда последний будет об этом ходатайствовать перед вами.

Тожественные инструкции должен получить и Панафье.

Сазонов.

102.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии.

6 (19) мая 1915 г., № 2319.

№ 2.

Союзные державы согласны допустить немедленное занятие Болгарией и присоединение к ней Восточной Фракии до линии Энос-Мидия взамен ее вооруженного выступления против Турции. Союзные державы обеспечивают Болгарии по окончании войны владение частью

Македонии, лежащей между нынешними границами Греции, Болгарии и линией от Эгри—Паланка—Сопот—Охрида, включая сюда города: Эгри—Паланка, Копрюлю, Охрида и Монастырь, при условии получения Сербией соответственных вознаграждений в Боснии и Герцеговине и на Адриатическом побережии, а также при условии, что Болгария не вступит в указанную местность до заключения мира. Наконец, державы обязуются повлиять на эллинское правительство, дабы обеспечить Болгарии получение Каваллы. При этом однако державы будут вынуждены вознаградить Грецию в Малой Азии, и ради этой цели болгарская армия должна выступить во Фракии. Союзники готовы также предоставить Болгарии необходимую денежную помощь.

Сазонов.

103.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

8 (21) мая 1915 г., № 280.

Срочно. Требует срочных указаний. Получил телеграммы №№ 2318 и 2319. Копии Лондон и Париж.

Английский посланник получил соответствующие инструкции, французский — еще нет. Собравшись втроем, только что всесторонне обсудили вопрос и решили просить наши правительства разъяснить:

1) — идет ли речь только о Кавалле или под Каваллой в данном случае разумеется весь район с Сересом и Драмой, без которых обладание Каваллой почти невозможно;

2) — можно ли будет в идентичное письменное сообщение, которое мы предполагаем сделать правительству с вручением копии дворцу, включить Каваллу или весь район на тех же началах, как и уступаемую Болгарии часть Македонии, т.-е. гарантируем ли мы болгарам приобретение греческой части Македонии, или только обещаем наше содействие к ее получению. Нам всем троим кажется, что заключающаяся в вашем № 2319 ссылка на вознаграждение Греции в Малой Азии указывает на то, что державы готовы обязаться также и гарантией греческой части Македонии. Положение, занятое Грецией, оправдывало бы в наших глазах такую гарантию не только по отношению к Кавалле, но и Драме и Сересу. Хотя у Бакс-Айронсайда и есть указания из Лондона, что выбор момента для выступления предоставляется английскому правительству и что французский посланник и я получим инструкции его поддержать, однако, к счастью, в этот раз он не сопротивлялся тому, чтобы выбор момента мы установили по общему согласию и передали предложение одновременно в идентичной форме, лишь предоставив ему первое место, как старшему из нас.

Это очень важно для традиционного престижа России в Болгарии. Что касается самого момента выступления, то все мы признаем, что таковым должен быть момент между фактическим активным выступлением Италии и первым решительным столкновением австрийцев с итальянцами или румынами, так как неопытные итальянские войска могут не выдержать первого натиска австро-германцев, которые, очевидно, давно предвидели исход австро-итальянских переговоров и приготовили

удар, который сразу ошеломит новых противников. Если бы это случилось, то, с местной точки зрения, момент для выступления был бы снова неблагоприятен. Ожидаем спешных инструкций.

Савинский.

104.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии.

10 (23) мая 1915 г., № 2396.

Сообщается в Париж и Лондон.

Под Каваллою я готов подразумевать весь ее округ со включением Драмы и Сереса, если таково будет также мнение Грэя и Делькассе.

В виду невозможности для союзников взять на себя обязательство отвоевать у Греции названную выше область, желательно избегать слишком решительных выражений и изложить этот пункт примерно следующим образом: «Наконец, державы обязуются приложить все усилия, дабы обеспечить Болгарии получение от Греции Каваллы» и далее, как сказано в телеграмме № 2319.

Сазонов.

105.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии.

11 (24) мая 1915 г., № 2400.

Сообщается в Париж и Лондон.

Заявление, переданное вам в телеграмме № 2319, надлежит закончить следующими соображениями: «Союзники готовы предоставить Болгарии их дипломатическую поддержку к облегчению возврата ей уступленной Румынии части Добруджи, лежащей между линиями Петербургского протокола и Бухарестского договора».

Сазонов.

106.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

12 (25) мая 1915 г., № 287.

Прошу срочных указаний. Ссылаюсь на ваши телеграммы №№ 2396 и 2400. Копии в Париж и Лондон.

Французский посланник прочел мне только что полученную телеграмму Делькассе с известием, что Станчеву было поручено зондировать французское правительство, будут ли державы согласия расположены гарантировать Болгарии за ее выступление:

1) бесспорную зону Македонии,
2) спорную зону,
3) Каваллу и
4) часть Добруджи.

Делькассе выразил при этом мнение, что поднятие вопроса о спорной зоне является скорее малоутешительным признаком. Панафье и я, зная восточные приемы болгарской дипломатии, отнюдь этого не думаем, считаем упоминание о спорной зоне лишь средством запроса и, наоборот, в факте данного Станчеву поручения видим известную нервность болгарского правительства, желающего скорее выяснить, на что оно может рассчитывать, и готового, конечно, сговориться, если по трем другим пунктам ему удастся заручиться нашим согласием, хотя бы в той осторожной форме, которая указана в ваших телеграммах №№ 2396 и 2400. Панафье телеграфировал в этом смысле в Париж. Он получил вчера приблизительный текст обращения к болгарскому правительству, идентичный с полученным английским посланником и мною. Окончательные инструкции по поводу Каваллы, Сереса и Драмы Делькассе обещает ему после сегодняшнего министерского совета. Предполагаем, что при этом условии можно будет сделать идентичное заявление не позже четверга.

Савинский.

107.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне.

13 (26) мая 1915 г., № 2435.

№ 1.

В виду ожидаемого со дня на день заявления болгарам, прошу вас приложить все старания к тому, чтобы правительство, при коем вы аккредитованы, приняло без возражений и изменений предложение мое, содержащееся в № 2. Оно составлено в общих выражениях, дабы избежать обычных споров о редакции, и я надеюсь, что Делькассе (Грэй) не замедлит снабдить французского (великобританского) представителя в Нише соответствующими срочными указаниями.

Сазонов.

108.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Нише.

13 (26) мая 1915 г., № 2436.

№ 2.

Сообщается в Париж и Лондон.

Державы Согласия принимают во внимание, что продолжительная война потребовала от участниц весьма значительных жертв и что дальнейшее ее ведение потребует еще новых. Поэтому они озабочены возможным сокращением ее длительности, что будет отвечать интересам и Сербии. По ходу военных операций наиболее ценным представляется ныне участие Болгарии, которой вследствие сего надлежит обещать особые выгоды при заключении мира. В силу принесенных державами на пользу Сербии жертв они ожидают от Сербии предоставления им определения условий привлечения Болгарии к совместным военным действиям.

Доверительно следует устно добавить, что нынешнее обращение преследует исключительно облегчение положения Пашича в связи с твердым решением держав взять в свои руки вопрос о болгаро-сербских отношениях. Жертва, выпадающая на долю Сербии, является в виде уступки в пользу Болгарии после войны в пределах македонских земель до линии Эгри—Паланка, Сопот, Охрида, признававшейся принципиально допустимой с точки зрения сербских прав и интересов. Эта уступка обусловливается немедленным вступлением Болгарии в войну и приобретением Сербией при заключении мира обширных территорий и выхода в Адриатическое море. Это решение признается державами важным и для упрочения в будущем продолжительного мира.

Сазонов.

109.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Риме.

15 (28) мая 1915 г., № 2460.

Сообщается в Париж, Лондон и Софию.

Считаю весьма желательным, чтобы итальянскому посланнику в Софии было поручено поддержать заявление посланников Согласия болгарскому правительству, имеющее целью вовлечь Болгарию в военные действия против Турции. Державы обещают за это Болгарии: Македонию в границах договора 1912 г., Фракию до линии Энос—Мидия; они обязываются также приложить старания к получению Каваллы от Греции и готовы содействовать, сверх того, в переговорах, которые Болгария и Румыния пожелали бы вести по вопросу о Добрудже. Текст заявления уже сообщен трем посланникам. В случае получения вашими французским и великобританским сотоварищами таковых же указаний, благоволите высказаться по содержанию этой телеграммы с министром иностранных дел.

Сазонов.

110.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

16 (29) мая 1915 г., № 297.

Только что окончательно установили вчетвером текст заявления болгарскому правительству и вручил его Радославову сегодня.

Савинский.

111.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

22 мая (4 июня) 1915 г., № 303.

Ответ болгарского правительства на наше предложение еще не представлен, и, по имеющимся у меня сведениям, не принято окончательного решения. Предложение признается весьма серьезным и не менее важ-

ным. Хотя официально секрет соблюдается, однако все знают главные положения и усиленно обсуждают. Так как наши враги, австро-немцы и враждебные болгары, употребляют все усилия, чтобы дискредитировать наше предложение и представить его в ложном свете, старался *(пропуск)* разъяснить самым разнообразным и наиболее влиятельным факторам значение нашего шага и важность для Болгарии, чтобы в ответе держав не увидели злой воли. Из многочисленных разговоров с наиболее серьезными людьми из правительственных партий, македонцев и оппозиции, сознающими, что от ответа зависит будущее Болгарии, убедился, что наши враги стараются истолковать особенно неблагоприятно для нас, во-1-х, обязательство выступить «со всеми вооруженными силами», указывая, что оставление границы без защиты до выступления Румынии и Греции было бы гибельно для Болгарии и, во-2-х, подчинение болгарских компенсаций территориальному расширению Сербии, в чем усматривается укол болгарскому самолюбию и опасение, что в случае неполучения сербами совершенно определенных приращений и Болгария останется без компенсаций. Сообщившие мне это благожелательные и разумные лица—в том числе известный вам Владов—не без основания указывают, во-1-х, что, если выступление Болгарии последовало бы до определения Румынии и Греции, то нужно было бы предоставить болгарам оставить часть войск для защиты границы, и во-2-х, что раз державы-победительницы будут в конце войны устраивать распорядок, то они и дадут Сербии то, что признают нужным, без необходимости предварительного упоминания о том, что король, повидимому, принимает *(пропуск)*, что придется переменить политику, но, как мне сообщили из очень достоверного источника, открыто говорит, что предпочел бы, чтобы если не «румынский Гогенцоллерн», то по крайней мере муж сестры германского императора раньше его вынул шпагу против «старика Франца-Иосифа, которому-де он столь многим обязан». Во всех разговорах и всеми способами даю понять, что разные, более мелкие, подробности можно будет уладить путем переговоров, если только в ответе Болгарии державы усмотрят совершенно определенное принципиальное согласие. Возбуждался вопрос и о «спорной» зоне и указывалось, что после того, что ее судьба была в свое время предоставлена решению государя императора, для Болгарии обидно, что она теперь отдается без всяких оговорок сербам. Высказывались пожелания, чтобы державы взяли на себя решение вопроса о местностях спорной зоны с болгарским населением. Я советовал не касаться совсем этого вопроса и в крайнем случае высказать лишь пожелание, чтобы державы по окончании войны обещали рассмотреть его с точки зрения общей политической справедливости и целесообразности. Расположенные к нам болгарские патриоты—в их числе Владов—задавали мне вопрос и об участии наших войск в осаде Константинополя с суши. Это участие с точки зрения подъема духа болгарского солдата ими признается как совершенно необходимое условие. По всей вероятности, это пожелание совпадает с нашими намерениями, так как, кроме высказанного соображения, есть еще и другое, более важное—невозможность допустить ни с какой точки зрения, чтобы наши войска не приняли самого активного участия во взятии Царьграда, предоставив его другим. Я позволил себе высказать все вышеизложенное, во-первых, чтобы дать вам отчет о здешних настроениях и, во-вторых,

чтобы предупредить, что даже, если принципиальное решение о выступлении Болгарии возьмет верх, то придется иметь дело с подробностями и отдельными пожеланиями, к которым для успеха дела нужно будет отнестись с внимательной снисходительностью, не отталкивая их в их целокупности. Военный и морской агенты возбуждают предо мной вопрос о координации военных распоряжений, действий и операций, в случае благоприятного отношения к нашему предложению.

Савинский.

112.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

22 мая (4 июня) 1915 г., № 312.

Вчера видел Радославова, который сам начал разговор с указания на трудность своего положения. Я ответил, что, наоборот, редко государственному человеку представлялась столь благоприятная возможность внести в историю своего отечества самую блестящую страницу, обеспечив ему максимум выгод путем минимума жертв. В последовавшей длинной беседе, которой мною был придан самый дружеский характер, я старался разъяснить ему все значение предложений держав и советовал не испытывать их долготерпения и не рассчитывать на всепрощающую Россию. Относительно настроения правительства и короля, мне удалось узнать от него лишь, что, сколько ему известно, король находит выступление преждевременным, а правительство еще не высказалось окончательно. Выразив недоумение насчет преждевременности, я прибавил: «Ту небольшую помощь, которая от вас ожидается, нужно принести во-время и не натягивать струны чрезмерно». Лично Радославов повидимому понимает важность положения и справедливость моих доводов, но окружающие влияния парализуют его, что я ему высказал откровенно. Относительно короля он сказал, что, согласившись в 1912 году на союз с Сербией, король пошел тем самым против Австрии, однако, он думает, что теперь личные отношения к австрийскому императору по всей вероятности влияют на его нерешительность. На основании разных признаков, статей и сообщений в официозах, разговоров министров, заверений, даваемых Радославовым австрийскому посланнику, и т. д., можно скорее предполагать, что ответ на наше предложение будет уклончивым с указанием на желание сохранить нейтралитет и впредь. Если решение будет таково, то ему безусловно будут содействовать известия о неудовлетворительном ходе наших переговоров с Румынией и утрате нами Перемышля.

Савинский.

113.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии.

23 мая (5 июня) 1915 г., № 2628.

Условия выступления болгарской армии подлежали бы впоследствии определению военной конвенциею, выработанною нашим и болгарским штабами. Тем не менее не подлежит сомнению, что державы имели

в виду участие болгарской армии в военных действиях против Турции исключительно на европейском берегу и в ближайшем районе Константинополя. Вы можете осторожно и лично от своего имени высказаться в этом смысле на случай предъявления вам запросов.

Сазонов.

114.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

3 (16) июня 1915 г., № 337.

Получив ответную ноту болгарского правительства, 4 посланника, собравшись для ее обсуждения, пришли к следующим заключениям, которые они считают долгом представить на усмотрение своих правительств:

1) Главная цель ноты—не отталкивая союзные державы, выиграть время и затянуть окончательный ответ в ожидании дальнейшего хода военных событий.

2) Вследствие этого в ответе держав следовало бы дать понять, что дальнейшие проволочки невозможны и что державы сохранят свои обещания лишь при быстроте решения болгарского правительства и его выступлении против Турции.

3) Было бы в полном согласии с задачами держав удостоверить, что уступаемая Болгарии часть Македонии вполне соответствует «бесспорной зоне», при чем, не упоминая по соображениям целесообразности договора 1912 года, можно было бы для установления границы перечислить заключающиеся в нем географические термины.

4) Можно было бы заявить, что минимумом сербских компенсаций, обеспечивающих за Болгарией «бесспорную зону», было бы приобретение Сербией Боснии и Герцеговины в их нынешних границах и выхода на Адриатику. Это, конечно, не помешает державам расширить в свое время сербские приобретения.

5) В данное время немыслимо разметить компенсации, которые получит Греция в Малой Азии, и возможно лишь установить самый принцип этих компенсаций взамен за уступку Каваллы, под которой державы готовы подразумевать прежние турецкие базы Каваллы, Драмы и Сереса.

6) Переговоры о Добрудже могут завязаться непосредственно между Болгарией и Румынией на базе обратной уступки Добрича и Балчика с соответствующими областями, при чем у держав есть основание рассчитывать на их удачный исход, успеху которого они готовы содействовать в Бухаресте.

Савинский.

115.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

7 (20) июля 1915 г., № 427.

Радославов говорил, что его переговоры с Турцией об уступке Болгарии линии Марицы продолжаются, но что он хочет получить всю долину, а турки будто бы соглашаются только на правый берег. Он высказал, что не надеется на достижение результата, так как турки

в конце концов не уступят и ведут переговоры лишь для выигрыша времени. Он вновь повторил мне, что если блокада англичанами Дедеагача будет продолжаться, то ему придется прибегнуть к занятию железнодорожной линии силой. По его словам, он высказался в этом смысле и перед принцем Гогенлоэ, что лишний раз подтверждает, что болгаро-турецкие переговоры ведутся под давлением Германии.

Савинский.

116.

Секретная телеграмма министра иностранных дел Греции Гунариса посланнику в Петрограде Какламаносу [1]).

14 (27) июля 1915 г.

Спешу сообщить вам содержание нового заявления, сделанного болгарским посланником одному австрийцу:

«Общность интересов связала Болгарию с центральными империями такими прочными узами, разорвать которые при помощи своих заманчивых обещаний Антанта не будет в состоянии. Болгария никогда не выступит против Германии и Австрии. Она стремится к получению Македонии. Мы держимся выжидательной политики, так как нам приходится считаться с позицией, занятой Румынией. Выступив против Сербии, Болгария очутилась бы в тяжелом положении, не будучи в состоянии противостоять России, на стороне коей выступила бы Румыния. Соблюдая нейтралитет, мы оказываем этим большую услугу державам, так как мешаем Румынии вступить в войну. Окончательный исход войны не будет решен ни в Польше, ни в Дарданеллах, он решится во Франции. Поражение Жоффра, взятие Парижа — вот что приведет к заключению мира».

Гунарис.

117.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

15 (28) июля 1915 г., № 447.

За последнее время здесь замечается сильная перемена настроения, находящая себе выражение в политических разговорах и прессе, не исключая официальных органов. Под влиянием военных событий и нашего молчания, которое усиленно толкуется и здесь и болгарскими представителями в четырех союзных столицах, как указание, что на нас серьезно рассчитывать нельзя, на смену прежней альтернативы: нейтралитет или кооперация с нами, является другая альтернатива: кооперация с нами или косвенное выступление против нас путем захвата Македонии. Болгары видят, что оставаться нейтральными они дольше не могут, и окончание уборки урожая недель через шесть будет сигналом к принятию того или другого решения, так как они сознают, что им нужно думать о собственных интересах — политических и экономических, сопряженных с вывозом урожая. В данную минуту у болгар закрыты оба выхода — Дунай и Дедеагач, и все газеты

[1]) Перевод с французского. Дешифрант.

и партии в один голос требуют прекращения этого экономического изолирования, особенно в виду обильного урожая в этом году. Военные меры для занятия Македонии уже приняты: 3 южные дивизии усилены составом, а на конец августа назначены на греко-сербской границе маневры. Если последнюю меру можно считать шантажным средством, то нельзя не считаться с экономическими соображениями и особенно с ведущейся теперь и здесь и в Бухаресте сильнейшей пропагандой немцев, поставивших себе целью во что бы то ни стало спасти Турцию и Константинополь и толкающих болгар на Македонию. Они действуют настолько же настойчиво, насколько ловко, так как не предлагают болгарам при этом ни союза с собой, ни открытого разрыва с нами.

Думаю, что болгары все-таки предпочли бы получить Македонию от нас, а не от немцев, но для этого нужно предложить им что-нибудь реальное. В виду выяснившейся невозможности допустить оккупацию хотя части Македонии даже союзными войсками, нужно было бы найти другое средство. Нельзя ли было бы наряду с гарантией державами, по окончании войны, кроме Македонии, предоставить болгарам теперь же право занятия греческих территорий, Каваллы, Драмы и Сереса с округами. Резюмирую: нам нужно теперь считаться с возможностью занятия в ближайшем будущем Сербской Македонии помимо нас. При этом неизвестно, какое положение займут тогда Румыния и Греция; по всей вероятности, первых болгары постараются обезвредить путем особого соглашения, а вторая, должно быть, как прошлой зимой, не найдет для себя возможным выступить на защиту союзницы. У военного агента есть целый ряд технических указаний, свидетельствующих о твердом намерении болгар занять силой Македонию. В разговорах с Радославовым, Добровичем, Владовым и многими другими я указываю им на новую ловушку, которую готовят немцы, предостерегаю их от авантюры, которая по своим последствиям будет много опаснее, чем авантюра 1913 года и, вообще, пользуюсь всеми средствами. Вчера Добрович, пришедший ко мне по собственному почину, после всех моих доводов, сказал, что он понимает, что сохранять дальше свой нейтралитет Болгария не может, но что ни король, ни правительство новой авантюры не хотят; что, выступив против Турции, Болгария «заплатила бы долг своей освободительнице» и соблюла бы свои интересы; что слова эти внушены королем *(пропуск)*, но каково истинное их значение? Не обычный ли это прием здешних политических людей усыпить внимание пред готовым уже решением? Савинский.

118.

Текст тожественного заявления четырех посланников в Сербии сербскому министру иностранных дел [1]).

23 июля (5 августа) 1915 г.

Война вступила в решительную фазу, когда настоятельным долгом каждого из союзников является приложить все старания и принести все жертвы, необходимые для того, чтобы война могла быть доведена до победы.

---

[1]) Перевод с французского.

Сербия, без сомнения, согласится признать, что, ведя эту войну, союзники принесли огромные жертвы, направленные, между прочим, к тому, чтобы охранить существование Сербии, как независимого государства. Она должна понять, что и ей, с ее стороны, необходимо принести некоторые жертвы, дабы облегчить выполнение той огромной задачи, которая стоит как перед нею, так и перед союзниками, сражающимися совместно за общее дело и для достижения общей цели.

Содействие Болгарии, как это должно быть понятно для Сербии, является в этой великой борьбе фактором огромного значения, и есть серьезные основания опасаться, что Болгария в том случае, если ей не будут гарантированы значительные компенсации, может не только воздержаться от участия, но и предпринять такие выступления, которые могут составить серьезную опасность для общего положения и, в частности, подвергнуть серьезному риску положение самой Сербии.

Высоко ценя доблестное поведение и полную лойяльность Сербии, союзники вынуждены просить Сербию согласиться уступить по окончании войны бесспорную зону в Македонии Болгарии, в случае, если эта последняя окажет немедленное и действительное содействие своей вооруженной силой. Союзники готовы согласиться на то, чтобы по заключении мира Сербия получила на Адриатическом море, в Боснии и Герцеговине и проч. местах крупные компенсации, которые уже были ей предназначены; они согласны также выполнить и полностью удовлетворить ее наиболее важные политические и экономические стремления. Сербия однако должна, в свою очередь, понять, что, поскольку болгарское содействие будет обеспечено на тех условиях, с которыми союзники намерены ознакомить Болгарию, и если Болгария получит в свое владение бесспорную зону, а также компенсации во Фракии и прочих местах по окончании войны, то выполнить свое намерение в смысле предоставления Сербии значительных и обширных приобретений, а также удовлетворить ее национальные стремления союзники смогут не иначе, как при условии, что Сербия не будет чинить никаких препятствий в вопросе об указанных выше компенсациях.

Во всяком случае, граница между Грецией и Сербией будет сохранена [1]).

119.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

5 (18) августа 1915 г., № 514.

5-го августа Пашич вызвал срочно в Ниш здешнего сербского посланника, который по дороге на вокзал заехал ко мне узнать мое мнение о здешнем положении. Я сказал следующее: здесь замечается все больше и больше сознание, что Болгария должна принять предложение Согласия, но ответ правительства на наши предложения ставится в зависимость от положения, которое займет Греция и особенно Сербия; что поэтому я взываю к его благоразумию и патриотизму, чтобы объяснить Пашичу, что ответ Сербии в желательном для нас смысле,

---

[1]) Эта фраза в оригинале написана от руки — на русском языке.

даже в случае дальнейшей нерешительности болгар, ни к чему не обязывает сербов, между тем упорство последних будет им поставлено державами в вину и может повести к самым нежелательным последствиям, вновь открыв для враждебных нам элементов дорогу к авантюрам, занятию Македонии силой и междуусобной войне, которая только будет на руку австро-немцам. Антич проникся этими доводами и обещал говорить в их смысле с Пашичем.

Савинский.

120.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии.

8 (21) августа 1915 г., № 4060.

Сообщается в Париж, Лондон и Рим. Благоволите, воспользовавшись удобной минутой, заявить, совместно с вашими сотоварищами, Радославову, что, каковы бы ни были обстоятельства, державы принимают на себя ручательство в том, что Болгария получит по окончании войны Македонию по линии 1912 г., если она выступит против Турции в согласии с требованиями держав.

Сазонов.

121.

Секретная телеграмма посла в Париже.

12 (25) августа 1915 г., № 326.

Копии в Лондон и в Рим.

Делькассе повторил мне сегодня, что, по его убеждению, было бы опасно преждевременно приступить в Софии к угрозе по адресу короля Фердинанда. По имеющимся здесь сведениями, одной из главных причин колебаний Фердинанда является опасение утратить принадлежащие ему в Австро-Венгрии имения, оцениваемые в 25 миллионов франков. Делькассе высказал мне, что союзные державы могли бы гарантировать ему эту сумму.

Извольский.

122.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

15 (28) августа 1915 г., № 552.

Лично. Радославов сказал мне, что вернувшийся на-днях из Ниша сербский посланник передал ему официальное предложение Пашича сговориться на почве уступки до-Вардарской части Македонии. Переговорив с королем, Радославов ответил Античу, что считал бы неудобным сговариваться на условиях, менее выгодных, чем те, которые были предложены державами Согласия. Сказав мне, что он теперь предпочитал бы, чтобы болгаро-сербские отношения были улажены не

непосредственно, а при содействии держав, Радославов спросил меня, как я смотрю на шаг Пашича. Я ответил, что ранее, чем дать окончательный ответ державам, Пашич, очевидно, хотел испробовать все средства и что его шагу не следует придавать излишнего значения, тем более, что, по имеющимся у меня из Ниша сведениям, можно надеяться на благоприятный исход наших переговоров. Увидев потом и Антича, я старался навести его на вышеупомянутый разговор, но он, видимо, уклонялся, под конец сказал, что имел с Радославовым разговор, о котором Радославов сказал мне, боясь, чтобы он не был неправильно истолкован, так как, давая ему это поручение, Пашич хотел только доказать Радославову искренность своего желания сговориться с Болгарией. Заговорив с Радославовым о сербских делах, я указал на недопустимо задорный тон по отношению к Сербии последних газетных статей, в том числе «Народни Права», несмотря на данное им мне на-днях обещание. «Если судить по последним советам вашего официоза,—сказал я,—можно было бы подумать, что вы не желаете благоприятного ответа Сербии».

Савинский.

123.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

18 (31) августа 1915 г., № 569.

Из источников, близких к Радославову, узнаю, что герцогу Мекленбург-Шверинскому поручено убедить короля и правительство примкнуть к германо-австрийскому союзу, выступив против Сербии. Высказанные им Радославову доводы следующие: разгром России уже начался, со дня на день ожидается занятие Вильны с угрозою Петрограду, разрабатывается план движения на Киев и занятие смежных с Румынией областей с целью отделить последнюю от России, дабы таким путем заставить ее войти в союз с Германией. Аргументация герцога, по тем же источникам, произвела, будто бы, на Радославова очень сильное впечатление.

Савинский.

124.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Лондоне, Париже и Риме.

25 августа (7 сентября) 1915 г., № 4366.

Сообщается в Софию и Ниш.

Я считаю неприемлемым мысль Грэя предложить Болгарии в двухнедельный срок объявить войну Турции. Таким ультимативным предложением, не отвечающим реальной силе Четверного Согласия на Балканах, мы подали бы Радославову удобный повод к разрыву с нами и переходу на сторону наших врагов. По моему мнению, союзники должны ограничить свою деятельность заявлением в Софии, что державы обеспечивают Болгарии после окончания войны, если она высту-

пит против Турции, владение Македонией по линии 1912 года. В виду появившейся в «Народных Правах» статьи, считаю ныне излишним упоминание о занятии союзниками области на восток от Вардара.

Сазонов.

125.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

29 августа (11 сентября) 1915 г., № 615.

Работа немцев под эгидою герцога Мекленбургского, о которой я доносил в № 588 [1]), продолжается, о чем свидетельствует вчерашний разговор Радославова с румынским посланником. По поводу болгаро-турецких отношений Радославов сказал: договор уже налажен вполне; Болгария против Турции не пойдет, так как эта война, мол, не популярна, считается авантюрой и была бы очень тяжела, так как теперь Чаталджа укреплена немцами гораздо сильнее, чем в 1913 году, и будет находиться под командой немецких офицеров. Дарданеллы неприступны. Выступление против турок вызвало бы гнев Германии, с чем при мощи последней Болгария не может не считаться. На вопрос де-Русси, что будет делать Болгария, если австро-германцы придут к болгарской границе, Радославов, не колеблясь, ответил, что Болгария не может позволить себе роскошь уподобиться Бельгии. Когда де-Русси заметил, что сближение Болгарии с Турцией в противоречии с ее переговорами с нами и что немцы предпримут нападение на сербов лишь, если будут заранее уверены в болгарах, Радославов ответил: «Болгария уже не боится теперь России, которая далеко»; заметив, что зашел слишком далеко, прибавил: «нас разделяет Румыния», и продолжал: «я хотел сговориться с соседями и сблизиться с Россией, но греки внушают недоверие, сербы никогда не уступят нам Македонию, а Россия отказала нам в последнем займе, а в то время, когда на Карпатах *(пропуск)* говорила, что в нас не нуждается». «Наступил критический момент, и еще более для Румынии, чем для Болгарии»,— сказал Радославов и спросил с саркастической улыбкой: «что будет делать Братиано?». Де-Русси ответил, в виде совершенно личного мнения, что Румыния, в случае нарушения ею нейтралитета, будет защищать его до последней капли крови. «Видно, румыны лучшие патриоты, чем болгары»,—заметил с усмешкою Радославов. Резюмируя разговор, де-Русси спросил: «значит, теперь поздно стараться с вами сговориться?». Радославов ответил: «нет, все не потеряно, договор с Турцией хотя и заключен, но не окончательный». Румынский посланник, находя в нынешних взаимных отношениях Болгарии и Германии аналогию с турецко-немецкими отношениями перед первым выстрелом с «Гебена» в Черном море, телеграфировал в Бухарест, что считает совершенно тщетной надежду на успех наших переговоров и что задача союзников, по его мнению, должна быть отнесена теперь с Дарданелл на Дунай или в *(пропуск)* де-Русси утверждает, что весь тон Радославова был удовлетворительный, решительный, исключающий возможность блеффа. Сейчас же после визита де-Русси я старался видеть Радославова, но тщетно. Надеюсь видеть

[1]) Вопросу о миссии герцога Мекленбург-Шверинского посвящены были телеграммы Савинского №№ 560, 569, 588.

завтра, 29-го, проверю впечатления и буду телеграфировать. Лично думаю, что хотя разговору Радославова с де-Русси и нельзя придавать решающего значения, однако, несомненно, в здешней атмосфере есть много угрожающего, и что нам нужно действовать возможно скорее и возможно энергичнее в смысле моей телеграммы *(пропуск)* и Трубецкого № 811 [1]). Необходимо скорей занять Македонию с Салониками и воспрепятствовать соединению Австро-Германии с Турко-Болгарией; до прорыва немцев чрез Текию, нужно думать, болгары не тронутся, зато при появлении немцев на их границе они беспрекословно пропустят немецкие войска, а сами, должно быть, займут Македонию.

Савинский.

126.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

1 (14) сентября 1915 г., № 624.

№ 1.

Сегодня, 1 сентября, четыре посланника сделали Радославову тожественное заявление, текст коего передается за № 2. Касательно занятия области на восток от Вардара, мы заявили на словах, что о нем не упомянуто в тожественной ноте посланников только потому, что есть основания думать, что оно неприятно Болгарии. Если бы, однако, это предположение оказалось ошибочно, союзники готовы приступить к оккупации. Текст этого словесного заявления английский посланник оставил Радославову для памяти. Итальянский посланник, в виду инструкции своего правительства, воздержался от словесного заявления, но сделал это так, чтобы не поселить в уме Радославова впечатление несогласия своих инструкций с нашими. Мы все объяснили Радославову, что, не желая придавать нашему шагу ультимативного характера, мы не указываем в ноте никакого срока, но, в виду позднего времени года и необходимости выяснить, наконец, положение Болгарии, мы рассчитываем на самый скорый ответ. Он сказал, что понимает, что наступил решающий момент, что сегодня же доложит королю и просит только несколько дней для принятия решения. Французский посланник прибавил, что заключение соглашения с Турцией было бы косвенным ответом на наше предложение. Я указал пространно на необходимость освободиться от немецкого тумана и принять решение, соответствующее интересам и симпатиям народа. По этому поводу я вернулся к его недавнему заявлению, что, в случае появления немцев на болгарской границе, Болгарии ничего не остается как их пропустить — мой № 621 [2])— и показал ему ноту болгарского правительства от 30 июля 1914 года, которой последнее обязывалось пред нами «защищать свою территорию». В этот раз ни мы, ни Радославов не упоминали о секретности нашего шага, в виду чего мы считаем себя в праве не скрывать его от общественного мнения, которое будет, несомненно, влиять на принятие правительством того или другого решения.

Савинский.

---

[1]) В телеграмме от 28 августа (10 сентября) 1915 г., за № 811 Трубецкой проводит мысль о желательности оккупировать Салоники.

[2]) В № 621 Савинский приводил слова Радославова о том, что Болгарии придется «преклониться» перед немцами, если последние появятся на границе и будут требовать пропуска через болгарскую территорию (см. также тел. Савинского № 623 от 1 сент. 1915 г.).

127.

Секретная телеграмма посланника в Софии [1]).

1 (14) сентября 1915 г., № 625.

№ 2. Копия Ниш.

В дополнение своих заявлений от 16 (29) мая и 21 июля (3 сего августа) представители союзных держав уполномочены сделать королевскому правительству Болгарии следующее заявление:

«Четыре державы готовы гарантировать Болгарии передачу ей Сербией по окончании войны той части Македонии, которая по сербо-болгарскому договору 1912 г. была включена в бесспорную зону.

Гарантия эта ставится в зависимость от имеющего быть сделанным со стороны Болгарии заявления о ее готовности заключить с союзными державами военное соглашение относительно открытия в непродолжительном времени действий против Турции. Если в ближайшее время такого рода заявление не будет получено, содержащееся в настоящей записке предложение будет рассматриваться, как аннулированное по взаимному соглашению».

Савинский.

128.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

8 (21) сентября 1915 г., № 657.

Срочная.

Копия в Ниш.

Прошу срочных указаний.

Король снял маску. Должно быть, под влиянием обиды от речей оппозиции он больше не скрывает своей давнишней игры и своего недавнего уговора с герцогом Мекленбургским. Как и в 1913 году, он действует самолично, решившись на coup d'état. Приказание о железнодорожной мобилизации им было дано лично чрез Добровича, а на наше последнее предложение он решился, не спрашивая совета министров, ответить приказом о мобилизации, направленной против нашей союзницы. Возможно, что болгарские войска, закончив мобилизацию, фактически не нападут на Сербию, покуда с севера не подойдут немцы. Тем не менее положение нужно признать критическим. Собравшись на совещание, четыре посланника решили предложить своим правительствам:

1) Объявить болгарскому правительству, что нападение на Сербию будет рассматриваться, как casus belli.

2) Немедленно занять Македонию союзными войсками, которые принесли бы помощь сербам против австрийцев:

3) Объявить, что в случае нападения будут заняты Дедеагач, Варна и Бургас.

---

[1]) Перевод с французского.

Только такими быстрыми и энергичными мерами, по нашему мнению, может-быть, удалось бы парализовать безумное решение короля. Мы предпочитаем до получения инструкций не запрашивать Радославова о мобилизации, так как со свойственной ему лживостью он отзовется о ней, как о мере предосторожности или в этом роде. До нас дошли слухи, что будто сербы находят, что им выгоднее вместо того, чтобы ждать окончания болгарской мобилизации, начать самим. Пригласив на совещание сербского посланника, убеждали его отсоветовать в Нише подобный план, при котором сербы не могут рассчитывать ни на румын, ни даже на греков. Просим точных инструкций в обоих случаях. Так как повидимому король и правительство находятся, подобно туркам, в полном подчинении немцев, нужно предвидеть, что последние, в случае открытия военных действий между Болгарией и Сербией, могут настоять на нашем отозвании.

Савинский.

129.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

8 (21) сентября 1915 г., № 658.

Ссылаюсь на свой № 657. Копия в Ниш.

Если болгарское правительство решилось на враждебный нам шаг против Сербии, то это могло произойти при следующих условиях:

1) уступка Турцией под давлением немцев своей территории,

2) австро-германское наступление на Сербию и

3) уверенность в попустительстве румын и греков.

Немцам особенно выгодно вызвать болгар на шаг против Сербии, так как, помимо их традиционной политики натравливания, они рассчитывают таким образом оттолкнуть нас от болгар, стать полными хозяевами положения и привести свои войска в Константинополь, а подводные лодки — в Варну и Бургас. Поэтому считаю, что нам никак не следует легко сдавать позиции. Вследствие этого считаю необходимым:

1) убедить сербов, что если «победители» турки настолько дальновидны, что готовы для будущего преуспевания пожертвовать своими территориями, то сербам это еще необходимее; данная таким образом болгарам возможность занять с согласия сербов Македонию уничтожила бы повод к войне,

2) убедиться, что у сербов нет никакого уговора с австрийцами и что они, в случае нападения последних, дадут им действительный отпор; при этом условии немцы не сунутся с маленькими силами; больших же, по сведениям разведки, у них на сербской границе нет и быть скоро не может,

3) убедить румын и греков заявить категорически, что они не потерпят нападения. Если намерения болгарского правительства серьезны, то это его отрезвит, тем более, если принимаемые меры — блефф. Единственно, чего не следует делать, это—легко уступать место немцам.

Савинский.

130.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже, Лондоне и Риме.

8 (21) сентября 1915 г., № 4672.

Срочная. Сообщается в Софию.

Требует срочных распоряжений.

Ссылаюсь на телеграмму Савинского № 657.

Из предлагаемых посланниками в Софии мер считаю единственно приемлемою, в случае нападения болгар на Сербию, установление строгой блокады Эгейских портов. Благоволите объясниться по этому вопросу с министром иностранных дел. Если он разделит мое мнение, следовало бы немедленно приступить к подготовке такой блокады.

Я не желал бы возлагать на болгарский народ ответственность за действия короля Фердинанда и считаю необходимым провести строгое различие между народом и королем. Последний является в глазах России единственным виновником совершающегося злодейства, ответственность за которое должна быть возложена на него.

Сазонов.

131.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии.

8 (21) сентября 1915 г., № 4678.

Срочная. Сообщается в Париж, Лондон и Рим.

Требует срочных распоряжений.

По поводу полученных сведений о мобилизации, вам надлежит заявить Радославову, что державы все еще не получили ответа от болгарского правительства, и просить разъяснения такого молчания. Если Радославов выскажется уклончиво или со стороны правительства не последует удовлетворительного разъяснения, а к тому времени обнаружится, что мобилизация направлена против Сербии, посланникам придется заявить, что они покидают Софию. Тогда не нужно будет прекращать операцию, совершаемую Деклозиером. Покидая Софию, посланники должны будут объявить письменно Радославову, что державы возлагают ответственность за совершившееся злодеяние лично на короля Фердинанда и что они разрывают сношения только с ним и его правительством, а не с болгарским народом.

Сазонов.

132.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии.

9 (22) сентября 1915 г., № 4693.

С целью произвести по возможности сильнейшее впечатление в стране вам разрешается, как только будет решен вопрос о мобилизации против Сербии, обнародовать, предупредив о том ваших сотова-

рищей, дабы дать им возможность присоединиться, сделанное посланниками Радославову 1 сентября сообщение. «Ссылаясь на заявления от 16 (29 мая) и 21 июля (13 августа) текущего года [1]), представители союзных держав уполномочены сделать королевскому болгарскому правительству следующее заявление:

Четыре державы готовы гарантировать Болгарии уступку Сербией тотчас же после окончания войны части Македонии по линии 1912 г. Эта гарантия обусловливается однако заявлением со стороны Болгарии, что она готова заключить с союзными державами военную конвенцию, касающуюся ее выступления против Турции в недалеком будущем. Если вскоре не будет получено заявления в вышеизложенном смысле, то содержащееся в настоящей ноте предложение будет считаться аннулированным по обоюдному соглашению [2]).

Сазонов.

133.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

9 (22) сентября 1915 г., № 660.

Вчера, 7-го сентября, созвав депутатов своей партии, Радославов объявил следующее: болгаро-турецкое соглашение ратификовано; 8-го сентября в Демотике состоится торжественная передача земель; 23-го будет передана железнодорожная линия, а 28-го войдут в управление болгарские административные власти. Случаи пограничных недоразумений будут разрешаться международной комиссией из делегатов: болгарского, турецкого, германского, австрийского и шведского. Затем Радославов сказал, что дальнейшая политика правительства будет вооруженный нейтралитет, необходимость которого вызвана перенесением театра военных действий ближе к болгарской границе, так как 6-го сентября началось австро-германское нападение на Сербию. Далее он намекнул на возможность получения Болгарией спорной и бесспорной зоны и расширения границ во все четыре стороны. Относительно Румынии и Греции Радославов настаивал, что и та и другая относятся с полным безучастием к австро-германскому наступлению и останутся нейтральными даже в случае нападения болгар на сербов. Заканчивая, Радославов сказал, что на следующий день он будет уже, должно быть, знать, как отнесутся державы Согласия к болгаро-турецкому соглашению. В виду чрезвычайной важности этого вопроса прошу спешных указаний. Германофильские газеты, давая отчет об этом заседании, помещают рядом заявления здешних австрийской и германской миссий, что огромное количество наступающих австро-германских сил обеспечивает полное

---

[1]) В заявлении 16 (29) мая державы обещали Болгарии: Македонию в границах договора 1912 г., Фракию до линии Энос — Мидия; кроме того, ими было обещано содействие в деле получения от Греции Кавалы и в переговорах с Румынией о Добрудже (см. тел. м-ра ин. д. за № 2319, 2396 и 2400). Ответ болгарского правительства последовал 3 июня и был расценен союзниками, как «уклончивый», рассчитанный на то, чтобы «затянуть переговоры» (см. тел. Савинского от 3 (16) июня 1915 г. за № 337 и тел. м-ра ин. д. 6 июня 1915 г. за № 2921). Заявление держав от 21 июля заключало в себе подтверждение и развитие указанных выше положений, принятых державами в редакции Делькассе (см. тел. Сазонова от 18 июня за № 3104).

[2]) Перевод с французского.

и скорое уничтожение Сербии и достижение болгарской границы. Сербскому посланнику сегодня, действительно, сообщено по телефону, что по всей границе от Оршовы до Митровицы — на боснийской границе — началась усиленная канонада. По сведениям сербов и наших военных агентов, — за линией орудийного огня войск почти нет.

Савинский.

134.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

10 (23) сентября 1915 г., № 672.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Объявив общую мобилизацию, правительство настаивает, что это «вооруженный нейтралитет», не означающий войны, никого не вызывающий и решенный в виду того, что все соседи Болгарии вооружены. Безумный шаг сделан несомненно под сильнейшим давлением немцев, основанном на блеффе. Многие из заверений немцев уже не сбываются: турецкий делегат, говорят, отказался третьего дня подписать протокол передачи земель; австро-германского наступления нет, и мало вероятий, что оно будет; со стороны Румынии и Греции нет уверенности. Внутри страны никакого подъема, сильная оппозиция. Более, чем вероятно, что в этих условиях правительство, действительно, вынуждено будет использовать мобилизацию, как вооруженный нейтралитет. Однако, чтобы остановить дальнейшее развитие событий, необходимы немедленные и решительные меры. Из только-что полученной вашей телеграммы № 4672 вижу, к сожалению, что вы признаете единственно приемлемой блокаду Эгейских портов. На Эгейском побережье у болгар только один порт Дедеагач, который фактически уже давно блокирован. В Логосе порта нет. Поэтому эта мера никакого впечатления не произведет. Нужно найти что-нибудь более действительное.

Савинский.

135.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже, Лондоне и Риме.

11 (24) сентября 1915 г., № 4719.

Срочная. Требует срочных распоряжений.

Я передал союзным послам следующую памятную записку:

«Г. Сазонов предлагает союзным кабинетам опубликовать завтра 12 (25) сентября в Париже, Лондоне, Риме и Петрограде нижеследующее официальное сообщение:

Вследствие объявленной Болгарией мобилизации *(пропуск)*, правительство вынуждено предостеречь софийский кабинет от аггрессивного выступления против Сербии. Всякое нападение на последнюю будет рассматриваться союзниками, как враждебное действие против них.

Державы Согласия возложат личную и полную ответственность на истинного виновника преступления».

Благоволите настоять на принятии правительством, при коем вы аккредитованы, этого предложения.

Сазонов.

136.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

12 (25) сентября 1915 г., № 688.

Я и английский посланник были приняты 11-го Радославовым. На предшествовавшем этому посещению совещании посланников мы установили приблизительно одинаковую программу разговора. Отметив, что на наше предложение он ответил мобилизацией, я указал ему на тот немецкий гипноз, в котором находится правительство, на немецкий обман и готовящееся насилие; турецкий делегат отказался подписать протокол в Демотике; обещанного австро-германского наступления на Сербию нет и скоро не будет; Греция уже мобилизовалась; Румыния должна будет сделать то же самое; союзники решили послать 150.000 в Македонию; у Болгарии недостаток ружей и снаряжения; мобилизация встречена во всей стране с унынием, никто не желает войны против Сербии, даже сторонники правительства и дворца, почему правительству приходится постоянно прибегать к угрозам и террору; народ введен в заблуждение и никогда не простит своей гибели, к которой его ведет правительство, не простит никогда совершающегося злодеяния и Россия, которая резко различает болгарский народ от его правителей. Если дело дойдет до отъезда посланников, то это будет всецело вина правительства. Все еще не потеряно, и, если правительство образумится, прекратит мобилизацию, не нападет на Сербию и направит свои силы на общего врага, то та Македония, которая скоро будет занята союзными войсками, может достаться Болгарии.

Радославов, смущенный всем услышанным, стал отрицать немецкое влияние и уверять, что мобилизация — только вооруженный нейтралитет, не направленный против Сербии и имеющий в виду поставить Болгарию на должную ногу и т. д., и что он в день объявления мобилизации поручил своим представителям разъяснить это в Петрограде, Париже и Лондоне.

Вместе с тем у него вырвалось, что Македония должна быть болгарской и что Болгария сама добудет бесспорную и спорную зону, если этого не хотят ей дать. Он сказал, что готовит ответ на нашу последнюю ноту. Когда я спросил, как же он совместит с ним свое соглашение с Турцией, он ответил, что война против Турции была бы не популярна. Когда я напомнил ему его слова, что по получении берега Марицы Болгария будет близко к Чаталдже, он ответил, что недобросовестно напасть на Турцию сейчас после заключения соглашения.

Копии в Лондон, Париж, Рим, Ниш, Афины и Бухарест.

Савинский.

137.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

12 (25) сентября 1915 г., № 693.

Копия в Ниш.

Оказывается, Пашич, к сожалению, не находит возможным уступить бесспорную зону по собственной инициативе. Так как посылка в Македонию союзной армии потребует больше времени, чем окончание болгарской мобилизации, то для избежания катастрофы не могли ли бы сербы решиться передать Македонию не державам, а лично государю императору, что оправдывалось бы благом Сербии и отнюдь не могло бы быть *(пропуск)* оскорбительным для национального самолюбия. Такая передача была бы только доказательством искренности и доверия Сербии и представляла бы залог, с которым было бы поступлено в зависимости от последующих обстоятельств. В такой форме уступка сербов отнюдь не могла бы быть истолкована ни как победа радославистской политики, ни как признак нашей слабости [1].

Савинский.

138.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

15 (28) сентября 1915 г., № 699.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

14-го сентября французский посланник прочел на нашем ежедневном совещании только-что полученную им телеграмму Делькассе с проектом ультиматума Болгарии прекратить мобилизацию. Насколько делать или заставлять сербов делать теперь какие-либо уступки, за исключением, впрочем, указанной мною в № 693, было бы поддерживать немецкое влияние, подчеркивать успех германофильской политики Радославова и давать правительству премию за его вызывающее к нам поведение, за которое, наоборот, оно должно было бы понести известную кару,— настолько же было бы несвоевременно предъявлять ультиматум теперь же, когда, как видно из моего № 696 [2]), начинает появляться надежда на более благоприятный оборот дела. Зарождающееся положение нам нужно было бы использовать в наиболее выгодном смысле. Коалиционный кабинет дал бы нам в этом отношении наилучшие гарантии. В частности, требовать приостановки мобилизации немыслимо уже потому, что вторая мобилизация не пройдет, даже если она будет объявлена для помощи нам против турок. Если, действительно, будет образован коалиционный кабинет, дающий полную гарантию, что времена германофильской политики прошли, то можно быть уверенным, что смобилизованные войска будут естественным ходом событий обращены против

---

[1]) Касаясь «соблазнительных предложений», какие Антанта делала в Софии, Эрцбергер в своих воспоминаниях «Германия и Антанта» (стр. 90) замечает: «Центральные державы могли их перебить со спокойной совестью, так как могли игнорировать Сербию».

[2]) В телеграмме за № 696 от 14 сентября 1915 г. Савинский отмечает рост в стране недовольства правительственной политикой.

Турции. Поводов к разрыву с Турцией будет сколько угодно. Хотя бы неисполнение турками обещания фактически передать болгарам 23-го сентября уступленные территории; а что при перемене правительства они их не уступят — в этом не может быть и сомнения. Скорейшая высадка войск в Салониках, конечно, будет содействовать еще более благоприятному для нас разрешению назревающего здесь кризиса.

Савинский.

139.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Софии.

19 сентября (2 октября) 1915 г., № 4892.

Сообщается в Париж, Лондон, Рим, Ниш, Афины и Бухарест.

Благоволите немедленно по получении сей телеграммы сделать Радославову следующее письменное сообщение:

«События, происходящие теперь в Болгарии, свидетельствуют об окончательном решении правительства короля Фердинанда отдать судьбу страны в руки Германии. Присутствие германских и австрийских офицеров в военном министерстве и штабах армии, сосредоточение войск в пограничной с Сербией области, широкая финансовая помощь, принимаемая софийским кабинетом от наших врагов, не оставляет сомнения в том, против кого направлены нынешние военные приготовления болгарского правительства. Державы Согласия, принявшие близко к сердцу обеспечение чаяний болгарского народа, неоднократно предостерегали г. Радославова, что всякое враждебное действие против Сербии будет сочтено ими, как направленное и против них самих. Уверениям, расточавшимся в ответ на эти предупреждения главою кабинета, противоречат факты. Представитель России, связанной с Болгарией неувядаемой памятью ее освобождения от турецкого ига, не может оставаться в стране, в которой готовится братоубийственное нападение на союзный славянский народ. Императорский посланник получил предписание покинуть Болгарию со всем составом миссии и консульств, если в 24-часовой срок болгарское правительство не порвет открыто с врагами славянства и России и не примет мер к немедленному удалению из армии офицеров государств, воюющих с державами Согласия».

Сазонов.

140.

Секретная телеграмма начальника морского генерального штаба посланнику в Софии.

Севастополь, 20 сентября (3 октября) 1915 г.

Министр иностранных дел сообщает: «Отзывая посланников, мы войны не объявляем. Военные действия, как-то: нападение на болгарские берега и суда, не должны начинаться нами. Это оттолкнуло бы от нас оппозицию страны. Разумеется, практически, если у болгарских территориальных вод будут встречены турецкие суда, то их следует топить, но ни под каким видом нельзя нам первым стрелять по болгарам. Нота послана пока лишь Россией, а не Согласием. Ноту телеграфирую № 7369».

Русин.

141.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

22 сентября (5 октября) 1915 г., № 759.

Копия в Париж, Лондон, Рим, Ниш, Афины, Бухарест и Гаагу.

Срочно. № 1.

Письменный ответ болгарского правительства на наш ультиматум нотой на болгарском языке вручен мне сегодня 22 сентября в 2 ч. 40 м. дня. В виду полной его неприемлемости, извещаю Радославова о разрыве сношений и вручении охраны наших интересов голландскому поверенному в делах. Текст ответа в русском переводе передается за № 2. Это последние шифрованные телеграммы, после чего шифры будут сожжены.

Савинский.

142.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

22 сентября (5 октября) 1915 г., № 760.

№ 2.

«В ответ на ультиматум императорского правительства, врученный вчера в 4 часа дня председателю совета министров и управляющему министерством иностранных дел, болгарское правительство имеет честь торжественно заявить следующее: «Судьбы Болгарии всегда были заботливо охраняемы болгарским народом и направляемы ответственными правительствами. Царское правительство самым энергичным образом протестует против приписываемого ему обвинения, что оно предало судьбы страны в германские руки. Болгарское правительство отрицает самым категорическим образом присутствие германских и австрийских офицеров в военном министерстве и разных штабах армии, хотя и убеждено, что отдельные случаи приема на службу в армию иностранных офицеров ни в коем случае не могли бы быть сочтены за неприязненный акт, ни за такой, который бы посягал на независимость и нарушал суверенные права Болгарии. После данных уже объяснений касательно мобилизации болгарской армии заключение, выведенное ультиматумом из того обстоятельства, что болгарское правительство прибегло к кредиту частных, будь то и германских банков, для выполнения, в трудные для страны минуты, при неимоверно тяжелых условиях кредита, долговых обязательств за границей и по отношению к императорскому правительству, — не только не основательно, потому что это вменяется в долг всякому правительству, которое дорожило бы добрым именем Болгарии, но и явно тенденциозно. Угрожая покинуть Болгарию, если в 24-часовой срок болгарское правительство не порвет открыто сношения с противной России группою воюющих держав, императорский посланник призывает Болгарию выйти из нынешнего ее нейтралитета, следствие которого в пользу союзников России бесспорно.

Нет сомнения, что, продолжая свою настоящую политику, Болгария совершенно не в силах воздействовать на отмену принятого император-

ским правительством решения. Ей остается с сокрушенным сердцем искренно пожалеть, что положенные до сих пор болгарским народом и правительством усилия к тесному единению с братской Россией рушатся не по ее почину и инициативе».

Савинский.

143.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

22 сентября (5 октября) 1915 г., № 761.

Копии в Париж, Лондон, Рим, Афины, Бухарест, Ниш.

Ссылаясь на мой № 759.

Французский и английский посланники заявили Радославову о разрыве сношений сегодня 22 сентября вечером. Итальянский представитель пока еще не получил инструкций присоединиться к своим коллегам, но надеется получить их не позже завтрашнего дня.

Савинский.

РОССИЯ и РУМЫНИЯ

1914 г.

1.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

12 (25) июля 1914 г., № 162.

Ваша телеграмма 1488 получена [1]).

Телеграмма вашего высокопревосходительства получена мною в четыре часа пополудни, и я немедленно сообщил ее содержание находившемуся у меня в это время Братиано. Последний выразил полную готовность высказаться перед здешним австрийским посланником в смысле предписанного Кудашеву шага, но он глубоко убежден, что лишь Германия могла бы в последнюю минуту остановить Австрию от вступления в сербские пределы вслед за истечением срока ультиматума. Говоря о содержании австрийской ноты, Братиано находит, что Австрия имеет некоторое право на удовлетворение со стороны Сербии, поскольку вопрос касается наказания виновных в сараевском преступлении лиц и вытекающих из судебного следствия данных. Однако, предъявленные Австрией требования далеко выходят за эти пределы и делают принятие их Сербией весьма затруднительным. Вообще, при всей сдержанности своих выражений, Братиано не мог скрыть, что австрийская нота произвела на румынское правительство тяжелое впечатление. На запросы Пашича румынское правительство уже дало ему совет принять австрийские требования, исходя из того соображения, что оно не может дать другого ответа, раз оно само не в состоянии оказать Сербии вооруженной поддержки против Австрии; такую поддержку Братиано считал выходящей за пределы румынских интересов, которые, по его мнению, сводятся к удержанию Болгарии от нападения на Сербию и к тому, чтобы в результате войны Австрии с Сербией, последняя не потерпела территориального ущерба. Я позволил себе лично от себя запросить Братиано, какое положение заняла бы Румыния, если бы австрийский ультиматум подал повод к обще-европейскому конфликту. Братиано ответил, что решение могло бы быть принято Румынией лишь после совещания не только кабинета,

---

[1]) Телеграммою № 1488 от 11 июля 1914 г. российские представители в Вене, Берлине, Париже, Лондоне, Риме и Бухаресте уведомлялись о желании министерства иностранных дел настоять прежде всего на продлении предоставленного Австрией Сербии срока для ответа на предъявленные Австрией требования и, кроме того, на предоставлении возможности державам ознакомиться с данными следствия по делу о сараевском убийстве.

но и обсуждения вопроса с лидерами оппозиции, что, во всяком случае, румынскому правительству нужно было бы тогда точно и определенно знать, какое положение займет Россия и какие она себе поставит задачи, в ответ на что Румыния не менее точно определила бы свое собственное отношение к конфликту. Разговор мой с Братиано носил очень дружеский и сердечный характер.

Поклевский.

2.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

14 (27) июля 1914 г., № 169.

Получил № 1506 [1]).

Я не замедлил объясниться по ее содержанию с председателем совета министров, который высказался об отношении Румынии к австро-сербскому конфликту совершенно так же, как изложено в моей телеграмме № 142. Он находит сербскую ответную ноту весьма примирительной, но Румыния при всей своей симпатии к Сербии может лишь дать советы уступчивости, дабы предохранить ее от материального ущерба; сильная Сербия в ее настоящих территориальных пределах представляет жизненный интерес для Румынии. В его словах проскользнула даже мысль, что мирное занятие Австрией Белграда сделало бы венский кабинет более уступчивым и позволило бы Сербии выйти неослабленной из нынешнего кризиса. Обще-европейскую войну Братиано считает катастрофой для Румынии и прилагает ныне все усилия, чтобы ее предотвратить. Он отказывается взять на себя теперь же определение положения, которое займет Румыния в случае войны, указывая на необходимость предварительных переговоров с представителями всех здешних политических партий. Он был бы крайне признателен вашему высокопревосходительству за осведомление его о степени остроты кризиса, и если европейская война станет неизбежной, то также и о том, какие великие державы примут в ней участие и каких конечных целей будет добиваться Россия и ее союзники посредством войны.

Поклевский.

3.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

15 (28) июля 1914 г., № 170.

Дополнение моей телеграммы № 169.

Доверительно. Очевидно, ознакомив уже короля с содержанием моего вчерашнего с ним разговора, Братиано только что посетил меня и повторил, что попрежнему он не имеет права делать официального

---

[1]) В телеграмме от 13 июля 1914 г. № 1506 министерство иностранных дел осведомлялось о возможной позиции Румынии в вопросе об австро-сербском конфликте.

заявления о положении, которое займет Румыния в случае обще-европейской войны. Он нашел, однако, возможным по собственному почину и лично от себя заявить, что России во всяком случае не следует ожидать какого-нибудь враждебного выступления со стороны Румынии. В дальнейшей беседе Братиано был менее определенен, и из нее можно было скорее вывести заключение, что Румыния в настоящее время склонна в пользу сохранения нейтралитета. В словах Братиано сквозило, с одной стороны, желание знать, как в случае победы поступила бы Россия с Австрией, с другой же стороны — опасение, как бы Румыния, оставшись нейтральной, не подверглась *(пропуск)* по заключении мира, и со стороны России, и со стороны Австрии.

В числе других сведений Братиано сообщил мне о данном Австрией румынскому правительству заверении в том, что Сербия не потерпит территориального ущерба в результате австро-сербской войны. Выражая затем сожаление по поводу возвращения в Афины Венизелоса, Братиано сказал мне, что им получены вполне удовлетворительные заявления афинского кабитета о полной его готовности стоять во время предстоящих событий на страже Бухарестского трактата.

Поклевский.

4.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте

16 (29) июля 1914 г., № 1541.

Ваша телеграмма № 169 получена.

Прошу вас передать Братиано следующее:

В случае фактического вооруженного столкновения Австрии с Сербией нами предусматривается наше вступление, дабы не допустить разгрома последней. В этом будет заключаться цель нашей войны с Австриею, если таковая окажется неизбежною.

Ответив таким образом на вопросы, поставленные Братиано, благоволите поставить ему в свою очередь категорический вопрос об отношении, которое занято будет Румыниею, при чем можете дать понять ему, что нами не исключается возможность выгод для Румынии, если она примет участие в войне против Австрии вместе с нами. Мы хотели бы знать, каков взгляд на этот счет самого румынского правительства.

Сазонов.

5.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

17 (30) июля 1914 г., № 1556.

Весьма доверительно. — Если считаете возможным приступить к более конкретному определению выгод, на которые может рассчи-

тывать Румыния в случае участия в войне против Австрии, можете определенно заявить Братиано, что мы готовы поддержать присоединение к Румынии Трансильвании.

Сазонов.

6.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

18 (31) июля 1914 г., № 174.

Доверительно. После имевшего место третьего дня совещания министров здесь замечается значительная перемена. Вчера в печати появилось правительственное сообщение, оканчивающееся заявлением, что в момент возникновения обще-европейской войны Румыния решит, какое следует занять положение. Некоторые газеты и здешнее общество истолковывает это сообщение в том смысле, что Румыния не останется нейтральной, и король решил действовать в союзе с Германией. По имеющимся у меня и у французского посланника сведениям, полную точность коих при нынешних обстоятельствах проверить трудно, на последнем совете министров король высказался за продолжение самых настойчивых попыток к предотвращению европейской войны, и, если таковая окажется неизбежной, то за совместные действия Румынии с Тройственным Союзом. Братиано и все министры будто бы горячо возражали против последнего предложения, что, как говорят, побудило короля пригрозить отречением от престола. По тем же сведениям, мотивами такого выступления короля выставляют:

1) существование оборонительного договора с Австрией в той форме, как я доносил, 2) возможность каких-либо личных обязательств короля перед императорами германским и австрийским, 3) предъявленные на-днях требования Австрией о выполнении союзного договора, — а Германией об определении отношения Румынии к будущей войне, 4) невозможность для Румынии сохранения нейтралитета, могущего испортить ее отношение к обеим воюющим сторонам и лишить ее возможных выгод от войны; наконец, 5) уверенность в превосходстве военных сил Тройственного Союза и в том, что последний может дать Румынии подлежащие гарантии по отношению к Болгарии. Надо к этому прибавить, что Германия и Австрия распространяют здесь неблагоприятные для нас слухи, как-то: о нашей неготовности к войне, о нежелании участвовать в таковой Англии и Франции и т. п. — Совет министров не пришел ни к какому заключению и решил вновь собраться завтра при участии представителей оппозиции, и можно с уверенностью сказать, что здешнее общественное мнение настроено враждебно к Австрии, а румынская армия уже год живет надеждой на совместные с нами действия против Двуединой монархии, и одна мысль о возможности похода против России повергает здешних старших офицеров в глубокое уныние. В Бухаресте уже имели место и еще готовятся манифестации. Все эти факты хорошо известны правительству, и одно

приближенное к *(пропуск)* лицо уверяло меня сегодня, что кабинет хочет ими воспользоваться для сохранения нейтралитета или даже для совместного с нами выступления против Австрии, находя вместе с тем полезным распространение изложенных в начале моей телеграммы известий. Я позволил себе, однако, подробно остановиться на них выше, так как они, к сожалению, совпадают со сведениями, сообщенными в секретной телеграмме вашей № 1536. От Братиано в настоящую минуту нельзя добиться более определенных объяснений *(пропуск)* посетил вместе с французским посланником и он повторил, что Румыния ничем не связана и что на следующем большом совете будет вновь обсуждаться вопрос о том, какое она займет положение при возникновении европейской войны. Он также подчеркнул, что данные им мне 15 июля заверения носят совершенно личный характер и не связывают свободы действий Румынии. По уходе французского посланника я долго настаивал перед Братиано на важности нынешнего момента для будущих отношений России с Румынией и для осуществления при нашей помощи румынского идеала. Дабы не пренебречь никаким средством воздействия на румынское правительство, я позволил себе также сделать Братиано сообщение в смысле телеграммы вашей № 1556. Братиано поблагодарил меня, обещая взвесить все мои слова, и вместе с тем спросил, санкционируют ли наши союзники потом отторжение одной из австрийских провинций, так как Англия, повидимому, желает восстановления «стагу-кво» после окончания европейской войны. Я ответил, что наши союзники будут считаться с данными нами обещаниями. Братиано затем просил меня не верить распространяемым в городе слухам и пытался вселить в меня мысль, что возможность кооперации с нами не исключается. Сообщая все вышеизложенное, я еще не решаюсь в эту тяжелую минуту делать собственных заключений, так как я, по примеру вашего высокопревосходительства, не желал бы еще верить в возможность «беспримерного коварства» Румынии

Поклевский.

7.

Секретная телеграмма посла в Париже.

19 июля (1 августа) 1914 г., № 224.

Здесь получена от французского посланника в Бухаресте телеграмма, изображающая в несколько тревожном свете намерения Румынии, которая, будто бы, склонна или к абсолютному нейтралитету, или даже к общим действиям с Австрией. Президент Республики высказал мнение, что следует, не теряя времени, произвести воздействие на Румынию, обещать ей Трансильванию. По мнению Пуанкаре, следовало бы также попытаться привлечь Италию на нашу сторону путем обещания ей Валоны и свободы действий в Албании.

Извольский.

8.

Секретная телеграмма поверенного в делах в Белграде.

19 июля (1 августа) 1914 г., № 276.

Телеграфирую в Бухарест:

В моем присутствии Пашич сегодня получил весьма тревожную телеграмму из Бухареста от Ристича. В ней говорится, что налицо имеются серьезные признаки, указывающие на склонность Румынии следовать за Тройственным Союзом. Решающую роль в этом направлении играет король Карл. В телеграмме, кроме того, упоминается мнение вашего высокопревосходительства и французского посланника, будто бы считающего солидарность Румынии с Тройственным Союзом совершившимся фактом. Пашич тут же просил меня телеграфировать об изложенном вашему высокопревосходительству и ходатайствовать о возможно полном освещении вопроса. Несмотря на существование у Пашича некоторого недовольства нерешительностью Румынии при возникших осложнениях, он все же не допускает мысли о переходе ее в лагерь врагов Сербии. В таком случае нельзя было бы говорить и о гарантии Бухарестского договора, о которой непрестанно заявляют румыны. Пашич не верит в справедливость полученного известия и с нетерпением ждет разъяснений, которые, быть-может, ваше высокопревосходительство не откажете мне сообщить.

Штрандтман.

9.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

20 июля (2 августа) 1914 г., № 179.

Получил телеграмму № 1579 [1]).

Лично. Весьма доверительно. Братиано сообщил мне сегодня, на основании телеграммы от Диаманди, об объявлении нам Германией войны. Зная, что государственных деятелей всех здешних партий сильно озабочивает в настоящую минуту вопрос о возможности нападения со стороны Болгарии, в случае, если Румыния пойдет за нами или даже останется нейтральной, — я позволил себе не только повторить Братиано указания вашего высокопревосходительства насчет выгод, которые могла бы извлечь Румыния от совместных с нами действий, но и запросил его в самой дружественной форме о том, что могла бы сделать Россия для укрепления положения Румынии, если последняя выкажет во время нынешнего кризиса дружеское к нам отношение. Братиано спросил меня, сочтем ли мы сохранение Румынией нейтралитета за проявление к нам дружбы, на что я позволил себе, руководствуясь общим смыслом вышеупомянутой телеграммы вашего

---

[1]) В телеграмме № 1579 от 18 июля 1914 г. Сазонов, высказывая опасения по поводу позиции Румынии, указывает посланнику на возможность обещать ей поддержку в приобретении Трансильвании (см. «Красн. Архив» № 5, стр. 55).

высокопревосходительства, ответить в утвердительном смысле. Братиано поблагодарил за мое дружеское сообщение. Выразив сожаление по поводу непринятия Сербией целиком австрийской ноты, жаловался на тяжелое положение Румынии и большую лежащую на здешнем правительстве ответственность и добавил, что отношение Румынии к общеевропейской войне будет обсуждаться *(пропуск)* днем в Синайе в большом совете, под председательством короля и при участии членов кабинета, а также Карпа, Лаговари, Маргиломана, Теодора Розетти, Таке-Ионеско и Филипеско, если последний вернется к тому времени из-за границы. Тот же совет обсудит вопрос о мобилизации румынской армии. Однако подготовительные военные меры уже принимаются. Положение здесь остается тревожным. Печать избегает нападок на Австрию, а официальные органы главных политических партий осторожно подыскивают оправдание действиям Австрии против Сербии. Настроение общественного мнения пока не изменилось. После вышеупомянутого совета завтра вечером или после-завтра утром миссия переедет в Бухарест, куда теперь перенесется центр деятельности правительства. Опасаюсь, что миссии нельзя будет найти верный случай отправки теперь же в Одессу секретных архивов.

Поклевский.

10.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

20 июля (2 августа) 1914 г., № 180.

Телеграфирую Штрандтману:

Ваша телеграмма № 276 получена.

Положение румынского правительства, действительно, двусмысленно и внушает нам серьезные опасения. Оно все еще сильно колеблется и окончательного решения, повидимому, еще не приняло. Вопрос об отношении Румынии к общеевропейской войне и о мобилизации румынской армии будет обсуждаться здесь завтра в особом совете под председательством короля.

Поклевский.

11.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Париже.

20 июля (2 августа) 1914 г., № 1634.

Мы уже некоторое время имеем основание сомневаться в надежности Румынии. Разделяя высказанное Пуанкаре мнение, мы уполномочили Поклевского, если он найдет это возможным, обещать Румынии нашу поддержку к приобретению ею Трансильвании в случае совместных с нами действий против Австрии. Пока не видно, однако, чтобы Румыния была склонна итти на подобное соглашение. Что касается Валоны, то мы не имеем возражений против предоставления ее Италии, но, считая, что Франция, в качестве средиземно-морской державы, более, чем мы, заинтересована в вопросе о том, кому будет принадле-

жать выход из Адриатического моря, я полагал бы, что возможные по этому поводу переговоры с Италией лучше вести самой Франции, держа только нас постоянно в курсе таковых. О получении этой телеграммы благоволите кратко телеграфировать.

Сазонов.

12.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

21 июля 1914 г., № 1636.

Президент Французской Республики сам сказал Извольскому, что для воздействия в желательном смысле на Румынию следует обещать ей Трансильванию.

Сазонов.

13.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

21 июля (3 августа) 1914 г., № 181.

По имеющимся у меня достоверным сведениям, германская и австрийская дипломатия требуют от Румынии объявления нам войны под угрозой, что ее нейтралитет будет сочтен за враждебное отношение к Тройственному Союзу. Последний дает также Румынии гарантии относительно Болгарии, предлагает Бессарабию и долину Томока и уверяет в отсутствии наших войск в Бессарабии. Одновременно распускают слухи о неминуемости победы Тройственного Союза и о заранее решенной перекройке карты Европы, что производит во всех кругах общества угнетающее впечатление. Я говорил почти со всеми здешними государственными деятелями, и большинство их высказалось предо мною за нейтралитет, при чем все особенно боятся Болгарии. Таке-Ионеско не сделал насчет нейтралитета никакого определенного заявления и выразил лишь мне, что Румыния все равно погибла, так как, какое бы ею ни было принято решение, она либо будет стерта с лица земли, либо сделается чем-то в роде русской или венгерской губернии. По его крайне взволнованному и грустному виду, а также по многим другим признакам, я опасаюсь самого неблагоприятного для нас решения на сегодняшнем совете.

Поклевский.

14.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

21 июля (3 августа) 1914 г., № 184.

Совет под председательством короля почти единогласно принял, в виду нынешнего положения, решение «усилить военные меры для охраны границ Румынии». Это не есть объявление нейтралитета,

а как бы указывает на желание Румынии занять выжидательное положение. Сообщая о решении совета, министр иностранных дел заявил мне, что Румыния не имеет никакого намерения нападать на Россию. Товарищ министра заверял меня, что Румыния не может забыть доброжелательного отношения к ней государя императора, а румынское правительство не может итти против общественного мнения страны. По имеющимся у меня сведениям, сегодня утром совет министров единогласно высказался за невмешательство, и к этому мнению присоединились затем все остальные участники большого совета, за исключением Карпа. Король, будто бы, заявил, что, как конституционный монарх, он утверждает это решение. Я не замедлю донести дополнительно обо всем, что мне удастся узнать впоследствии об истинном значении сегодняшнего решения. Австрийский посланник сегодня всем сообщил, будто Тисса объявил о даровании особых льгот трансильванским румынам.

Поклевский.

15.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

23 июля (5 августа) 1914 г., № 202.

Копии в Константинополь, Софию, Ниш и Афины.

Из слов министра иностранных дел я заключил, что болгарское правительство предлагает Румынии признать навсегда обладание ею Добруджи, взамен предоставления Болгарии полной свободы действий в течение настоящего кризиса.

Поклевский.

16.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне.

27 июля (9 августа) 1914 г., № 1750.

Сообщается в Бухарест.

По соглашению с французским и английским послами я предлагаю их правительствам, не теряя времени, поручить своим представителям в Бухаресте сделать румынскому правительству следующее заявление: 1) получив сообщение о предложенных Россией условиях, в целях активного сотрудничества Румынии против Австро-Венгрии, Франция/Англия согласна на эти условия, и 2) до тех пор, пока Румыния будет сражаться рядом с Россией против Австро-Венгрии, Франция/Англия будет считать себя в состоянии войны со всякой державой, которая напала бы в это время на Румынию. Заявление это, по нашему мнению, должно быть сделано письменно, чтобы точнее установить тожественность выступления обеих держав.

Сазонов.

17.

Секретная телеграмма посла в Риме.

28 июля (10 августа) 1914 г., № 76.

Сан-Джулиано мне только что сказал, что итальянский посланник в Бухаресте ему телеграфирует, что он совершенно убежден, что Румыния присоединится к Австрии против нас, так как это непременное желание короля. Сан-Джулиано думает также, что Турция нападет на нас, а Болгария на Сербию.

Крупенский.

18.

Секретная телеграмма посла в Париже.

29 июля (11 августа) 1914 г., № 265.

Думерг подтвердил мне, что французскому посольству в Бухаресте поручено сделать румынскому правительству сообщение в указанном вами смысле, но присовокупил, что было бы опасно производить слишком сильное давление на Румынию или брюскировать ее, ибо там борются два различные течения. Я знаю, что французский посланник в Бухаресте высказывает мысль, что нейтралитет Румынии может быть выгоднее ее участия в войне против Австрии, ибо он даст ей возможность наблюдать за Турциею и Болгариею, а выступление этих держав неминуемо вовлечет и Румынию в совместные с нами действия.

Извольский.

19.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

2 (15) августа 1914 г., № 719.

Итальянский посол совершенно доверительно подтвердил мне, что Румыния связана письменным соглашением с Австрией, срок коего истекает лишь через два года. Прошу не выдавать источника.

Гирс.

20.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

3 (16) августа 1914 г., № 217.

Весьма доверительно.

Положение Румынии существенно разнится от положения Сербии и Греции. Если последним двум государствам угрожает серьезная опасность от возможного на них нападения Болгарии и Турции, то, наоборот, перед Румынией заискивают все балканские государства, а Россия и Австрия дают ей дружеские заверения. В виду вышеизложенного

я уверен, что Румыния не пойдет ни на какие территориальные уступки в пользу Болгарии, тем более, что занятое ею нейтральное положение не позволяет ей вступать в обсуждение вопроса о соответствующих компенсациях за счет Австрии. Я считал бы даже опасным возбуждение здесь нами вопроса о подобных уступках, так как это могло бы побудить румынское правительство обеспечить свою территориальную неприкосновенность посредством какой-либо враждебной нам комбинации.

Поклевский.

21.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

12 (25) августа 1914 г., № 225.

При первом свидании с Братиано и министром иностранных дел Талаат-бей предложил союз между Румынией, Турцией и Болгарией, задачей коего была бы, повидимому, солидарность с интересами Германии и Австрии. Предложение это было отклонено под предлогом, что в данный момент Румыния не боится ничьего нападения и сама не собирается ни на кого нападать. Вместе с тем румынское правительство разъяснило Талаату, что Румыния желает вести мирную политику и не сочувствует никаким авантюрам на Балканах. Министр иностранных дел надеется, что ответ Румынии произведет должное впечатление в Софии и Константинополе.

Поклевский.

22.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

12 (25) августа 1914 г., № 229.

Здешний болгарский посланник распускает слухи о том, что мы, с одной стороны, уверяем Румынию в нашей дружбе, с другой же стороны, агитируем против нее среди наших сторонников в Болгарии, обещая им румынскую Добруджу. Мне кажется, что при переговорах об обеспечении болгарского нейтралитета нам следовало бы избегать указаний на возможность вооруженного выступления Болгарии против Румынии.

Поклевский.

23.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

15 (28) августа 1914 г., № 236.

Здесь все более выясняется значение нейтралитета Италии, как фактора, позволяющего и Румынии, несмотря на ее союзнические отношения к Австрии и Германии, занять ее нынешнее положение. В ком-

петентных румынских сферах также считают, что вооруженное выступление Италии против Австрии с несомненностью обеспечит наш военный успех. Я думаю поэтому, что окончательное привлечение Италии на нашу сторону тем более для нас ценно, что она почти наверное побудила бы и Румынию последовать ее примеру.

Поклевский.

24.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

19 августа (1 сентября) 1914 г., № 246.

Трудно сомневаться в том, что нейтралитет Румынии, в виду некоторых ее обязательств к Тройственному Союзу и настроения короля, следует рассматривать, как акт, особенно по отношению к нам, дружелюбный, тем более, что занятое ею положение может оказать косвенное влияние и на дальнейшее поведение Болгарии. С достаточной точностью также выясняется, что, несмотря на сочувствие к нам здешнего общественного мнения, едва ли возможно побудить Румынию к враждебным действиям против Австрии до более полной обрисовки шансов противников на поле сражения или до наступления каких-либо особенных обстоятельств, в роде открытого выступления Италии на нашей стороне. Между тем не следует терять из виду, что временные крупные военные успехи Германии легко могут произвести смятение в здешних умах и облегчить королю и некоторым влиятельным лицам противного нам лагеря пропаганду в пользу искупления Румынией ее теперешней «измены» по отношению к Австрии и Германии. Кроме того, нет сомнения, что румынское правительство в настоящую минуту сочувствует сохранению Болгарией нейтралитета и идее о территориальных уступках в ее пользу со стороны Сербии и Греции, необходимых для достижения этой цели. Однако, никто не мог бы поручиться за то, что, когда в здешних умах явно сознают возможность территориального расширения Болгарии и Сербии и военного уничтожения Австрии без соответственных компенсаций для Румынии, последняя не усмотрит в этом тогда опасность для своих интересов и не будет искать обеспечения их при помощи наших врагов, которые к тому же делают ей самые заманчивые предложения. Затем, некоторые здешние государственные люди уже начинают высказывать опасение насчет того, что нейтралитет Румынии недостаточно нами оценивается и что нам следовало бы дать на этот счет какие-либо определенные обещания. У этих лиц и в некоторых органах печати проскальзывала даже надежда, что Россия отдаст Румынии за ее нейтралитет часть Бессарабии. Как я уже доносил, желание получить от нас некоторые обещания дважды выражал и Братиано, а здешний итальянский посланник некоторое время тому назад тоже указывал мне на необходимость более прочного обеспечения дружественного к нам отношения Румынии во время настоящей войны.

Продолжение в № 2.

Поклевский.

25.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

20 августа (2 сентября) 1914 г.

Продолжение телеграммы № 246.

Все вышеизложенное побудило меня третьего дня более подробно выяснить взгляд и пожелания Братиано. Последний начал с сожаления, что французский посол в Петрограде нашел нужным на-днях сказать румынскому поверенному в делах, что Румынии необходимо теперь же определенно высказаться за или против нас. Братиано заметил, что такая резкая постановка вопроса едва ли может в настоящую минуту привести к желательным для нас результатам. Из дальнейшего разговора также выяснилось, что Братиано не считал бы себя уполномоченным к заключению какого бы то ни было соглашения, обязывающего Румынию сохранить нейтралитет до конца войны. Затем, после вполне дружественного и откровенного обмена мнений, я пришел к убеждению, что лично Братиано прельстила бы мысль о получении от России, Франции и Англии письменного сообщения в том смысле, что, если Румыния останется нейтральной до конца войны, то в случае окончательной победы этих трех государств и изменения нынешнего равновесия на Балканском полуострове, Румынии будет гарантирована неприкосновенность ее теперешних владений и компенсации в виде австрийских территорий с румынским большинством населения. В заключение Братиано оговорился, что он должен еще обдумать подобную комбинацию, так как она, с его точки зрения, составляет почти государственное преступление, ибо он не мог бы доложить о ней королю и сообщить ее другим лицам. — Вчера Братиано заехал *(пропуск)* комбинация является для него слишком заманчивой, а потому он готов на нее согласиться, при условии, что о ней не будет известно ни королю, ни кому-либо в Румынии, ни даже моим французскому и английскому коллегам. Последнему, впрочем, лишь до получения мною ответа вашего высокопревосходительства. Братиано добавил, что в подобном документе он будет черпать достаточную силу, чтобы противостоять всяким попыткам искать обеспечения румынских интересов иными путями. Представляя все вышеизложенное на благоусмотрение вашего высокопревосходительства, считаю долгом высказать мое личное мнение о важности и пользе для нас упомянутой комбинации, а именно по следующим соображениям: 1) мы этим путем, пока у власти находится Братиано, почти наверное обеспечиваем себе по меньшей мере нейтралитет Румынии; 2) обещаем компенсации лишь за счет нашего противника; 3) перекройка карты Балканского полуострова не может более вызвать сопротивления или даже неудовольствия Румынии; 4) у нас будет уверенность, что мы исчерпали все средства, дабы не допустить враждебного против нас выступления Румынии.

О последующем прошу вас не отказать в возможно скором уведомлении.

Поклевский.

26.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

21 августа (3 сентября) 1914 г., № 2379.

Получил № № 1 и 2.

По словам французского посла, он не проявлял никакой настойчивости в желании определить положение Румынии и приписывает неправильную передачу его слов стремлению румынского поверенного в делах оказать воздействие на свое правительство. После отказа Румынии от предложенного наступательного союза мы не старались насиловать ее решения. Теперь нам необходимо не отталкивать Румынии и не порывать нити переговоров с нею, но и не спешить с выдачей положительных обязательств в обмен на голословные обещания. Раз нельзя побудить Румынию выступить с нами против Австрии, следует выждать дальнейшее выяснение военного положения. Пока можете сказать Братиано, что передали его слова в Петроград, где продолжают относиться очень сочувственно к Румынии и ее интересам, но что ответ может последовать только по обсуждении вопроса с французским и английским правительствами, так как все решения принимаются теперь нами сообща с союзниками.

Сазонов.

27.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

24 августа (6 сентября) 1914 г., № 978.

Доверительно узнаю, что итальянский посол телеграфировал своему правительству полученные им частным путем сведения о громадном впечатлении, произведенном в Румынии одержанной нами победою в Галиции, и что Румыния сообразует свое дальнейшее поведение с положением, которое займет Италия.

Гирс.

28.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

26 августа (8 сентября) 1914 г., № 252.

Получил вашу телеграмму № 2379.

Я объяснился по содержанию упомянутой телеграммы вашего высокопревосходительства с Братиано, который поблагодарил и заметил, что, если императорское правительство в принципе согласно дать Румынии изложенное в моей телеграмме № 246 обещание, то *(пропуск)* позволит ему немедленно действовать в желательном для нас смысле. Он уверял меня при этом, что это обещание нисколько не помешало бы Румынии активно выступить против Австрии, если того потребуют

румынские интересы. С своей стороны, позволяю себе еще раз высказаться за необходимость более определенного закрепления наших отношений к Румынии, тем более, что нам едва ли будет возможно воспротивиться территориальному расширению Румынии за счет Австрии, если здешнее правительство и далее воздержится от всяких враждебных нам выступлений и если победоносная для нас война приведет к увеличению владений других балканских государств.

Поклевский.

29.

Секретная телеграмма посла во Франции.

Бордо, 26 августа (8 сентября) 1914 г., № 372.

Маржери сказал мне, что румынский министр финансов, лично весьма расположенный в пользу приступления Румынии к Тройственному Согласию, просил французского посланника дать ему возможность убедить других министров, что, в случае выступления Румынии против Австрии, она получит от Франции финансовую помощь. Делькассе уполномочил дать г-ну Костинеско просимое обещание.

Извольский.

30.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

29 августа (11 сентября) 1914 г., № 254.

С самого начала войны здешний итальянский посланник высказывал в разговорах со мною сожаление о том, что Франция не делает Италии достаточно заманчивых предложений, дабы добиться ее вооруженного содействия. Он вместе с тем опасался, что военные успехи Германии могут сделать в будущем заключение подобного соглашения затруднительным. В настоящую минуту Фашиотти следующим образом резюмирует точку зрения Италии. Он считает, что только возбуждение вопроса о завершении национального объединения Италии может побудить ее к вооруженному выступлению против Германии и Австрии, а именно, что Франции следовало бы уступить и графство Ниццу по реке Вар, и остров Корсику, и Италии же должно быть обещано присоединение Адриатического побережья до Истрии включительно. При этом Корсика могла бы быть впоследствии обменена на часть Туниса, за исключением Бизерты. Итальянский посланник, так же, как и я, считает более, чем вероятным, что Румыния не замедлит вслед за Италией выступить активно на нашей стороне. Братиано просил его на-днях предупредить румынское правительство хотя бы за 48 часов до того, как Италия решит объявить войну Германии и Австрии. Позволяю себе довести о вышеизложенном, в виду особого доверия, которое итальянское правительство всегда оказывало своему здешнему посланнику. Последний, повидимому, тоже желал, чтобы я передал вашему высокопревосходительству сообщенные им мне сведения и, лично, просил в случае дальнейших переговоров никак не упоминать его имени.

Поклевский.

31.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

30 августа (12 сентября) 1914 г., № 259.

О том, что Румыния не считает более нужным отстаивать постановления Бухарестского трактата и что она не вмешается в чисто Балканскую войну, я уже дважды доносил вашему высокопревосходительству, ссылаясь на слова самого Братиано. Повидимому, Талаат вынес такое же впечатление из своих разговоров с здешними государственными деятелями. Мне, однако, известно из вполне достоверного источника, что Талаат пытался здесь получить от румынского правительства письменное обещание относительно сохранения Румынией нейтралитета в случае возникновения войны между Турцией или Болгарией, с одной стороны, и Грецией или Сербией—с другой. В этом ему было отказано, и эта неуверенность в Румынии, насколько мне известно, служила до сих пор для Болгарии и Турции предлогом для невыполнения этими государствами принятых ими по отношению к Австрии и Германии обязательств.

Поклевский.

32.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

1 (14) сентября 1914 г., 261.

Мне кажется, что было бы теперь полезным и своевременным конфиденциально предложить румынскому правительству занять румынскими войсками ту часть оккупированной нами Буковины, которая населена румынами. Если бы она даже не решилась принять наше предложение, то последнее все же явилось бы новым доказательством дружеского нашего расположения к Румынии и рассеяло бы существующие в некоторых здешних кругах опасения относительно нашего намерения присоединить к России населенные румынами провинции Австро-Венгрии.

Поклевский.

33.

Секретная телеграмма посла во Франции.

3 (16) сентября 1914 г., № 400.

(Пропуск) Делькассе сказал мне, что, по сведениям из Рима, венский кабинет предложил румынскому правительству в случае выступления Румынии против нас, предоставить Трансильвании автономию. Об ответе Румынии Титтони не осведомлен.

Извольский.

34.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте[1]).

3 (16) сентября 1914 г., № 2680.

Сообщается послам в Бордо и Лондон.

Благоволите сделать румынскому правительству следующее сообщение: «Заняв часть Буковины, Россия сделала первый шаг на пути освобождения этой провинции от австрийского владычества, освобождения, которого единодушно желают русский и румынский народы. В силу этого императорское правительство вновь обращается к королевскому правительству, призывая его к нему присоединиться в целях скорейшего достижения общей цели, и предлагает ему занять, с своей стороны, без промедления южную Буковину и Трансильванию.

Распределение русских и румынских войск в Буковине могло бы быть установлено по взаимному соглашению главнокомандующими обеих армий на основании исключительно соображений военного характера, нисколько не предрешая последующего разграничения территорий, которое будет в свое время произведено по соглашению между правительствами сообразно с этнографическим составом населения».

Сазонов.

35.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

4 (17) сентября 1914 г., № 2230.

Ссылаясь на сведения, полученные из Рима, итальянский посол во Франции сказал Извольскому, что Австрия предложила Румынии, в случае ее выступления против нас, предоставить Трансильвании автономию. Желательно по возможности проверить это сведение и, в случае подтверждения, указать румынам, что мы предлагаем им не только автономию, но присоединение Трансильвании.

Сазонов.

36.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

6 (19) сентября 1914 г., № 270.

Манифестации в Бухаресте продолжались несколько дней подряд, при чем большинство столичных газет высказывается за немедленное выступление против Австрии. Братиано заявил Филиппеско, что правительство и общественное мнение страны стремятся в сущности к той же цели, но что время для действий еще не настало, а потому дальнейшие манифестации могут быть лишь вредны для общего дела.

---

[1]) Перевод с французского.

Консервативные партии приняли в секретном заседании решение в пользу выхода из нейтралитета и постановили довести об этом до сведения короля. Они также высказались за прекращение манифестаций и за ускорение правительством дипломатических переговоров, которые должны предшествовать выходу Румынии из нейтралитета. При этом, конечно, подразумевается, что Румыния может лишь выступить на нашей стороне. В разговоре со мною Братиано не отрицал силы и значения охвативших румынское общество чувств, но он не находит пока возможным взять на себя ответственность за немедленное выступление Румынии. Если же общественное мнение будет продолжать посредством манифестаций оказывать на него сильное давление, то тогда он и либеральная партия предпочтут удалиться от власти. Из дальнейшей беседы мог вывести заключение, что Братиано, с одной стороны, считает еще военное положение на стольких театрах войны слишком запутанным для того, чтобы Румыния могла со своей стороны *(пропуск)* броситься в водоворот военных событий; с другой же стороны, он продолжает опасаться Болгарии. Последняя, по его мнению, может-быть, желает вовлечения Румынии в европейскую войну, дабы затем напасть на нее с тыла или дабы получить полную свободу действий на Балканах. Вместе с тем он не считает возможным вступить в предварительные конфиденциальные переговоры с Болгарией, так как содержание таковых стало бы немедленно известным в Вене. Главной же причиной колебаний Братиано является, по всей вероятности, оппозиция короля, но этого вопроса он никогда не касается в разговорах со мной. Мне однако известно от близких к Братиано лиц, что последний не теряет надежду побудить короля пойти в этом вопросе навстречу общественному мнению страны. Если это вообще достижимо, то добиться подобного результата можно лишь путем объединенного давления на короля со стороны представителей всех румынских политических партий, между коими разница во взглядах, повидимому, сводится в настоящую минуту лишь к вопросу о выборе момента для выступления против Австрии. В виду этого мне кажется особенно желательным действовать осторожно и осмотрительно и избегать всего, что могло бы вызвать раскол среди здешних партий. Многое также будет зависеть от того, что произойдет на театре военных действий в ближайшие дни. Можно однако при этом отметить факт, что теперь ни в печати, ни в обществе никто не решается высказать даже мысли о возможности совместных действий Румынии и Австрии.

Поклевский.

37.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

8 (21) сентября 1914 г., № 271.

Я сделал Братиано в Бухаресте предписанное мне сообщение, которое, видимо, его взволновало. Затем он попросил меня оставить ему это сообщение в письменной форме и обещал дать ответ в Синайе, намекая этим на необходимость повидаться с королем. На следующий день в Синайе он просил меня поблагодарить императорское правительство

за дружеское предложение и выразил желание оставить его открытым, так как немедленное его принятие равносильно объявлению Румынией войны Австрии, на что она в настоящую минуту решиться не может *(пропуск)*. Он вновь заговорил о Болгарии и высказался за невозможность для Румынии вести войну на двух фронтах, между тем как оставление значительной части румынской армии для наблюдения за болгарской границей сделает для нас помощь Румынии малоценной. Затем он вновь убедительно просил моего содействия в получении им от трех правительств изложенных в моей телеграмме № 246 обещаний за сохранение Румынией нейтралитета, относительно коего он за последнее время выражается с полной определенностью. Он также вновь уверял меня, что получение этого обеспечения нисколько не исключает активного для нас выступления Румынии, которое может сделаться неизбежным по политическим соображениям и под влиянием румынского самолюбия. Подобное выступление Румынии я тоже считаю вполне возможным даже после получения ею помянутых выше обещаний, так как несомненно должен наступить момент, когда она захочет ускорить нашу победу, взять в руки объект ее вожделений и получить право на участие в общих переговорах по окончании войны.

Вместе с тем я продолжаю считать желательным заблаговременную выдачу определенных обещаний Румынии за ее нейтралитет, дабы избежать всегда возможного шатания в здешних умах, если временно военные события примут более благоприятный для наших противников характер. Если же императорское правительство считает пожелания Братиано чрезмерными, то мы могли бы может-быть сделать разницу между кооперацией и нейтралитетом и обещать за последний одну лишь Трансильванию, потребовав одновременно от румынского правительства письменного обещания сохранить нейтралитет до конца войны.

Последние соображения я позволяю себе высказать исключительно по собственному почину.

Поклевский.

38.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

9 (22) сентября 1914 г., № 2817.

Сообщается послам в Бордо и Лондон.

Получил вашу телеграмму № 271.

Разъясните Братиано, что «помощи» у Румынии, особенно после поражения австрийцев, мы не просим, а приглашаем ее только взять то, что сейчас ей можно взять без всякого усилия. Поэтому ничто не мешает Румынии оставить большую часть своих войск против Болгарии, которая к тому же сама заявила ей о намерении остаться нейтральной, и от нападения которой Румынию обеспечивает еще предложенное нами заявление трех союзниц. Последние твердо решились не слагать оружия, пока военное могущество Австро-Германии не будет окончательно сломлено. Но, не останавливаясь сами ни перед какими жертвами для достижения цели, все три державы согласны между собою, что в час развязки право на вознаграждение будет

признано лишь за тем, кто участвовал в общем деле. Вследствие сего желания Братиано, изложенные в вашей телеграмме № 246, чрезмерны. Большее, что можно дать Румынии за письменное обязательство сохранить нейтралитет до конца войны, — это, по моему мнению, такое же обещание трех держав признать за ней право на присоединение Трансильвании, если это не потребует от союзниц особых военных действий для овладения этой областью. Считаю необходимым, чтобы вы поставили в известность о сделанном нами благожелательном предложении всех министров и наиболее видных главарей партий. Об исполнении сего немедленно телеграфируйте.

Сазонов.

39.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

9 (22) сентября 1914 г., № 283.

Члены правительства не говорят о данных Австрией обещаниях за вооруженное содействие Румынии, но мне известно из вполне достоверного источника, что за последнее время австрийское правительство обещало особенный статут для Трансильвании и незначительное исправление границы в Буковине. Кроме того, в случае победы Австрии и Германии, Румыния должна получить всю Бессарабию с Одессой. Для того же, чтобы Румыния не боялась в будущем нашего соседства, германское правительство уверяло некоторых здешних военных деятелей в том, что Румыния после войны будет отделена от России вассальным Австрии великим княжеством Украиной. Когда принц Карл покидал Германию в начале войны, то император Вильгельм повторил ему упомянутые в последнем абзаце обещания и прибавил, что через двадцать лет к Румынии будет присоединена и Трансильвания. До сих пор не замечено, чтобы вышеизложенные предложения произвели здесь особенное впечатление, и пожелания здешнего общественного мнения высказываются в пользу завладения румынскими областями Австро-Венгрии.

Поклевский.

40.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

13 (26) сентября 1914 г., № 289.

Телеграмму № 2817 получил. Я не преминул передать Братиано содержание этой телеграммы, при чем я неоднократно обращал его внимание на то, что соображения о возможных компенсациях за нейтралитет Румынии являются личным мнением вашего высокопревосходительства и отнюдь не должны рассматриваться, как формальное предложение с нашей стороны. Братиано был, видимо, доволен вышеупомянутой частью телеграммы вашей и просил дать ему некоторое время на размышление. Сегодня Братиано находился под впечатлением полученной им от Диаманди телеграммы, и он просил меня

выразить вашему высокопревосходительству глубокую его благодарность за широкое понимание румынского национального идеала и будущих отношений между Россией и Румынией. Он упомянул затем «предложение» относительно нейтралитета Румынии. Я вновь обратил его внимание на истинный характер сделанного мною третьего дня сообщения и заявил, что версия о наших новых, будто бы, «предложениях» получила здесь некоторую разгласку, и что мне пришлось на запрос нескольких политических деятелей ответить, что предложения наши до сих пор касались только активной кооперации Румынии, и что на другие темы у меня шли лишь разговоры с первым министром. В ответ на это Братиано просил меня срочно выяснить, может ли он считать за «предложение» изложенное в телеграмме № 2817 мнение ваше о возможных компенсациях за нейтралитет Румынии, после чего, согласно его уверению, может наступить момент для активного ее выступления, так как Румыния должна вообще стараться достигнуть национального идеала в возможно большем объеме и стать воюющей стороной, обеспечив себе право участия в мирной конференции. Он старался также доказать мне, что бурные манифестации здешнего общественного мнения в пользу немедленного объявления войны Австрии могут только привести к таким внутренним потрясениям в Румынии, которые едва ли желательны и полезны императорскому правительству. Из всего разговора я вынес впечатление, что Братиано желал бы на будущем коронном совете, который, вероятно, соберется через несколько дней, сообщить о возможности получить от нас компенсации за нейтралитет и предложить более формальное заявление о последнем. Французский посланник считает наши переговоры о нейтралитете Румынии крайне нежелательными и способными лишь ослабить здешнее движение и манифестации, от которых он ожидает самых лучших и скорых результатов. На мой вопрос, к каким конечным результатам приведет эта агитация и каким образом осуществится, по его мнению, наше общее желание об активной кооперации Румынии, мой коллега заверил меня, что охватившее здесь общественное мнение движение низвергнет Братиано и короля и даже всю династию, если король не назначит правительства, согласного на немедленное объявление войны Австрии. Французский посланник, конечно, знает лучше меня Румынию, но я все же позволяю себе высказать сомнение в возможности достижения такого результата, и я уверен, что при подобных потрясениях Румыния будет поглощена своими внутренними делами и станет для нас бесполезной. Мне кажется, что нам вернее вести переговоры и поддерживать хорошие отношения с румынскими ответственными государственными деятелями и главнейшими представителями оппозиции. Мы все же этим путем достигли довольно благоприятного результата и может-быть добьемся в будущем еще лучшего. Если же движение здешнего общественного мнения заглохнет под влиянием несговорчивости Болгарии или менее благоприятных известий с театра войны или же по другим причинам не даст ожидаемых французским коллегою результатов, то это может, по моему мнению, отозваться неблагоприятно на наших дальнейших отношениях с Румынией. Прошу срочных указаний.

Поклевский.

41.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

13 (26) сентября 1914 г., № 2922.

Мною вместе с Диаманди выработан следующий проект соглашения с Румынией, который благоволите предложить Братиано:

«Россия обязуется признать за Румынией право аннексировать населенные румынами области Австро-Венгерской монархии. В Буковине основой разграничения территорий, имеющих быть аннексированными Россией или Румынией, явится принцип этнографического большинства населения. Территории эти Румыния будет иметь право занять в удобный для нее момент.

С своей стороны Румыния обязуется соблюдать до момента этой оккупации благожелательный нейтралитет по отношению к России».

В случае согласия румынского правительства, означенное соглашение могло бы быть подписано в Петрограде, путем обмена нот между мною и Диаманди.

Сазонов.

42.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

15 (28) сентября 1914 г., № 294.

Получил № 2922.

Братиано глубоко благодарен вашему высокопревосходительству за изложенное в вышеупомянутой телеграмме предложение. Он поручает Диаманди приступить к обмену нот и очень лишь просит сделать два прибавления: 1) что Румынии гарантируют теперешние ее владения; 2) что граница между русской и румынской частями Буковины пройдет по реке Пруту, так как это дает прочную границу между обоими государствами, а также соответствует этнографическому разделению этой области. Братиано также просит, чтобы соглашение это осталось секретным до момента его осуществления. Теперь же он проведет официальное подтверждение нейтралитета Румынии.

Поклевский.

43.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

19 сентября (2 октября) 1914 г., № 302.

По соглашению Братиано с лидерами оппозиции решено пока не созывать коронного совета. На сегодняшнем совещании лидеров всех партий постановлено, что в настоящее время Румынии нет надобности изменять занятого ею в начале войны положения. Братиано отказался от своего первоначального намерения добиться закрепления нейтралитета,

отчасти и потому, что все партии находят в принципе активное выступление Румынии желательным, и объявление нейтралитета могло бы в этом отношении быть сочтено за шаг назад.

Поклевский.

44.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

20 сентября (3 октября) 1914 г., № 3028.

Я обменялся с румынским посланником нотами, заключающими следующие заявления: 1) Россия будет противиться посягательствам на целость Румынии в ее нынешних пределах; 2) Россия признает право Румынии на присоединение австро-венгерских областей с румынским населением, при чем в Буковине разграничение будет произведено особой смешанной комиссией на началах численного преобладания той или другой народности; 3) Румыния может занять эти земли, когда она сама сочтет это удобным; 4) Россия постарается получить согласие на это французского и английского правительств; 5) взамен вышеизложенного Румыния впредь до занятия означенных областей будет соблюдать в отношении России благожелательный нейтралитет; 6) до присоединения названных областей к Румынии настоящие заявления должны храниться в строжайшей тайне.

Подписанная мною нота завтра пересылается румынским посланником в Бухарест, с курьером, который привезет также вам и копию с этого соглашения, о котором пока не следует упоминать вашим французскому и английскому сотоварищам.

Вместе с тем по получении полного текста благоволите весьма доверительно, но письменно, пояснить Братиано, что согласно нашему устному уговору с Диаманди, обещая в первом пункте противодействовать посягательствам на целость Румынии, мы имеем в виду лишь дипломатическое противодействие, а не таковое вооруженной силой. С другой стороны, укажите Братиано, что мы понимаем «благожелательный» нейтралитет, как таковой, при коем Румыния положит конец снабжению через свою территорию наших противников и их приспешников боевыми и жизненными припасами и, напротив того, будет всячески облегчать нам оказание содействия Сербии. Было бы желательно получить от Братиано хотя подтверждение, что таков смысл, который и Румыния придает своему обещанию «благожелательного» нейтралитета.

Сазонов.

45.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

23 сентября (6 октября) 1914 г., № 305.

Получил № 3028. Лично.

Я передал на словах пока Братиано заключающиеся в конце вышеупомянутой телеграммы вашего высокопревосходительства указания. По поводу характера обещанного нами противодействия посягательствам

на цельность Румынии Братиано выразил надежду, что таковое будет дипломатическим лишь до тех пор, пока вообще заключенное между нами и Румынией соглашение останется дипломатическим документом, но что, коль скоро Румыния объявит войну Австрии, то тогда мы не откажемся оказать такое противодействие и вооруженной силой. Он просил при этом, если возможно, включить эту оговорку в письменное заявление, которое мне поручено сделать по получении текста соглашения. Мне лично кажется предпочтительным этой оговорки не делать, а лишь словесно разъяснить Братиано, что возможность подобной вооруженной помощи с нашей стороны вовсе не исключается, но что вопрос этот можно будет обсудить, когда Румыния решится на активное выступление против Австрии. По поводу провоза через Румынию боевых припасов для Турции и Болгарии мне не удалось получить от Братиано вполне удовлетворительного ответа. Он обещает стеснить, насколько возможно, провоз этих предметов и выпускать отсюда главным образом предметы обмундирования и вообще второстепенные материалы, но он считает, что полное запрещение транзита через Румынию предметов вооружения слишком рано обнаружит переход Румынии на нашу сторону и помешает ей получить из Германии снаряды и некоторые другие военные принадлежности, которые ей необходимы для начала кампании. На мое замечание, что, таким образом, Румыния устроит за счет нашей государственной безопасности собственные дела, Братиано ответил, что усиление боевой готовности Румынии вполне вознаградит нас за незначительный прирост военных припасов в Турции, и, вообще, просил довериться в этом деле его такту и искреннему желанию действовать в наших интересах. По поводу этого последнего вопроса прошу указаний, должен ли я удовлетвориться вышеизложенными объяснениями Братиано и следует ли мне изложить в письменной форме наше толкование «благожелательного нейтралитета Румынии». О состоявшемся обмене нот я не упоминал моим французскому и английскому коллегам, но я говорил им раньше в общих чертах о моих переговорах с Братиано о нейтралитете Румынии, а также о том, что вы лично готовы признать право Румынии на компенсации за сохранение ею нейтралитета до конца войны.

Поклевский.

46.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

17 (30) октября 1914 г., № 360.

Братиано крайне удивлен выступлением Турции, так как еще вчера здешний турецкий посланник настаивал на пропуске через Румынию военных грузов для Турции, уверяя в желании последней сохранить нейтралитет. Считая заверения посланника вполне искренними, Братиано склонен думать, что турецкий флот открыл военные действия без предварительного согласия турецкого правительства. Он также полагает, что все значение этого шага обнаружится лишь через несколько дней, когда выяснится отношение к нему Болгарии и турецких правящих сфер. На мой вопрос о том, что предпримет Румыния в случае

нападения Болгарии на Сербию и вызванного этим вмешательства Греции, Братиано ответил, что, по всей вероятности, тогда и Румыния примет участие в балканском конфликте, выставив одновременно заслон против Австрии. Он придал этому заявлению характер личного своего мнения и добавил, что война с Болгарией лишила бы Румынию возможности своевременно занять населенные румынами провинции Австро-Венгрии, а потому Румыния имела бы право за свое выступление в интересах России и ее союзниц на присоединение к ней вышеупомянутых провинций по окончании войны. Я заметил, что Болгария может остаться и нейтральной, несмотря на выступление Турции, и что такой ее образ действий был бы прямым указанием на перемену настроения болгарского правительства, которым Румыния должна была бы немедленно воспользоваться, дабы обеспечить себя с ее стороны и затем возможно скорее выступить против Австрии. Братиано выразил готовность в указанном мною случае осторожно и окольным путем, например, через греческое правительство, позондировать почву в Софии. Он продолжает однако относиться с полным недоверием к болгарам и считает необходимым добиваться такого с нею соглашения, которое скомпрометировало бы ее сразу по отношению к Австрии и Германии, а именно: он желал бы подбить ее обещанием компенсаций на военные действия либо против Турции, либо против Австрии.

Я должен заметить, что в неоднократных разговорах со мною на эту тему Братиано отказывался от каких-либо территориальных уступок в пользу Болгарии. Между тем некоторые другие члены кабинета и вожди оппозиции выражали мне готовность вернуть Болгарии приобретенную в прошлом году Румынией территорию, за исключением Силистрии и Туртукая, при чем они не сомневались в возможности склонить к этому и Братиано. Сегодня Братиано вновь и вполне категорически обещал не пропускать никаких военных припасов для Турции. Когда же я заговорил о золоте, то он уклонился от определенного ответа, пока не переговорит об этом вопросе с министром финансов.

Поклевский.

47.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

27 октября (9 ноября) 1914 г., № 380.

С самого начала войны Братиано советуется с вождями оппозиции по главнейшим вопросам иностранной политики, и здесь считают, что последняя ведется по соглашению между всеми политическими партиями. За последнее время однако среди членов оппозиции стало распространяться мнение, что Братиано медлит переговорами с Болгарией и активным выступлением Румынии и что ему следовало бы образовать коалиционный кабинет из представителей всех партий и ясно нам указать срок, когда Румыния вступит в пределы Австрии. По почину Филиппеско, вопросы эти обсуждались на последнем заседании комитета консервативной партии, которая решила выразить недоверие политике Братиано. Решение это держится в секрете, но вышеупомянутый комитет довел о нем сегодня до сведения первого министра. Со своей

стороны Таке-Ионеско имел на-днях свидание с Братиано с целью лично воздействовать на него в вышеуказанном смысле. Во время этой беседы выяснилось, что в принципе оба эти государственные деятеля смотрят совершенно одинаково на задачи и цели румынской политики в связи с настоящей войной, но Братиано не решился еще назначить срок для начала военных действий против Австрии, ссылаясь на недоверие к Болгарии, на недостаток патронов и лошадей и на трудность для Румынии вести очень продолжительную кампанию. Таке-Ионеско остался недоволен этими объяснениями, но, не желая итти на разрыв с Братиано, пытается воздействовать на него через некоторых выдающихся членов либеральной партии. Пока неизвестно, как отнесется Братиано к взятому на себя оппозицией почину. Есть некоторые указания на возможность его выхода в отставку, но мне кажется, что с нашей точки зрения было бы предпочтительнее, если бы оппозиции удалось склонить его к принятию ее точки зрения, так как образование кабинета без участия в нем либеральной партии повело бы к роспуску палаты и новым выборам, что, несомненно, отвлекло бы на время внимание Румынии от вопросов иностранной политики.

Поклевский.

48.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Бордо и Лондоне.

2 (15) ноября 1914 г., № 3787.

Сообщается в Бухарест.

Чтобы отнять у Румынии лишний повод откладывать военное выступление, считаю желательным, чтобы Франция и Великобритания возобновили в Бухаресте, возможно безотлагательно, предложение ссудить Румынии необходимые на ведение войны деньги. Такая финансовая операция могла бы быть осуществлена без всяких промедлений на более льготных условиях, нежели в Америке, и без огласки, которой Румынии выгоднее избежать.

Сазонов.

49.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

2 (15) ноября 1914 г., № 3788.

Сообщается в Бордо и в Лондон.

Благоволите обратить внимание румынского правительства на то, что ради осуществления целей Румынии в Трансильвании ей необходимо выступить еще до занятия сербского берега Дуная и разгрома Сербии Австрией, ибо, справившись с сербскими войсками, австрийцы получили бы возможность использовать освободившиеся свои силы для защиты территориальной своей неприкосновенности в Трансильвании.

По имеющимся у нас положительным данным, австрийцы решили покончить с Сербией к 1-му декабря нового стиля.

Сазонов.

50.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Бордо и Лондоне.

5 (18) ноября 1914 г., № 3857.

Сообщается в Бухарест.

Я считал бы весьма желательным, чтобы представители держав Согласия заявили румынскому правительству, что Радославов самым официальным образом заявил великобританскому посланнику, что Болгария, сохраняя нейтралитет, не нападет на Румынию, если только последняя выступит совместно с нами. Трем посланникам держав в Софии поручено сообщить Радославову, что державы принимают его заявление к сведению. Главное препятствие к нападению Румынии на Австрию ныне, таким образом, устранено, и скорейшее, в интересах же Румынии, осуществление ее идеалов казалось бы теперь особенно достижимым.

Сазонов.

51.

Секретная телеграмма посланника в Бельгии.

Гавр, 7 (20) ноября 1914 г., № 107.

Бельгийский министр иностранных дел только что показал мне депешу бельгийского посланника в Бухаресте, в которой он доносит, на основании разговора с румынским министром иностранных дел, что, повидимому, румынское правительство начинает поддаваться влиянию Германии. По словам министра, даже если бы Болгария открыто присоединилась к Турции, объявила бы войну Сербии и Греции, — для Румынии нет основания отказаться от нейтралитета, и лишь прямое нападение Болгарии на Румынию могло бы заставить последнюю взяться за оружие. Между тем, Румыния связана с Сербией соглашением, на основании коего она обязана прийти на помощь последней в случае нападения со стороны Болгарии. Повидимому, румынское правительство не придает этому соглашению никакого значения. Цель Румынии овладеть Трансильванией и Буковиной, не принося жертв. Для достижения этой цели она намерена выжидать момента, когда австро-германские армии будут истощены, и Румынии возможно будет занять Трансильванию и Буковину без боя и с наименьшими расходами. Очевидно, что кабинет Братиано желает выждать тот момент, когда Болгария, если у последней существует обязательство к Германии и Австрии, в силу обстоятельств не будет в состоянии заявить каких бы то ни было требований. Если бы Румыния ныне же приняла активное участие в конфликте, ей пришлось бы заручиться Болгарией, которая вслед засим потребовала бы в виде компенсации и возвращения Добруджи. Братиано избегает всяких разговоров с болгарским правительством, и этим отчасти объясняется отсутствие из Софии румынского посланника с самого начала войны. Говоря о Добрудже, министр иностранных дел заявил, что эта область могла бы быть возвращена Болгарии лишь в случае уступки Россиею Бессарабии.

В заключение посланник замечает, что вообще образ мыслей правительства не разделяется народом, симпатии коего скорее склоняются в сторону держав Тройственного Согласия и, в особенности, Франции, между тем как румынское правительство, в лице Братиано, остается привязанным к германофильской политике. На немецкую пропаганду германский посланник в Бухаресте тратит большие деньги. Не будучи в состоянии подкупать зажиточные классы, он закупает у земледельцев продукты по высоким ценам и тем старается приобрести их расположение. Во всяком случае Бушу удалось добиться того, что в народе все более и более замечается возрастающее равнодушие к тем обстоятельствам настоящей кампании, которые еще так недавно вызывали восторг населения.

Кудашев.

52.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

19 ноября (2 декабря) 1914 г., № 421 (а).

В продолжительной беседе с Братиано я исчерпал все имеющиеся в моем распоряжении доводы, чтобы побудить Румынию к немедленному выступлению на помощь Сербии. В ответ Братиано лишь твердил, что война на двух фронтах являлась бы авантюрой для недостаточно подготовленной в военном отношении Румынии. Он высказал сожаление по поводу неуступчивости Сербии и Греции и находит, что им следовало бы согласиться даже на оккупацию Болгарией части Сербской Македонии, теперь же с каждым днем уменьшается возможность рассчитывать на Болгарию, коей тесные отношения с Австрией становятся все более очевидными. Братиано также опасается, что из-за недостатка снарядов и патронов Румыния могла бы после двух месяцев войны очутиться в столь же безвыходном положении, как ныне Сербия. На мои доводы о том, что занятием австрийцами сербского побережья Дуная Румыния навсегда может лишиться возможности пополнить свои запасы аммуниции, Братиано не мог ничего возразить, а лишь заметил, что Румынии легче весной пробить себе свободный доступ к Салоникам, чем ныне рисковать войной. Он при этом постоянно повторял о необходимости участвовать со стороны Сербии и Греции, дабы обеспечить им противодействие Болгарии. В течение последних дней я и мои французский и английский коллеги непрестанно виделись с другими членами кабинета и представителями оппозиции. Все они понимают серьезность положения и обещают воздействовать на Братиано, однако ключ положения находится в руках последнего, и он, повидимому, твердо решил воздержаться при нынешней коньюнктуре от активного выступления.

Поклевский.

53.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

19 ноября (2-декабря) 1914 г., № 4080.

Я вызвал вчера Диаманди и указал ему на угрожающую Сербии опасность, подчеркнул значение помощи, которую Румыния могла бы

оказать Сербии, выступив немедленно против Австрии. Я добавил, что лично не могу придавать никакого значения объяснениям, которыми бухарестский кабинет пытается оправдать свое бездействие. Мне трудно поверить, чтобы Румыния, принимавшая последние годы столь близкое участие в балканских делах, не успела своевременно озаботиться приведением армии в боеспособность. Выступление Румынии не может уже быть полезным России, и нам ее участие в войне не представляет прямого интереса. Но таковое могло бы еще спасти от разгрома ее же союзниц и тем оградить себя от грядущей беды.

Сазонов.

54.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

25 ноября (2 декабря) 1914 г., № 4172.

Сообщается поверенному в делах в Сербии.

Ваша телеграмма № 421 получена.

Я вполне разделяю высказанную Братиано мысль, что «соглашение между балканскими государствами более всего соответствовало бы интересам Тройственного Согласия». Не может встретить возражений его заявление, что «для привлечения Болгарии необходимы обещания ей серьезных преимуществ, которые державам следовало бы за нею обеспечить». В виду этого вам следует с сочувствием принять к сведению готовность Братиано приложить все старания для содействия общему согласию на Балканах. Державы имели право рассчитывать на таковую после того, как Братиано сказал вам о готовности Румынии пойти на некоторые жертвы и подтвердил это ныне турецкому *(пропуск)*. Безотлагательное принесение этих жертв, в виде территориальных уступок в Новой Добрудже, облегчило бы направленную к восстановлению балканского блока деятельность держав, предпринятую пока в Нише. Общественное мнение Румынии в предвидении получения вознаграждений за эти жертвы в Трансильвании за счет Австро-Венгрии легче всего примирится с отказом от областей, не представляющих к тому же для Румынии значения ни с военной, ни с национальной точек зрения. — Пример, данный Румынией, сделает сербов более уступчивыми и позволит державам найти выход из нынешнего тупика. Для этого желательно получение вами согласия Братиано на то, чтобы Трубецкой мог о точке зрения Братиано поведать Пашичу *(пропуск)*.

Сазонов.

55.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

29 ноября (12 декабря) 1914 г., № 449.

Ваша телеграмма № 4172 получена.

Копия в Ниш.

Как я доносил, Братиано всегда считал, что только территориальные уступки в Македонии могут привлечь Болгарию на сторону держав

Тройственного Согласия и что уступки в Новой Добрудже имеют лишь второстепенное для Болгарии значение. Поэтому Братиано согласился в принципе на уступки лишь для содействия общему согласию на Балканах и только после того, как державам Тройственного Согласия удастся путем других обещаний склонить Болгарию к активному выступлению на их стороне. Братиано также всегда считал, что нейтралитет Болгарии недостаточно обеспечивает Румынию, а потому она готова сделать некоторые уступки Болгарии только в случае ее активной кооперации с нами, а не за ее нейтралитет. В виду вышеизложенного, я уверен, что румынское правительство не согласится взять на себя инициативу уступок Болгарии, не зная вперед, к каким положительным результатам это может привести, тем более, что готовность Румынии пока итти на такие уступки уже известна в Нише, Афинах и даже в Софии, а потому она может учитываться, в указанных выше рамках, на будущих переговорах о соглашении с Болгарией. В виду всего этого, мои французский и английский коллеги и я думаем, что нам не следовало бы предлагать румынскому правительству сделать немедленно уступки Болгарии и даже лучше было бы вообще пока официально не касаться этого вопроса. Такое наше предложение могло бы тоже быть здесь истолковано, как желание трех правительств теперь же скомпрометировать румынское правительство, а это могло бы произвести на последнее нежелательное впечатление.

Поклевский.

56.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

30 ноября (13 декабря) 1914 г., № 4269.

Сообщается в Лондон и в Ниш.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 4172.

Великобританский посол сообщил мне, что великобританскому посланнику в Бухаресте предписано действовать в данном вопросе совместно с вами и французским коллегою. Почин Румынии должен иметь самые благотворные последствия, облегчив воссоздание балканского блока. По сложившейся обстановке таковое естественно обусловлено уступками не только со стороны Румынии, но и Сербии.

Сазонов.

57.

Секретная телеграмма посланника в Сербии.

1 (14) декабря 1914 г., № 118.

Ссылаюсь на ваш № 4172 и на № Поклевского 449. Копия в Бухарест.

Разделяя мнение нашего посланника в Бухаресте о невозможности склонить Румынию к немедленным уступкам Болгарии, считал бы крайне существенным, если бы, согласно высказанному в вашей телеграмме пожеланию, Братиано дал согласие на то, чтобы я с уверенностью мог

сказать Пашичу, что, если Сербия согласится на договорную границу, Румыния, в свою очередь, согласится на определенную земельную уступку, по возможности, обозначив ее пределы. При этом, раз от Сербии требуется значительная жертва, то желательно, чтобы и Румыния сразу широко определила размер своей уступки во избежание потери времени из-за торга. Равным образом было бы важно получить хотя бы условное обещание Братиано, что если Болгария выступит, Румыния одновременно также выступит. Зная, как опасливо относится Братиано к возможности скомпрометироваться здесь, не будучи уверенным в результате переговоров, полагаю, что его колебания могли бы быть ослаблены, если бы согласие его на уступки и на условное выступление было доверительно сообщено Пашичу, не прямо им самим, а через наше посредство.

Трубецкой.

58.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте

3 (16) декабря 1914 г., № 4302.

Сообщается в Ниш, Париж и Лондон.

Ваша телеграмма № 449 получена.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 4172.

С точки зрения выгод России, военное выступление Болгарии может быть наиболее полезным, если оно будет направлено против Турции. Оно будет, однако, своевременным только, когда русские войска высадятся на Балканском полуострове. В виду этого ближайшею задачей наших нынешних стараний является воссоздание балканского блока. В достаточной мере выяснилось, что без его существования ни Греция, ни Румыния не решатся вести войну. Образование же этого блока недостижимо без территориальных вознаграждений Болгарии, главным образом, в Македонии. Поэтому содействие Румынии в этом вопросе представляется особенно ценным, так как ей легче всего удастся повлиять на сербов, раз она сама готова итти на известные земельные уступки, в целях возобновления союза балканских государств. Не подлежит сомнению, что немедленное возвращение Болгарии части Новой Добруджи послужило бы наиболее убедительным примером для Сербии. Так как подобное решение румынского правительства представляется ныне еще недостижимым, то было бы уже весьма полезным убедить Братиано вступить, по крайней мере, с Пашичем в переговоры для установления между собою соглашения на почве одновременной уступки территорий Болгарии. Следующим затем шагом была бы выработка Сербиею и Румыниею, совместно с Болгариею, условий передачи последней сказанных земель. Привлечение к союзу Греции должно последовать уже тогда, когда названные три государства придут между собою к соглашению. Если бы Братиано не пожелал взять на себя почин вступления в непосредственные сношения с сербским правительством, то представители Держав Согласия могли бы о намерениях румынского правительства доверительно довести до сведения Пашича.

Сазонов.

59.

Секретная телеграмма посланника в Бельгии.

Гавр, 5 (18) декабря 1914 г., № 112.

Сегодня меня посетил генеральный секретарь министерства иностранных дел и дал мне доверительно прочесть донесение бельгийского посланника в Бухаресте, который приводит свой разговор с Таке-Ионеско и Филиппеско. По словам последних, Италия окончит мобилизацию в феврале и выступит в марте против Германии и Австро-Венгрии, в надежде присоединить Трентин, Далмацию, Албанию и Фиуме. Румынский король, по словам Филиппеско, все еще убежден в окончательном торжестве Германии, однако, он не противится единодушному стремлению общественного мнения. Все политические партии стоят за выступление не позже февраля, с целью осуществить национальное объединение за счет Австрии.

Кудашев.

60.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

28 декабря (10 января) 1914 г., № 4934.

Я сказал сегодня Диаманди, что поведение румынского правительства представляется весьма загадочным. Все надежды румын на осуществление национального идеала в Трансильвании основаны исключительно на нашей войне с Австрией. Между тем, с одной стороны, и в печати и даже в румынских военных кругах идет непрестанно речь о приготовлениях к выступлению против Австрии; с другой же стороны, до меня доходят заверения, что Румыния не решится объявить войну и что она вступает в какую-то лигу нейтральных государств, направленную против господства славянства на Балканах. Заключенное с Румынией соглашение обязывает Братиано быть с нами откровеннее, и мне было бы весьма ценно получить от него вполне определенные объяснения касательно ближайших его намерений.

Благоволите переговорить по содержанию настоящей телеграммы и срочно телеграфировать.

Сазонов.

1915 г.

61.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

2 (15) января 1915 г., № 8.

Получил вашу телеграмму № 4934.

Я объяснился в указанном мне смысле с Братиано, который указал мне, что вскоре после начала войны он, вопреки мнению некоторых здешних государственных деятелей, стал искать почву для сближения

с Россией и заключил таковое единственно с нами, без дополнительной гарантии Франции и Англии, так как он считает, что для Румынии исключительное значение имеют отношения с Россией; теперь он деятельно подвигает военные и дипломатические приготовления Румынии для скорейшего осуществления этого соглашения. Никаких переговоров о вступлении в лигу нейтральных государств он не ведет, и он думает, что мы не можем поставить ему в вину его желание сблизиться с Италией с целью совместно с нею выступить на нашей стороне. Одно правительство, которое Братиано не назвал, хотело выяснить его точку зрения в вопросе о проливах, но он отказался дать какой-либо ответ под предлогом, что решение этого вопроса еще не назрело и что вообще никто еще не предлагает для него какой-либо определенной формулы. Братиано также считал, что политика Румынии по отношению к Болгарии хорошо известна императорскому правительству и что она дала уже некоторые осязательные плоды. Он только просит, чтобы мы ускорили соглашение между Сербией и Болгарией, так как у него имеются сведения о том, что вскоре возобновится деятельность болгаро-македонских банд вдоль железной дороги Салоники—Ниш. Ему также известно, что за последние дни по австрийским железным дорогам идет усиленная перевозка войск в сторону Сербии и Буковины. В заключение Братиано просил ваше высокопревосходительство продолжать оказывать ему доверие.

Поклевский.

62.

Секретная телеграмма посланника в Бельгии.

Гавр, 9 (22) января 1915 г., № 2.

Из заслуживающего доверия источника здесь получены сведения, что Румыния ведет переговоры для заключения румыно-греко-болгарского союза, в целях противодействовать России и Сербии. Союз этот не может повлиять на ожидаемое выступление Румынии против Австро-Венгрии и должен сыграть роль после войны в видах предупреждения славянской опасности на случай занятия Россией Константинополя и проливов. По слухам, Греция еще не высказалась, но, подозревая существование внушенного Италией соглашения между Румынией и Болгарией, опасается, в виду возможного раздела Турции, что ее интересы не будут приняты во внимание, если она не будет участницей соглашения.

Кудашев.

63.

Секретная телеграмма болгарского посланника в Бухаресте Радева болгарскому посланнику в Петрограде Маджарову [1]).

28 января (10 февраля) 1915 г., № 112 [1]).

Для сведения.

Между Румынией и Австрией произошел на этих днях весьма характерный инцидент.

[1]) Перевод с болгарского. Дешифрант.

На запрос Братиано относительно цели концентрации войск в Венгрии Чернин ответил, что *(пропуск)* подозревать, что не только приготовляется новое нашествие на Сербию, но и производится одновременно военная демонстрация против Румынии.

Осведомленная об этом двусмысленном ответе часть министров, во главе с министром финансов, сочла это вызовом и настояла на немедленном призыве нескольких наборов запасных.

Братиано не согласился на эту меру, но заявил германскому посланнику, что его положение в кабинете может стать критическим, если не последует удовлетворительного объяснения со стороны Австрии. Фон-Буш немедленно заявил в самой категорической форме, что упомянутая концентрация войск направлена единственно против государств, воюющих с Германией и Австрией, что же касается самой Румынии, то она не должна видеть в этом никакой причины для беспокойства.

Братиано сказал, что он удовлетворен этим заявлением, но желает услышать его и от австрийского посланника. Одновременно он добавил, что для успокоения общественного мнения и во избежание интерпелляций в палате, на венгерскую границу будет отправлено несколько дружин, вероятно, три.

После этого Братиано от себя, не будучи вызван на подобный разговор, просил германского посланника телеграфировать в Берлин, что Румыния не имеет *(пропуск)* выступить против Австрии и Германии.

Еще написал своему правительству следующее:

«Братиано обманет или нас или Тройственное Согласие, но более вероятно, что Тройственное Согласие окажется обманутым».

Я сказал своему германскому коллеге, что тот, кто будет *(пропуск)* будет обманут Братиано.

64.

Секретная телеграмма болгарского посланника в Петрограде Маджарова министру иностранных дел Радославову [1]).

18 февраля (3 марта) 1915 г., № 145.

Политическое условие румынского займа в Лондоне заключается в том, чтобы он не был употреблен на цели, противные интересам Англии и ее союзников. Заверяю вас, что Румыния на стороне Тройственного Согласия. Однако, она примет участие в войне: или,— когда Россия отправит достаточное количество войск в Буковину, или,— когда Италия окажет поддержку, или, — когда войдет в соглашение с Болгарией. Если Болгария выкажет намерение стать на сторону Тройственного Согласия, Румыния обяжется уступить нам принадлежавшую нам часть Добруджи взамен своих приобретений в Трансильвании. Приезд Поклевского имеет целью ослабить до некоторой степени неприятное настроение, созданное русскою прессою по поводу того, что Румыния запаздывает принять участие в войне. Поклевский и ныне разделяет оптимистические убеждения, что Румыния на стороне Тройственного Согласия и что она выступит, как только осуществится какая-либо из трех вышеуказанных комбинаций. Со

---

[1]) Перевод с болгарского. Дешифрант.

стороны России Румынии не обещано никаких компенсаций, а если что и обещано Тройственным Согласием, то Трансильвания, которую Румыния получит, если примет участие в войне. В недалеком будущем мы услышим о важных военных приготовлениях, и войска будут размещены в Румынии. Здесь недовольны новым официозным заявлением Италии о вмешательстве в неопределенном будущем.

65.

Секретная телеграмма японского посла в Петрограде барона Мотоно министру иностранных дел барону Като [1]).

6 (19) марта 1915 г.

Наш посол в Париже телеграфирует:

«Содержание разговора, который я имел с румынским посланником 18 марта:

Румыния некоторое время тому назад вследствие родственных связей королевского дома придерживалась дружественного Тройственному Союзу нейтралитета и даже намеревалась пойти еще дальше, но, так как война приняла сверх ожидания благоприятный оборот, расположение к державам Тройственного Согласия и требование присоединения Трансильвании постепенно усилились, а с вступлением на престол нового короля это течение стало, наконец, преобладающим. Причины, по которым Румыния до сих пор не начала войны, заключаются, во-первых, в необходимости убедиться, в состоянии ли русская армия выдержать натиск германской армии, и, во-вторых, в необходимости выждать пополнения военных материалов, заказанных в России (начальник политического бюро мне конфиденциально сообщил, что военные материалы Румынии должны быть готовы приблизительно в *(пропуск)*.

Теперь русская армия уже имела возможность показать свои качества. Вообще, Румыния в течение 4 лет с Балканской войны три раза вследствие закрытия Дарданелл была принуждена снабжать Тройственный Союз хлебом. Торговля Румынии, которая вследствие закрытия Дарданелл значительно сократилась, дошла до такого состояния, что ей непременно нужно вмешательство в войну. С успешным ходом действий против Дарданелл стало ясным, что и Болгария склоняется скорее на сторону Тройственного Согласия и ни в коем случае не перейдет на сторону Германии и Австрии.

По поводу вопроса о проливах и Константинополе румынский посланник высказался в смысле моей телеграммы за № 37, № 679».

66.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

9 (21) апреля 1915 г., № 234.

Лично.

Весьма секретно.

Диаманди выедет в Петроград из Унген в воскресенье или понедельник. Ему поручено заверить ваше высокопревосходительство в том,

[1]) Перевод с японского. Дешифрант.

*

что Румыния выступит в самом непродолжительном времени и что, по сведениям Братиано, Италия намерена сделать то же самое. Кроме того, на Диаманди возложено договориться с вашим высокопревосходительством относительно точных границ будущей Румынии, при чем окончательные инструкции по этому вопросу будут посланы ему через несколько дней. Лично предполагаю, что румыны будут просить у нас линию Прута в Буковине и, может-быть, весь Банат, но точных сведений об этом не имею. Диаманди заявит вам, что вслед за соглашением по этому вопросу в ставку выедет офицер румынского генерального штаба для заключения военного соглашения о немедленном выступлении Румынии. Все эти данные имею пока лишь от Диаманди. Из них явствует, что Братиано желал бы заключить с нами соглашение на основании первых наших предложений Румынии, которые предполагали не одно лишь занятие Румынией Трансильвании, но военную кооперацию ее с нами и составление географической карты с точным обозначением будущих приобретений Румынии.

Поклевский.

67.

Секретная телеграмма французского посланника в Бухаресте Блонделя министру иностранных дел Делькассе [1]).

10 (23) апреля 1915 г., № 183.

Если Россия, аппетиты которой увеличиваются, так как она считает свою победу довольно близкой, останется непреклонной и не поймет, что для того, чтобы изгладить воспоминания 1878 г. и побудить Румынию к выступлению на стороне Тройственного Согласия, что могло бы повлечь за собой всеобщее охлаждение всех нейтральных стран к Германии и Австрии, ей надлежало бы проявить больше миролюбия, — она совершит ошибку, которая будет важнее совершенной ею в сентябре прошлого года. Я имею основания предполагать, что это, в сущности, решение г. Сазонова, так как русский министр сказал мне вчера, что он вполне мог бы ответить г. Братиано: не решившаяся выступить Румыния не должна была бы теперь проявлять себя столь несговорчивой, так так прекрасно можно было бы обойтись без нее.

Подобный ответ, если он действительно имел место, мог бы повлечь за собой важные последствия и, как я и заметил моему коллеге, он был бы несправедлив. Поскольку мне известно, г. Сазонов сам предоставил румынам полную свободу относительно выбора момента для вступления в войну. Поэтому, предоставляя России самой договориться с Румынией, мы все же должны настаивать на *(пропуск)* и на необходимости проявлять по отношению к Румынии предупредительность и миролюбие.

От ее теперешней позиции зависит содействие румынской армии.

Это последнее решение, которым король и г. Братиано были бы довольны и которое для России знаменовало бы победу, явилось бы в то же время таким успехом нашей румынской политики, который был бы способен изгладить последствия воспоминаний о 1878 г.

---

[1]) Перевод с французского. Дешифрант.

68.

Секретная телеграмма товарища министра иностранных дел послу в Париже.

17 (30) апреля 1915 г., № 1978.

Сообщается в Лондон.

Вернувшийся сюда румынский посланник еще не мог видеть министра, уехавшего на три дня из Петрограда, но сообщил французскому послу те требования, которыми Румыния намерена обусловить свое выступление, прибавив, что, по словам Братиано, Палеологу будет предписано поддержать таковые перед импер. правительством. Признав означенные требования чрезмерными, посол выразил сомнение, чтобы ему, как представителю союзницы России, могло быть поручено поддержать здесь подобные домогательства государства, до сих пор не принявшего участия в войне. С своей стороны, прошу вас сказать Делькассе, что, если, отступая от этнографического начала, Румыния будет настаивать на приобретении почти всей Буковины в ущерб русским интересам и всего Баната за счет сербов, то соглашение на такой почве может встретить непреодолимые затруднения. Поэтому я надеюсь, что союзные правительства не только не поддержат Румынии в указанном направлении, но дадут понять в Бухаресте, что, если там действительно желают договориться с нами, необходимо умерить свои ничем не оправданные вожделения.

Нератов.

69.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

18 апреля (1 мая) 1915 г., № 251.

Братиано был у меня лично сегодня и сообщил следующее. С самого начала общеевропейской войны он не только твердо решил не подымать оружия против Тройственного Согласия, но, наоборот, всеми доступными румынской дипломатии средствами старался создать обстановку, которая ускорила бы возможность активного выступления Румынии на нашей стороне. Окончательное выяснение намерений Италии позволяет и румынскому правительству принять в ближайшем будущем участие в войне, но совет министров желал бы предварительно точно определить посредством переговоров с императорским правительством границы будущих приобретений Румынии, а также заключить с нами военную конвенцию, которая, между прочим, предусматривала бы и вопрос о дальнейшем снабжении румынской армии военными припасами. Пожелание румынского правительства относительно будущей границы следующее: на юге она определяется Дунаем до устья Тиссы и по последней идет до пункта на 15 километров выше Сегедина, а отсюда, минуя Дебречин, направляется до впадения Сомеша в Тиссу, далее по водоразделу последней до границы Галиции, по которой она будет следовать до Буковины и по границе последней до Прута, который

румынское правительство желало бы иметь окончательной границей между Россией и Румынией. Я заявил Братиано, что такая граница нарушила бы принцип национальности в трех местах, а именно в Буковине, в Банате и в Угорской Руси.

Братиано ответил, что он готов пойти на уступки относительно Угорской Руси, но что румынское правительство придает первостепенное значение границе Прута и Тиссы в Банате и что, в случае нашего отказа от предоставления Румынии линии этих рек, он лично не возьмет ответственности за участие Румынии в войне и предпочтет сохранить нейтралитет до ее окончания. Относительно момента выступления Румынии Братиано высказал свое личное мнение, что таковое должно быть определено военной конвенцией и что, в случае быстрого окончания предстоящих переговоров, оно могло бы приблизительно совпасть со сроком, обусловленным Италией. В продолжительном разговоре я, конечно, не преминул высказать Братиано свое личное мнение о чрезмерности румынских требований и о необходимости точного определения срока для активного выступления Румынии. Каков бы ни был по существу наш ответ на румынские предложения, я считал бы весьма желательным, чтобы он носил примирительный характер и чтобы я был возможно скорее осведомлен о тех уступках, которые мы сочли бы возможным сделать, дабы ускорить выступление Румынии. Подобный ответ дал бы нам возможность и впредь пользоваться для воздействия на Братиано здешним общественным мнением, на которое произведет также огромное впечатление решение Италии. Другого же характера ответ может быть не без успеха использован Братиано с целью охлаждения здешнего общественного мнения к немедленному выступлению Румынии.

Поклевский.

70.

Секретная телеграмма посла в Париже.

18 апреля (1 мая) 1915 г., № 265.

Копия в Лондон.

Получил № 1978.

Сообщил ее содержание министру иностранных дел, который был уже осведомлен Палеологом о разговоре его с румынским посланником. Делькассе сказал мне, что, само собой разумеется, он не преминет преподать румынскому правительству совет быть более умеренным в своих вожделениях.

Извольский.

71.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне.

19 апреля (2 мая) 1915 г., № 2010.

С согласия Англии и Франции, я принимаю на себя ведение переговоров с Румынией об условиях ее выступления с нами против Австрии и Германии и не премину постоянно осведомлять наших

союзников о ходе этих переговоров. Одушевленный желанием привлечь Румынию на нашу сторону, я готов отнестись очень внимательно к справедливым ее притязаниям, но надеюсь найти у наших союзников твердую поддержку при отклонении тех из румынских требований, которые явятся для нас неприемлемыми.

Сазонов.

72.

Телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне, посланнику в Бухаресте.

20 апреля (3 мая) 1915 г., № 2040.

Сегодня я впервые виделся с Диаманди, который наметил следующие земельные приращения, которые Румыния желала бы получить за выступление вместе с нами против Австро-Венгрии: Буковину до Прута, Трансильванию, Банат до Тиссы и часть Венгрии по линии от Сегедина до слияния Самоша с Тиссой и далее по Карпатам до Буковины. Я ответил, что подобные притязания неприемлемы, так как мы не можем согласиться ни на отдачу под власть Румынии русского населения Буковины и Угорщины, ни на допущение румын к самому Белграду, для которого они могут стать не меньшей угрозой, нежели до сих пор были австрийцы. На этом пока кончился наш первый разговор, носивший, впрочем, вполне дружелюбный оттенок.

Сазонов.

73.

Секретная телеграмма верховного главнокомандующего товарищу министра иностранных дел Нератову.

20 апреля (3 мая) 1915 г., № 211.

Не имея известий из министерства иностранных дел о том, что привез Диаманди, я, основываясь на частных сведениях, которые гласят о каких-то чрезмерных требованиях Румынии и ее кичливом тоне, считаю нужным высказать министру иностранных дел свой взгляд с военной точки зрения. Выступление Италии дает нам такой существенный плюс, что выступление Румынии получает второстепенное значение. Вследствие этого я считаю, что надо ей дать понять, что ее выступление может быть допущено, но что, очевидно, ее вожделения чрезмерны и совершенно неприемлемы. Раз Румыния свое предложение о выступлении сделала даже позже подписания договора с Италией, то следует этим воспользоваться для исправления будущей границы за-Карпатской Руси, Буковины и Венгрии и в полном согласовании со стратегическими основаниями, изложенными в моей записке, имеющейся в министерстве. Глубоко уверен, что при твердости, вполне оправдываемой обстановкой, Румыния будет вынуждена самим ходом дел примкнуть к нам, удовольствуясь тем, что мы ей дадим, тем более, что, насколько мне известно, Англия и Франция своих требований не предъявят, а всецело поддержат наши.

Генерал-адъютант Николай.

74.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

21 апреля (4 мая) 1915 г., № 261.

Братиано сегодня заявил здешнему французскому посланнику, что если мы не согласимся дать Румынии линию Прута и Тиссы до Сегедина, то Румыния не примет участия в войне, и никакая сила в мире не заставит Братиано согласиться на активное выступление его отечества. Он прибавил, что, в случае принятия румынских требований, он готов обещать выступить около 15 мая старого стиля.

Лично думаю, что румынское правительство пойдет на уступки в Угорщине и, вероятно, согласится оставить сербам небольшую полосу Баната, вдоль Дуная, для обеспечения обороны Белграда. Я также склонен думать, что непримиримость Братиано поддерживается в нем и королем, который в душе не может сочувствовать выступлению Румынии и, повидимому, старается его отсрочить. Кроме того, несомненно, что здешнее общественное мнение будет приветствовать согласие наше на линию Прута, как компенсацию за Берлинский трактат, и будет склонно, по крайней мере теперь, смотреть на реку Прут, как на окончательную границу между Россией и Румынией. В виду вышеизложенного, я опасаюсь, что в вопросе о Пруте общественное мнение станет на сторону Братиано и что неуспех нынешних переговоров сделает искреннюю кооперацию обоих государств во время нынешней войны чрезвычайно трудной, а это в свою очередь может предрешить в неблагоприятном смысле и их будущие отношения, по заключении мира.

Поклевский.

75.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

22 апреля (5 мая) 1915 г., № 2083.

Ваша телеграмма № 261 получена.

О принятии нами линии Прута речи быть не может. Разграничение Буковины должно быть произведено, как было условлено 18 сентября, на основании этнографического начала с допущением лишь поправок путем взаимного обмена небольшими участками для лучшего очертания границы. Русское население Угорщины также не может быть отдано Румынии. В Банате нельзя согласиться на удовлетворение тех притязаний румын, которые явно нарушают законные интересы сербов. Поэтому, если Братиано будет настаивать на означенных неприемлемых требованиях, нам не удастся прийти к соглашению, тем более, что Франция и Англия вполне разделяют наши взгляды, а с военной точки зрения верховный главнокомандующий уже не придает теперь румынскому выступлению прежнего значения. Вышеизложенное передается вам не для передачи Братиано, а для вашего личного руководства в беседах с ним.

Сазонов.

76.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Париже.

24 апреля (7 мая) 1915 г., № 2126.

По имеющимся сведениям, Титтони телеграфировал в Рим и сказал румынскому посланнику в Париже, будто Делькассе считает справедливым, чтобы Россия сделала Румынии уступки в Буковине взамен уступок, которые Румыния могла бы сделать Сербии в Банате. Сомневаюсь, чтобы Делькассе действительно мог высказаться в этом смысле, так как французскому правительству известно, что в Буковине Россия ничего другого не требует, как возможно полного проведения этнографического начала, и что поэтому нельзя говорить о каких-либо уступках в этой области. Между тем утверждения Титтони способны вызвать в Бухаресте надежду добиться при поддержке Франции значительных приращений в Буковине за счет русской народности. Поэтому желательно, чтобы Делькассе при первой возможности рассеял создавшееся словами Титтони впечатление, которое может лишь укрепить Братиано в его упорстве.

Сазонов.

77.

Секретная телеграмма посла в Париже.

26 апреля (9 мая) 1915 г., № 300.

Получил № 2126.

Ознакомил с ее содержанием Делькассе, который сказал мне самым положительным образом, что он никогда и ни перед кем не высказывался в указанном здешним итальянским послом смысле и что он не преминет сделать все, чтобы рассеять создавшееся вследствие слов Титтони впечатление. Вам, впрочем, известно содержание инструкций, данных им французскому посланнику в Бухаресте. По последним полученным оттуда известиям, Братиано громко жалуется на недостаток поддержки со стороны Франции, что служит лучшим опровержением уверений Титтони.

Извольский.

78.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

19 апреля (12 мая) 1915 г., № 274.

Костинеско выразил мне сегодня глубокое свое разочарование по поводу нежелания русского правительства отдать Румынии Черновцы, с которыми Румынию связывает историческое и национальное прошлое и где имеет пребывание румынский митрополит. По его мнению, желая быть справедливым, границу можно было бы провести от Бессарабии, по Пруту и вслед за Черновцами, оставляя этот город Румынии, повести

ее на юго-запад, предоставляя России проживающих здесь подле границы Галиции русин. Вышеизложенное Костинеско высказал исключительно, как личное свое мнение.

Поклевский.

79.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

30 апреля (13 мая) 1915 г., № 277.

Получил ваш № 2204.

Братиано никаких признаков уступчивости не проявляет и третьего дня вновь повторил французскому посланнику, что Румыния не выступит, если ей не будут гарантированы просимые ею границы. До меня дошло сведение, что императорское правительство желало бы предоставить дистрикт Торонталя Сербии и провести границу в Буковине между Серетом и Сучавой. Позволю себе высказать мое откровенное мнение, что подобное наше контр-предложение сделает выступление Румынии невозможным и может даже вызвать в здешнем общественном мнении антирусские чувства, а потому, если мы не придаем значения военной кооперации Румынии, то нам лучше было бы в общих выражениях отклонить румынские требования, признав их неприемлемыми. С другой стороны, если бы мы предоставили Сербии лишь прилегающий к Дунаю и населенный сербами Панчевский дистрикт или одну треть Торонтальского дистрикта и согласились провести границу в Буковине приблизительно, как предлагал Костинеско, то положение Братиано сделалось бы весьма трудным, так как мы имели бы на нашей стороне всех здешних благоразумных государственных деятелей и общественное мнение, и много шансов за то, что нам удалось бы тогда сломить упорство Братиано. Во всяком случае возможно скорый ответ крайне желателен.

Поклевский.

80.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

1 (14) мая 1915 г., № 2231.

Текст памятной записки от 1 мая, которая должна быть вручена румынскому правительству [1]).

«По распоряжению своего правительства румынский посланник в Петрограде заявил министру иностранных дел о том, что, желая присоединиться к России и ее союзницам, Румыния готова выступить против Австро-Венгрии, как только державы гарантируют ей приобретение желательных для нее австро-венгерских территорий.

Г. Сазонов принял это заявление с искренним удовлетворением, потому что всегда считал, что тесное единение между Россией и Румы-

---

[1]) Перевод с французского.

нией вполне отвечает интересам обоих соседних государств и что сотрудничество русской и румынской армий должно, как нельзя лучше, укрепить связывающие оба народа узы дружбы. Он определенно сказал при этом Диаманди, что Россия и союзники ценят высказанные Румынией намерения и не преминут, с своей стороны, проявить доброжелательное отношение к желанию румынского народа присоединить к королевству живущих в Австро-Венгрии единоплеменников.

Впрочем, Румыния уже имела доказательства добрых чувств со стороны Франции и Англии,—первая помогает ей вооружаться, а вторая предоставила ей заем на лондонском рынке. Россия, с своей стороны, проявила свое дружеское расположение, подписав с Румынией 18 сентября (1 октября) 1914 г. соглашение [1]), коим устанавливался принцип, на основании которого должно быть урегулировано аннексирование договаривавшимися державами австро-венгерских территорий.

Придерживаясь этого соглашения, в силу которого разграничение вышеупомянутых территорий должно основываться на принципе этнографического большинства, императорское правительство считает нужным наметить следующую линию, которая за исключением некоторых мелких поправок могла бы в общем определить будущие приобретения Румынии.

Исходя от нынешней границы Румынии близ Ботушаницы, линия эта доходила бы к северу от Гадика до Сучавы, следовала бы затем вверх по течению этой реки до Шипота, откуда прошла бы почти прямо до настоящей границы Трансильвании к югу от Барзы. Следуя дальше вдоль этой границы до Гуттика, демаркационная линия направилась бы затем к западу, проходя немного южнее Над-Бании и затем, дойдя до Самеша, пошла бы прямо к северо-западу на Тиссу—Ужлак; затем вдоль этой Тиссы до Вазараса-Намени. Отсюда будущая граница Румынии шла бы по линии, указанной г. Диаманди в записке, которую он вручил г. Сазонову, т.-е. до впадения Мароша в Тиссу. Оттуда она должна была бы пройти по Марошу приблизительно до Печки, а затем направиться на юго-восток, оставив Темешвар и Белую-Церковь в Сербии, и достигнув затем близ Базиаса Дуная, спуститься по этой реке до нынешней границы Румынии.

Проведенная таким образом линия охватывает обширную территорию, в состав которой входят все местности, где румынское население составляет большинство, и даже, сверх того, некоторые части, населенные преимущественно другими национальностями, которые, тем не менее, державы готовы включить в предназначенную Румынии часть, для того, чтобы придать границе более удобные очертания.

Г. Сазонов надеется, что румынский народ, в котором так развито национальное чувство, с своей стороны, лучше, чем кто-либо другой, поймет, что Россия и Сербия нравственно обязаны оставить за собой территорию, где их соплеменники составляют большинство населения, как это имеет место в южной Буковине и в западном Банате.

Англия, Франция и Россия единодушны в своем стремлении возможно скорее прийти к соглашению с румынским правительством на указанных основаниях и желают доказать одушевляющее их стремление сговориться,

---

[1]) См. стр. 167.

имея в виду готовность Румынии к скорому сотрудничеству, ожидать которого после того, что говорил г. Диаманди, они хотят в самом ближайшем будущем».

Сазонов [1]).

81

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

1 (14) мая 1915 г., № 2235.

Сообщается в Париж и Лондон.

За № 2231 вам сообщается текст памятной записки от сего числа, которую благоволите передать румынскому правительству в ответ на сделанные им здесь через Диаманди предложения. Как вы увидите, несмотря на почти ультимативный оттенок румынских требований, признанных нами и нашими союзниками совершенно неприемлемыми, ответ наш составлен в дружественных выражениях и примирительном духе. Предлагаемое нами разграничение отдает Румынии не только все земли с преобладающим румынским населением, но и значительные области, населенные почти сплошь венгерцами, сербами и отчасти даже русскими. Военное сотрудничество Румынии было бы несомненно встречено у нас с удовольствием, и я попрежнему придаю значение налажению между Россией и Румынией прочных добрососедских отношений, но нельзя требовать, чтобы мы для этого пожертвовали своими соплеменниками и справедливыми чаяниями союзного нам сербского народа только потому, что Братиано вздумалось широко очертить вожделения Румынии, которая еще недавно и не мечтала о подобных приращениях. Образ действий Братиано начинает внушать подозрение, что он нарочно предъявляет заведомо неприемлемые требования, чтобы сделать соглашение с нами невозможным и уклониться от войны, свалив вину за неуспех переговоров на нас. Если это предположение подтвердится, нам не остается ничего другого, как огласить то, что мы были готовы предоставить Румынии, дабы общественное мнение страны решило, прав ли был Братиано, чрезмерной притязательностью оттолкнув державы и помешав осуществлению румынских народных пожеланий.

Сазонов.

82.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

5 (18 мая) 1915 г., № 286.

Получил ваш № 2231.

Я мог только сегодня утром передать Братиано изложенную в вышеупомянутой телеграмме памятную записку, содержание коей произвело на него крайне удручающее впечатление. Во время продолжительного, вполне дружелюбного, разговора Братиано высказал следующие соображения. Предложенная нами граница отнимает у Румынии

[1]) Памятная записка была вручена Поклевским председателю румынского совета министров Братиано 5 (18) мая 1915 г.

чуть не более половины исконной румынской Буковины, и, санкционируя значительные земельные приращения к румынскому королевству, она все-таки не дает прочного размежевания между Румынией и Сербией и гарантии для спокойного существования будущей Румынии между ее двумя славянскими соседками. При этом наши новые владения в Буковине берут в тиски часть Молдавии, что породит у румын страх за их собственную нынешнюю территорию. Вообще, Братиано считает, что наш ответ как бы подтверждает мнение наших здешних недоброжелателей о том, что румынские государственные интересы приносятся нами всегда в жертву самому незначительному славянскому интересу, и усилит уже существующую здесь боязнь охвата Румынии славянскими государствами. Братиано сказал, что при этих условиях он лично доложит королю, что он не может взять на себя ответственность за объявление теперь же войны Австрии и что он предполагает со временем оккупировать австро-венгерские провинции с румынским населением, как то предоставлено Румынии соглашением ее с нами от прошлого сентября. Я заметил на это, что упомянутое соглашение заключено им лично без ведома короля, и нами без ведома наших союзников, что оно, вообще, носит чисто переходный характер к соглашению о военной кооперации и что только последнее может дать Румынии полные и совершенно бесспорные гарантии для осуществления и закрепления за Румынией ее национального идеала. Братиано выразил тут мнение, что, если бы не лойяльность его по отношению к нам и не желание вести переговоры на два фронта, то весьма возможно, что оккупирование румынских провинций Австро-Венгрии могло бы состояться даже без войны с Австрией и Германией. Я указал также Братиано, что мы и наши союзники имели полное право рассчитывать на немедленное и без всяких новых условий активное выступление Румынии, и потому здешние теперь столь чрезмерные притязания, вполне естественно, произвели на нас самое тягостное впечатление и возбудили даже сомнение относительно искренности желания Румынии принять участие в войне. Лично от себя я позволил себе добавить, что представление Братиано более умеренных контр-предложений во всяком случае рассеяло бы указанное сомнение и могло бы этим создать более благоприятную обстановку для обеспечения румынских пожеланий. Мои слова произвели на Братиано некоторое впечатление, и он стал горячо уверять меня в своем искреннем желании принять немедленное участие в общей войне, если ему удастся обеспечить спокойное существование будущей Румынии, и выражал лишь недоумение по поводу того, чем мы можем поступиться в своих требованиях, когда лишь полное их осуществление действительно гарантирует интересы Румынии. В заключение он просил передать вашему высокопревосходительству его частный ответ, что наша памятная записка его ошеломила, но что он не может отступиться от двух выставленных им условий. В течение разговора у Братиано промелькнула мысль, что он имел в виду вернуть Болгарии Добрич и что он мог бы отдать ей и Балчик, если бы Сербия, сохранив Монастырь, отказалась от своих притязаний в Банате. Братиано думает, что в случае выступления Румынии Болгария должна бы последовать ее примеру и удовольствуется тогда, вероятно, линией Вардара. Кроме того, Братиано

высказывал мне готовность, если весь Банат будет отдан Румынии, обязаться не укреплять лежащего против Белграда побережья Дуная. Точно не могу сказать, но думаю, что Братиано даст нам также и официальный ответ.

Поклевский.

83.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

6 (19) мая 1915 г., № 2320.

Сообщается в Париж и Лондон.

По поручению Делькассе, французский посол спросил меня, нельзя ли найти среднее решение между крайними требованиями румын и моим ответным предложением. При этом Палеолог указал на линию Серета в Буковине и на возможность уступки румынам северо-восточной части Торонтальского округа в Банате. Я ответил, что после моих недавних предложений слово теперь за Братиано, но что, если последний сделает мне новое предложение в намеченном смысле, я готов буду вновь доказать нашу сговорчивость и принять примирительное решение на указанной почве. Я подчеркнул однако, что непременным условием такой уступки с моей стороны будет выступление Румынии не позднее 13-го (26-го) мая.

Благоволите руководствоваться вышеизложенным в ваших переговорах с Братиано.

Сазонов.

84.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Париже.

6 (19) мая 1915 г., № 2321.

Ссылаюсь на мою телеграмму Поклевскому № 2320.

Указывая на особенное значение выступления Румынии при сложившейся ныне обстановке в Галиции и на Карпатах, Палеолог просил меня принять подсказанное Делькассе примирительное решение, согласно которому Румыния получила бы Буковину по Серет и северо-восточную часть Торонтальского округа в Банате. Чтобы снять с себя перед союзниками всякую ответственность за возможный неуспех переговоров с Румынией, я согласился на это предложение на указанных в моей телеграмме Поклевскому условиях. Было бы желательно однако, чтобы французы облегчили наше положение в Галиции усилением начатого ими наступления на их восточной границе.

Сазонов.

85.

Секретная телеграмма посла в Париже.

8 (21) мая 1915 г., № 326.

Получил ваши №№ 2320 и 2321.

Сообщил их содержание Делькассе, который подтвердил мне, что он уже предписал французскому посланнику самым энергичным образом воздействовать на румынское правительство, дабы склонить его к при-

нятию ваших условий. Он уже раз сказал мне, что считает эти условия крайне умеренными и справедливыми и надеется, что Грэй и Соннино также энергично поддержат их в Бухаресте. Что касается заключительной части вашей телеграммы № 2321, Делькассе сказал мне, что, как вам должно быть известно, генерал Жоффр уже начал энергичное наступление, увенчавшееся весьма чувствительными успехами; одним из последствий этого наступления явилось возвращение на здешний театр двух германских дивизий, направленных на наш фронт; по достоверным сведениям, германцы присылают сюда значительные подкрепления, хотя неизвестно, берут ли они их с нашего фронта или из числа новых формирований. За последние дни военные операции затихли, вследствие крайне неблагоприятной погоды, но, как только условия эти улучшатся, генерал Жоффр намерен самым энергичным образом продолжать наступление, задуманное им в широких размерах.

Извольский.

86.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

9 (22) мая 1915 г., № 291.

Получил вашу телеграмму 2320.

По поручению своего правительства здешний французский посланник сообщил сегодня Братиано, что, если румынское правительство выкажет бо́льшую примирительность в переговорах, то оно может рассчитывать на значительное улучшение границы будущей Румынии в Буковине и Банате; при этом Блондель приблизительно указал на *(пропуск)* вашим высокопревосходительством уступки. Братиано ответил, что лишь границы Прута, Тиссы и Дуная могут обеспечить будущее спокойное существование Румынии и что поэтому он не может отказаться от этих условий. Считаю долгом доложить, что Братиано конфиденциально ознакомил главных деятелей оппозиции с содержанием нашего официального ответа на румынские предложения и что все эти лица находят невозможным на этих условиях вести агитацию за немедленное выступление Румынии и выражают лишь надежду, что нами не сказано еще последнее слово. Вчера и сегодня в некоторых здешних газетах появились уже статьи о ведущихся ныне в Петрограде переговорах, при чем нам приписывается неуступчивость, которая комментируется в довольно враждебном тоне. Мои коллеги и я принимаем возможные меры воздействия на прессу, дабы помешать появлению подобных статей в румынских независимых органах печати, и широко знакомим главных общественных деятелей с готовностью России пойти в широких размерах навстречу румынским пожеланиям.

Поклевский.

87.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

30 мая (12 июня) 1915 г., № 326.

Согласно указаниям вашего высокопревосходительства, я постарался проверить сегодня у Братиано заявление Диманди о том, что

Румыния готова выступить против Австро-Венгрии через несколько дней по заключении соглашения с нами. Братиано ответил, что вслед за принятием нами его условий Румыния будет готова к немедленному выступлению, но что, как он уже указал мне 18 прошлого апреля, — моя телеграмма № 251, — точный момент такового будет установлен военной конвенцией, которая должна также определять способ кооперации наших и румынских войск и обеспечить Румынию военными припасами. Я возразил, что такая постановка вопроса ставит момент выступления Румынии в зависимость не от нынешних, а от будущих переговоров между военными, что подобные переговоры едва ли могут быть даже начаты ранее, чем срок выступления Румынии будет точно определен, и что это, наконец, противоречит не только действиям Диаманди и словам, сказанным мне третьего дня самим Братиано, но и заверениям королевы, изложенным в письме к государю императору. В конце концов Братиано заявил, что он не может точно определить срок для объявления войны Австро-Венгрии, не посоветовавшись предварительно со здешними военными, и что, если ему и удастся определить такой срок, то он по необходимости должен быть максимальным в смысле отсрочки, между тем как предоставление решения этого вопроса военной конвенции повело бы, по его мнению, к более скорому выступлению Румынии. Во всяком случае он обещал дать ответ в будущую среду. Я на этом закончил свой разговор с Братиано, ни одним словом не намекнув ему на возможность каких-либо дальнейших уступок с нашей стороны. Что касается до других здешних политических деятелей, то некоторые из них находят, что нынешний момент особенно опасен для выступления Румынии в виду нашего отступления в Галиции и из Северной Буковины, что будто бы делает ныне кооперацию наших и румынских войск невозможной. Другие жалуются на вялость и угнетенное настроение общественного мнения, так что едва ли можно теперь же рассчитывать на их успешное воздействие на Братиано.

Поклевский.

88.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

5 (18) июня 1915 г., № 339.

№ 1. Ссылаюсь на мои телеграммы № № 326 и 337.

Ответ Братиано передается мной в телеграмме № 2, с текстом коей я его ознакомил, и он с ним согласился. Несмотря на продолжительное и довольно бурное объяснение, мне не удалось добиться от Братиано большего в смысле сокращения срока для выступления Румынии, и он лишь в конце концов отказался от некоторых двусмысленных фраз, которые еще более затемнили смысл его предложения, исходящего, вообще, из предположения, что все румынские предложения могут быть нами приняты. Братиано ставит строжайшую тайну непременным условием дальнейших переговоров и просит, чтобы, в случае принятия Румынией срока для ее выступления и начала переговоров с нами по военной конвенции, об этих обстоятельствах был осведомлен в Бухаресте, кроме него, лишь я. Не зная, как

отнесется императорское правительство к ответу Братиано, я не считал себя в праве давать ему какие-либо указания на возможность дальнейших с нашей стороны уступок, но я вновь настаивал, хотя и безуспешно, на неприемлемости его требований в Буковине, Угорщине и Торонтале.

Мои французский, великобританский и итальянский коллеги, так же, как и я, не имеем вполне твердой уверенности в Братиано, а потому нам крайне трудно высказаться за тот или другой способ действий в настоящую минуту. В принципе нам кажется, что если союзные державы допускают возможность принятия всех румынских требований, то нам следовало бы в таком случае сделать это немедленно, обязав взамен этого Румынию выступить чрез пять недель со дня названного предложения и сейчас же начать переговоры о военной конвенции. Если удовлетворение всех румынских требований невозможно, то мы могли бы сделать Румынии предложение, которое заключало бы:

1) максимум допускаемых нами уступок, дальше которых мы ни в каком случае не пойдем;

2) срок для выступления Румынии;

3) обещание по мере возможности снабдить Румынию военными припасами и другими предметами, в коих она может нуждаться.

Мы тоже думаем, что наши уступки должны включать принятие линии Костинеско в Буковине и отдачу сербам лишь площади в несколько десятков километров к северу от Дуная и в Торонтале. Относительно последнего, может-быть, даже лучшим решением было бы предоставление последующему арбитражу размежевания между Румынией и Сербией указанной спорной полосы этого дистрикта, при чем будущие обладатели этой территории должны обязаться ее не укреплять и не содержать в ней гарнизонов.

Считаю долгом добавить, что, по имеющимся у меня сведениям, румынские военные эксперты не находят выступление Румынии при нынешних обстоятельствах невозможным, но, по их мнению, концентрация и мобилизация войск должны делаться постепенно и весьма секретно, так что Румынии для начала военных действий нужен срок минимум в пять недель.

Поклевский.

89.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте [1]).

5 (18) июня 1915 г., № 340.

№ 2. Г. Братиано заявил, что он готов принять определенное обязательство начать военные действия против Австро-Венгрии не позднее, как через два месяца после подписания политического соглашения между державами и Румынией. Перед выступлением Румынии между нею и Россией должна быть заключена военная конвенция, имеющая установить наиболее действительное сотрудничество русских и румынских войск соответственно тому, каково будет положение дел на театре

[1]) Перевод с французского.

военных действий к моменту выступления Румынии; этой же конвенцией должна по мере возможности обеспечиваться последней помощь со стороны союзных держав в деле поставки и доставки Румынии военных припасов, в которых она может нуждаться. По моей просьбе, г. Братиано определенно сказал, что выработка условий конвенции ни в коем случае не задержит выступления Румынии. В ответ на мои возражения по поводу столь отдаленного срока выступления Румынии г. Братиано заявил, что он готов принять во внимание следующее предложение, которое державы могли бы ему сделать. Если вышеназванные державы примут все политические требования румынского правительства с условием, чтобы Румыния выступила через пять недель после того, как это предложение будет сделано, г. Братиано выражает готовность тотчас начать переговоры в целях заключения вышеупомянутой военной конвенции и надеется, что Румыния будет в состоянии выступить в желательный державам срок: если бы, однако, последнего не случилось, то само собой разумеется уступки, на которые условно согласились державы, утратили бы свою силу и значение.

Поклевский.

90.

Секретная телеграмма начальника штаба верховного главнокомандующего.

7 (20) июня 1915 г., № 285.

Ссылаюсь на телеграммы Поклевского за №№ 339 и 340.

Принимая во внимание настоящую военную обстановку, не могущую измениться к лучшему в близком будущем, считаю очень важным не отклонять предложений Братиано. Действительное военное выступление Румынии было бы, конечно, наиболее ценным сейчас же, но, так как это не достижимо, то можно, с военной точки зрения, примириться и с ее выступлением через пять недель, ибо самый благоприятный момент для ее кооперации уже прошел. Теперь же самое важное не упускать момента для закрепления Румынии в нашем лагере, так как переход ее в лагерь противника, в случае возможного нашего отступления из Галиции, несомненен. Для достижения этого, по моему убеждению, мы можем принять все политические условия, поставленные Братиано, при чем предложенный в телеграмме № 339 способ ведения переговоров представляется вполне целесообразным, а именно, согласившись немедленно на политические условия Румынии, обязать ее взамен выступить через не позже пяти недель со дня названного предложения и сейчас же начать переговоры о военной конвенции. В общем, образ действий окажется тождественным с тем, какой был принят в переговорах с Италией. К сему прибавлю следующие соображения частного военного характера:

1) Желательно, тотчас по заключении политического соглашения, чтобы Румыния безусловно закрыла свою границу для транзита военных грузов в Турцию. Это возможно, сохраняя до поры до времени в тайне состоявшееся соглашение.

2) Относительно Баната: надо выговорить для Сербии необходимую для защиты Белграда зону.

С военной точки зрения важнее, чтобы пространство, выговариваемое для Сербии, было меньше (но не менее 20 верст шириною), но с правом укрепления, чем наоборот.

3) Относительно военного снабжения надо ясно установить, что мы можем обещать Румынии продовольствие, лошадей, скот и т. п., но не снаряды, пушки, ружья и т. п., в которых сами нуждаемся. Это могли бы обещать и союзники.

Янушкевич.

91.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

10 (23) июня 1915 г., № 352.

Получил № 2945.

В ответ на сделанное мной, в соответствии с полученными указаниями, предложение, Братиано выразил глубокую радость по поводу предоставления Румынии Буковины по Пруту с городом Черновцами. На проведение будущей границы в Мармарошском комитете по течению реки Тиссы он согласен. Что касается Баната, то Братиано, несмотря на все мои убеждения, попрежнему находит совершенно необходимым для будущего спокойного существования Румынии отмежевание ее границами рек Дуная и Тиссы. Он готов ввести в лежащую против Белграда часть Торонтальского дистрикта специальный нейтральный режим, может даже выкупить принадлежащие сербам на этой территории земли, но он убежден, что выступление Румынии при нынешних тяжелых и увеличивающих риск условиях заслуживает особого вознаграждения. Братиано при этом отметил, что многие другие румынские политические деятели являлись горячими сторонниками более раннего выступления Румынии, но что теперь многие из них угнетены событиями в Галиции, между тем как на него отступление наших войск не производит особенного впечатления, и он лишь заботится о надлежащем обеспечении будущего существования румын. Братиано заверил меня также, что он готов обязаться выступить через пять недель со дня заключения между нами политического соглашения, но мне не удалось убедить его считать этот срок с 10-го июня. В конце разговора Братиано просил у меня 24 часа, т.-е. до пятницы утром, на размышление для окончательного ответа относительно Баната. Из всего разговора я должен однако вывести заключение, что в этом вопросе он едва ли уступит.

Поклевский.

92.

Секретная телеграмма посла в Париже.

14 (27) июня 1915 г., № 393.

Я нашел сегодня Делькассе крайне удрученным последними известиями из Бухареста, по которым Братиано продолжает ставить выступление Румынии — и то лишь в пятинедельный срок — в зависимость

от удовлетворения в полном объеме ее территориальных претензий на Буковину и на Банат. Делькассе еще не знает, как к этому относятся в Лондоне и, в особенности, в Петрограде. Что касается до него, то, если бы Россия и Англия согласились на румынские требования, он, со своей стороны, не имел бы против них возражений. «Но, — присовокупил он, — необходимо принять во внимание чувства горечи и разочарования, вызванные в Сербии решением союзников относительно Македонии и, в особенности, тем, что ей даже не было сообщено с точностью о предназначенных ей компенсациях. По мнению Делькассе, если союзники, дабы заручиться военной помощью Румынии, согласятся на ее требования, следовало бы поставить Сербию в известность о том, что она не только получит Боснию, Герцеговину и такую-то часть Далматинского побережья, но также, что союзники не будут возражать против того, чтобы сербы осуществили мысль о Великой Сербии посредством слияния Хорватии с сербским королевством. Если указанным путем удастся заручиться выступлением Румынии, а за ней, вероятно, и Болгарии, то вслед за сим необходимо тщательно согласовать планы военных действий всех союзников, дабы в полной мере использовать их численное превосходство и заставить противников разделить свои силы.

Продолжение следует.

Извольский.

93.

Секретная телеграмма посла в Париже.

16 (29) июня 1915 г., № 394.

Продолжение моего № 393.

Хотя в разговоре со мной Делькассе тщательно воздержался от какой бы то ни было критики по нашему адресу или попытки повлиять на наше решение, я не мог не заметить, что затяжка наших переговоров с Румынией возбуждает в нем крайнее беспокойство. Оборот, принятый военными событиями как в Галиции, так и на здешнем театре, вызывает здесь весьма нервное настроение. Начавшееся больше месяца тому назад наступательное движение французской армии, несмотря на упорный характер борьбы и на громадные потери, до сих пор увенчалось лишь частичными успехами, и здесь начинают сомневаться в возможности, путем фронтальной атаки, пробить германские линии и отбросить неприятеля за пределы Франции. Возникает опасение второй зимней кампании в траншеях или переброски сюда с восточного фронта крупных германских сил и массового наступления на Калэ или на Париж. Спасения здесь продолжают ожидать от флангового движения Италии и Румынии, выступлению коих поэтому придается чрезвычайное значение. В правительственных кругах до сих пор не проявляется малодушия или усталости, но в общественном настроении уже наблюдаются некоторые тревожные симптомы, с которыми необходимо считаться. Вторая зимняя кампания в траншеях или неприятельское вторжение могут вызвать здесь припадок отчаяния и внутренние волнения. Хотя Делькассе и его товарищи открыто

этого не высказывают, для меня ясно, что они разделяют мнение парламентских кругов, что при нынешних обстоятельствах военные соображения должны иметь решительное значение и что поэтому содействие Румынии должно быть куплено какой бы то ни было ценой.

На все вышеизложенное считаю своей обязанностью обратить серьезнейшее ваше внимание, ибо, в случае окончательного неуспеха переговоров с Румынией и возможного неблагоприятного оборота событий на здешнем театре, французское общественное мнение не преминет возложить на нас ответственность за таковой оборот.

Извольский.

94.

Телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Риме.

17 (30) июня 1915 г., № 3102.

Сообщается в Лондон.

Для привлечения Румынии Россия решилась согласиться на все требования румын в Буковине, под условием выступления Румынии не позже, чем через пять недель со дня соответствующего заявления в Бухаресте, сделанного 10 июня старого стиля. Братиано, соглашаясь, в свою очередь, на некоторые уступки в Угорщине, продолжает настаивать на получении всего Баната и готов обещать выступить только через пять недель по заключении политического соглашения. При этом он выставляет новое требование о немедленной доставке в Румынию, до ее выступления, заказанных во Франции и Италии боевых припасов. Прежде чем обсуждать вопрос о Банате, благоволите выяснить отношение французского и итальянского правительств к означенному требованию Братиано, ибо я не могу ответить на него без надлежащего полномочия Франции (Италии).

Сазонов.

95.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

23 июня (6 июля) 1915 г., № 385.

Копия в Бухарест.

Вернувшийся в понедельник после трехнедельного пребывания в Бухаресте румынский посланник сейчас же зашел ко мне и сказал, что Братиано поручил ему передать мне, что переговоры наши с Румынией накануне благополучного завершения, после чего последует военное соглашение и скорое совместное с нами выступление Румынии. Он даже определил приблизительный двухмесячный срок, необходимый для пополнения наших военных припасов, прибавив, однако, что, если военные соображения того позволят, то Румыния выступит и раньше. Де-Русси сказал, что в менее подробной форме ему поручено сделать подобное же заявление и другим посланникам Согласия. По его словам, Братиано хочет во всем следовать примеру Италии и до момента мобилизации будет не только скрывать свое

решение, но принужден будет быть-может для отвода-мол глаз, вести переговоры с австро-немцами, что не должно-де нас смущать. Считаю долгом сообщить вам этот разговор, не зная, в каком истинном положении находятся наши переговоры с Румынией.

Савинский.

96.

Секретная телеграмма посла в Париже.

25 июня (8 июля) 1915 г., № 414.

Копии в Лондон и Рим.

Делькассе сказал мне, что им получено вчера согласие лондонского кабинета на предоставление Румынии всего Баната, при чем оба полагают, взамен этой уступки, обещать Сербии Землин с необходимою для стратегического обеспечения Белграда полосой. Таким образом, Братиано получает удовлетворение всех выставленных им требований и должен будет окончательно раскрыть свои карты. Пуанкаре считает, что сейчас все усилия должны быть направлены к скорейшему подписанию соглашения с Румынией, выступление которой может вовлечь и Болгарию.

Извольский.

97.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Лондоне.

27 июня (10 июля) 1915 г., № 3304.

Румынское правительство намерено на-днях просить Англию о новом займе. Считаю желательным, чтобы великобританское правительство использовало это обстоятельство к общей выгоде союзников для побуждения Румынии к ускорению своего выступления.

Сазонов.

98.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

27 июня (10 июля) 1915 г., № 3303.

По соглашению с Францией и Англией, решено полностью удовлетворить требования Братиано, а именно, уступить Румынии Буковину по Прут, Угорщину по Тиссу и весь Банат, под непременным условием, чтобы Румыния обязалась: 1) выступить против Австро-Венгрии не позже, чем через пять недель со дня подписания политического соглашения, 2) ныне же строжайше воспрепятствовать пропуску каких бы то ни было военных припасов в Турцию, 3) уступить Болгарии Добрич и Бальчик и 4) в Банате не укреплять имеющего быть определенным впоследствии пространства против Белграда, не содержать там войск иначе, как определенного количества вооруженной силы для полицейской службы, и, уплачивая вознаграждение сербам, которые пожелали бы

выселиться, предоставить остальным свободное развитие с сохранением своего языка и народности. В случае соглашения по этим главным предметам, державы готовы удовлетворить выраженные Братиано пожелания и в отношении военного снабжения.

Благоволите переговорить в указанном смысле с Братиано и обратить его внимание на то, что державы, решившиеся на столь крупные уступки Румынии, в праве требовать немедленного и положительного ответа, чтобы соглашение могло быть точно выработано и подписано через несколько дней. Всякие новые попытки Братиано затянуть переговоры после того, как все его требования получили удовлетворение, явятся доказательством его неискренности и заставят державы взять назад делаемые ныне уступки.

Сазонов.

99.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже, Лондоне, Риме, посланнику в Бухаресте.

1 (14) июля 1915 г., № 3369.

Так как становится все яснее, что при нынешних обстоятельствах Румыния ни за какие уступки не согласится выступить против Австро-Венгрии в определенный срок, считаю предпочтительным, прежде чем сделать в Бухаресте предположенное заявление о согласии держав на уступку Баната, дружественно запросить Братиано, готов ли он, вообще, установить срок выступления Румынии, если все до сих пор выставленные им требования будут удовлетворены державами.

До получения отзыва союзников по сему вопросу, благоволите воздержаться от исполнения поручения, заключавшегося в моей телеграмме № 3303.

Сазонов.

100.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

21 июля (2 августа) 1915 г., № 3756.

Сообщается в Париж, Лондон, Рим.

Вследствие настояний наших союзников, которые надеются путем немедленного заключения договора с Румынией оградить себя от провоза через последнюю военной контрабанды для Турции, императорское правительство согласно удовлетворить все поставленные Братиано требования под условием, чтобы Румыния обязалась отныне же не пропускать никаких военных припасов для наших врагов и дала нам возможность действительного надзора за этим, а также—чтобы незамедлительно был прислан в ставку верховного главнокомандующего уполномоченный для выработки военного соглашения, долженствующего установить условия и срок румынского выступления. Как было условлено между союзниками, политическое соглашение должно быть выработано вами совместно с Братиано и сообщено на одобрение держав, чтобы затем быть подписано представителями последних в Бухаресте.

Сазонов.

101.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

1 (14) августа 1915 г., № 453.

Братиано сообщил мне сегодня весьма конфиденциально, что здешний сербский посланник просил его на-днях сделать в Нише официальное представление о том, что уступки в Македонии в пользу Болгарии, которых требует от сербского правительства Четверное Согласие, противоречат интересам Румынии. Братиано ответил, что он не только сочувствует предпринятому Четверным Согласием делу примирения балканских государств между собой, но что Румыния сама готова с этой целью принести некоторые территориальные жертвы в пользу Болгарии, а потому она никоим образом не может предпринять в Нише просимого шага. Составленный в этом смысле ответ Братиано предполагает также сообщить Пашичу через румынского посланника в Сербии. По сведениям Братиано, сербское правительство, будто бы, готово уступить Болгарии Македонию до Вардара, но не более этого. Братиано также получил сведения о том, что греческое правительство поощряет Сербию к неуступчивости и что оно ей обещает, в случае надобности, вооруженную помощь Греции.

Поклевский.

102.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

5 (18) сентября 1915 г., № 534.

Согласившись в принципе на предоставление румынскому правительству займа в 7 миллионов фунтов стерлингов, великобританское правительство сначала желало, взамен этой денежной ссуды, добиться изменения соглашений, предположенных к заключению между румынским, австрийским и германским правительствами о транзите товаров. После того, как Братиано нашел невозможным выполнить это условие, великобританское правительство потребовало от румынского правительства взамен займа выполнения следующих двух обязательств: во-первых, не заключать с другими правительствами соглашений, которые могли бы ослабить силу данного нам румынским правительством обещания не пропускать военных припасов и материалов в Турцию непосредственно или через Болгарию; во-вторых, торжественно обещать, что Румыния в течение нынешней войны не выступит ни против Англии, ни против ее союзников, при чем обещание это должно быть дано в такой форме, чтобы оно было сочтено обязательным не только что для нынешнего румынского правительства, но и для последующих. Это требование было мотивировано не недоверием к Братиано, а заявлениями в печати Маргиломана о том, что его партия не признает силы принятых кабинетом международных обязательств, если они не будут облечены в требуемые здешней конституцией формы *(пропуск)*. Братиано принял первое требование с оговоркой, что относительно

транзита для Болгарии он должен руководствоваться заключенным весною румынско-болгарским соглашением. От принятия же второго требования он уклонился, заявив великобританскому посланнику, что он считает данные им Четверному Согласию заверения обязательными и для его преемников, что лучшей гарантией выполнения Румынией намеченной им программы является удержание у власти нынешнего кабинета, и он видит возможность своего падения лишь в случае агитации против него со стороны наших сторонников, или — если нами вообще совершены были бы какие-либо крупные ошибки. Он находит, что принятию Румынией требуемого великобританским правительством обязательства, должны предшествовать разные внутренние переговоры, которых лучше было бы не возбуждать при нынешних обстоятельствах и которые, может-быть, в конце концов привели бы даже к отставке кабинета.

Поклевский.

103.

Секретная телеграмма посла в Париже.

29 сентября (12 октября) 1915 г., № 639.

Не могу скрыть от вас, что возбуждение против России, вследствие сомнения в нашей готовности участвовать в военных действиях на Балканах, с каждым днем усиливается в здешних парламентских, газетных и даже правительственных кругах. С одной стороны, нас выставляют главными виновниками создавшегося на Балканах положения, вызванного, будто бы, нашей несговорчивостью по отношению к Румынии и систематическим пристрастием к Болгарии. С другой — указывают, что отсутствие наших войск не только нанесло бы удар союзному престижу и историческому положению России среди балканских народов, но поставило бы и Францию и Англию в самое невыгодное и опасное положение, внушив против них сказанным народам сомнение в единении союзников. Открывающемуся на Балканах новому фазису великой войны здесь придают громадное значение и считают, что открытие австро-германцами пути в Константинополь, помимо того, что оно прекратит доступ к России, даст Австрии и Германии возможность получать в неограниченном количестве из Малой Азии продукты и людей. Поэтому общественное мнение громко требует, чтобы этому новому напору были противопоставлены соединенные усилия всех четырех союзных держав; в противном случае возникнет вопрос, может ли Франция, без уверенности быть поддержанной на Балканах, рисковать ослабить свои силы на главном своем фронте. Указывают на то, что Россия должна получить после войны за счет Турции наибольшие выгоды и что, если она не будет участвовать в общем *(пропуск)* Франция и Англия должны будут пересмотреть свои решения касательно Константинополя и проливов. Статья в этом смысле появилась в столь серьезном органе, как «Журналь де-деба». Сегодня некоторые влиятельные газеты опять высказывают, что, ради спасения положения и привлечения Румынии, Россия должна пожертвовать частью Бессарабии. Все это создает здесь

крайне для нас неблагоприятную атмосферу и может серьезно отразиться на наших отношениях с Францией. Между прочим, на этой почве происходит ожесточенная кампания против Делькассе и Палеолога, могущая кончиться их увольнением.

Извольский.

104.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

1 (14) октября 1915 г., № 606.

Вчера, 30 сентября, вечером Барклай, по поручению своего правительства, предложил Братиано заключить военную конвенцию, на основании коей Румыния объявит немедленно войну Германии, Австрии и Болгарии, а союзники обяжутся доставить в Салоники свои войска, численность коих составит к концу ноября 150.000 человек, а к концу года 200.000. Кроме того, Англия обещает категорически потребовать от Греции выполнения ее союзных по отношению к Сербии обязательств. В том же сообщении упоминается о поставке нам Англией в течение двух месяцев 500.000 ружей, что позволит нам усилить нашу армию и предпринять на южном фронте серьезные совместные с Румынией действия. Братиано выразил разочарование по поводу малочисленности союзных войск и столь позднего их прибытия в Салоники, вследствие чего Румынии пришлось бы около двух месяцев воевать без чьей-либо поддержки. Английское предложение будет сегодня обсуждаться в совете министров, и Братиано даст официальный ответ завтра или послезавтра.

Поклевский.

105.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

4 (17) октября 1915 г.

Костинеско, посоветовавшись с некоторыми коллегами, сделал мне сегодня, 4 октября, следующее заявление. Если Россия может выделить армию в 300.000 человек для действий на Балканах и если она будет просить румынское правительство о пропуске этой армии чрез румынскую территорию и, вместе с тем, предложит Румынии начать совместно с помянутой армией военные действия, то Костинеско ручается, что ни одно румынское правительство не будет в состоянии устоять перед подобным предложением и неминуемо его примет. По мысли Костинеско и его единомышленников, наша армия, непременно вышеуказанной численности, вместе с румынским отрядом в сто тысяч человек будет действовать против Болгарии и Турции, а вся остальная румынская армия перейдет через Карпаты и отрежет путь отступления вторгнувшимся в Сербию австро-германцам. Костинеско просил меня держать наш разговор в строжайшем секрете и не сообщать о нем даже никому из моих иностранных коллег.

Обещая передать означенное предложение на усмотрение вашего высокопревосходительства, я отозвался вместе с тем полным незнанием относительно возможности его осуществления.

Поклевский.

106.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

19 октября (1 ноября) 1915 г., № 671.

Некоторые указания на предложение займа румынскому правительству со стороны «Дейтше Банк» мною получены лично от американского посланника и подтверждаются из других источников. В момент заключения первого болгарского займа в Лондоне «Дисконто - Банк» действительно предлагал румынскому правительству денежную ссуду взамен обещания нейтралитета, но это предложение было отклонено. По словам Костинеско, германский посланник будто бы на-днях сказал ему, что Румыния могла бы получить в Германии и Австрии один или два миллиарда франков и, кроме того, Бессарабию и Буковину, если она выступит против нас. Слова Костинеско отчасти подтвердил мне Братиано, говоря что Чернин сделал на-днях министру финансов какие-то баснословные финансовые предложения. Что касается скупки румынского урожая немецкими банками за баснословную цену, то, наоборот, пока замечается, что немцы желали бы возможно дешевле приобрести румынское зерно. Сведение о прибытии сюда из Болгарии немецких агентов вполне вероятно, но точно проверить его очень трудно.

Поклевский.

107.

Письмо посланника в Бухаресте министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Бухарест, 2 (15) ноября 1915 г.

Весьма секретно.

Милостивый государь,

Сергей Дмитриевич.

Мне кажется, что военные и дипломатические перипетии продолжающейся уже больше пятнадцати месяцев общеевропейской войны твердо установили тот факт, что момент активного выступления Румынии на нашей стороне не зависит от каких-либо соображений высшего нравственного или идеального порядка, а будет определен исключительно в соответствии с общим положением на главном театре войны на Балканах и, в особенности, в России. Этого мнения придерживаются румынское правительство и большинство здешних государственных и политических деятелей, и, если общественное мнение страны, горячо высказавшееся в начале войны за активное выступление Румынии, не смогло осуществить тогда своих пожеланий, то трудно предположить

чтобы оно добилось такого результата теперь, когда оно само, под влиянием недавних событий на театре войны, находится в угнетенном настроении и туго реагирует на попытки некоторых убежденных румынских патриотов вызвать в нем прежний энтузиазм к войне.

Первые месяцы войны привели здешние правящие круги к убеждению, что на театре военных действий установилось равновесие сил, и что только приобретение Тройственным Согласием новых союзников позволит ему одержать решительную победу над противником.

Исходя из этой точки зрения, румынское правительство, ориентировавшее уже к тому времени свою политику в нашу сторону, пришло само к убеждению и вселило таковое во все мыслящие круги румынского общества, что одновременное выступление Италии и Румынии против Австрии и Германии приведет быстро войну к благоприятному для нас исходу, и, вследствие этого, здесь стал общим лозунг о том, что Румыния должна выступить одновременно с Италией.

Действительно, вслед за подписанием Италией соглашения с Тройственным Согласием Братиано тоже вступил с нами в переговоры, которые должны были повести Румынию к немедленному объявлению войны Австрии и Германии. К сожалению, переговоры эти сильно затянулись, и одновременно отступление наше из Галиции и Царства Польского создало такую военную обстановку, при которой Румыния уже не решалась выступить.

Эти события не только лишили нас для сдвига Румынии могучего рычага, каким являлось выступление Италии, но и произвели на здешнее общественное мнение подавляющее впечатление, внушив ему еще больший страх перед мощью германского оружия. Однако, ни румынское правительство, ни румынское общественное мнение не потеряли веру в силу России, ни в нашу конечную победу, но выступление Румынии стало казаться им возможным лишь по пополнении сил, вооружения и боевых припасов в нашей армии, и в тот момент, когда последняя окажется вновь в состоянии перейти в общее наступление.

Конечно, здесь в большей или меньшей степени учитывались и другие обстоятельства, которые могли бы побудить Румынию к более скорому выступлению, а именно, захват нами проливов или выступление Болгарии или Греции на нашей стороне. К сожалению, не только ни одно из этих обстоятельств не наступило, но даже, наоборот, Болгария, открыто перейдя на сторону наших врагов, напала на Сербию одновременно с переходом через Дунай значительной австро-германской армии.

Принимая во внимание, что только что указанные факты увеличивали риск, с которым было бы сопряжено выступление Румынии, — ни мои коллеги, ни я не делали себе никаких иллюзий относительно того, как отнесется Братиано к этому новому нападению на Сербию. И, действительно, на все обращенные к нему вопросы, Братиано неизменно выражал сожаление о том, что Румыния ни в чем не может оказать помощь Сербии. Он мотивировал это тем, что Румыния слишком маленькая страна для того, чтобы спасти Сербию, и что малейшая попытка с ее стороны в этом направлении должна повести к разгрому Румынии австро-германцами. Вместе с тем можно предполагать, что со стороны Германии были даны Румынии какие-либо заверения, так как Братиано высказывал в то же время твердое свое убеждение в том,

что Румыния не подвергнется нападению австро-германцев, если она останется нейтральной, и что она, таким образом, сохранит свои силы до того момента, когда общая обстановка на Балканском театре войны позволит ей выступить.

Давая такие ответы, Братиано намекал, однако, на, то, что, если державы Согласия окажут действительную помощь Сербии, посылкой на Балканский полуостров значительного количества войск, то общая обстановка может тогда измениться и побудить Румынию к перемене ее образа действий. При этом Братиано иногда намекал, что союзникам следовало бы послать в Салоники не менее 400.000 войск, и эту же цифру раз упомянул и король во время беседы своей с Филиппеско, о чем я имел честь довести в свое время вашему высокопревосходительству по телеграфу.

Если можно было предугадать отношение официальной Румынии к новому нападению на Сербию, то точно также следовало ожидать, что самые горячие сторонники выступления Румынии, как Таке Ионеско и Филиппеско, и самый сочувствующий их стремлениям член кабинета Костинеско, реагируют на это событие совершенно иным образом и приложат все усилия к тому, чтобы побудить Братиано к более скорому выступлению. Как я уже донес по телеграфу, первые два государственных деятеля имели 30 сентября бурное объяснение с Братиано, во время коего они дали ему 10-дневный срок для переговоров с державами Согласия об условиях выступления Румынии и угрожали, что по окончании этого срока они начнут агитацию против правительства, не останавливаясь ни перед какими средствами. Братиано не соглашался с мнением своих собеседников, но все же обещал им вступить в обмен мнений с державами Согласия.

Не знаю, в какой форме Братиано выполнил бы это обещание, если бы почин этих переговоров остался за румынским правительством, но в тот же день мой английский коллега сообщил ему предложение своего правительства, изложенное в моей телеграмме от 1-го прошлого октября, за № 606. В виду указанных ныне обстоятельств предложение это не могло увлечь Братиано, тем более, что великобританское правительство обязывалось послать в Салоники лишь 200.000 человек, и то только к концу декабря нового стиля.

Братиано отклонил это предложение по мотивам, изложенным в моей телеграмме от 3-го прошлого октября, № 612, и заявил при этом, что если Англия и Франция пошлют в Салоники 500.000 человек и если к тому времени положение на нашем фронте не ухудшится, союзные войска будут продолжать занимать свои позиции в Галлиполи, и сербская армия не будет уничтожена, то Румыния выступит, как только союзные войска окажутся готовыми к началу военных действий.

Подобный ответ, обусловливающий выступление Румынии трудно выполнимыми условиями и откладывающий его по меньшей мере до будущего февраля или марта месяца, не удовлетворил Костинеско и побудил его сделать мне изложенное в моей телеграмме от 4-го прошлого октября, № 615, предложение, основанное на том соображении, что если Россия может послать для действий против Болгарии армию в 300.000 человек, то эта армия будет собрана к концу ноября, одновременно с 150.000-й армией союзников, и что обе эти силы соста-

вят в общей сложности армию приблизительно в 500.000 человек, появление коей на Балканах позволит Румынии немедленно начать военные действия. Костинеско заверял меня при этом, что предложение наше румынскому правительству о кооперации и просьба о пропуске наших войск, поддержанные концентрацией по соседству с Румынией нашей армии выше указанной силы, не может быть отвергнуто румынским правительством и что как он сам, так и его единомышленники в кабинете сумеют заставить Братиано его принять.

Относясь по опыту несколько скептически к заверениям румынских государственных деятелей, я на следующий же день, 5-го октября, посетил Братиано, чтобы убедиться в том, как относится он к мысли о посылке русской армии на Балканы. Из его объяснений, изложенных в моей телеграмме от того же числа, № 618, я мог убедиться, что план Костинеско вполне осуществим, так как Братиано не только отнесся сочувственно к возможности посылки нашей армии против Болгарии, но и категорически мне заявил, что общая численность такой нашей армии могла бы пойти в зачет 500.000-й англо-французской армии, затребованной им от наших союзников.

Моему удивлению не было пределов, когда я узнал 19-го октября от моего великобританского коллеги, что в разговоре с ним Братиано высказал совершенно противоположное мнение, а именно, что уже сосредоточившаяся в то время в Одесском округе наша новая армия не может войти в расчет 500.000-ой армии наших союзников, так как в своем предложении от 30-го прошлого сентября великобританское правительство уже будто бы обещало Румынии кооперацию новой русской армии в 500.000 человек, и готовящиеся для действий против Болгарии русские войска являются лишь частью этой «обещанной армии».

При первом же свидании с Братиано я самым энергичным образом, но безуспешно протестовал против нового «de mauvais force» толкования Братиано смысла английского предложения, но он самым твердым образом решил, повидимому, использовать слабые стороны этого предложения и доказывал, что все его теперешние требования совершенно соответствуют английским обещаниям. По его словам, Англия обещала армию в 200.000 человек, кооперацию Греции и новую русскую армию в 500.000 человек, в виду чего он и требует за отказом Греции от кооперации, англо-французскую армию в 500.000 человек и русскую армию, которая может быть и несколько менее 500.000 человек, но этому последнему обстоятельству он хотел придать уже характер уступки (моя телеграмма № 683).

Совместная моя с Барклаем попытка сбить Братиано с этой точки зрения (моя телеграмма № 692) — также не увенчалась успехом, вследствие чего нам приходится теперь считаться с фактом, что Братиано не найдет возможным принять наше предложение о кооперации и о пропуске наших войск через румынскую территорию, которое мы намерены сделать по сосредоточении нашей предназначенной для действий против Болгарии армии.

За принятие нашего предложения горячо выскажутся Таке Ионеско и Филиппеско и Костинеско, если последний не изменит к тому времени своего мнения, которого он придерживался еще вчера. Если агитации Таке Ионеско и Филиппеско не следует придавать преувеличен-

ного значения в виду тихого настроения здешнего общественного мнения, а также вследствие того, что эти лица примешали к своей кампании за выступление Румынии личную борьбу против Братиано и против злоупотреблений в военном министерстве, то давлению на Братиано со стороны членов его кабинета и видных представителей либеральной партии, в роде Стельяна, нельзя, мне кажется, отказать в некоторых шансах на успех. Во всяком случае в этом заключается единственная пока надежда на скорейшее выступление Румынии, а потому нам следует его использовать, действуя при этом с большой осторожностью и предоставив давление на Братиано исключительно румынским политическим деятелям.

Что же касается самого Братиано, то перемена им оценки факта посылки нашей армии на Балканы отчасти объясняется его черезмерной осторожностью, желанием его обставить выступление Румынии возможными гарантиями с военной точки зрения, а также нежеланием его переменить сложившееся уже у него мнение, что Румыния выступит лишь в будущем феврале или марте. Но может быть, что тут замешан также вопрос личного самолюбия, так как Братиано узнал от румынского посланника в Петрограде о плане Костинеско, и он уже горько упрекал последнего за его переговоры за спиной первого министра.

Я не думаю, чтобы у Братиано были при этом какие-либо другие задние мысли, которые с такой легкостью приписываются ему его политическими противниками, некоторыми пессимистами из дипломатического корпуса.

Я продолжаю быть убежденным, что Братиано и теперь, как и раньше, подготовляет выступление Румынии на нашей стороне, но по свойствам своего характера он желал бы его возможно оттянуть. Конечно, внешние явления и, особенно, положение на театре войны должны влиять на политику маленькой страны, как Румыния, которая не в состоянии своими силами изменять общий ход событий, но, глубоко веруя в то, что часы тяжелых испытаний для России уже прошли, я позволяю себе бодро смотреть на отношения наши к Румынии в будущем. У меня также есть уверенность в том, что Братиано, благодаря всему, происшедшему за 15 месяцев войны, не может вести другой политики, кроме сочувственной Четверному Согласию.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

С. Поклевский.

1916 г.

108.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

9 (22) января 1916 г., № 14.

Я воспользовался возвращением Братиано из деревни, чтобы сегодня, 9-го января, расспросить его о степени достоверности распространяемых в здешних политических кругах слухов о неудовольствии Германии

поведением Румынии и об ожидаемом со стороны австро-германцев давлении на последнюю, с целью выяснения ее отношений к воюющим державам. Братиано ответил, что в Берлине, действительно, очень раздражены продажею румынской пшеницы англичанам и кандидатурой Лукача и Гоги в румынский парламент и что положение вообще следует считать серьезным. Он однако не отдает себе еще ясного отчета в том, является ли нынешнее настроение Берлина лишь временным выражением неудовольствия или предлогом, чтобы, пользуясь нынешней весьма благоприятной для Германии обстановкой на Балканском полуострове, предъявить Румынии в ультимативной форме требования, в роде демобилизации армии или перемены правительства. Если окажется верным первое предположение, то тогда отношения между Румынией и Германией могут вновь временно наладиться, так как румынское правительство, сознавая, насколько нынешний момент неблагоприятен для активного выступления Румынии, постарается усыпить подозрения Германии и будет готово даже пойти на некоторые уступки в области экономической, например, в вопросе дальнейшей покупки немцами части румынского урожая. Если же верно второе предположение, что как бы подтверждается некоторым усилением германских войск на румыно-болгарской границе, то, несмотря на всю трудность положения, Братиано решил воспротивиться германским требованиям, и он надеется, что ему удастся остаться хозяином положения в Румынии и привести это решение в исполнение. Я заметил, что серьезность нынешнего положения указывает на крайнюю необходимость немедленного обмена мнений между нашим и румынским штабами с целью согласования будущих военных действий. Братиано с этим вполне согласился и сказал, что ожидает приезда сюда нашего нового военного агента, дабы вступить с ним в обмен мнений по этому вопросу. Он добавил, что румынская граница со стороны Австро-Венгрии и Болгарии столь длинна, что одна румынская армия не может успешно ее защищать, а поэтому он просил меня точно выяснить, на случай вторжения неприятельской армии в Румынию, во сколько дней и сколько войск мы могли бы сосредоточить на нашей границе с Румынией с тем, чтобы эти войска могли затем помочь Румынии отразить неприятельское нападение с юга. Братиано считает последнее особенно опасным, в виду того, что Бухарест находится всего в шестидесяти километрах от Дуная. Выехавши в кратковременный отпуск, здешний германский посланник возвращается в Бухарест 10-го января до истечении срока своего отпуска.

Поклевский.

109.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже, Лондоне и Риме.

11 (24) января 1916 г., № 186.

Ссылаюсь на телеграмму Поклевского, № 14.

Положение в Румынии становится столь серьезным, что необходимо безотлагательно принять меры к успокоению Братиано относительно могущей угрожать Румынии со стороны Болгарии опасности. Поэтому

нужна угроза Болгарии с юга в виде самых широких приготовлений к переходу в наступление. Необходимо направить в Салоники все силы, которые без прямого ущерба производящимся на других фронтах операциям могли бы быть отвлечены с последних. По мере восстановления сербской армии желательно направлять и ее к усилению находящихся в Солуни отрядов. Нужно, чтобы наши враги прониклись убеждением, что союзники не намереваются ограничиться самообороною на болгарской границе. Только такое убеждение помешает им усилить нажим на Румынию и позволит последней остаться на стороне держав Согласия. Благоволите приложить все старания к достижению указанной выше цели.

Сазонов.

110.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

12 (25) января 1916 г., № 18.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 16.

Я виделся сегодня, 12 января, с Братиано, который сообщил мне, что германский посланник говорил ему о неудовольствии Берлина, вызванном продажей Румынией пшеницы Англии [1]), и упомянул о желании Германии делать дальнейшие покупки зерна в Румынии; что фон-Буш был очень сдержан и не сделал никакого намека на возможность предъявления Румынии каких-либо требований. Это однако еще не успокаивает Братиано, который допускает, что подобные требования могут быть предъявлены посланником на сегодняшней аудиенции у короля, и вообще Братиано находит, что положение не разъяснится ранее 2 — 3 дней. На мой вопрос о том, какие конкретные факты породили нынешнюю тревогу в Румынии, Братиано ответил, что начало ей дал разговор германского канцлера с румынским посланником в Берлине и что затем стали поступать из разных источников многочисленные, хотя и противоречивые сведения, из коих вполне верными являются сообщения из Берлина о том, что германское правительство потеряло всякое доверие к Братиано, считая, что последний разделяет взгляды Таке-Ионеско и Филиппеско и лишь выжидает благоприятного момента, дабы напасть на Германию. Братиано далее объяснил мне, что между словами, сказанными им мне 9-го января и Барклаю 11-го января, в сущности, нет никакого противоречия, так как, не уясняя себе еще вполне положения, он делает лишь разные гипотезы и придумывает выходы из затруднений. Свое будущее поведение он мне сегодня формулировал следующим образом. Главной целью Братиано является продолжение Румынией политики на стороне Тройственного Согласия, и он отлично сознает, что лучшей для этого гарантией является удержание им власти в своих руках, а потому он сделает для последнего все возможное. Если же он убедится в том, что германское правительство, при условии его отставки, не поставит теперь Румынии требований об изменении

[1]) «Грандиозным подкупом была закупка румынского хлеба Англией, которой Румыния дала при этом формальное обещание начать войну...», — пишет по этому поводу Эрцбергер — см. «Германия и Антанта», стр. 107.

ее теперешней политики, то он готов будет устраниться от дел с тем, чтобы и в отставке наблюдать, дабы Румыния не уклонилась от нынешнего курса ее иностранной политики и выступила бы на нашей стороне при первом благоприятном случае. Наконец, если бы германское правительство теперь же требовало от Румынии перемены ее политики, то Братиано решил противиться подобным требованиям до конца.

Видевшись сегодня с королем, он вновь убедился, что король совершенно разделяет взгляды своего первого министра. Братиано спросил меня, получил ли я уже от вашего высокопревосходительства ответ на изложенный в конце моей телеграммы № 16 запрос.

Поклевский.

111.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне.

13 (26) января 1916 г., № 233.

Полагаю, что мы должны обнадежить Братиано, дабы, в случае предъявления немцами ультиматума, он, чувствуя, что может опереться на союзников, решился противостоять германским требованиям. — Я поручаю, поэтому, Поклевскому сообщить Братиано, что, если будет нужно, русская армия немедленно придет ему на помощь. Считаю также необходимым, для придания бодрости румынскому правительству, чтобы союзные посланники получили предписание заявить ему, что, если болгары двинутся на Румынию, салоникский десант немедленно перейдет в наступление, дабы оттянуть на себя болгар. Я считаю, что дальнейшее поведение Румынии исключительно зависит от решимости Братиано, и поэтому необходимо всеми силами поддержать в нем уверенность, что он не ошибся, связав свою политику с державами Согласия.

Прошу вас по предмету настоящей телеграммы сделать соответствующие шаги и ответить по телеграфу.

Сазонов.

112.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

13 (26) января 1916 г., № 21.

Великобританскому посланнику, желавшему видеть сегодня, 13 января, Братиано, последний ответил, что у него нет никаких новых сведений, и просил отложить свидание на день или на два. Костинеско сказал мне, что король не виделся после вчерашней аудиенции германского посланника ни с Братиано, ни с другими министрами и выехал сегодня вечером на сутки на давно назначенную охоту. Этот факт можно считать за успокоительный признак, так как Братиано мне вчера говорил, что, в случае серьезного кризиса, король отложит охоту. Костинеско, не имея на то положительных данных, предполагает, что император Вильгельм желает теперь же получить личное обещание румынского

короля относительно сохранения Румынией нейтралитета до конца войны. Костинеско отметил также вызывающее отношение болгар к румынским таможенным чиновникам и закрытие вчера болгарским правительством нескольких пунктов болгаро-румынской границы, вероятно, с целью сокрытия передвижения войск. Вообще, в здешних правительственных кругах уверены, что Германия подстрекает против Румынии Болгарию, которая не поддается просьбам германского правительства о принятии ею участия в экспедиции против Салоник до окончательного выяснения положения здешнего королевства.

Поклевский.

113.

Секретная телеграмма японского посла в Петрограде барона Мотоно министру иностранных дел Японии барону Исии [1].

14 (27) февраля 1916 г.

Наш посол в Лондоне телеграфирует:

«После разговора, о котором я сообщаю в предшествующей телеграмме, я обратился к румынскому посланнику с вопросом, соответствуют ли действительности слухи о том, что Румыния в скором времени станет на сторону держав Согласия.

Посланник ответил, что относительно этого пункта он еще не может дать ответа, и сообщил мне затем совершенно конфиденциальным образом следующее:

В позапрошлом году, приблизительно два месяца после начала войны, державы Согласия обратились к Румынии с предложением принять участие в войне. Румынское правительство выразило готовность согласиться на это предложение и предъявило следующие условия: 1) захват Трансильвании, 2) помощь со стороны держав Согласия, главным образом, деньгами и военными материалами, и 3) присоединение к Румынии Буковины, так как большинство населения этого края принадлежит к румынской нации. По этому поводу он — румынский посланник — вел переговоры с Грэем, но, хотя Англия и Франция согласились на эти требования, Россия дала принципиальное согласие на 1-е условие, но относительно 3-го условия она решительно отказалась дать свое согласие. После частных переговоров с Грэем, последний, наконец, сделал предложение вести переговоры по этому вопросу непосредственно между Румынией и Россией, но, тем не менее, не было достигнуто удовлетворительного результата, и вопрос был оставлен без движения. Затем он получил инструкции вступить в переговоры с английским правительством относительно финансовой помощи со стороны Англии, при чем Англия потребовала гарантий, что Румыния не выступит на стороне противников держав Согласия. Мы дали эти гарантии и получили уже 12.000.000 фунтов от Англии. При таких обстоятельствах ясно, почему Румыния в настоящее время не может объявить войну державам Согласия. Действительно, Германия с осени прошлого года производит на нас сильное давление, чтобы добиться выяснения позиции Румынии, но наше правительство продолжает давать

[1]) Перевод с японского, сделанный в канцелярии м. ин. д. Дешифрант.

ответ, что Румыния будет продолжать придерживаться нейтралитета, и позиция нашей страны выяснится только через несколько месяцев. Если Румыния в конце концов действительно станет на сторону держав Согласия, то балканской политике Германии будет нанесен сильный удар, и возможно, что в таком случае Греция также выступит. Болгария нам не доверяет и сосредоточила в настоящее время 80.000 человек на нашей границе. Во всяком случае наше правительство заканчивает военные подготовления, и его беспокоит только недостаток в военных припасах. Кроме парохода, который — как я вам говорил — отправляется во Владивосток, в апреле будет отправлен еще другой пароход. Япония теперь оказывает большую помощь России, и возможно, что она не в состоянии поставлять Румынии винтовки, пулеметы и снаряды. Но, если она бы могла снабдить нас, наше правительство готово купить сколько можно.

Я ответил, что как раз эти товары мы поставляем России, что у нас, кроме правительственных арсеналов мобилизована также и частная промышленность, что поэтому мы навряд ли будем в состоянии удовлетворить это требование. Во всяком случае я передам об этом нашему военному агенту при посольстве».

Из сообщений посланника явствует, что, если военные дела союзников весной примут благоприятный оборот, Румыния воспользуется этим случаем, чтобы начать войну.

114.

Секретная телеграмма посла в Париже [1]).

18 февраля (2 марта) 1916 г., № 144.

По сведениям, полученным здесь из Бухареста, при переговорах между нашим и румынским генеральным штабами возникли серьезные разногласия: румыны будто бы настаивают на том, чтобы им предоставлено было действовать главным образом в пределах Буковины и Трансильвании, тогда как мы стремимся направить их силы против Болгарии. Французское правительство очень озабочено этим известием и крайне опасается последствий возможного разрыва упомянутых переговоров. Президент Республики телеграфирует об этом непосредственно государю императору, а генерал Жоффр — генералу Алексееву. Палеологу также предписано переговорить с вами об этом вопросе.

Извольский.

115.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

20 февраля (4 марта) 1916 г., № 895.

Французское правительство, основываясь, очевидно, на сообщениях, исходящих из Бухареста, выражает нам свое беспокойство за исход наших переговоров с Румынией по вопросу о военном соглашении,

---

[1]) Перевод с французского.

пытаясь объяснить возможный неуспех их нашей недостаточной готовностью итти на уступки.

Мы крайне удивлены таким извращением фактов.

Поручаю вам переговорить в этом смысле с Братиано.

Сазонов.

116.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

1 (14) марта 1916 г., № 146.

Сегодня, 1-го марта, Братиано вновь показался мне довольно нервным. Его тревожат: наглость болгар по отношению к Румынии, усиление болгарских войск на румынской границе и закрытие австро-венгерским правительством румынской границы, которое, может-быть, скрывает перегруппировку австро-венгерских войск вблизи Румынии. Братиано также опасается, что немцы могут, в случае неуспеха у Вердена, попытаться загладить неблагоприятное для них впечатление посредством наступления на Румынию или по соседству с нею. Я старался успокоить Братиано и указал ему, что если Румынии угрожает какая-либо опасность, то ему следовало бы возможно скорее ознакомить полковника Татаринова с румынскими военными приготовлениями и планами, дабы наше верховное командование могло составить себе верное представление о здешнем положении. Братиано в принципе согласился с моим мнением, и у него вырвалась фраза: «Если Румыния очутится в опасности и у вас будут лишние войска, то вам надо послать их возможно скорее нам на помощь». — Затем, вероятно, под впечатлением разговора с приехавшим сюда румынским военным агентом в Петрограде, Братиано выразил глубокое сожаление о том, что многие, обращенные к нам, просьбы румынского военного ведомства остаются без удовлетворения и что это ставит его в очень трудное положение в такой момент, когда ему особенно нужна полная поддержка с нашей стороны. Мне не трудно было возразить на подобное заявление, и в ответ Братиано вновь выразил глубокую свою благодарность императорскому правительству за снабжение Румынии лошадьми, селитрой и т. п., но добавил, что Румынии нужно еще очень многое, дабы довести свою боевую готовность до уровня, которого требует нынешняя война.

Впрочем, Братиано не мог мне перечислить, кроме масла, тех продуктов, которыми мы отказываемся снабжать румынскую армию, и он сослался на необходимость навести более точную справку по этому вопросу.

Поклевский.

117.

Секретная телеграмма посла в Париже

7 (20) марта 1916 г., № 189.

В виду открывающейся в будущий понедельник конференции для меня весьма важно быть осведомленным о положении наших пере-

говоров с Румынией, ибо разрешение столь важного вопроса о переходе союзников в наступление на Балканском театре будет главным образом зависеть от того, можно ли рассчитывать на одновременное наступление русских и румынских сил. Из неофициального, но вполне надежного источника здесь имеется сведение, что переговоры эти были бы ускорены и облегчены, если бы они велись не только между Россией и Румынией, но при участии других союзников. Особенно полезную роль могла бы сыграть Италия, военный агент которой в Бухаресте будто бы пользуется большим влиянием.

Извольский.

118.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Париже.

9 (22) марта 1916 г., № 1182.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 189.

Вследствие разных затяжек со стороны румын наши переговоры с ними едва начались и пока ограничиваются только взаимным осведомлением по военным вопросам. Мне кажется, что в такой стадии вмешательство в них третьих держав было бы скорее вредно, чем полезно для дела.

Что касается, в частности, Италии, то, по нашим вполне достоверным сведениям, влияние ее в Бухаресте совершенно ничтожно.

Сазонов.

119.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

6 (19) апреля 1916 г., № 1628.

Я вызвал сегодня Диаманди и высказал ему, что заключение румыно-германского торгового соглашения произвело очень невыгодное впечатление в России, внушая подозрение, что за ним скрывается какая-то другая политическая сделка, касающаяся болгаро - румынских отношений, которая, может-быть, обозначает некоторый поворот Румынии в сторону центральных империй.

Диаманди отрицал последнее и сослался на то, что ему известно только о торговом соглашении, вызванном тяжелым экономическим кризисом в Румынии.

Благоволите по возможности выяснить обстоятельства, при которых было заключено соглашение, и действительно ли дело идет только о торговых вопросах.

Сазонов.

120.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

21 апреля (4 мая) 1916 г., № 241.

Я воспользовался новым свиданием с Братиано после возвращения его из продолжительного отпуска, чтобы серьезным образом обратить

его серьезное внимание на весьма неблагоприятное впечатление, произведенное у нас и у союзных нам стран новым германо-румынским экономическим соглашением. Братиано выразил крайнее огорчение по поводу выказываемого к нему недоверия и настаивал на том, что друзьям Румынии следует с доверием относиться к тем мерам, которые румынское правительство принимает с целью обезоружить его врагов, и что без такого доверия он не будет в состоянии довести до конца принятую им на себя тяжелую и ответственную задачу. По его словам, германо-румынское экономическое соглашение преследует две политические цели. Первая относится к области иностранной политики и состоит в желании вселить нашим врагам уверенность в том, что Румыния сохранит нейтралитет до конца войны; вторая же касается внутренней румынской политики и подсказана необходимостью отнять от здешних германофилов главное оружие, с помощью которого они надеялись низвергнуть нынешний кабинет и призвать к власти Маргиломана, а именно Братиано пришлось облегчить ликвидацию румынского урожая и обеспечить доставку в Румынию из Германии и Австрии разных продуктов и товаров, в которых здесь чувствуется большая нужда. Что же касается практического значения дипломатического соглашения, то Братиано утверждает, не без основания, что выгода от него несомненно падет главным образом на Румынию, которая станет лишь теперь получать из Германии и Австрии необходимые ей предметы, между тем как она сама будет вывозить в эти страны только то, что вывозила туда и до соглашения. По поводу предоставленного Германии свободного транзита товаров через Румынию за исключением военных припасов Братиано поясняет, что он в прошлом, даже рискуя войною, противился транзиту военного материала через Румынию для Турции, так как он вполне сознавал, что этим оказывает нам чрезвычайно важную услугу. Теперь же, при свободном для наших врагов плавании по Дунаю и после занятия Сербии, вопрос о транзите вообще потерял, по мнению Братиано, значение, и отказ Румынии в транзите не принес бы нам существенной пользы и явился бы лишь бесполезным вызовом по отношению к Австрии и к Германии, Братиано даже заявил, что новое соглашение с Германией должно, естественно, быть дополнено соглашением с Австрией однородного же содержания, и об этом в настоящее время уже ведутся переговоры. Румынское правительство в принципе было бы также склонно заключить такое же соглашение и с Болгарией, так как оно желало бы получить оттуда табак и (*пропуск*) через Болгарию около 1.000 вагонов разных предназначенных для Румынии товаров, которые уже около года сложены в Салониках. Братиано уверяет однако, что требовательность болгарского правительства делает пока заключение подобного соглашения маловероятным. О соглашении же с Турцией нет и речи, хотя и там румынское правительство желает приобрести через своего коммерческого агента полезные для Румынии продукты.

Я заметил Братиано, что из его объяснений я усматриваю у него, главным образом, опасение раздражать наших врагов, при чем он как бы забывает, что некоторые действия румынского правительства, являющиеся неожиданными для держав Согласия, должны несомненно вызвать неудовольствие последних. Братиано возразил, взывая

к нашему доверию, и выразил полную готовность всегда давать здешним представителям Согласия разъяснения по отношению политики румынского правительства.

Поклевский.

121.

Письмо директора дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего министру иностранных дел.

Ставка, 14 (27) мая 1916 г.

Глубокоуважаемый

Сергей Дмитриевич.

В последнем разговоре со мной начальник штаба высказал мне беспокойство по поводу Румынии и просил обратить особенное внимание ваше на это обстоятельство. Ряд признаков, по мнению генерала Алексеева, указывает на перемену ориентации румынской политики: торговые соглашения, смена военных агентов, прибытие в Румынию неприятельских офицеров и т. д. Я заметил начальнику штаба, что румыны, как весьма практические политики, примут решение не под влиянием каких-либо обещаний со стороны австро-германцев, а лишь в зависимости от того, на чью сторону фактически склонится победа, и что этот вопрос вероятно разъяснится в течение летних месяцев; что же касается до военного нажима на румын, то австро-германцы не располагают для этого достаточным количеством войск. Генерал Алексеев вполне с этим согласился, но прибавил, что почти вся болгарская армия может быть использована для этой цели и компенсирует недостаток австро-германских войск, потребных для поддержки Румынии в случае вовлечения ее в борьбу против нас. Нельзя быть уверенным,— прибавил начальник штаба, — что немцы не сделают Братиано обещания весьма заманчивых компенсаций за счет Австрии и, кроме того, за наш счет, а Братиано я не верю.

Прошу вас верить в глубочайшее уважение искренне преданного вам

Н. Базили.

122.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

4 (17) июня 1916 г., № 360.

Испросив на-днях аудиенцию, Филипеско старался убедить короля в необходимости немедленного выступления Румынии. Король вновь ответил заверением, что он не явится препятствием к осуществлению румынского национального идеала и что он даст согласие на выступление Румынии против центральных империй, как только того от него потребует румынский народ. Король далее заметил, что, вступив недавно на престол, он не пользуется еще должным авторитетом в стране, но что он надеется приобрести таковой после победоносной войны и будет тогда оказывать большее влияние на государственные дела. На обра-

щенные к королю довольно резкие жалобы на политику Братиано король ответил, что с наступлением великого момента выступления Румынии он обратится ко всем партиям с просьбой предать забвению их распри и объединиться вокруг престола.

Поклевский.

123.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

16 (29) июня 1916 г., № 406.

Блондель получил новые инструкции[1]. Ему поручено сообщить Братиано, что общее наступление, согласно выработанному всеми союзниками плану, уже началось, что военные действия союзников будут отныне лишь усиливаться и что Франция обеспечит Румынии доставку военных припасов через Россию.

Перечислив затем те немногочисленные австрийские и болгарские войска, которые могут быть выставлены против румынской армии, Блонделю приказано заявить Братиано от имени всех союзных штабов, что теперь наступил самый благоприятный момент для выступления Румынии на нашей стороне. Выслушав это сообщение, сделанное ему сегодня, 16 июня, Братиано записал себе главные его пункты и заявил, что он придает очень важное значение словам Блонделя и что он вполне понимает, что нейтралитет Румынии не может уже теперь долго продолжаться. В заключение он просил у Блонделя 48 часов на размышление и обсуждение его сообщения.

Поклевский.

124.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

21 июня (4 июля) 1916 г., № 416.

Ответ, данный Братиано сегодня, 21-го июня, Блонделю, оказался менее благоприятным, чем последний предсказывал нам вчера. Братиано готов немедленно подписать военную конвенцию, об условиях коей предстоит еще договориться, но общий смысл ее должен сводиться к следующему: румынское правительство обязуется начать мобилизацию в тот день, когда будут выполнены следующие условия: 1) первый поезд с военными припасами для Румынии должен прибыть на ее границу, и Россия и Италия должны гарантировать Румынии постоянство в снабжении ее военными припасами на все время войны в размере приблизительно по триста тонн в день; 2) в этот момент общее наступление союзников не должно оказаться остановленным; 3) в то время положение русской армии в Галиции и Буковине должно быть по крайней мере таким, каким оно является в настоящий момент; 4) Румыния должна быть предохранена от наступления со стороны Болгарии.

---

[1]) Заключительная часть инструкции цитируется М. Палеологом — см. «Царская Россия накануне революции», стр. 156.

Кроме того, Братиано, повидимому, подразумевает также заключение политического соглашения, гарантирующего Румынии территориальные приобретения в пределах, формулированных им во время прошлогодних переговоров. Я завтра увижу Братиано и не премину высказать ему мое личное мнение о том, что поставленные им условия дают ему возможность затягивать выступление Румынии и что, судя по полученным нашим военным агентом инструкциям, я сомневаюсь, чтобы мы могли на это согласиться, и что, вообще, едва ли мы предусматриваем возможность заключения военной конвенции, в коей не был бы точно определен весьма близкий срок для выступления Румынии. Французский и итальянский военные агенты получили из главных квартир приказания поддержать перед Братиано — и притом в тех же выражениях — представление, сделанное Татариновым 19 июня, на основании полученной от генерала Алексеева телеграммы. Таким образом, ныне выступает на первый план наше представление, но ответ Братиано дан Блонделю, который выступил с представлением от генерала Жоффра раньше нас.

Поклевский.

125.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

22 июня (5 июля) 1916 г., № 418.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 416.

Сегодня, 22 июня, Братиано повторил мне данный им вчера Блонделю ответ. Я вновь прочел ему полученную Татариновым инструкцию и указал ему, что ее содержание дает мне полную уверенность в том, что ответ его будет признан нами неудовлетворительным, вследствие изложенных в моей вчерашней телеграмме соображений. Братиано указывал на то, что, уступая представлениям союзников, он решается теперь подписать военную конвенцию и что затем необходимо отнестись к нему с доверием, так как, если обстоятельства на театре войны не изменятся к худшему, то Румыния непременно мобилизуется в момент прибытия на границу первого поезда с военными припасами. Если же к тому времени положение союзников ухудшится, тогда выступление Румынии станет для нее опасным, и ей придется выждать более благоприятного момента.

По поводу происходящих ныне с Братиано переговоров я позволяю себе высказать нижеследующие соображения: как я, так и Татаринов, внимательно следим за все усиливающимся в Румынии впечатлением от нашего наступления, не решаясь однако еще предлагать какое-либо давление на Румынию, с целью побуждения ее на скорейшее выступление, так как мы опасались, что Братиано может обставить его такими военными условиями, которые могут оказаться для нас неприемлемыми, и что затем он будет иметь возможность свалить на нас вину за невыступление Румынии. Но, как теперь выясняется, здешний французский военный агент вел частные переговоры с генералом Ильеско, человеком весьма словоохотливым и не скупящимся на разные обещания, о которых Братиано обыкновенно даже и не знает, и такие

разговоры побудили генерала Жоффра преподать Братиано мотивированный совет немедленно выступить на нашей стороне, при чем все остальные союзные миссии получили приказание поддержать как этот совет, так и полученную затем Татариновым инструкцию. Ответ Братиано является, конечно, некоторым шагом вперед, но гораздо меньшим, нежели, повидимому, ожидали союзные правительства. Нельзя однако упускать из виду, что, судя по примеру прошлого, оценка нами значения выступления Румынии меняется в связи с обстоятельствами, а потому я осмеливаюсь на основании всего вышеизложенного представить на усмотрение вашего высокопревосходительства следующие два заключения: 1) если ответ Братиано будет признан нами неудовлетворительным, то мне кажется, что лучше всего было бы нам заявить ему, что мы с удовольствием готовы заключить с румынами военную конвенцию, но лишь такую, в которой был бы точно указан близкий срок для выступления Румынии; если он найдет невозможным пойти сейчас на заключение подобной конвенции, то дальнейшие успехи наши и наших союзников побудят его самого вскоре затем обратиться к нам с таким предложением, и мы тогда отнесемся к нему соответственно с тем, какое значение мы будем в то время придавать выступлению Румынии; 2) было бы желательно предписать всем здешним представителям держав Согласия не предлагать своим правительствам принятия каких бы то ни было дипломатических шагов в Бухаресте, не поставив своих коллег в известность о таких предложениях и не дав им, таким образом, возможности представить их собственные соображения на усмотрение своих правительств.

Поклевский.

126.

Секретная телеграмма министра иностранных дел директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего.

24 июня (7 июля) 1916 г., № 2949.

Ссылаюсь на телеграмму Поклевского № 418.

Во всяком случае на несогласие Румынии обязаться теперь же к выступлению в ближайшем времени, по твердому моему убеждению, было бы неосторожно ответить заявлением, что мы в таком случае вообще отказываемся от заключения с ней военной конвенции и считаем предшествовавшие переговоры о территориальных приращениях потерявшими значение. Не упуская из виду основных соображений, изложенных в вышеупомянутой телеграмме моей, я считаю в данную минуту целесообразным предложение посланника нашего в Бухаресте ответить Братиано, что, принимая к сведению сделанные им предложения, мы можем однако подписать лишь такое соглашение, которым предусматривается выступление Румынии в ближайшем времени и — притом — в точно определенный срок. Вышеизложенное благоволите сообщить начальнику штаба, прося его телеграфировать свое заключение.

Сазонов.

127.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

28 июня (11 июля) 1916 г., № 428.

Братиано принял меня сегодня в присутствии Диаманди, который заявил, что вами поручено ему побудить Братиано на заключение военной конвенции по образцу англо-французской, при чем выступление Румынии должно состояться при наступлении известных обстоятельств, предусмотренных соглашением между нашим и румынским штабами, на что Братиано сейчас же заметил, что он вполне готов заключить подобное соглашение. Не имея еще права официально пользоваться указаниями вашего высокопревосходительства, я все же не преминул заявить, что события быстро развиваются на нашем и на западном фронтах и что я имею уже основания предполагать, что мы желали бы заключения с Румынией военной конвенции, в коей был бы указан близкий срок для ее выступления; Диаманди несколько обиделся по поводу такого подрыва его миссии; Братиано отнесся довольно спокойно как к моему заявлению, так и к дальнейшему замечанию о том, что ныне уже нет нам надобности, в виду изменившейся военной обстановки на Балканах, посылать крупные военные силы в Добруджу. Он сказал, что если бы он хотел затягивать выступление Румынии, то он мог бы заявить, что мои замечания изменяют *(пропуск)* условия, на которые мы сами раньше согласились, но что он не желает безопасного «триумфального шествия румынских войск в Трансильванию», а потому он постарается изучить новые гипотезы и, в особенности, сговориться с генералом Жоффром, дабы компенсировать уменьшение численности наших войск в Добрудже наступлением союзной армии из Салоник. В дальнейшем разговоре Братиано отрицал приписываемое ему французским посланником заявление, будто приход на границу Румынии первого поезда с военными припасами явится как бы сигналом для мобилизации румынской армии. Он объявил при этом, что для последней особенно важны не грузы с пароходов «Мельбурна» и «Быстрицы», которая уже находится на пути в Архангельск, и не приход сюда первого поезда с военными припасами, а вообще налажение этого дела и обязательство со стороны Франции и России поставлять и доставлять в будущем эти припасы в Румынию. При других обстоятельствах это замечание Братиано можно было бы принять за увертку, но я считаю долгом донести вашему выс.-пр-ству, что во время всего разговора Братиано произвел впечатление человека, понявшего, что нельзя уже теперь оттягивать выступление Румынии, при чем он был гораздо более решительным во всех своих заявлениях. Во время разговора у Братиано вырвалось также замечание, что румынское правительство предполагает объявить войну лишь Австрии и Болгарии, при чем Диаманди шепнул мне на ухо, что ему уже поручено выработать текст объявления войны.

Поклевский.

128.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже, Лондоне и Риме.

30 июня (13 июля) 1916 г., № 3067.

В виду того, что французское, английское и итальянское правительства не имеют, повидимому, возражений против предложенных нами оснований возможного соглашения с Румынией, было бы весьма желательно в целях устранения излишних промедлений в выработке проекта означенного соглашения, чтобы по второстепенным вопросам не было задержки. Мы полагали бы поэтому целесообразным, чтобы означенные правительства поручили своим представителям в Бухаресте на месте по взаимному соглашению все второстепенные вопросы. Благоволите просить правительство, при коем вы аккредитованы, снабдить непосредственно своего представителя в Бухаресте соответствующими указаниями и одновременно поставить нас о таковых в известность.

Сазонов.

129.

Секретная телеграмма директора дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего.

Ставка 14 (27) июля 1916 г., № 868.

Татаринов передал по телеграфу предложенный румынами проект военной конвенции. К подписанию его предположено привлечь Англию, Францию и Италию. Сроком выступления Румынии назначается 1 августа нашего стиля. Проект предусматривает энергичное наступление из Салоник не менее, как за десять дней до выступления. Он заключает ряд второстепенных условий, выгодных для Румынии. Проект высылаю с курьером сегодня. Он будет рассмотрен сегодня и завтра утром доложен его величеству для окончательного решения вопроса.

Базили.

130.

Секретная телеграмма директора дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего.

Ставка, 15 (28) июля 1916 г., № 865.

Предложенный румынами проект военной конвенции признается генералом Алексеевым неприемлемым, по соображениям, изложенным *(пропуск)* телеграмме его полковнику Татаринову. В частности недостаточно ясно формулировано условие о сроке выступления. Условие это редактировано следующим образом: Румыния обязуется напасть

на Австро-Венгрию, мобилизуя все свои сухопутные и морские силы, не позднее 1 (14) августа.

Таким образом, лишь наличие запятой позволяет отнести срок 1 августа к выступлению, а не к мобилизации. Для устранения недоразумения по сему предмету посылается телеграфный запрос полковнику Татаринову. По вопросу о наступлении Салоникской армии затруднения отпадают: румынский проект требует начатия этого наступления за 10 дней до выступления Румынии; подписанным ныне в Париже протоколом союзники согласились наступать со стороны Салоник за неделю до выступления. Осведомившись о том, что румыны сделали, по содержанию дипломатического предложения, контрпредложения, сильно расходящиеся с нашим текстом, начальник штаба отмечает необходимость не уступать как в отношении обязанности Румынии самой завоевать территорию, которая ей будет предоставлена после войны, так и в том отношении, что, в случае отказа ее выступить до 1 августа—все наши обещания отпадают. По этому поводу генерал Алексеев высказал следующие соображения. Перед выступлением Италии военное положение было тяжелым, и нужно было согласиться на все ее требования, в частности, на неопределенную форму о гарантии ее территориальных приобретений. Иначе дело теперь, когда силы противника значительно более истощены. Затем румыны не могут особенно долго откладывать свое выступление, так как с ноября операции в Карпатах становятся затруднительными.

Базили.

131.

Секретная телеграмма посла в Париже.

19 июля (1 августа) 1916 г., № 550.

Я мог удостовериться, что французское правительство крайне обеспокоено оборотом переговоров в Бухаресте и считает, что мы проявляем излишнюю неуступчивость по указанным в моей телеграмме № 545 [1]) двум пунктам, которым не придают здесь большого практического значения. Здесь убеждены, что выступление Румынии сократит войну на несколько месяцев, и окончательный неуспех сказанных переговоров произведет крайне тяжелое впечатление на французское общественное мнение, которое не преминет возложить ответственность за него на нас.

Извольский.

132.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

23 июля (5 августа) 1916 г., № 486.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Братиано выехал в деревню до вечера 25 июля, так что возобновить переговоры о политическом соглашении можно будет лишь

---

[1]) В этой телеграмме Извольский передает пожелание французского правительства обнаружить уступчивость по отношению к притязаниям Румынии, но вместе с тем потребовать от нее выступления против центральных держав.

с 26 июля. По имеющимся у меня сведениям, в здешних правительственных кругах подозревают, что императорское правительство отнеслось непримиримо к румынским требованиям, и объясняет проволочку в переговорах стараниямм наших союзников привести нас к более примирительному образу действий по отношению к Румынии. Считаю долгом довести об этом до сведения вашего высокопревосхоительства, так как, судя по прошлогоднему примеру, я убежден, что при дальнейших переговорах наших с румынским правительством для последнего не останется тайной, что наши союзники являются защитниками румынских требований в Петрограде, а потому заслуга за дальнейшие наши уступки, которые, как я опасаюсь, нам придется сделать, если мы действительно желаем немедленного выступления Румынии, будет здесь приписана давлению на нас наших союзников.

Поклевский.

133.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже, Лондоне и Риме.

26 июля (8 августа) 1916 г., № 3407.

№ 1.

Сообщается в Бухарест.

Сводя к одному результаты обмена мнений по поводу заключения с Румынией политического соглашения и принимая во внимание уже сделанные нами и союзниками уступки, полагаю, что окончательный текст соглашения мог бы быть предложен для подписания Румынии в редакции, проект коей заключается в телеграмме № 2, и в котором мы старались итти навстречу румынским пожеланиям.

Считаю необходимым настаивать на подписании военной и политической конвенций к 1 августу с тем, чтобы определенный день выступления был точно обозначен в военной конвенции, по возможности, не позже недели. В случае же уклонения от этого Румынии она лишается права рассчитывать на получение впоследствии тех материальных и политических выгод, которые в настоящее время ей предлагаются державами, о чем следует теперь же предупредить Братиано и осведомить общественное мнение и оппозицию.

Благоволите просить правительство, при коем вы аккредитованы, дать посланникам в Бухаресте надлежащие инструкции.

Для посланника в Бухаресте.

По получении вашими коллегами соответствующих инструкций вам надлежит в согласии с ними предложить румынскому правительству для подписания проект политического соглашения и сделать указанное в настоящей телеграмме заявление.

Штюрмер.

134.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Лондоне, Париже и Риме.

26 июля (8 августа) 1916 г., № 3407.

№ 2.

Сообщено в Бухарест. Весьма срочно.

Русский посланник в Бухаресте уполномочен передать румынскому правительству следующий проект соглашения, имеющего быть заключенным между Россией, Великобританией, Францией и Италией, с одной стороны, и Румынией — с другой.

1. Великобритания, Франция, Италия и Россия гарантируют неприкосновенность территории румынского королевства на всем протяжении ее теперешних границ.

2. Румыния принимает на себя обязательство, при условиях, предусмотренных военным соглашением, объявить войну Австро-Венгрии и напасть на нее; Румыния равно обязуется прервать со всеми врагами союзников как дипломатические, так и экономические сношения, а также прекратить и торговый обмен с ними.

3. Великобритания, Франция, Италия и Россия признают за Румынией право присоединения территорий Австро-Венгерской империи в границах, указанных параграфом 4.

4. Границы территорий, перечисленных в предыдущем параграфе, определяются следующим образом:

Пограничная линия начнется с Прута, с нынешней границы между Россией и Румынией, около Новоселицы, и поднимется по этой реке до границы Галиции и Буковины, до слияния Прута и Черемош. Затем она пойдет по границе Галиции и Буковины и по границе Галиции и Венгрии до Стога 1655. Отсюда она пойдет по линии водораздела между Тиссой и Визо до места соединения Тиссы с Визо. Линия границы на протяжении от Стога до слияния Тиссы и Визо будет окончательно установлена позднее смешанной русско-румынской комиссией, которая примет во внимание экономические интересы местного населения. Начиная с этого пункта, она спустится по течению Тиссы до слияния Тиссы и Самеш и пойдет далее в четырех километрах к северу от указанного слияния с присоединением к Румынии деревни Вазарос-Намени в юго-западном направлении до места, находящегося в шести километрах вправо от города Дебречина. Отсюда она пойдет в том же направлении, минуя на расстоянии 3 километров к западу слияние Грикс, а затем пойдет к югу и, обогнув деревню Бекешамсон на 3 километра к западу, соединится с Тисса на высоте деревни Альджио (N N Сегедин). Отсюда граница спустится по Тиссы до ее впадения в Дунай и затем пойдет по течению Дуная до границы Румынии.

Румыния обязуется не возводить укреплений против Белграда, в зоне, подлежащей последующему определению, и не иметь в этой зоне иных сил, кроме необходимых для несения полицейской службы.

Румынское королевское правительство обязуется возместить расходы тем сербам из области Банат, которые в течение двух лет со времени заключения мира захотели бы покинуть свои участки с тем, чтобы эмигрировать.

5. Великобритания, Франция, Италия и Россия, с одной стороны, и Румыния—с другой, обязуются не заключать сепаратного мира как с Австро-Венгрией, так и со всякой иной враждебной державой, которой Румыния объявила бы войну, до тех пор, пока указанные параграфом 4 и занятые союзниками или Румынией территории не будут присоединены к последней; что касается прочих территорий, упоминаемых тем же параграфом, названные державы гарантируют Румынии их присоединение к ней, поскольку это окажется возможным в связи с общим положением после войны.

6. Румыния будет пользоваться правами наравне с союзниками.

7. Договаривающиеся державы обязуются хранить настоящее соглашение в тайне впредь до заключения общего мира.

Штюрмер.

135.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

27 июля (9 августа) 1916 г., № 493.

Получил вашу телеграмму № 3407.

Здешние представители держав Согласия, ознакомленные мною с изложенными в вышеупомянутой телеграмме инструкциями вашего высокопревосходительства, заявили, что общий смысл получаемых ими указаний позволяет им не только поддержать перед Братиано предлагаемый ныне нами текст политического соглашения, но даже его подписать. Вследствие этого я, с согласия моих коллег, сообщил сегодня, 27 июля, Братиано этот текст, придав ему согласно указанию вашего высокопревосходительства окончательный характер. Прочитав переданный мною меморандум, Братиано сразу пришел в угнетенное настроение и заявил, что пункт 5 нашего проекта не дает ему надежды на полное осуществление румынских территориальных вожделений, из-за которых Румыния готова начать войну. Ему мерещится, что вслед за выступлением Румынии Венгрия попросит мира, и союзники, в общих интересах войны, пойдут на такой мир, предоставив Румынии лишь крохи от тех территорий, которые она желает присоединить. В своих дальнейших изложениях Братиано уже видит полное крушение столь давно подготовляемого им плана и выразил намерение подать в отставку и совершенно удалиться от политики. Выразив надежду на то, что Братиано будет рекомендовать королю себе в преемники Филиппеско, я всеми силами обрушился на него за выказываемое им по отношению к будущим союзникам Румынии недоверие, указав, что самый текст пункта 5 нашего проекта исключает всякую возможность сепаратного мира с Венгрией и что весь смысл нашей оговорки относительно тех территорий, которые будут в момент заключения мира заняты союзными или румынскими войсками, сводится к тому, чтобы поставить Румынию в совершенно одинаковые условия с союзниками, но, конечно, не в лучшие, на что он не имеет права рассчитывать. Эти доводы произвели некоторое впечатление на Братиано, но едва ли рассеяли все его опасения. Не касаясь других пунктов нашего проекта, он обещал внимательно изучить последний и дать окончательный ответ завтра или послезавтра.

Поклевский.

136.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже, Лондоне и Риме.

31 июля (13 августа) 1916 г., № 3513.

Нашему посланнику в Бухаресте дается предписание, одновременно с заключением военной конвенции, немедленно подписать совместно с союзными представителями и румынским правительством политическую конвенцию в последней румынской редакции, предложенной Братиано.

Благоволите довести об этом до сведения министра иностранных дел для снабжения представителей в Бухаресте соответственными инструкциями. Вместе с сим императорское правительство уверено, что огромные уступки и жертвы, которые оно сделало для успеха общего дела, вследствие настояний своих союзников, будут приняты в должное внимание и что в случае необходимости толкования в будущем некоторых не совсем ясных обязательств, устанавливаемых текстом конвенции, союзные правительства не откажутся поддерживать точку зрения России. Желательно получить подтверждение этого от правительства, при котором вы аккредитованы.

Штюрмер.

137.

Русско-Румынская военная конвенция 1916 г. [1]).

Нижеподписавшиеся: 1) русский военный агент в Румынии полковник А. Татаринов, 2) французский военный агент в Бухаресте, А. М. Ф. М. Депре, 3) С. Б. Томсон, великобританский военный агент в Бухаресте и 4) итальянский военный агент в Бухаресте подполковник Фериго, особо уполномоченные верховными командованиями их армий, с одной стороны, и его превосходительство председатель совета министров, военный министр румынского королевства г. Иван Ж. О. Братиано, с другой стороны, договорились о нижеследующем:

Статья 1.

В дополнение к договору о союзе, заключенному 4 (17) августа 1916 г. между Россией, Францией, Великобританией, Италией и Румынией, Румыния обязуется, мобилизовав все свои сухопутные и морские силы, напасть на Австро-Венгрию не позже 15 (28) августа 1916 г. (через 8 дней после Салоникского наступления). Наступательные действия румынской армии начнутся в самый день объявления войны.

Статья 2.

С момента подписания настоящей конвенции и в течение мобилизации и сосредоточения румынской армии, русская армия обязуется

[1]) Текст конвенции напечатан в «Сборнике секретных документов из архива б. М. И. Д.» № 3, изд. 1917 г.

действовать самым энергичным образом на всем австрийском фронте с целью обеспечить вышеупомянутые румынские операции. Эти действия будут специально наступательными и сильными в Буковине, где русские войска должны будут по крайней мере удерживать свои позиции, а также сохранять свою теперешнюю численность.

Начиная с 12 (25) августа 1916 г., российский флот должен будет обеспечивать безопасность Констанцского порта, препятствовать всякой высадке неприятельских войск на румынских берегах и всякому проникновению в Дунай выше устья этой реки.

Со своей стороны, Румыния признает за российским черноморским флотом право пользования Констанцским военным портом, а также право принимать небходимые меры против подводного неприятельского флота.

Российские военные суда, которые будут пользоваться Дунаем как для защиты берегов, так и для оказания содействия румынским армии и флоту, будут находиться под начальством верховного командования румынских армий и действовать на этой реке совместно с эскадрой румынских мониторов. Подробности этих совместных действий будут установлены согласно статьям настоящей конвенции.

Статья 3.

Россия обязуется послать во время мобилизации румынской армии в Добруджу две пехотные дивизии и одну кавалерийскую для совместных действий с румынской армией против болгарской армии.

Союзники обязуются начать решительное наступление салоникских армий, по крайней мере, за восемь дней до начала Румынией военных действий, дабы облегчить мобилизацию и сосредоточение всех румынских военных сил. Это наступление начнется 7 (20) августа 1916 г.

Если бы в течение военных операций союзные державы по соглашению подлежащих генеральных штабов признали нужным увеличить контингенты своих войск, действующих совместно с румынской армией, то это увеличение сил ни в чем не изменит постановлений заключенных конвенций.

Статья 4.

Россия, Франция, Великобритания и Италия обязуются снабжать Румынию военными припасами и материалами, которые будут перевозиться румынскими и союзными судами и проходить транзитом через Россию.

Эти доставки и перевозки должны будут производиться с расчетом обеспечить возможно непрерывное поступление в Румынию по меньшей мере 300 тонн в день, по среднему расчету за месяц перевозок.

В случае, если бы у союзников появились новые пути, которые облегчат провоз военных припасов, Румыния будет иметь право ими пользоваться.

Статья 5.

Союзники равным образом обязуются доставлять Румынии, в пределах возможного, лошадей, медикаменты, продовольствие и предметы снаряжения, о коих бы она просила, в том количестве и тех категорий, которые будут установлены с общего согласия.

Статья 6.

Союзники предоставляют в распоряжение Румынии технический персонал, необходимый для изготовления в стране военных припасов и материалов.

Статья 7.

По заключении настоящей конвенции, генеральные штабы русско-румынских армий, а равно и генеральный штаб салоникских армий, условятся относительно образа их совместных действий.

Согласование военных операций русско-румынских армий или всякое изменение, разъяснение и дополнение для поддержания постоянной связи будет устанавливаться подлежащей главной квартирой, как о том будет указано ниже.

Статья 8.

Совместные действия союзных армий не предполагают подчинения одной договаривающейся стороны другой; они имеют в виду только свободное принятие распоряжений или изменений, вытекающих из общего положения, из потребностей, вызываемых преследуемой целью, и из братства по оружию.

Статья 9.

В принципе королевские румынские и императорские российские войска будут сохранять свое собственное командование, свою отдельную оперативную зону и полную независимость в ведении операций. Демаркационная линия между двумя армиями пройдет от Дорны-Ватры, по Быстрице и долинам рек Шайо и Самеш к Дебречину. Румынские действия будут иметь главной целью, поскольку это позволит военная обстановка к югу от Дуная, движение через Трансильванию на Будапешт.

Русские войска, предусматриваемые статьей 3 и предназначенные для совместных действий с румынской армией, будут находиться под начальством верховной команды румынской армии.

В случае, если бы контингент русских войск, действующих к югу от Дуная, был значительно увеличен, притом на столько, что он оказался бы по численности равным или большим, чем румынские войска, с которыми он будет совместно действовать, то такой контингент может образовать, по выходе из румынской территории, независимую армию, которая будет подчинена русскому верховному командованию. В таком случае эта армия, действующая вне румынской территории, должна будет иметь отдельную оперативную зону и будет управляться согласно распоряжениям верховного русского командования, вполне сообразуясь с планами обеих главных квартир, на основаниях, установленных выше.

Если бы в виду преследуемой цели имели место военные операции совместными русско-румынскими силами, командование этими силами будет определено соответствующей оперативной зоной. Все приказы и распоряжения относительно ведения этих операций будут составлены на русском и румынском языках.

Статья 10.

В принципе на национальную территорию так же как и на территорию, занятую армией одной из договаривающихся сторон, армии другой договаривающейся стороны могут вступать только в том случае, если того потребуют общий интерес и общая цель и по предварительном и письменном согласии в каждом отдельном случае.

Статья 11.

Каждый раз, когда в течение операций союзные армии были бы вынуждены пользоваться одной или несколькими железными дорогами на территории союзного государства для перевозки войск, припасов и военного снабжения, такое пользование будет устанавливаться в каждом отдельном случае делегатами союзных главных квартир.

Управление, организация подвоза и снабжения местными средствами во всех случаях будут лежать на обязанности территориальных властей.

Статья 12.

Пленные, военная добыча и трофеи, взятые одной из армий, будут принадлежать этой армии.

Военная добыча, взятая в совместных боях и на том же самом поле битвы, будет распределена пропорционально численности войск, принимавших участие в этих боях. Однако, для облегчения снабжения румынской армии императорское российское командование уступит ей военный материал и припасы из этой смешанной военной добычи, в которых она будет настоятельно нуждаться.

Статья 13.

Для согласования действий румынской, русской и союзных армий и для более верного достижения военных целей в главных квартирах русской и союзных армий, во время открытия Румынией военных действий, должен находиться представитель румынской армии, которому, в случае необходимости, будет придано в помощь известное количество офицеров. Равным образом представители русской и союзных армий и их помощники должны находиться в главной квартире румынской армии.

Главные квартиры совместно действующих армий должны взаимно и своевременно обмениваться сведениями о военной обстановке, распределении сил и ходе операций.

Статья 14.

Если бы в течение операций возникли обстоятельства, требующие принятия новых мер и возбуждающие вопросы, не предвиденные в настоящей конвенции, то все такие вопросы будут обсуждаться в каждой главной квартире с делегатом союзной армии и будут окончательно решаться только по соглашению главнокомандующих.

Статья 15.

Дабы иметь возможность принять подготовительные меры для начала операций, договаривающиеся стороны должны сговориться относительно плана военных действий до открытия румынской армией военных действий.

Статья 16.

Вопрос о перемириях будет решаться с общего согласия верховными командованиями совместно действующих армий.

Статья 17.

Настоящая конвенция остается в силе со времени ее подписания до заключения общего мира.

Учинено в пяти экземплярах в Бухаресте, 4 (17) августа 1916 г. (подписано:)

Русский военный агент полковник Татаринов.
Французский военный агент М. Депре.
Великобританский военный агент Томсон.
Итальянский военный агент Л. Г. Фериго.
Председатель совета министров,
военный министр Румынии Иван Братиано.

138.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

Унгени, 5 (18) августа 1916 г., № 505.

Сегодня, 4-го августа, в 11 с половиною часов утра, состоялось подписание политического соглашения и военной конвенции, на основании коих наступление салоникской армии должно начаться 7-го августа, и крайним сроком для выступления Румынии назначено 15-е августа. Подписание состоялось, во избежание огласки, в доме Винтила Братиано, куда я отправился со всеми, уже подписанными посланниками и военными агентами держав Согласия, экземплярами соглашения и военной конвенции и где меня ожидали Братиано, его брат Винтила, министр народного просвещения Дука и румынский посланник в Петрограде Диаманди. После совместной считки привезенных мною документов и подписания их Братиано, последний сделал в прочувствованных выражениях заявление о том, что он придает сделанному им шагу огромное значение не только потому, что он надеется при его посредстве осуществить румынский национальный идеал, но и от того, что заключенный между Россией и Румынией союз открывает для этих государств новую эру дружбы и доверия, в коей он видит лучший залог для будущего преуспевания его родины.

Братиано затем особенно просил, чтобы лишь одна из союзных миссий телеграфировала из Бухареста о подписании соглашении и конвенции, так как он боится, что посылка всеми миссиями однородных

телеграмм об этом возбудит подозрение наших врагов и, быть-может, облегчит им попытки расшифровать наши телеграммы. Принимая во внимание, что салоникская армия должна быть немедленно уведомлена о дне подписания соглашения и конвенции, мы решили, что о последнем будет телеграфировать отсюда по беспроволочному телеграфу лишь французский посланник, остальные же посланники пошлют свои телеграммы из Унген, куда я посылаю специальным курьером одного из чинов миссии.

Поклевский.

139.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

15 (28) августа 1916 г., № 550.

По имеющимся у меня достоверным сведениям, коронный совет оказался простою формальностью. Король открыл заседание заявлением, что по многим причинам Румыния не может более оставаться нейтральной, что его правительство обязалось выступить на стороне Четверного Согласия и что он сам вполне одобряет политику своего правительства, при чем он считает свое решение тем более верным и соответствующим интересам Румынии, что для принятия его ему пришлось, так сказать, победить себя самого. Затем Братиано обрисовал чрезвычайно талантливо политику Румынии. Он объяснил, что с 1913 г. обнаружилось полное противоречие в балканской политике Австрии и Румынии. Теперь также вполне ясно, что, несмотря на все усилия императоров Вильгельма и Франца-Иосифа, Венгрия ни за что не допустит никакого улучшения в положении обитающего на ее территории румынского населения, и, наконец, с отпадением Италии от Тройственного Союза, этот союз едва ли стал бы обязательным для Румынии, которая согласилась примкнуть в свое время к центральным империям лишь под условием, чтобы к этому союзу государств примешалась латинская кровь в лице третьей союзницы, Италии. По словам Братиано, Румыния не могла выступить на стороне держав в самом начале европейской войны по известным уже условиям и от того, что в это время лучшие румынские генералы верили в конечную победу Германии. Теперь, когда усилиями союзников такая победа сделалась сомнительной, он заключил с державами Согласия договор о выступлении Румынии против Австрии и о границах будущей Великой Румынии. Он считает, что с момента заключения последнего договора, вопрос о Великой Румынии вышел из области этнографической и стал вопросом политическим и все равно должен осуществиться в будущем, если даже теперь Румынию постигнет неудача. Он закончил свою речь указанием на Михаила Храброго, ставшего самым великим героем Румынии, потому что он в свое время перешел Карпаты. Братиано советует королю Фердинанду последовать этому примеру в полной уверенности, что этот совет соответствует интересам короля, династии и Румынии. В случае неудачи, король Фердинанд все же останется за свою политику самым великим королем Румынии, и Братиано берет за такую политику всю ответственность на себя. Карп возразил Братиано, развивая свои известные руссофобские теории.

Между прочим, к ужасу всех присутствующих, он произнес следующую фразу: «Вы спрашиваете моего совета, я вам говорю, что вы делаете ошибку. Вы просите моего содействия, я вам даю трех моих сыновей, но я вместе с Австрией желаю поражения союзников и румынской армии». Возражение Майореско сводится к тому, что страна не желает войны и что Трансильвания не сочувствует присоединению к Румынии, Маргиломан же находил, что Румыния должна еще продолжить свой нейтралитет и во всяком случае не помогать России завладеть Константинополем. Король возразил на это, что румынским интересам больше соответствует иметь в Константинополе дружескую, нежели враждебную Румынии Россию. Вообще, король вел себя с необыкновенным достоинством и твердостью, лично очень удачно отвечая на все возражения против политики Братиано. В политических кругах поведение и короля и Братиано на коронном совете вызвало всеобщий восторг, который разделяется, между прочим, и Филиппеско и Таке-Ионеско. Совет окончился призывом короля к единению и к оказанию правительству содействия в предстоящей Румынии трудной задаче.

Поклевский.

140.

Секретная телеграмма первого секретаря дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего.

15 (28) августа 1916 г., № 952.

Начальник штаба Одесского военного округа телеграфирует от сего числа: По сведениям пограничной стражи, в 10 часов 30 минут 15 августа в Румынии объявлена общая мобилизация.

Валуев.

РОССИЯ и ИТАЛИЯ

1914 год.

1.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Париже.

22 июля (4 августа) 1914 г., № 1657.

Лично. Строго доверительно.—Нам было сегодня весьма доверительно сообщено, что итальянский м-р иностр. д., уведомляя германского посла о намерении Италии остаться нейтральной, прибавил, что Италия готова рассмотреть способы оказания помощи своим союзникам, если предварительно будут точно установлены условия, отвечающие итальянским интересам. Под этими условиями, повидимому, подразумевается удовлетворение вожделений Италии в отношении Трентино и Валоны. По этому поводу нам было заявлено, что, в виду малой надежды получить желаемое от Германии и Австрии, Италия могла бы вступить в обмен мнений с нами на означенной почве. Основываясь на вашей телеграмме № 224[1]), мы ответили, что не только мы, но и Франция, наверное, согласится предоставить возможность Италии приобрести Валону. Что касается Трентино, то, не имея с своей стороны возражений против присоединения его к Италии, мы еще не высказались, так как хотели бы предварительно осведомиться через вас о взглядах на этот счет Франции.

Полагаю, что в случае согласия на это французского прав-ва, мы могли бы приступить к весьма доверительным переговорам с Италией, с целью выяснить, какую помощь она могла бы доставить нам в борьбе с Австрией и Германией, ценою вышеизложенных обещаний.

Сазонов.

2.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Париже.

22 июля (4 августа) 1914 г., № 1672.

Итальянский посол возобновил со мной сегодня разговор об условиях, на которых Италия решилась бы примкнуть к нам и к Франции

---

[1]) В телеграмме от 19 июля (1 авг.) за № 224 Извольский передает высказанное Пуанкаре мнение о необходимости привлечь Италию на сторону Согласия путем обещания ей Валоны и свободы действий в Албании («Материалы по истории русско-франц. отношений», стр. 525).

в борьбе против Австрии. Он указал, что, сверх приобретения Трентино, Италия желала бы обеспечить себе преобладающее положение в Адриатическом море и с этой целью хотела бы получить Валону. При этом она была бы согласна допустить территориальные приращения на Адриатическом побережьи также и в пользу Греции и Сербии. Ссылаясь на то, что франко-итальянские отношения все еще не отличаются достаточной взаимной доверчивостью, посол высказался за то, чтобы переговоры относительно вышеизложенного велись через наше посредство. Ждем вашего ответа.

Сазонов.

3.

Секретная телеграмма посла в Париже.

23 июля (5 августа) 1914 г., № 240.

Получил телеграмму 1672 и 1657.

Тотчас сообщил их содержание Думергу. По обсуждении вопроса Пуанкаре и Вивиани дали мне следующий ответ:

«Французское правительство согласно с императорским правительством в том, чтобы переговоры велись при посредстве России на основах, дважды сообщенных Сазонову итальянским послом в Петербурге, после того, как будет достигнуто по этому поводу соглашение между Францией и Англией.

Если Италия в настоящей войне окажет свое содействие России, Англии и Франции, французское правительство охотно согласится на то, чтобы, при будущем разграничении и не в ущерб национальным требованиям Франции, Италия получила именно Трентино и Валону, при условии, чтобы Сербия и Греция получили бы в свою очередь территориальные компенсации на Адриатическом побережьи»[1]). На мой вопрос, что означает французское заявление: «не в ущерб национальным требованиям Франции» — Думерг ответил, что оно касается Эльзаса и Лотарингии, возвращение коих Франции должно быть, во всяком случае, обеспечено.

Извольский.

4.

Секретная телеграмма посла в Лондоне[1]).

24 июля (6 августа) 1914 г., № 262.

Никольсон осведомил меня о вашем разговоре с итальянским послом. Грэй придает ему чрезвычайное значение. Он считает, что следует непременно прибавить Триест, как самый важный для Италии пункт, который более всего сможет удовлетворить итальянское общественное мнение.

Бенкендорф.

---

[1]) Текст ответа Пуанкаре и Вивиани — перевод с французского.
[2]) Перевод с французского.

5.

Секретная телеграмма посла в Париже.

24 июля (6 августа) 1914 г., № 248.

Камбон телеграфирует из Лондона, что он тотчас же сообщил Никольсону ваши соображения относительно обещания Италии Трентино и Валоны, в случае совместных ее действий с нами и Францией. Никольсон обещал довести об этом до сведения Грэя и высказал, что не сомневается в согласии английского правительства. Камбон присовокупляет от себя, что Италия несомненно потребует также Триест; Думерг не высказал мне против этого никаких возражений. По имеющимся здесь агентурным сведениям, Италия ведет военную подготовку в направлении к Трентино и перевозит туда войска с французской границы.

Извольский.

6.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Риме.

25 июля (7 августа) 1914 г., № 1731.

Сообщается послам в Париже и Лондоне.

Лично. За последние дни между итальянским послом и мною происходили весьма доверительные переговоры о возможной общности действий Италии с державами Тройственного Согласия против Австрии. При этом, путем сношений с Парижем и Лондоном, выяснилось, что Россия, Франция и Англия склонны предоставить Италии приобретение Трентино, Триеста и Валоны с преобладающим положением в Адриатическом море, где были бы допущены также приращения по берегу в пользу Сербии и Греции, под условием, чтобы Италия в свою очередь немедленно, под любым предлогом, объявила войну Австрии и, выставив свой флот для преграждения выхода австрийскому флоту из Адриатики, заняла бы своими войсками Трентино. Нами было указано, что время не терпит и что Италия должна решиться скорее, так как иначе ее помощь может стать для нас менее ценною, и она упустит случай получить от трех держав согласие на столь крупные приобретения.

Благоволите, сговорившись с вашими французским и английским сотоварищами, переговорить в изложенном смысле с министром иностранных дел и убедить его в необходимости быть решительным в подобную историческую минуту. В случае сочувственного отношения к вышесказанному, переговоры о подробностях соглашения могли бы быть поручены представителям четырех держав, согласно желаний Англии в С. Петербурге, не останавливая выполнения вышеуказанных главных условий.

Сазонов.

7.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне.

25 июля (2 августа) 1914 г., № 1732.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1731.

Благоволите попросить правительство, при коем вы аккредитованы, поручить своему представителю в Риме высказаться перед итальянским министром иностранных дел в том же смысле. Мне кажется необходимым прийти как можно скорее к соглашению и убедить Италию, что она не может рассчитывать получить крупные приращения без соответственного действительного участия ее в военных действиях. Более точное определение ожидаемой от Италии помощи должно составить предмет переговоров, которые могли бы вестись в ближайшие дни в С.-Петербурге, согласно желанию Англии. Ждем срочного ответа с подробным указанием желательных условий соглашения. Просьба подтвердить получение.

Сазонов.

8.

Секретная телеграмма посла в Париже.

26 июля (3 августа) 1914 г., № 251.

Получил № 1731. Копии в Лондон и Рим.

Французскому послу в Риме предписывается сговориться с его русским и английским товарищами в указанном вами смысле. Французское правительство вполне согласно, в случае сочувственного отношения Италии, чтобы переговоры о соглашении с Италией были поручены представителям четырех держав в Петербурге, не останавливая выполнения намеченных вами главных условий.

Извольский.

9.

Секретная телеграмма посла в Риме.

26 июля (8 августа) 1914 г., № 72.

Срочно.

Сюда неожиданно приезжал на два дня итальянский посол в Вене, повидимому, с специальным поручением. Его миссия, однако, не изменила направления итальянской политики. Несмотря на это, я все-таки считаю весьма возможным, что Италия в конце концов будет втянута в войну за Австрию или против нее. На это указывают меры подготовки, наблюдаемые военным и морским агентами. Если бы мы обещали Италии Триест и Триенто, она, вероятно, примкнула бы к нам.

Крупенский.

10.

Секретная телеграмма посла в Лондоне [1]).

27 июля (9 августа) 1914 г., № 280.

Телеграммы №№ 1731 и 1732 получены. Копия в Париж.

Просьба выслать необходимые инструкции.

Лично. Камбон получил такие же инструкции. Он ими еще не воспользовался. Так же, как и ему, мне думается, что вмешательство трех послов в Риме заключает в себе неудобство весьма серьезного характера. Это означает — поставить короля и Сан-Джулиано в чрезвычайно затруднительное положение. Чтобы достигнуть цели, мне кажется, необходимо считаться с весьма щепетильным характером того и другого.

В день объявления войны они порвали со своими союзниками и объявили нейтралитет. Они решатся перейти в наступление против своих вчерашних союзников, лишь побуждаемые в этом направлении общественным мнением Италии, ободряемые военными успехами держав Согласия и не ранее, как заручившись секретным образом целым рядом обещаний.

Вмешательство послов станет известным, и, принимая характер давления, боюсь, повредит нам и ослабит намечающиеся тенденции. Мне кажется, и Камбон всецело разделяет мое мнение, было бы несравненно лучше вам самому переговорить с итальянским послом, в особенности, если вы сможете сказать ему, что выступаете от имени двух других держав. Это легко достижимо. Таким образом, цель будет достигнута без шума, Италия получит иллюзию вполне самостоятельного решения, без всякого давления с нашей стороны, согласно своим желаниям и интересам.

Я не считаю возможным, чтобы король или Сан-Джулиано вынесли решение в близком будущем. Пока же неопределенность занимаемой ими позиции нейтрализует часть морских и сухопутных сил Австрии. Прошу срочного ответа.

Бенкендорф.

11.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне.

28 июля (10 августа) 1914 г., № 1775.

В виду проявляемой Италиею нерешительности, может-быть, из желания затянуть дело до выяснения, на чьей стороне будет перевес сил, я считал бы необходимым, чтобы итальянским представителям в Париже и Лондоне было твердо заявлено, что Франция и Англия придают особенное значение скорому решению вопроса — желает ли Италия примкнуть к ним и к России в борьбе против Австрии на предложенных нами условиях.

Я высказался сегодня в этом смысле перед здешним итальянским послом.

Сазонов.

---

[1]) Перевод с французского.

12.

Секретная телеграмма посла в Париже.

28 июля (10 августа) 1914 г., № 258.

Копии в Лондон и Рим.

Сюда только что возвратился итальянский посол Титтони, застигнутый событиями во время путешествия по Норвегии. Сегодня он имел длинную беседу с Думергом, который в осторожных, но вполне ясных выражениях указал ему на важность для Италии воспользоваться настоящей исторической минутой, чтобы осуществить свои национальные вожделения. Титтони ответил весьма сдержанным образом, оставаясь в пределах уже ранее сделанного итальянским правительством заявления о нейтралитете. Думерг сказал мне, что Барреру поручено также в осторожной и не официальной форме воздействовать на итальянское правительство. Я еще не виделся с Титтони и ничего не знаю о его нынешнем настроении, но считаю долгом напомнить, что в 1909 г. в Ракониджи [1]) на мой вопрос, почему Италия не выходит из Тройственного Союза, он ответил «когда-нибудь из него выйдем, но сделаем это для того, чтобы воевать». Слова эти мною тогда же были отмечены в моем всеподданнейшем докладе о разговорах моих с итальянскими министрами.

Извольский.

13.

Секретная телеграмма посла в Риме.

28 июля (10 августа) 1914 г., № 76.

Лично. — Грэй телеграфирует английскому послу, что он попрежнему считает, что столь определенное выступление здесь в смысле вашей телеграммы № 1731 было бы преждевременным, пока не получится верных указаний, что Италия готова примкнуть к нам. Французский посол телеграфирует в Париж, что, по его мнению, весьма важно знать, была ли и со стороны Карлотти какая-либо инициатива в этом вопросе, или же он ограничился только принятием к сведению ваших предложений. По мнению Баррера, было бы опасно здесь действовать до выяснения этого вопроса. Лично и я полагаю, что было бы, быть-может, целесообразнее действовать осторожно и не слишком поспешно. В Германии и Австрии оказываются всевозможные любезности Италии, особенно, в способах водворения оставшихся там без работы итальянцев.

Крупенский.

---

[1]) В октябре 1909 г. в Ракониджи между Россией и Италией было заключено секретное соглашение, по которому стороны обязались поддерживать status quo на Балканах и взаимно соблюдать интересы: России — в вопросе о проливах, Италии — в Триполитании и Киренаике. Текст соглашения опубликован в «Материалах по истории русско-франц. отношений», стр. 298.

14.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже, Лондоне, Риме.

28 июля (10 августа) 1914 г., № 1803.

Французский и английский послы телеграфируют сегодня своим правительствам, предлагая им сделать через своих представителей в Риме следующее заявление [1]):

«Французское (английское) правительство было осведомлено о частных беседах, которые в течение последних дней имел в Петербурге г. Сазонов с послом его величества короля по поводу возможного присоединения Италии к Тройственному Согласию.

Французское (английское) правительство согласно на нижеприводимые, формулированные г. Сазоновым, предложения:

1) Итальянские армия и флот немедленно выступят против армии и флота Австро-Венгрии.

2) После войны Триент, порты Триест и Валона будут присоединены к Италии.

Французское (английское) правительство надеется, что королевское правительство согласится на эти предложения.

В виду этого, а также в виду спешности, французское (английское) правительство было бы весьма признательно королевскому правительству, если бы оно препроводило маркизу Карлотти необходимые полномочия для выработки совместно с г-ном Сазоновым условий соглашения, которое должно быть заключено между Италией и правительствами Тройственного Согласия.

Прибавка для Рима: Благоволите переговорить в этом смысле с м-ром иностранных дел и побудить его дать испрашиваемые указания Карлотти.

Сазонов.

15.

Секретная телеграмма посла в Лондоне.

29 июля (11 августа) 1914 г., № 290.

Получил № 1775. Копия в Париж.

Мне известно, что Грэй уже говорил с итальянским послом весьма откровенно, но вместе с тем конфиденциально, указав ему на выгодность для Италии активного присоединения к Тройственному Согласию.

Никольсон сказал мне, что Грэй не согласен на официальное выступление трех послов в Риме, считая последнее опасным, главным образом, из-за короля Италии.

Бенкендорф.

---

[1]) Текст заявления—перевод с французского.

16.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне.

31 июля (13 августа) 1914 г., № 1872.

Можете по примеру английского и французского послов пока ограничиться выражением министру иностранных дел удовольствия по поводу решения Италии сохранить нейтралитет. К этому вы могли бы прибавить, что, если бы Италия захотела пойти дальше по пути согласования своей политики с видами держав Тройственного Согласия, то она нашла бы благодарную почву и готовность широко удовлетворить ее национальные вожделения. Если Сан-Джулиано обнаружит желание войти в обсуждение этого предмета, вы уполномочены доверительно сообщить ему сущность наших предложений.

Сазонов.

17.

Секретная телеграмма посла в Риме.

2 (15) августа 1914 г. № 83.

Срочно.

Лично. — Я навестил сегодня в Фиуджи Сан-Джулиано и спросил его, как он отнесся к вашим беседам с Карлотти. Министр мне отвечал сначала с большой осторожностью, что Карлотти только слушал с вниманием ваши предложения. Министр сказал далее: «Мы еще не можем принять какое-либо решение, так как надо сообразоваться с общественным мнением, принять во внимание силы армии, экономические и финансовые вопросы. Но если бы мы вступили в союз с державами Тройственного Согласия, то одним из главных условий было бы совместное действие англо-французского флота с нашим и обязательство не заключать с кем-либо из союзников сепаратного мира. Во всяком случае, если бы мы отказались от нейтралитета, то это было бы только, чтобы итти с державами Тройственного Согласия и никоим образом не против вас. Для разрыва с Австрией необходим однако повод, но я считаю вероятным, что Австрия нам его даст. До сих пор мы недостаточно осведомлены о намерениях Австрии, которая, как кажется, относится к нам весьма враждебно. Во всяком случае, если вопрос этот созрел, то переговоры должны быть совершенно секретны и происходить исключительно в Лондоне, а не в другой столице». Хотя министр и повторял неоднократно, что решение еще быть принято не может, он однако в нашей дружественной беседе пошел гораздо дальше, чем я ожидал, входя даже в вышеизложенные подробности эвентуального соглашения. Министр настаивал на особенной секретности его беседы со мною. Расставаясь и поблагодарив Сан-Джулиано за откровенные объяснения, я выразил ему наше удовлетворение по поводу решения Италии сохранить нейтралитет.

Крупенский.

18.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Лондоне.

4 (17) августа 1914 г., № 1959.

Сообщается в Париж и Рим.

Итальянский посол по поручению своего правительства сообщил, что его правительство полагает желательным, чтобы переговоры велись в Лондоне непосредственными сношениями Грэя с Империали.

Полагаем желательным, чтобы вы не имели бесед с Империали по этому вопросу до тех пор, пока Грэй не получит от последнего заявления, что он уполномочен вступить с ним в переговоры.

Сазонов.

19.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Лондоне.

4 (17) августа 1914 г., № 1961.

Сообщается в Париж и Рим.

Итальянское правительство рассчитывает повидимому, заручиться согласием на конечное обладание теми пунктами, коими ему удастся завладеть силой оружия.

Со своей стороны мы указывали итальянскому послу на опасность для Италии в результате войны создать себе ирредентизмы, которые послужили основой слабости для Австрии и причиной нынешней войны. Мы не можем сочувствовать подобной цели, которая встретила бы несомненно крайнее несочувствие со стороны нашего общественного мнения, и потому полагаем, что следовало бы придерживаться известных вам основ соглашения. Прошу вас доверительно сообщить наши соображения Грэю.

Сазонов.

20.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Риме.

5 (18) августа 1914 г., № 1980.

Сообщается в Париж и Лондон.

Настаивая на крайней секретности переговоров, итальянский министр иностранных дел желает, чтобы они велись исключительно между Грэем и Империали, и предостерегает против подозрений, которые явились бы у германского и австрийского послов в Риме, если бы вы или английский посол имели с ним продолжительные беседы.

Другим аргументом итальянского министра в пользу всецелого сосредоточения переговоров в Лондоне является желание избежать недоразумений, всегда возможных, если обмен мнений происходит в различных местах.

Сазонов.

21.

Секретная телеграмма итальянского посла в Петербурге маркиза Карлотти министру иностранных дел маркизу Сан-Джулиано [1]).

24 июля (6 августа) 1914 г.

Весьма срочно.

Лично министру.

Французский посол сказал мне, что во время аудиенции его императорское величество говорил ему о необходимости для России, Англии и Франции употребить все силы, до последней возможности, чтобы раз навсегда покончить с державами, представляющими постоянную опасность для европейского мира, и не заключать мира, пока эта цель не будет достигнута. Господин Палеолог указал мне затем на создавшееся для Италии благоприятное положение, которым она, по его мнению, должна воспользоваться для достижения целей, преследуемых ею с давних пор, например, в отношении Адриатического побережья. Французский посол полагает, что война будет непродолжительной и что поэтому быстрое решение со стороны Италии представляется чрезвычайно существенным для ее будущей судьбы, так как определенно известно, что на этот раз будет установлен новый порядок вещей в Европе не конференцией, а исключительно силой оружия. В тоне г. Палеолога я уловил легкий оттенок угрозы, которую, впрочем, я также замечал и во время разговоров моих по этому поводу с г. Сазоновым.

22.

Секретная телеграмма посла в Лондоне [2]).

26 июля (8 августа) 1914 г., № 276.

№№ 1731 и 1732 получены. Копия в Париж.

Грэй передал мне, что инструкции, полученные Бьюкененом, вполне соответствуют директивам, полученным мною от вас. Он сказал мне, что английское правительство не возражает против расширения Италии за счет Адриатики и не намерено оспаривать у ней ни один из пунктов, которые она займет силою оружия. Равным образом, оно принимает проект передачи Италии — Трентино, Триеста и Валоны. Что касается военных действий, ожидаемых союзниками от Италии, Грэй сказал, что он не может в настоящий момент указать, в каком направлении таковые были бы особенно желательны с английской точки зрения. Он полагает, что для получения Трентино Италия должна будет его завоевать и что в этих целях ей необходимо задержать свой флот в Адриатике.

Бенкендорф.

---

[1]) Перевод с итальянского. Дешифрант.

[2]) Перевод с французского.

23.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Риме.

9 (22) августа 1914 г., № 2078.

Весьма желательно, чтобы итальянская печать настаивала на необходимости для Италии примкнуть к Тройственному Согласию и не упустить случая свести счеты с Австрией. При этом лучше не входить в подробности размежевания на Адриатическом побережьи, но лишь подчеркивать, что, чем скорее состоится выступление Италии, тем она может рассчитывать на большие выгоды.

Сазонов.

24.

Секретная телеграмма итальянского министра иностранных дел маркиза Сан-Джулиано послу в Петербурге маркизу Карлотти [1]).

9 (22) августа 1914 г.

Один из существенных вопросов, по которому мы должны быть информированы, прежде чем принять решение в том или ином смысле, это — вопрос о численности вооруженных сил, которые Австро-Венгрия предполагает оставить на русской границе. В случае, если Россия направит против Германии максимум своих войск и удовольствуется по отношению к Австро-Венгрии оборонительными действиями, последняя получит возможность отозвать большую часть своих военных сил с русской границы и направить против нас. При медленном темпе нашей мобилизации это может представить для нас серьезную опасность. Следовало бы вам найти способ получить эти сведения, разумеется, так, чтобы никто не догадался, в каких целях наводятся справки, и что инициатива их исходит от вашего превосходительства или от военного атташе. Было бы также чрезвычайно полезно точно знать, когда можно рассчитывать на начало серьезного русского выступления против Австро-Венгрии.

25.

Секретная телеграмма посла в Риме.

9 (22) августа 1914 г., № 95.

Срочная.

Лично. — Министр иностранных дел сказал мне сегодня по собственному почину, что главное затруднение для присоединения Италии к державам Тройственного Согласия заключается, помимо отсутствия поводов, в неподготовленности войска. Впрочем, итальянская армия, по уверениям министра, с каждым днем приводится в все большую боевую готовность. Кроме того, Сан-Джулиано, полагая, по имеющимся у него сведениям, о плане кампании, что все силы союзников будут

[1]) Перевод с итальянского. Дешифрант.

направлены против Германии, настаивал на опасности для Италии бороться одной против Австрии, но, прибавил министр, Италия для объявления войны Австрии не ожидает, в какую сторону склонится победа, а она только опасается, чтобы Австро-Венгрия в случае конфликта не обратила большую часть своих сил против Италии, и желала бы иметь уверенность в том, что Россией будет оттянута на себя значительная часть австрийских сил. Кроме того, открытие англо-французским флотом враждебных действий в Адриатике облегчило бы, по словам министра, решение Италии. Постараюсь на основании данных, сообщенных мне военным агентом, рассеять опасения Сан-Джулиано. Я не скрыл от министра своего вчерашнего разговора с редактором «Корьерэ дела-Сэра», и он нашел, что мои частные сообщения газете вполне соответствуют действительности.

Крупенский.

26.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне.

11 (24) августа 1914 г., № 2134.

Сообщается в Рим.

Чтобы скорее положить конец колебаниям итальянского министра иностранных дел, желательно его успокоить относительно возможного взаимодействия англо-французского и итальянского флотов. С своей стороны постараемся успокоить его относительно нашего наступления в Галиции. В виду крайней необходимости для Сербии получить выход к морю, тем более ею заслуженный боевыми успехами, считаю нужным, в случае переговоров с Италией, тщательно избегать преждевременных обещаний касательно Далматинского побережья, почти сплошь населенного сербами. Особенно вследствие медлительности Италии примкнуть к нам, тогда как для нас важно именно скорейшее ее выступление против Австрии, полагаю достаточным пока остаться на почве уже данных обещаний, обнимающих Трентино, Триест и Валону.

Сазонов.

27.

Секретная телеграмма французского министра иностранных дел Думерга послу в Петербурге Палеологу [1]).

11 (24) августа 1914 г.

Телеграмма из Рима:

Необходимо избежать официального выступления втроем, бесполезного и могущего повлечь за собой важные последствия, так как наши противники, если бы они были осведомлены о нем, не преминули бы сказать, что мы стараемся соблазнить Италию и заставить ее нарушить нейтралитет. Я буду, таким образом, держаться в указан-

---

[1]) Перевод с французского. Дешифрант.

ных мною границах и думаю, что то же сделает и английский посол. Я посоветовал русскому послу поступить так же; но было бы хорошо, чтобы такая осторожная линия поведения была бы ему предписана из Петербурга. Полученная им телеграмма приглашала его сделать официальное обращение к итальянскому правительству.

Я всецело разделяю мнение г. Баррера. Я уже дал ему аналогичные инструкции и знаю, что они совпадают с мнением сэра Грэя.

Я прошу вас дать понять г. Сазонову, насколько было бы важно, чтобы русский посол в Риме не предпринимал никаких официальных шагов до тех пор, пока начатые маркизом Карлотти переговоры не создали еще необходимой основы для желательного соглашения.

28.

Секретная телеграмма посла в Париже.

12 (25) августа 1914 г., № 313.

Получил № 2134, ссылаюсь на телеграммы Крупенского №№ 93 и 95. Копии в Лондон и Рим.

Объяснился с Думергом, который сказал мне, что, по сведениям из Лондона, Грэй уже поручил английскому послу в Риме заявить, что в случае присоединения Италии к державам Тройственного Согласия,— 1) итальянский флот будет действовать совместно с англо-французским флотом и 2) союзники не заключат мира отдельно от Италии. Думерг вполне согласен с вами относительно Далматинского побережья и достаточности уже данных обещаний, обнимающих Трентино, Триест и Валону. Он снабжает французского посла в Риме соответствующими инструкциями.

Извольский.

29.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Риме.

13 (26) августа 1914 г., № 2173.

Получил № 95 и телеграмму Извольского № 313.

Против нас Австрия направила десять корпусов и, кроме того, ландверные дивизии и почти всю свою конницу. Все эти войска уже сосредоточены в Галиции и втянуты в дело. Против Сербии у Австрии три или четыре корпуса, очень пострадавшие от сербских побед. Таким образом, на итальянской границе у Австрии не более одного корпуса. В интересах Италии поспешить с занятием Тироля, пока не готовы формируемые Австрией запасные части.

Франция и Англия уже согласились на совместные действия своих флотов с итальянским и обещали не заключать мира отдельно от Италии. Необходимо однако, чтобы в Италии знали, что все данные нами обещания обусловлены скорейшим выступлением Италии против Австрии и фактическим занятием итальянскими войсками намеченных нами приобретений. Было бы желательно, чтобы итальянское

общественное мнение и печать воздействовали на правительство, боязливость которого способна заставить Италию упустить случай осуществить давнишние национальные вожделения. О вышеизложенном благоволите переговорить с вашими французским и английским сотоварищами для согласования ваших общих действий.

Сазонов.

30.

Секретная телеграмма посла в Риме.

14 (27) августа 1914 г., № 99.

Копия Париж, Лондон.

Лично. — За последние дни некоторые признаки заставляют меня опасаться, не намерена ли Италия остаться нейтральной до конца. Намеки Сан-Джулиано на общее политико-военное положение лишь усиливают мои опасения: так, еще сегодня министр сказал мне, что поражения французских войск не остаются без воздействия на настроение нейтральных держав и на общественное мнение Италии, более важная часть которого высказывается в пользу нейтралитета. «При том,—прибавил он,—англо-французский флот продолжает бездействовать, а русские военные силы направлены будто бы исключительно на Германию и пренебрегают Австрией». Я возразил особенно против последнего замечания, но в дальнейшие прения не счел возможным вступать, так как Сан-Джулиано от них уклонился бы.

Крупенский.

31.

Секретная телеграмма посла в Риме.

14 (27) августа 1914 г., № 100.

Копии в Париж и Лондон.

В дополнение к моей телеграмме № 99 спешу сообщить: только что навестил меня французский посол, которого я нашел чрезвычайно удрученным, и сообщил мне, что и он видел сегодня Сан-Джулиано. Министр уже не намеками, а прямо ему сказал, что, в виду заверений, данных Германией и Австрией, которые позволяют римскому кабинету не иметь опасений с этой стороны,—Италия не намерена отступить от нейтралитета.

Крупенский.

32.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне.

16 (29) августа 1914 г., № 2258.

Из секретного источника узнаю, что, передавая итальянскому послу свой разговор с Баррером, Сан-Джулиано прибавил: «Мой ответ

вполне соответствует нынешним намерениям Италии, но если бы даже в этом отношении произошла со временем перемена, я все же дам тот же ответ Барреру и всякому, кто заговорит со мною об этом, так как считаю, что переговоры на этот счет допустимы только в Лондоне между Империали и Грэем».

Приведенные слова как будто указывают, что Сан-Джулиано еще не окончательно отстраняет мысль о возможном присоединении Италии к державам Согласия. Последнее, очевидно, будет зависеть главным образом от хода военных действий. Но, продолжая воздерживаться, согласно желания Сан-Джулиано, от новых разговоров в Риме, нельзя ли найти какой-нибудь способ втянуть Италию в войну против Австрии, например, путем какого-либо выступления англо-французского флота в Адриатике против Валоны или Триеста, с приглашением Италии принять участие в подобном шаге для ограждения своих интересов.

Сазонов.

33.

Секретная телеграмма посла в Константинополе.

17 (30) августа 1914 г., № 893.

Срочно. Личная.

Из итальянских источников узнаю, что Австрия ныне уже готова довольствоваться нейтралитетом Италии и будто бы обещала ей за сохранение такового широкое исправление границ в Трентино с уступкою местностей, населенных итальянцами, а также отказалась в ее пользу от своих домогательств в Албании. При таких условиях, по мнению моих осведомителей, только известная жертва со стороны Франции в Тунисе, в особенности отдача самого города, носящего магическое для итальянцев имя, и жители коего преимущественно выходцы из Сицилии, могли бы служить противовесом едва ли искренних обещаний, устраняя одновременно повод, побудивший Италию вступить в Тройственный Союз. По словам тех же лиц, приближение германской армии к Парижу должно увеличить колебания итальянского правительства и повысить его требовательность. Замена Мерея более мягким Маккио и назначение военным агентом в Рим Седлера, мать коего итальянка, также вызывает опасения среди здешних приверженцев перехода Италии на сторону держав Согласия.

Гирс.

34.

Секретная телеграмма итальянского министра иностранных дел маркиза Сан-Джулиано итальянскому послу в Петрограде маркизу Карлотти [1]).

18 (31) августа 1914 г.

Телеграмма из Берлина:

Я уже имел возможность констатировать, что за две недели моего отсутствия из Берлина, в немецком общественном мнении произошла перемена; последнее ныне признает право Италии на сохранение ею

[1]) Перевод с итальянского. Дешифрант.

строгого нейтралитета и ее заинтересованность в том. В военных кругах еще продолжает существовать некоторая враждебность по отношению к нам, но ее уже нельзя сравнить с той, какая была проявлена при первой декларации нашей о нейтралитете.

Я попрежнему думаю, как я уже имел честь высказывать это вашему превосходительству, что, независимо от исхода войны, Италии нечего опасаться со стороны своих союзников и что своим соблюдением строгого нейтралитета она уже приносит последним некоторые выгоды. Среди таковых наиболее значительным представляется мне то, что Италия в качестве единственной великой державы, не участвующей во всеобщем конфликте, могла бы, если еще не в настоящий момент, то в более или менее близком будущем взять на себя инициативу выступления, направленного к заключению мира между прочими державами. Инициатива эта, обеспечивая за Италией выдающуюся роль, давала бы ей вместе с тем право на решительное вмешательство в разрешение всех вопросов и в то же время представила бы ей возможность осуществить свои собственные законные стремления».

Я ответил г. Боллати:

«Королевское правительство было бы в восторге, если бы оно могло содействовать заключению мира».

35.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне.

6 (19) сентября 1914 г., № 2768.

Сообщается в Рим.

Итальянский посол сообщил мне по поручению своего правительства, что Италия пока не намерена занять Валону, но что, если бы она впоследствии на это решилась, она сделает это только по предварительному соглашению со всеми державами, подписавшими прошлогодние постановления в Лондоне [1]).

Я принял к сведению это сообщение, но заметил послу, что Россия, Франция и Англия согласились предоставить Валону Италии, имея в виду ее выступление против Австрии. Если же Италия займет Валону с согласия Австрии и оставаясь в мире с последней, дело получит совершенно иной характер, и возможно, что названные три державы сочтут нужным пересмотреть этот вопрос. Желательно, чтобы правительство, при коем вы аккредитованы, высказалось в том же смысле в случае обращения к нему римского кабинета.

Сазонов.

36.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне.

7 (20) сентября 1914 г., № 2778.

Здесь вызывает некоторое недоумение бездействие англо-французского флота в Адриатическом море. Казалось бы, что, обладая

---

[1]) Постановления конференции послов в Лондоне (октябрь — ноябрь 1913 г.) по балканским делам.

превосходством над австрийским, он мог бы, не рискуя нападением на укрепленную Полу или Триест, все же предпринять что-либо на Далматинском побережьи против Каттаро или попытаться занять Дубровник. Это произвело бы большое нравственное впечатление и могло бы оказать известное содействие сербам и черногорцам, наступающим на Сараево. Между тем теперь даже блокада Каттаро, повидимому, недостаточна, так как австрийские суда безнаказанно делают оттуда вылазки против Антивари. Опасаться вызвать беспокойство Италии не следует, так как ее вожделения в эту сторону, вообще, ничем не оправдываются, а тем более после высказанного ею малодушия в вопросе о совместных с нами действиях против Австрии. Занятие Каттаро или Дубровника может только побудить Италию скорее присоединиться к нам из опасения, как бы интересующий ее вопрос о Далматинском побережьи не был разрешен без нее или даже против нее. Благоволите высказаться в этом смысле перед министром иностранных дел.

Сазонов.

37.

Памятная записка сербского посланника в Петрограде российскому министру иностранных дел.

20 сентября (3 октября) 1914 г.

Телеграмма председателя совета министров, министра иностранных дел г. Пашича, от 15 сентября 1914 г.:

«Часть итальянской печати и дипломатические представители Италии в иностранстве ведут разговор о том, что Сербия должна получить на берегах Адриатического моря в случае успешного окончания войны. Из этих разговоров вытекает, что Сербия должна получить известную часть нынешней Далмации и известную часть Албанского побережья, прочая же часть Далмации, как и Хорвация и Словеначла, должна быть автономной областью. Так как теперь ведутся переговоры между итальянским правительством и правительствами Тройственного Согласия о том, что Италия должна была бы получить, если она перейдет на сторону Тройственного Согласия и последнее выйдет победителем, и так как одновременно идут переговоры между Римом и Веною и Берлином, то полагаю, что могли бы об этом начать разговоры. Обратите внимание императорского правительства, что доходят известия из Италии, что Италия собирается войти в Далмацию и присоединить ее, как и слухи, что действия франко-английского флота в Адриатическом море не распространяются на Далмацию из известных соображений относительно итальянских видов на Далмацию. Затрагивая этот вопрос, вы можете заявить правительству, при коем состоите, что Далмация будет сопротивляться такому выступлению Италии, что она будет бороться против нее и что такое действие Италии заставит Далмацию скорее высказаться в пользу Австро-Венгрии, чем согласиться подпасть под власть Италии. Далмация желает присоединиться к Сербии, это ее идеал, этого требуют ее национальные интересы и, наконец, это всегдашнее желание всего сербско-хорватского народа.

Италии будет довольно, если она получит: Триест, Триент, Полу, Истрию с Пулем. Если больше будет требовать, она вызовет реакцию и таким образом послужит Австро-Венгрии. Попросите императорское правительство, чтобы не давало Италии обещаний во вред славянам, ибо Италия не принимает никакого участия в нынешней войне и думает захватить славянские земли, заплаченные славянской же кровью—без всяких ее жертв. Пашич».

38.

Секретная телеграмма великобританского министра иностранных дел Грэя послу в Петрограде Бьюкенену [1]).

21 сентября (4 октября) 1914 г., № 830.

Итальянский посол говорит, что албанские и эпиротские банды совершенно разнуздались и скоро займут Валону, где уже происходят серьезные беспорядки. Итальянское правительство находит, что было бы целесообразно, если бы оно, как единственно нейтральное, само заняло Валону. Оно боится, что в случае, если бы ею завладели эпироты, ее займет и возьмет в конце концов Греция.

Занятие это было бы только временным, оно не явилось бы неблагоприятным моментом в предстоящем обсуждении условий, на которых Италия могла бы прийти к соглашению с союзниками, она не имеет намерения занять Валону на продолжительное время, если не будет вынуждена к тому обстоятельствами.

Итальянский посол спросил, даст ли правительство его величества свое согласие и не запросит ли оно по данному поводу русское и французское правительства.

Ясно, что, противясь этому шагу, мы уменьшим или даже уничтожим совсем вероятность присоединения к нам Италии. Мы могли бы даже *(пропуск)* намерения Италии.

Итальянский посол не мог сказать мне, запрашивались ли по этому поводу Германия и Австрия и отнесутся ли они благоприятно к тому, чтобы Италия извлекла выгоду из своего положения, но в виду создавшегося в Эгейском море положения было бы важно сохранить расположение Италии.

В виду вышеизложенного я надеюсь, что г. Сазонов не будет возражать против того, чтобы я ответил согласием на итальянское сообщение; я не вижу причины к тому, чтобы ставить условия возможной оккупации или создавать для Италии препятствия даже в том случае, если бы в силу необходимости она была вынуждена занять Валону.

Очень желателен благоприятный ответ.

39.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Риме.

21 сентября (4 октября) 1914 г., № 3068.

Сообщается в Бордо и Лондон.

Итальянское правительство, опасаясь, что, в случае возможного занятия Валоны эпиротами, этот город будет присоединен к Греции, высказал

---

[1]) Перевод с английского. Дешифрант.

великобританскому правительству желание занять Валону. Занятие это было бы чисто временным и не исключало бы в будущем обсуждения вопроса между Италией и Тройственным Согласием, при чем Италия не намерена спешить с занятием Валоны, если не будет принуждена к этому местными событиями.

По просьбе Италии, великобританское правительство доверительно запросило о нашем отношении к вопросу. Я ответил английскому послу, что разделяю мнение его правительства о необходимости ответить Италии согласием.

Сазонов.

40.

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

10 (23) октября 1914 г., № 281.

Вследствие почина великобританского правительства римский кабинет согласился на временное занятие греческими войсками Эпира для оказания защиты мусульманскому населению края. Итальянское правительство выговорило себе соответственное право относительно Валоны и выразило желание, чтобы согласие его на греческую оккупацию не было разглашено. Согласие это не должно однако вызвать какую-либо отмену постановлений Лондонской конференции.

Демидов.

41.

Секретная телеграмма посла во Франции.

22 октября (4 ноября) 1914 г., № 57.

Итальянский посол сказал мне конфиденциально, что итальянское правительство получило от С.-А. С. Ш. предложение присоединиться к попытке медиации между воюющими. Такое же предложение, но отдельно будто бы сделано в Риме Испанией. По словам Титтони, итальянское правительство ответило, что оно, разумеется, присоединится ко всякой попытке медиации, но лишь в том случае, если можно рассчитывать на практический успех таковой. Титтони присовокупил, что Саландра запросил по этому поводу его мнения и что он ответил, что сейчас еще не видит, на какой базе может быть предложена медиация. О вышеизложенном я поставил в известность Делькассе, которому Титтони ничего об этом не говорил.

Извольский.

42.

Секретная телеграмма посла в Риме.

22 октября (4 ноября) 1914 г., № 167.

Официальное сообщение имен членов нового кабинета, по всей вероятности, появится сегодня или завтра. Соннино, который считается приверженцем Англии, принял портфель иностранных дел, а Каркано,

сторонник начальника главного штаба, портфель казначейства. Все остальные министры, за исключением министра юстиции, остаются у мест. Хотя и нельзя ожидать немедленного изменения политического курса, но осведомленные парламентарии полагают, что политика нового кабинета будет менее ровной и более решительной.

Крупенский.

43.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне.

24 октября (6 ноября) 1914 г., № 3648.

Сообщается в Рим.

Здешний итальянский посол, так же как и Титтони в Бордо, нащупывал почву, стараясь выяснить, как было бы встречено предложение посредничества Италии. Ему было отвечено, что никакие разговоры о мире не допустимы иначе, как одновременно с Россией, Францией и Англией, и что в настоящую минуту упомянутое посредничество не может рассчитывать на успех, так как едва ли Германия уже теперь согласится на те жертвы, которые одни способны обеспечить достижение главной цели союзников, а именно, невозможности возобновления войны в ближайшем будущем. В случае новых поступов Италии в указанном смысле, желательно сразу отнять у нее всякую надежду на возможность использовать посредническую роль для достижения собственных выгод, которых она не решается добиваться путем войны.

Сазонов.

44.

Секретная телеграмма посла в Риме.

21 ноября (4 декабря) 1914 г., № 191.

Правительственное заявление, сделанное вчера Саландрой при открытии парламента и которое вы прочтете в агентских телеграммах, произвело здесь немалое впечатление. Хотя Саландра и соблюдал большую осторожность, в его речи, воодушевленной патриотизмом, указывалось на невозможность для Италии оставаться безучастной к готовящимся в Европе территориальным изменениям и на необходимость осуществить справедливые идеалы и исторические задачи Италии. Встреченная восторженными рукоплесканиями всего собрания, речь министра послужила предлогом для анти-австрийской и, как уверяют меня, даже анти-германской демонстрации. Французский посол чрезвычайно доволен заявлением Саландры, которое превзошло его ожидания. Хотя оно и является, без сомнения, шагом вперед, менее робким в желательном нами смысле, оно, однако думается мне, пока едва ли к чему-либо обязывает римский кабинет.

Крупенский.

45.

Секретная телеграмма посла в Риме.

25 ноября (8 декабря) 1914 г., № 196.

Получил вашу телеграмму № 4165 [1]).

Как ваше высокопревосходительство замечаете, в речи Саландры нет ничего, существенно изменяющего положение Италии. Поэтому я и телеграфировал, что правительственное заявление, по моему мнению, «едва ли к чему-либо обязывает римский кабинет». Общественное же мнение и французский посол остались довольны речью потому, что в ней в первый раз с правительственной стороны было указано в парламенте на то, что Италия не сможет остаться безучастной к готовящимся территориальным изменениям. Это толковали как намерение, хотя и осторожно высказанное, расширить территорию Италии за счет Австрии. Навестив сегодня Соннино, я его просил объяснить мне не вполне мне понятное выражение «активный нейтралитет», так как нейтралитет, по существу понятие пассивное, а не активное. «Саландра, — ответил министр мне дословно, — говорил о бдительном и активном нейтралитете: бдительном по отношению к нашим интересам и считающемся с национальными стремлениями и активном в том смысле, что мы вооружаемся, готовясь ко всяким случайностям».

В дальнейшей беседе я спросил Соннино, какое он придает значение приезду Бюлова в качестве временного посла. Министр мне ответил, что ему до сих пор ничего не сообщали из Берлина по поводу причин такого назначения, которыми полны газеты. Я указал, что мне кажется очевидным, что Германия надеется изменить этим политическое направление римского кабинета. Министр мне ответил: «Если Бюлов действительно едет сюда с намерением заручиться нашим содействием, то он преследует совершенно невозможное, и его миссия обречена на неуспех». На это я заметил, что, может-быть, берлинский кабинет надеется получить гарантию, что Италия останется до конца нейтральной. Соннино мне с сердцем возразил: «Рим не Константинополь; будьте уверены, что мы не дадим связать себе руки и сохраним за собой полную свободу действий».

Крупенский.

46.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне.

27 ноября (10 декабря) 1914 г., № 4217.

Итальянский посол сообщил мне, что до его правительства дошли слухи о выдвигаемом мною плане раздела Албании между Сербией и Грецией. Посол ссылался при этом на значительные интересы Италии в Албании и упомянул также, что предполагаемый дележ Албании

[1]) В тел. № 4165 Сазонов требует от Крупенского разъяснений по поводу телеграммы последнего за № 191.

противоречит лондонским решениям. Я ответил Карлотти, что, преследуя образование общей для Сербии и Греции границы, я действительно поднял перед союзниками вопрос о создании таковой в Албании.

Не отрицая имеющихся у Италии в Албании интересов, я очень сожалею о том, что неопределившееся направление политики итальянского правительства не позволило мне пригласить его к участию в обсуждаемой моей мысли. Я оговорил при этом, что если итальянское правительство не найдет нужным считаться с нашими выгодами, то державы Согласия могут переменить свою точку зрения на судьбу Валоны. К тому же занятие Италией Валоны само по себе уже не соответствует упомянутым выше лондонским решениям. Неудачный опыт создания Албанского государства[1]) является лишним доказательством, что Албания есть не что иное, как географическое понятие.

Сазонов.

47.

Секретная телеграмма посланника в Сербии.

15 (28) декабря 1914 г., № 1264.

Копия в Цетинье.

Итальянский посланник, по поручению своего правительства, сообщил сербскому правительству, что Италия вынуждена была занять Валону для охраны порядка, но продолжает признавать силу лондонских постановлений. На это Иованович заметил, что брожение среди албанцев может принудить Сербию также занять известные стратегические пункты, дабы обеспечить себя от нападения с этой стороны. Итальянский посланник сказал, что, по его личному мнению, Сербии давно уже следовало так поступить. В беседах по этому поводу как с Пашичем, так и со здешним черногорским посланником, я предостерегал обоих от соблазна последовать примеру Италии, высказав убеждение, что у нас не могут сочувствовать отвлечению сил от главной цели. С политической точки зрения известное поощрение со стороны Италии — естественно, ибо оно отвлекло бы силы Сербии от славянского побережья. Оно дало бы также повод болгарам сказать, что Сербия первая вступает на путь захватов. Разделяя эти доводы, Пашич сказал мне, что занятие пограничных пунктов не входит в виды Сербии и что только действительное движение итальянцев на границы может принудить к этой мере. Недоверие к Италии здесь, вообще, растет и подавляется лишь сознанием необходимости пока его не обнаруживать. Иованович воспользовался случаем, чтобы сказать мне, что занятие Валоны усиливает для Сербии необходимость удержать обеспеченное сообщение с Салониками, ибо Италия будет иметь ключ морских сообщений на

---

[1]) По окончании 2-й балканской войны по настоянию Австро-Венгрия и Италии греки эвакуировали албанскую территорию. Согласно решений Лондонской конференции послов, на территории Албании было образовано государство с монархическим образом правления, при чем резиденцией албанского князя (мгбрет) (избранного конференцией принца Вида) был намечен Дураццо. Разноплеменная по составу населения, албанская территория являлась местом скрещивания влияний австрийского, с одной стороны, и итальянского—с другой. Албанский вопрос был одним из существенных факторов, стимулировавших расхождение между союзниками.

Адриатике. На это я возразил, что в мирное время морская торговля обеспечена, а в военное только одна Англия может пока на это рассчитывать; следовательно, Салоники не меняют положения. Не представилось ли бы однако целесообразным, когда права на Валону будут окончательно закреплены за Италией, оговорить полную свободу плавания для нейтральных в мирное и военное время в Отрантском проливе.

Трубецкой.

48.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне.

25 декабря 1914 г. (7 января 1915 г.), № 4902.

Итальянский посол, по поручению своего правительства, сообщил мне, что оно было принуждено послать в Дураццо военное судно за иностранными представителями и их соотечественниками, жизнь коих находится в опасности, вследствие анархии, царящей в этой части Албании.

Я ответил Карлотти, что вполне сочувствую человеколюбию, побуждающему итальянское правительство способствовать выезду европейцев из Дураццо. Я однако ни в коем случае не могу согласиться на высадку итальянского десанта, ибо таковая могла бы вынудить итальянцев впоследствии к более прочному утверждению в этой области.

Сазонов.

49.

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

26 декабря 1914 г. (8 января 1915 г.), № 407.

Копия в Ниш.

Албанская политика Италии начинает тревожить греческое правительство. Здешний итальянский посланник заявил желание своего правительства в довольно резкой форме, чтобы греческие войска оставались в пределах занятых ими местностей Эпира, а также, чтобы с греческого военного судна, отправленного в Дураццо для защиты греков, никоим образом не было произведено высадки. Итальянцы, между тем, постепенно занимают окружности Валоны и намереваются, повидимому, использовать албанскую смуту, чтобы занять и Дураццо, дабы впоследствии, как здесь думают, торговаться на этой почве с Сербией. Венизелос поведал мне, что он предпочел бы сохранить автономию Албании присутствию итальянцев. В виду двусмысленности действий Италии, он намерен обратиться к трем державам с запросом, как ныне поступить, ибо, с одной стороны, Италия ставит вето движению вперед греческих войск, а с другой—он согласился произвести диверсию на север в случае попыток албанских повстанцев, поощряемых Австрией и Турцией, чинить затруднения Сербии.

Демидов.

50.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Афинах.

30 декабря 1914 г. (12 января 1915 г.), № 4963.

Сообщается в Ниш.

Для Афин:

Ваша телеграмма № 407 получена.

Вследствие моего заявления итальянское правительство согласилось не высаживать десанта в Дураццо. Было бы поэтому весьма желательно, чтобы и греческое правительство безусловно воздерживалось от какой-либо десантной операции в этой части Албании и ограничилось лишь спасением беженцев.

Сазонов.

1915 г.

51.

Секретная телеграмма посланника в Афинах.

8 (21) января 1915 г., № 9.

Греческий посланник в Вене уведомляет от 7-го числа: Римский кабинет на-днях дал будто бы понять австрийскому правительству, что Италия не выйдет из настоящего своего положения, если Австрия согласится на некоторые уступки, что таковые, однако, на последнем совете министров во дворце найдены чрезмерными, но что переговоры не прекращены. Приближенное к министерству иностранных дел лицо, давшее эти сведения, прибавляет, что берлинский кабинет посоветовал венскому показать в переговорах этих умеренность и желание сговориться.

Демидов.

52.

Секретная телеграмма болгарского посланника в Вене Ризова министру иностранных дел Радославову [1]).

30 января 1915 г., № 25.

Германский посланник в Бухаресте телеграфирует:

Италия заявила Румынии, что она, может-быть, откажется от своего нейтралитета.

Для того, чтобы Италия не решилась на такой шаг, необходимо, чтобы Австрия уступила ей Триест.

Вследствие настояний Бюлова пойти на такую уступку, местный германский военный агент выехал сегодня в германскую главную квартиру, чтобы доложить германскому императору об этом.

---

[1]) Перевод с болгарского. Дешифрант.

Полагал бы, что вам было бы полезно поговорить об этом с Тарновским и даже в Вене, при чем вы могли бы сослаться на убеждение Геннадиева и мое, что эта уступка является ныне единственным средством обеспечить нейтралитет Италии, от которого зависит и румынский.

Телеграфируйте об этом в Константинополь. Ризов.

53.

Секретная телеграмма посла в Риме.

13 (26) февраля 1915 г., № 28.

По разным признакам не сомневаюсь, что при посредстве и под давлением берлинского кабинета происходят секретные переговоры о территориальных уступках Австрии в пользу Италии в целях обеспечения ее нейтралитета. Вследствие того, что здесь укрепляется убеждение, что венский кабинет должен будет согласиться на необходимые жертвы, нейтральные течения в стране скорее усиливаются. Вожделения Италии однако со всяким днем растут, и на вопрос, удастся ли князю Бюлову убедить здешнее правительство в необходимости умерить свои требования, — трудно ответить. Крупенский.

54.

Памятная записка российского министра иностранных дел французскому и английскому послам в Петрограде [1]).

22 февраля (7 марта) 1915 г.

В виду того, что английское и французское правительства придают, повидимому, значение сотрудничеству Италии, г. Сазонов не имеет намерения ставить этому какие-либо препятствия. Он полагает однако, что преимущества, которые союзные державы могли бы предоставить Италии за это, должны были бы находиться в соответствии с тем, насколько они выиграют в военном и политическом отношении от выступления Италии. В этом смысле было бы полезно пересмотреть предложения, которые державы готовы были сделать Италии шесть месяцев тому назад. Для того, чтобы согласовать их с настоящим положением, г. Сазонов считает необходимым, чтобы инициатива переговоров с Италией по этому поводу была предоставлена ей самой, и полагает, что Италия могла бы быть допущена к совместным с державами действиям против Турции только при условии одновременного деятельного участия в войне против Австро-Венгрии.

55.

Телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне.

23 февраля (8 марта) 1915 г., № 1001.

Признавая, в общем, желательным привлечение новых союзников к борьбе против Австрии и Германии, я опасаюсь, в частности, относи-

[1]) Перевод с французского.

*

тельно Италии, что ее требовательность окажется несоразмерной действительной помощи, которую принесет нам ее выступление.

Главную пользу последнего я усматриваю не столько в присоединении к нам новых вооруженных сил, на удельный вес коих едва ли следует возлагать преувеличенные надежды,—сколько в нравственном впечатлении, а также в том, что этим будет положен конец проникновению через Италию военной контрабанды в Германию и Австрию. Однако, в виду желания Франции и Англии скорее вовлечь Италию в войну, я готов не настаивать на моих возражениях, но считал бы необходимым:

1) сначала пересмотреть обещания, которые Россия, Франция и Англия соглашались дать Италии шесть месяцев тому назад, в зависимости от изменившейся обстановки; 2) предоставить Италии почин переговоров с нами об условиях открытого перехода ее на нашу сторону, и 3) поставить непременным условием допущения Италии к совместным с нами действиям против Турции ее единовременное выступление против Австрии.

Последнее представляется мне необходимым в виду некоторых признаков, позволяющих думать, что Италия готова была бы предложить нам свою помощь против Турции, чтобы этим приобрести право на вознаграждение как в Турции, так и в Австрии, не порывая пока еще с последней.

Сазонов.

56.

Секретная телеграмма посла в Париже.

25 февраля (10 марта) 1915 г., № 126.

Копия в Лондон.

Получил вашу телеграмму № 1001.

Сообщил ее содержание Делькассе, который высказал мне по первому впечатлению нижеследующее: участие Италии в борьбе союзников против Австрии и Германии продолжает казаться ему весьма желательным, как с точки зрения нравственного впечатления, так и в военном отношении; он вполне согласен с вами, что почин переговоров должен принадлежать Италии; само собой разумеется, что Италия должна выступить не только против Турции, но и против Австрии; впрочем, по имеющимся у Делькассе сведениям, итальянское правительство не стремится непременно принять участие в действиях против проливов и Константинополя. Наконец, что касается пересмотра обещаний, которые Россия, Франция и Англия соглашались дать Италии шесть месяцев тому назад, то Делькассе очень опасается, что всякое ограничение этих обещаний способно оттолкнуть Италию от союза. Насколько ему известно, Италии были обещаны лишь Трентино, Триест и Валона, и Делькассе не видит, что нужно из этого урезать, тем более, что с германской стороны ей сулят мирное присоединение Трентино. Делькассе даст окончательный ответ по внимательном рассмотрении вашего предложения.

Извольский.

57.

Секретная телеграмма посла в Лондоне [1]).

25 февраля (10 марта) 1915 г., № 167.

Весьма секретно. Пригласив одновременно Камбона и меня, Грэй нам сказал, что в пятницу Империали сообщил ему от имени своего правительства, что при известных условиях Италия согласилась бы принять участие в войне. Империали передал ему условия устно, Грэй ему ответил, что ни к какому окончательному решению нельзя прийти без предварительного соглашения с Россией и Францией, которые должны ознакомиться с условиями.

Вчера Империали опять был у него и привез памятную записку, коей Грэю предоставляется устно сообщить ее Камбону и мне. Не желая полагаться на свою память или на сделанные тут же заметки, я просил Грэя взять на себя труд передать по телеграфу Бьюкенену географические условия.

Грэй следующим образом резюмировал нам свои впечатления. Дело это настолько важно, что должно сохраняться в строжайшей тайне. Он находит, что условия Италии чрезвычайно серьезны.

Италия же, с другой стороны, выступает с письменным предложением предоставить в распоряжение держав Согласия свои сухопутные и морские силы против Австрии, Турции или какой-либо другой державы, воюющей с державами Согласия, и обязуется договариваться втроем при заключении мира. По его мнению миссия Бюлова, имевшая целью обеспечить мир, очевидно, потерпела неудачу.

Грэй считает, что при таких условиях дело это требует особенно заботливого к себе отношения. Италия заявляет, что будет в состоянии выступить самое позднее в апреле. Камбон и я, находя, как и Грэй, условия Италии чрезвычайно серьезными, совершенно воздержались от того, чтобы высказывать свое мнение, предоставляя это на усмотрение наших правительств. Никакого специального обсуждения не последовало. В разговоре Камбон спросил, является ли необходимым намеченное Италией сохранение центральной Албании с портом Дураццо. Лично он этого не думает. Грэй не высказывался, но, повидимому, тоже не согласен с этим.

Коснувшись желания Италии иметь острова Додеканеза, Камбон и Грэй оказались согласны в том, что острова эти не были обещаны Греции; Грэй думает, что в принципе английское правительство против этого возражать не будет.

Бенкендорф.

58.

Секретная телеграмма посла в Лондоне.

25 февраля (10 марта) 1915 г., № 171.

Получил № 1001.

Личная. Моя телеграмма № 167 отвечает на некоторые из ваших возражений против союза с Италией. Италия предлагает полный союз

[1]) Перевод с французского.

против всякой воюющей державы, что, повидимому, включает даже возможность враждебных действий по отношению к Америке в виду того, что отношение Соединенных Штатов вызывает здесь сомнения. Мне кажется, что ваш взгляд относительно пользы новых союзов слишком расходится со взглядами Англии и Франции для того, чтобы я мог обойти молчанием это расхождение.

Совершенно ясны нежелательные стороны, которые вы предвидите, но в данный момент всецело преобладает военная точка зрения.

Единственной определенной гарантией против возможности враждебных действий со стороны нейтральных стран, о которых идет речь, является союз с ними. С точки зрения военных интересов роль Италии может приобрести первостепенное значение, и ее поведение может повлиять и на позицию других.

Афинские события, хотя еще и не внушают тревоги, заставляют, однако, над многим призадуматься.

Предложения Италии доказывают, по мнению Грэя, что миссия Бюлова [1]) потерпела неудачу, однако неудача этой попытки может сопровождаться возобновлением переговоров между Италией и Германией.

Во всяком случае применение теории сохранения нейтралитета до конца становится, повидимому, все труднее осуществимым.

Бенкендорф.

59.

Секретная телеграмма товарища министра иностранных дел Нератова министру иностранных дел в Ставку верховного главнокомандующего.

2 (15) марта 1915 г., № 1158.

Срочная.

Французский посол прочел мне телеграмму Делькассе, в которой последний признает чрезмерными требования Италии по трем следующим пунктам:

1) Создание мусульманской Албании явилось бы источником постоянной смуты внутри страны и международных осложнений в будущем.

2) Осуществление вожделений Италии на все Далматинское побережье было бы в противоречии со стремлением держав предоставить сербам свободное положение на побережьи.

3) Нейтрализация всего побережья нарушила бы суверенитет прибрежных государств.

Нератов.

60.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Риме.

2 (15) марта 1915 г., № 116.

Телеграфирую в Лондон. Копия в Париж.

Прошу передать Грэю следующее:

Императорское правительство отнеслось к сделанным Италией в Лондоне предложениям со всем вниманием, какого они заслуживают.

---

[1]) Как пользующийся известной степенью популярности в римских политических кругах, князь Бюлов был призван германским министерством иностранных дел на должность посла в Риме на смену фон-Флотову.

Желая, насколько возможно, облегчить задачу соглашения с римским кабинетом в целях достижения вооруженного сотрудничества Италии, императорское правительство, рассматривая поставленные последней условия, старалось проявить максимум уступчивости. Сознавая всю серьезность предъявляемых Италией условий, оно готово, с своей стороны, принять большую часть их, если великобританское и французское правительства на это согласны. А именно, следующие условия не встречают возражений со стороны России: не заключать сепаратного мира; заключение военной конвенции, для выработки которой великий князь генералиссимус предлагает главнокомандующему итальянской армией войти в непосредственные сношения с его императорским высочеством; признание за Италией права аннексировать Триент, Тироль по сю сторону Альп, Триест, Истрию и острова Кварнеро, а также Валону и, в случае раздела Оттоманской империи, Адалию и занятые итальянскими войсками острова Додеканеза; право Италии, в случае надобности, занять Адалию во время войны; создание мусульманского албанского государства с Дураццо в качестве столицы в границах, которые имеют быть установлены; наконец, недопущение участия папы в мирных переговорах. Давая таким образом в широких пределах свое согласие на итальянские desiderata императорское правительство вынуждено сделать некоторые оговорки касательно следующих пунктов. Существенной целью, к достижению которой должны стремиться державы, является создание такого положения вещей, которое являлось бы прочным основанием для мира в будущем. С этой целью необходимо устранить все, что могло бы таить в себе зародыш новых войн. Но если бы чрезмерные желания, питаемые Италией относительно восточного берега Адриатического моря, осуществились, то, несомненно, можно было бы предвидеть в более или менее близком будущем конфликт между Италией и сербами и кроатами, национальным требованиям и жизненным интересам которых был бы нанесен ущерб. Императорское правительство считает, что следует теперь же прежде всего определить, какая часть Далматинского побережья должна быть предназначена для Сербии и для Черногории. Для того, чтобы Сербия имела соответствующий ее территории доступ к морю, необходимо было бы ей предоставить Далматинское побережье с прилегающими к нему островами от впадения Керки до границы Черногории, которая прошла бы, вероятно, несколько севернее Рагузы. Что касается остальной части берега, от устья Керки до итальянской границы близ Волоски, с прилегающими к нему островами, он должен достаться Кроации, в состав какого бы государства она ни вошла. Что касается желания Италии, чтобы некоторые части берега были объявлены нейтральными, Россия считала бы возможным согласиться на это относительно берега будущей независимой Албании, а также греческого берега между Чимарой и мысом Стилосом, но не считает возможным применить это положение к устьям Катарро и остальной части побережья, которая достанется Черногории. Сверх того, императорское правительство считает нужным оговорить, что Италия обязуется дать свое согласие на все, в чем Англия, Франция и Россия уже пришли к соглашению, что связано с вопросами, имеющими быть урегулированными по окончании войны; наконец, выгоды, которые державы

готовы предоставить Италии, столь значительны, что было бы справедливым сделать это только при условии, что Италия, с своей стороны, окажется деятельной сотрудницей в общей борьбе против Австрии и что срок ее выступления будет определен 1 апреля нового стиля [1]).

Сазонов.

61.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

4 (17) марта 1915 г., № 155.

Лично.

Здешний итальянский посланник постоянно спрашивает меня, почему державы Тройственного Согласия не начинают переговоров с Италией. Мой коллега сказал мне сегодня, что его правительство начинает думать, что мы хотим исключить Италию от участия в разделе турецкого наследства.

Поклевский.

62.

Секретная телеграмма посла в Риме.

6 (19) марта 1915 г., № 49.

Положение становится здесь со всяким днем серьезнее. Германия обещает территориальные уступки Италии за счет Австрии лишь после войны. Италия же требует их немедленно с торжественным занятием ею уступаемых земель. Выход более, чем затруднителен. Генеральный секретарь консульты, вообще, очень сдержанный, мне сказал дословно: «Все это пустые разговоры, но мы не дадим провести себя». Подготовительные военные меры принимаются здесь усиленно. По сведениям военного агента, которые трудно проверить, Германия в случае разрыва переговоров намерена предупредить Италию и напасть на нее при первых мобилизационных мерах с ее стороны.

Крупенский.

63.

Секретная телеграмма посла в Риме.

11 (24) марта 1915 г., № 52.

Падение Перемышля произвело в Италии большое впечатление, и теперь здесь все более убеждаются в неизбежности разгрома Австрии, при чем сочувствующая нам печать требует с усугубленной настойчивостью выступления Италии. Правительство продолжает принимать спешные меры к приведению армии в боевую готовность. Узнал из конфиденциального, но верного источника, что в ночь с 8 на 9 марта старого стиля большая часть войск, находящихся в Риме, отправлена на север; газетам строго запрещено сообщать об этом.

Крупенский.

---

[1]) Перевод с французского.

64.

Телеграмма министра иностранных дел послу в Лондоне.

11 (24) марта 1915 г. [1]).

Сообщается в Париж.

Итальянский посол сказал мне, что его правительство ознакомило его с ходом ведущихся в Лондоне переговоров об условиях вмешательства Италии в войну и что ему поручено поддержать здесь итальянские требования, особенно в отношении Далмации. Я ответил, что, сообщив Грэю для переговоров с Императорскаго правительства, я не считаю себя в праве входить в обсуждение подробностей здесь, но, как личное мнение, могу только сказать, что требование Италии касательно Далмации представляется мне совершенно неприемлемым. Нельзя после всех жертв, принесенных для освобождения Сербии от австрийского гнета, отдать Сербию в зависимость от Италии, лишая сербов достаточно обеспеченного выхода к морю. О возможности, в крайнем случае, каких-нибудь уступок в отношении Зары и Себенико я не сказал послу ни слова.

Сазонов.

65.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Лондоне.

12 (25) марта 1915 г., № 1352.

Грэй, вероятно, ознакомил вас с ходом своих переговоров с итальянским послом и с теми соображениями, которые он высказал в телеграмме Бьюкенену в пользу новых уступок с нашей стороны Италии. На мой взгляд, при всей желательности побудить последнюю к скорейшему выступлению против Австрии, наша уступчивость должна иметь известный предел. Мы уже согласились на весьма крупные приобретения Италии, едва ли соразмерные с ее боевым значением. Окончательное же принесение в жертву итальянским притязаниям интересов Сербии и Черногории не может быть оправдано. При ведении нами переговоров с римским кабинетом не следует забывать, что для Италии не менее важно, чем для нас, достигнуть соглашения, ибо только этим путем она может рассчитывать получить, при сравнительно небольшом напряжении военной силы, крупные приобретения, как за счет Австрии, так и в Турции. В Риме должны сознавать, что, при неудачном исходе лондонских переговоров, Италии придется отказаться не только от Триеста, Далмации и Адалии, но, вероятно, даже и от Трентино, так как, если Германия и Австрия узнают, что соглашение с союзниками не состоялось, они едва ли сочтут нужным пойти на земельные уступки в пользу Италии для удержания ее от вмешательства в войну. Допустить же возможность перехода Италии на сторону австро-германцев при известном настроении итальянского народа и в виду явной, в таком случае, несбыточности мечтаний о господстве на Адриатике—представляется немыслимым.

Сообщается в Париж.

Сазонов.

На подлиннике царская пометка: «Хорошо».

Царское Село.
14 марта 1915 г.

---

[1]) Номер отсутствует.

66.

Памятная записка великобританского посла в Петрограде российскому министру иностранных дел [1]).

13 (26) марта 1915 г.

Секретно.

25 текущего месяца сэру Э. Грэю было сообщено румынским посланником, по возвращении последнего из Бухареста, что румынское правительство решило выступить на стороне держав Тройственного Согласия в начале мая.

Румынский посол выразил желание, чтобы сообщение это было сохранено в тайне и доведено до сведения только русского и французского министров иностранных дел. Ему было предписано указать сэру Грэю на то, что, хотя вступление Румынии в соглашение не следует ставить в зависимость от факта сотрудничества Италии, тем не менее она придает таковому большое значение. Сэр Э. Грэй ответил, что он чрезвычайно рад слышать о решении румынского правительства. Правительство его величества убеждено, что Германия теперь уже не так сильна, как прежде, и что помощь Италии несущественна для окончательной победы. Несмотря на это, державы Согласия чрезвычайно заинтересованы в сотрудничестве Италии, потому что они желают возможно скорейшего окончания войны, а выступление Италии окажет в этом отношении немаловажное содействие. В виду этого правительство его величества придает большое значение этому выступлению. Румынский посол сказал, что ему были даны инструкции переговорить с г. Полем Камбоном относительно снабжения Румынии боевыми припасами; это единственное условие, с которым связано ее выступление. Относительно вопроса о проливах было упомянуто между прочим, когда румынский посол сказал, что его правительство надеется, что они будут свободны для торгового флота. Сэр Грэй ответил, что он уверен в возможности удовлетворительно разрешить этот вопрос без каких-либо затруднений.

По мнению сэра Э. Грэя, Италия согласилась бы самое большее на предоставление Сербии Спалато и побережья к югу от него. Этот берег, однако, должен быть нейтральным как и берег, ниже его лежащий, согласно первоначальных требований Италии. Как того опасается сэр Э. Грэй, Италия будет требовать прибрежные острова, в качестве стратегической гарантии; однако, их следовало бы нейтрализовать и предоставить Сербии. Сэр Э. Грэй готов настаивать на том, чтобы Сербии был дан широкий доступ к Адриатическому морю для коммерческих целей. Это не помешает берегу быть нейтральным; но предоставление Сербии не нейтрализованной прибрежной полосы может создать стратегическую опасность для Италии, если берегом этим в будущем будет владеть сильное славянское государство. По мнению Грэя, это может лишить нас возможности сотрудничества с Италией и даже толкнуть ее на сторону наших врагов. Сэру Э. Грэю известно, что, несмотря на заявление, сделанное румынским послом в Лондоне относительно намерений его правительства,

---

[1]) Перевод с французского.

отношение Румынии находится в тесной связи с требованиями Италии, и, если переговоры с Италией не приведут ни к каким результатам, то возможно, что будут прерваны и переговоры с Румынией. Таким образом, в настоящий момент положение является критическим, чрезвычайно важным и требующим большой осторожности.

67.

Телеграмма министра иностранных дел послу в Лондоне.

15 (28) марта 1915 г., № 1421.

Сообщается в Париж.

Нахожу опасения Грэя, как бы Сербия не сделалась могущественной морской державой, способной угрожать Италии, совершенно необоснованными и продолжаю думать, что Италия едва ли выказала бы себя столь непримиримой, если бы Грэй обнаружил больше твердости в переговорах.

Мне особенно непонятно, почему весьма гадательное морское могущество Сербии признается опасным для Италии, тогда как не принимается во внимание действительная опасность, которую представляет для Сербии уже существующая морская сила Италии.

Тем не менее, в видах скорейшего достижения соглашения, я готов согласиться на последние уступки: Сербия получит побережье и прилегающие острова от мыса Планка, включая Спалато до черногорской границы, а Италия получит побережье и прилегающие острова от северной границы Далмации, включая Зару и Себенико до мыса Планка. Согласно желанию Италии, Катарро будет нейтрализован, а также будет нейтрализована вся часть побережья Далмации с прилегающими островами, о коей идет спор, т.-е. от Зары до устья Каренты. Таким образом, в отношении этой части Далматинского побережья Италия и Сербия будут в одинаковом положении. Что же касается части побережья от Каренты до Катарро, то Италия в первоначальных своих требованиях не выставляла просьбы о нейтрализации этой части, а потому я не вижу, почему мы теперь согласились бы на расширение означенных требований, после того, что мы уже пошли на столько уступок, которые я, с своей стороны, считаю и без того чрезмерными.

Сазонов.

68.

Телеграмма министра иностранных дел послу в Лондоне.

17 (30) марта 1915 г., № 1422.

Сообщается в Париж.

Великобританский посол сообщил мне, что Италия согласна предоставить Сербии Далматинское побережье от мыса Планка до черногорской границы с городом Спалато и островами Большая и Малая Зидона, Буа, Сольта и Брацца, но настаивает на получении остальных островов и полуострова Сабиончелло. Грэй убедительно просит согласиться на эти уступки под условием, чтобы Италия не возражала против

нейтрализации приобретаемых ею островов и Сабиончелло. К сожалению, я не могу удовлетворить этой просьбы по тем причинам, которые я уже неоднократно высказывал в предшествующих телеграммах по этому вопросу. Таким образом, я сегодня же ответил Бьюкенену нижеследующей памятной запиской, получившей высочайшее одобрение: Копия памятной записки для фр. посольства 17 (30) марта. «Стремясь облегчить переговоры, которые ведутся с Италией в Лондоне, г. Сазонов приложил усилия к тому, чтобы последовательными уступками, насколько возможно, заполнить расстояние, разделяющее русскую точку зрения и итальянские требования касательно Далмации. К его большому сожалению, он совершенно не может допустить, чтобы прилегающие к предназначаемому для Сербии побережью острова, и тем более полуостров Сабиончелло,—были предоставлены Италии. Общественное мнение в России никогда бы не помирилось с подобным разрешением вопроса, которое поставило бы Сербию, как в материальном, так и в моральном отношении, в безусловно менее благоприятные условия, чем Италию.

Поэтому г. Сазонов вынужден остаться при предложенных им в памятной записке от 15 (28) сего марта условиях и надеяться, что сэр Э. Грэй даст понять итальянскому правительству, что, дав Италии почти все, что она просит, державы не могут принести ей всецело в жертву интересы Сербии, их союзницы с начала войны». Благоволите передать вышеизложенное Грэю и постарайтесь убедить его в необходимости более твердого отпора чрезмерным притязаниям Италии, которая едва ли решится порвать переговоры с нами из-за нескольких островов, рискуя в таком случае утратить наше согласие на обещанные ей уже весьма крупные уступки.

Сазонов.

69.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Лондоне.

6 (19) марта 1915 г., № 1423.

Сообщается в Париж.

Срочно.

По словам итальянского посла, в Риме поняли необходимость уступок в вопросе Далматинского побережья, и маркизу Империали преподаны указания в этом смысле. Надеюсь, что Грэй использует это, чтобы выговорить, как можно больше, в пользу Сербии.

Сазонов.

70.

Секретная телеграмма посла в Лондоне.

17 (30) марта 1915 г., № 221.

Ваши №№ 1421 и 1423 получены.

Я передал Грэю ваш № 1421. Он сказал мне, что Империали явился сегодня утром с измененными предложениями, которые и были переданы Бьюкенену по телеграфу. Империали заявил, что это последнее слово Италии. Я перебрал все ваши доводы. Не оспаривая их

значения, Грэй, вместе с тем, сказал мне, что английское морское министерство готово признать действительную необходимость защиты восточного побережья Италии от подводных лодок, появляющихся у прибрежной полосы Далмации. Кроме того, Грэй сказал мне, что Италия одновременно вступила в переговоры с Германией. По имеющимся у него сведениям, германские предложения настолько серьезны, что речь идет даже о вознаграждении Италии Австрией за счет Баварии и даже части прусской Силезии. Он сказал мне, что не ручается за достоверность этих сведений, но верит в серьезность предложений, направленных к сохранению простого нейтралитета. Мы желаем вступления Италии в войну. Она решится на это лишь в случае более выгодных предложений. Грэй сомневается в том, чтобы Сербия имела основание жаловаться на недостаточность поддержки со стороны держав Согласия, после того, как последние гарантируют ей тройное увеличение территории и предоставят в прибрежной полосе широкие возможности для развития торговли. Они обязались сделать это, но никак не больше. Грэй сказал мне, что он не хочет злоупотреблять предположениями, но что, во всяком случае, союз с Италией сократит войну на много месяцев и что таким образом державы-союзницы могут оказаться виновницами продления войны по единственному мотиву—обеспечить Сербии ограниченное пространство побережья *(пропуск)* по вопросу о нейтрализации и островах.

Принимая во внимание наличие германских предложений, он не думает, чтобы Италия могла пойти на большие уступки, и, следовательно, союз с нею не осуществится по соображениям, которые он не считает достаточно основательными.

Если дело обстоит так, вопрос о продлении настоящей войны становится *(пропуск)* для Англии настолько серьезным, что кабинет не может им пренебречь. В заключение Грэй сказал, что выступление Италии, как он полагает, повлечет за собой выступление Румынии, а также что, по полученным им в последнюю минуту сведениям, мнение французского правительства вполне определилось в смысле немедленного заключения соглашения с Италией; это мнение изложено в выражениях настолько *(пропуск)*, что он вынужден принять его в соображение. Грэй считает, что добился от Италии в пользу Сербии всего *(пропуск)*, что только можно было получить. Камбон прочел мне конфиденциально телеграмму Делькассе Палеологу. Она составлена в столь энергичных выражениях, что я сомневаюсь, чтобы посол ознакомил вас полностью с ее содержанием. Таким образом, мы поставлены лицом к лицу с вполне установившимся взглядом английского и французского правительств, который, мне кажется, можно резюмировать следующим образом: мы не можем заставить их продолжать вести значительное время эту войну в интересах одной только Сербии, наиболее существенные пожелания которой гарантированы в широких размерах. Грэй сказал мне, что он согласен на расширение Сербии за счет Баната, с целью укрепления Белграда, а это, как результат, безусловно важнее получения прибрежной полосы, которую она могла бы получить. Грэй настаивает на значении, которое имеет союз с Италией для уничтожения последних замыслов Германии.

Бенкендорф.

71.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Лондоне.

18 (31) марта 1915 г., № 1469.

Сообщается в Париж.

Хотя я и не разделяю опасений Грэя и Делькассе на счет возможности для Италии перейти на сторону наших врагов, однако, не считаю возможным принять на себя ответственность за прекращение лондонских переговоров, если бы, как думает Грэй, Италия, действительно, отказалась от дальнейших уступок. Поэтому я согласился на настоятельные просьбы английского и французского послов и передал им сегодня следующую памятную записку:

«Принимая во внимание настояния . . . . .»

Передавая вышеизложенное Грэю, благоволите заявить ему, что это крайний предел уступок, на которые я могу согласиться.

Сазонов.

72.

Памятная записка российского министра иностранных дел великобританскому и французскому послам [1]).

18 (31) марта 1915 г.

Принимая во внимание повторные настояния английского и французского правительств, переданные ему через послов означенных правительств, г. Сазонов выражает согласие на внесение, в виде последней уступки, в его памятную записку от 17 (30) [2]) сего марта следующих изменений:

Часть Далмации от мыса Планка до черногорской границы, в том числе полуостров Сабиончелло, неотделимый от побережья, так же, как и все острова и островки вдоль этой части Далмации, кроме четырех островов, определенно указанных ниже, будут предоставлены Сербии.

Острова Лисса, Бузи, Кацца и Лагоста отойдут к Италии.

Все острова, полуостров Сабиончелло и часть побережья между Зарой и устьем Наренты будут объявлены нейтральными так же, как и бухта Катарро. Таким образом, нельзя будет утверждать, что Италии недостаточно гарантирована безопасность от аггрессивных попыток со стороны сербского флота, который, впрочем, не имеет, повидимому, шансов быть созданным в скором времени.

Демаркационная линия, имеющая отойти от мыса Планка и служить границей между Италией и Сербией в Далмации, будет установлена позднее смешанной комиссией, которая должна будет выработать ее на месте. В случае надобности в состав этой комиссии могли бы войти делегаты Англии, Франции и России в целях облегчения работы уполномоченным Италии и Сербии.

---

[1]) Перевод с французского.

[2]) См. телеграмму Сазонова № 1422, стр. 267.

Решаясь на эти последние уступки, г. Сазонов считает своим долгом прибавить, что делает это исключительно с целью прийти, в соответствии с желаниями Англии и Франции, к немедленному соглашению с Италией для того, чтобы она, согласно своих заявлений, открыла военные действия против Австрии в конце апреля по новому стилю.

Если бы Италия, убедившись в согласии держав исполнить почти все ее желания, стала стремиться под разными предлогами оттянуть свое выступление, все сделанные теперь Россией уступки утратили бы всякую для нас обязательность.

73.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Лондоне.

18 (31) марта 1915 г., № 1470.

Сообщается в Париж.

Уступая настойчивым просьбам Грэя, я согласился на новые, на этот раз последние, уступки Италии, изложенные в моей телеграмме № 1469.

Считаю однако долгом обратить ваше внимание на весьма отрицательные стороны создавшегося положения. В числе требований Италии есть много таких, которые, как, например, касающиеся Малой Азии или африканских колоний, не вызывают со стороны России никаких возражений; тем не менее, раз они затрагивают интересы наших союзников, я считал бы себя обязанным в отношении их всячески поддержать точку зрения последних. Между тем, Грэй, сумевший сразу твердо отклонить притязания Италии на области, ближе интересующие Англию и Францию, не только проявил необычайную уступчивость там, где в сокращении итальянских требований были заинтересованы мы, но даже, повидимому, не скрыл от итальянского посла, что препятствием к соглашению на этой почве служит лишь Россия.

Я сказал сегодня Бьюкенену, что, если бы я мог ожидать, что переговоры будут вестись Грэем таким образом, я бы никогда не согласился, чтобы они велись в Лондоне. Очевидно, в Англии не отдают себе отчета, до какой степени русское общественное мнение чутко ко всему, что касается славян, а в особенности сербов, по праву завоевавших себе теперь всеобщее сочувствие. Уже все уступки, сделанные Италии за счет словинцев и хорватов, вызовут в России громкое осуждение, а притеснения, навязываемые ныне и Сербии в вопросе обеспеченного выхода к морю, будут тем более встречены с негодованием. Когда же узнают, что к этим уступкам мы были вынуждены не только вследствие того, что не нашли своевременной поддержки Англии, а прямо-таки по настоянию Грэя, ставшего вдруг защитником нераздельного итальянского господства на Адриатике, русское общественное мнение, несомненно, обратится против Англии, что крайне нежелательно.

Сазонов.

74.

Секретная телеграмма посла в Лондоне.

20 марта (2 апреля) 1915 г., № 226.

№ 1469 получен. Копия в Париж.

В виду отсутствия Грэя, Асквит сделал итальянскому послу сообщение, основанное на вашей памятной записке. Асквит сказал ему, что три союзных правительства, рассмотрев последнее итальянское сообщение, пришли к соглашению по вопросу о формулировке условий, на которые Италия могла бы рассчитывать в случае своего выступления.

Асквит отметил неожиданные преимущества, полученные Италией, благодаря этой комбинации, исключительно для нее выгодной, так как она получает господство от Кварнеро до Валоны; что касается четырех островов и, сверх того, островка по середине моря, прибавленного Асквитом по его собственной инициативе, то, будучи нейтрализованы, они не смогут служить базой для Италии, но не будут ею также и ни для кого другого. Асквит заявил, что отделение полуострова Сабиончелло от континента представляется невозможным, так как присоединение этого полуострова повлечет за собой присоединение островов к Сербии. Он прибавил, что нейтрализация островов необходима для *(пропуск)*. Асквит присовокупил, что выдвигаемые им предложения зрело обдуманы тремя державами, и он надеется, что Италия их примет без колебаний. Асквит сказал мне, что посол, отвечая ему, обещал точно передать настоящие предложения своему правительству, но, так как они весьма отличны от итальянских предложений, он не берется их поддержать. Асквит вынес впечатление, что проект нейтрализации берега между Планкой и Нарентой в особенности смутил посла.

Асквит сказал мне, что, учитывая ваше положение и русское общественное мнение, он прекрасно понимает вашу точку зрения, что с этой стороны он находит чрезвычайно разумными ваши последние предложения, которые он поддерживал и твердо будет поддерживать впредь, но что, с другой стороны, он считает союз с Италией (наступательные действия) в настоящий момент необходимым и что он не может себе представить, чтобы можно было отказаться от этого проекта из-за вопросов, которые даже для Сербии, после весьма значительной уступки Спалата, не представляются жизненной необходимостью. Я детально разъяснил русскую точку зрения Асквиту и возобновил этот разговор с Никольсоном. Последний сказал мне, что нужно принять во внимание то обстоятельство, что в общественных кругах в ближайшее время станет известным лишь факт присоединения Италии к союзу; что же касается условий, то таковые обнаружатся лишь по заключении мира. Тогда русское общественное мнение так же, как и общественное мнение других стран, поставленное лицом к лицу с вопросами о конечных результатах войны, совершенно иначе отнесется к этому, нежели оно отнеслось бы теперь, если бы оно только знало подробности сделки с Италией.

Все эти соглашения безусловно должны остаться тайными впредь до заключения мира. Бенкендорф.

75.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Лондоне.

22 марта (4 апреля) 1915 г., № 1527.

Сообщается в Париж.

Прошу вас передать Асквиту, что я с искренним удовольствием осведомился о твердом тоне, которым он говорил с итальянским послом. Считаю также весьма полезным данное им английскому послу в Риме поручение разъяснить Соннино, как безрассудно было бы со стороны Италии порвать переговоры с нами из-за столь незначительных разногласий. Мне приятно видеть в Асквите ясное понимание положения, заставляющего меня настаивать на известных уступках в пользу Сербии во внимание к русскому общественному мнению.

Хотя я и не думаю отступать от данного раз согласия поступиться, если нужно, нейтрализацией отходящих к Италии части Далматинского побережья и островов, однако, если Асквиту удастся выговорить и эту уступку со стороны Италии, это, несомненно, облегчит нашу задачу навязать Сербии нейтрализацию части ее приобретений. По поводу возражений Империали, что великая держава не может согласиться на указанное условие, считаю полезным напомнить, что, по Туринскому договору 1860 года, Франция, бывшая к тому же в то время на высоте своего величия, не сочла несовместимым со своим достоинством великой державы принять обязательство нейтрализации отошедших к ней округов Шабеле и Фосиньи в Савойе.

Сазонов.

76.

Секретная телеграмма министра иностранных дел начальнику штаба верховного главнокомандующего.

22 марта (4 апреля) 1915 г. [1]).

Покорнейше прошу ваше высокопревосходительство доложить его императорскому высочеству нижеследующее:

Требования, поставленные Италией условием своего выступления с нами, чрезвычайно велики. Союзники должны предоставить ей приобретение Трентино, части Тироля, Триеста, всей Истрии, большей части Далмации и Валоны, не говоря о приобретениях за счет Турции в Малой Азии и Архипелаге и целом ряде других условий. Руководствуясь указаниями августейшего верховного главнокомандующего, выразившегося за необходимость принять все меры к побуждению Италии присоединиться к нам, хотя бы ценою некоторых жертв за счет сербских интересов, а также принимая во внимание значение, придаваемое выступлению Италии нашими союзниками, я счел себя обязанным пойти широко навстречу требованиям Италии, несмотря на то, что они во многом сильно нарушали интересы славянского населения, Адриатического побережья. Сообразно с этим, я, с высочайшего соизволения государя императора, заявил о согласии России на значительное боль-

[1]) Номер отсутствует.

шинство итальянских домогательств, и в настоящую минуту разногласие заключается еще только в следующем. В Далмации мы готовы уступить Италии побережье и острова от северной границы названной области до мыса Планка, включая города Зара и Себенико, а также острова Лиссу, Буа, Кацца, Лагоста и Пелагозу, с тем, чтобы Сербия получила остальную часть Далмации с прилегающими островами до черногорской границы, включая города Спалато и Меткович, при чем это побережье с островами было бы нейтрализовано.

Итальянское правительство, напротив, настаивает на предоставлении ему, сверх всего обещанного, еще островов Курсола и других, а также полуострова Сабиончелло. Притом оно заявляет, что отказ в этом повлечет разрыв ведущихся в Лондоне переговоров.

Прежде чем повергнуть во вторник на моем всеподданнейшем докладе этот вопрос на высочайшее благовоззрение, я был бы признателен за сообщение, считает ли великий князь положение таковым, что нам следует пожертвовать в данном случае некоторыми сербскими интересами и согласиться на указанное требование Италии, чтобы обеспечить себе военное содействие последней.

Покорнейше прося не отказать в срочном ответе на этот вопрос, считаю долгом прибавить, что итальянское правительство, между прочим, поставило условием продолжения переговоров строгое соблюдение тайны, предупредив, что не преминет прекратить их, если что-либо получит огласку.

Сазонов.

77.

Секретная телеграмма министра иностранных дел великому князю Николаю Николаевичу в Ставку.

24 марта (6 апреля) 1915 г., № 1553.

По всеподданнейшем докладе моем государю императору соображений вашего императорского высочества в связи с общим положением, его императорскому величеству благоугодно было повелеть мне уведомить великобританское правительство о согласии нашем на предложение Делькассе уступить Италии спорные острова, продолжая настаивать на присуждении Сабиончелло Сербии. В случае же, если не удастся достигнуть соглашения на этой почве, государь император соизволил уполномочить меня сделать еще крайнюю уступку, согласившись и на отдачу и Сабиончелло Италии под условием его нейтрализации и обязательства Италии выступить против Австрии не позже конца апреля нового стиля.

По поводу Катарро обязуюсь доложить вашему императорскому высочеству, что нейтрализация его явилась одним из основных требований Италии, против которого я тщетно возражал и на отказ от коего со стороны Италии, к сожалению, нет никакой надежды.

Что касается военного соглашения с Италией, то я полагаю, что в выработке его должен будет принять непосредственное участие и штаб вашего императорского высочества.

Сазонов.

78.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Лондоне.

24 марта (6 апреля) 1915 г., № 1554.

Сообщается в Париж.

В виду опасения Асквита, как бы Италия не порвала переговоров с нами из-за остающихся разногласий в отношении Далмации, я готов, приняв предложение Делькассе, постараться найти примирительный исход в присуждении Сабиончелло Сербии, а спорных островов—Италии. При этом я считал бы справедливым, чтобы эти острова были нейтрализованы так же, как и полуостров Сабиончелло, и находил бы желательным добиться, чтобы, взамен нашего согласия не настаивать на нейтрализации той части Далмации, которая отойдет к Италии, последняя отказалась от требования нейтрализации части сербо-черногорского побережья между Сабиончелло и Катарро. Впрочем, разрешение вопросов нейтрализации я предпочитаю предоставить усмотрению Асквита, чтобы из-за них не замедлить хода переговоров, в уверенности, что Асквит постарается выговорить для Сербии наилучшие условия.

Соглашаясь, таким образом, на новые, весьма существенные уступки, считаю долгом еще раз повторить, что все наши обещания Италии должны быть осуществлены выполнением ею своего обязательства выступить против Австрии не позже конца апреля нового стиля, как о том заявил Империали Грэю в самом начале переговоров.

Всякие же проволочки в этом отношении будут считаться нарушением со стороны Италии заключенного соглашения и позволят нам, в свою очередь, освободиться от данных ей ныне обещаний.

Сазонов.

79.

Памятная записка великобританского посла в Петрограде российскому министру иностранных дел [1]).

28 марта (10 апреля 1915 г.).

Г. Асквит сообщил маркизу Империали, что правительство его величества согласно на следующие условия:

1) Территория между Зарой и мысом Планка (не нейтрализованная) предоставляется Италии.

2) Территория между мысом Планкой и Катарро, включая Сабиончелло и острова Браза (вся подлежащая нейтрализации, за исключением полосы берега, упомянутая под № 4), отходит к Сербии.

Группа Керзо, а также и Лисса (не подлежащие нейтрализации) отходят к Италии.

4) Берег между Сабиончелло и Кастельнуово не должен быть нейтрализован.

---

[1]) Перевод с английского.

Г. Асквит просит сэра Бьюкенена передать г-ну Сазонову, что вопрос о нейтрализации был им очень внимательно рассмотрен и что, учитывая занятую в данном вопросе итальянским правительством позицию, он полагает, что вышеуказанное предложение является очень удачным соглашением.

Г. Асквит надеется, что Сазонов убедится в том, что английское правительство отнеслось с величайшим вниманием к жизненным интересам Сербии.

80.

Памятная записка великобританского посла в Петрограде российскому министру иностранных дел [1]).

2 (15) апреля 1915 г.

Секретно.

Маркиз Империали вручил сэру Грэю сообщение о том, что текст соглашения, одобренный правительством его величества, как о том уведомил господин Асквит итальянского посла, принимается, за исключением одного пункта. (Памятная записка посольства от 28 марта (10 апреля).

Согласно сообщения итальянского правительства, нейтральность Катарро сделается недействительной, если в каком-либо пункте берега на расстоянии 20 километров от Катаррской бухты будет воздвигнуто укрепление. Италия отказывается от Сабиончелло.

Итальянское правительство желает заменить в четвертом пункте вышеуказанной памятной записки слово «Кастельнуово» словами «пункт в 10 милях к югу от Рагузы», как южный предел территории, не имеющей быть нейтрализованной, потому что, как оно утверждает, Кастельнуово в действительности расположен весьма близко от Катарро.

Итальянское правительство желает ввести в новую редакцию параграф, дающий Италии право представительства нового независимого албанского мусульманского государства.

Сэр Э. Грэй того мнения, что если будет дано согласие на это, то союзные державы должны также обусловить, чтобы хинтерланд этого государства был очерчен таким образом, чтобы территории Сербии и Греции соприкасались.

Итальянское правительство присоединится к тексту соглашения 5-го сентября [2]), принимая во внимание настойчивое представление, сделанное господином Асквитом, хотя оно полагает, что первоначальная редакция итальянского меморандума была совершенно достаточна. Сэр Э. Грэй считает себя этим пунктом удовлетворенным.

По мнению итальянского посла, должно быть два документа:

1) Меморандум, пересмотренный согласно вышеуказанных предложений, который, по его мнению, должен быть написан на французском языке. Сэр Э. Грэй заготовил новую редакцию меморандума, которую

---

[1]) Перевод с английского.

[2]) Соглашением 5 сент. 1914 г. державы Тройственного Согласия взаимно обязались не заключать сепаратного мира в течение войны, по окончании же ее при выработке условий мира соблюдать согласованность в своих действиях.

он вскоре передаст по телеграфу на рассмотрение Сазонову и Делькассе так как там имеются некоторые пункты, требующие обсуждения.

2) Документ, который должен быть опубликован отдельно при объявлении войны и которым будет объявлено о присоединении Италии к соглашению 5-го сентября.

Сэр Э. Грэй указывает на то, что соблюдение тайны продолжает быть существенно важным, так как Италии, в силу дипломатических причин (вероятно, для завершения мобилизационных приготовлений и урегулирования вопросов, связанных с объявлением войны), потребуется после подписания соглашения месячный срок, прежде чем она будет в состоянии начать военные действия.

81.

Секретная телеграмма министра иностранных дел великому князю Николаю Николаевичу в Ставку.

2 (15) апреля 1915 г., № 1700.

Мною получено сегодня известие, что Италия более не настаивает на приобретении полуострова Сабиончелло, но требует за это некоторых других уступок, которые, в общем, приемлемы. Таким образом соглашение почти достигнуто, но Италия обязуется выступить только через месяц после подписания с нами договора. Я ответил, что считаю последнее совершенно неприемлемым и настаиваю на выступлении Италии не позже 1-го мая нового стиля, то-есть через две недели. Однако, в виду неуверенности, что удастся достигнуть этого, испрашиваю указаний вашего импер. высочества, следует ли признать, что и после указанного срока участие Италии в войне для нас желательно, и поэтому можно ли в крайнем случае согласиться на просимую отсрочку, чтобы не порывать из-за этого переговоров.

Вместе с тем, предвидя, что присылка из Италии в Ставку особого уполномоченного потребовала бы много времени, и считая желательным отнять у итальянцев лишний предлог к новым оттягиваниям, осмеливаюсь спросить, изволите ли ваше импер. высочество согласиться, чтобы заключение военного соглашения с начальником штаба было поручено для ускорения дела здешнему итальянскому военному агенту, полковнику Раполло, который мог бы быть снабжен на этот предмет особыми указаниями и полномочиями от своего начальства.

Сазонов.

82.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Лондоне.

2 (15) апреля 1915 г., № 1701.

Сообщается в Париж.

В ответ на сделанное мне великобританским послом сообщение прошу вас передать Грэю, что, с удовольствием осведомившись о согласии Италии не настаивать более на приобретении Сабиончелло, я,

с своей стороны, готов согласиться на новые требования Италии касательно распространения нейтрализации черногорского побережья на двадцать километров к северу от Катарро, а также признания за Италией права дипломатического представительства будущего албанского государства. Последнее, впрочем, равносильно установлению итальянского протектората над Албанией, а потому может быть принято нами лишь под условием одновременного закрепления уже заявленного Италией согласия на предоставление южной Албании Греции, северной Албании с городом Скутари и гаванями Сан-Джиовани ди-Медуа и Алесско Черногории и, наконец, достаточной полосы вдоль восточной границы Албании для обеспечения Сербии и Греции общей границы. Но, принимая, таким образом, все условия Италии, я никак не могу согласиться на ее желание снова оттянуть время своего выступления. Как я уже неоднократно предупреждал, Россия весьма неохотно согласилась на широкие уступки итальянским требованиям исключительно в целях немедленного привлечения Италии к участию в войне. Империали сам заявил Грэю, по поручению своего правительства, что Италия будет готова выступить в конце апреля нового стиля, и я принужден настаивать на соблюдении этого срока, считая совершенно недопустимым, чтобы, заручившись нашим согласием на все свои пожелания, в Риме теперь старались отдалить исполнение своих собственных обязательств. Происшедшая вследствие итальянской несговорчивости затяжка переговоров не может служить извинением просимой Италией новой отсрочки на целый месяц со дня подписания договора. До первого мая нов. ст., то-есть до крайнего срока выступления Италии или, по крайней мере, объявления о присоединении ее к нам, остается еще две недели, и, раз мы уже согласились по существу на все итальянские требования, ничто не мешает Италии тотчас же приступить к завершению своих военных приготовлений, которые, судя по вышеупомянутому заявлению итальянского посла в Лондоне, были уже давно близки к окончанию. Для заключения же военных соглашений итальянское правительство могло бы, для выигрыша времени, снабдить по телеграфу надлежащими указаниями и полномочиями своих военных агентов здесь, в Париже и в Лондоне. (Только для Лондона): Лично для вас. Не могу не высказать сожаления, что, в виду возвращения Грэя, переговоры снова перешли в его руки, так как я не сомневаюсь, что Асквит сумел бы выказать больше твердости в отклонении попытки Италии отсрочить свое выступление.

Сазонов.

83.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Лондоне.

3 (16) апреля 1915 г., № 1717.

Сообщается в Париж.

Лично.

Здешний итальянский посол получает из Рима подробные сведения о ходе лондонских переговоров. На его вопрос, как я отношусь к последним предложениям Италии, я ответил самым положительным образом, что после всех сделанных нами уступок нахожу всякую

отсрочку открытого присоединения к нам Италии неприемлемой и буду считать себя свободным от всех принятых обязательств, если обнародование соглашения не последует 1-го мая нового стиля. Карлотти сказал, что сообщит этот отзыв в Рим, но при этом заметил, что ему уже не раз приходилось предупреждать свое правительство о моем отказе принять то или другое условие, на которое впоследствии Империали получал согласие Грэя. Считаю не лишним передать вам это замечание итальянского посла, чтобы вновь указать на желательность более твердого отстаивания в Лондоне нашей точки зрения. В данном случае весьма жаль, что Грэй не заявил сразу итальянскому послу о недопустимости отсрочки обещанного на конец апреля выступления Италии, между тем в телеграмме Империали, повидимому, сказано, что по этому вопросу со стороны Грэя не последовало никаких возражений.

Сазонов.

84.

Памятная записка российского министра иностранных дел великобританскому послу в Петрограде.

3 (16) апреля 1915 г.

Г. Сазонов узнал с удовлетворением, что Италия не настаивает больше на приобретении Сабиончелло, и надеется, что достигнутое по этому пункту соглашение позволит союзникам в самом непродолжительном времени окончательно сговориться с итальянским правительством.

Чтобы облегчить заключение этого соглашения, г. Сазонов готов не противиться желанию Италии распространить нейтрализацию Черногорского побережья на 20 километров к северу от бухты Катарро, принимая, что касается всего остального, условия, предложенные его превосходительством г. Асквитом и записанные в памятной записке английского посольства от 28 марта (10 апреля) сего года.

Он не возражает также против предоставления Италии дипломатического представительства будущего албанского государства. Нельзя, однако, скрывать от себя, что подобная уступка равносильна фактически итальянскому протекторату над Албанией. А поэтому г. Сазонов находит, что эта новая уступка не должна явиться простым добавлением к длинному ряду уже предоставляемых Италии преимуществ, а должна бы быть поставлена в зависимость от некоторых условий. А именно, следовало бы теперь же установить, что, как на это уже согласилась Италия, юг нынешней Албании отойдет к Греции, а север, с городом Скутари, а также порты Сан-Джиовани ди-Медуа и Алесско — к Черногории, между тем, как вдоль восточной границы нового государства будет оставлена на албанской территории полоса достаточного протяжения для того, чтобы обеспечить Сербии и Греции общую границу (памятная записка английского посольства от 2 (15) сего апреля).

Напротив, что касается выраженного Италией желания выступить только через месяц после подписания означенного соглашения, г. Сазонов, к сожалению, не может на это согласиться. Как он уже несколько раз указывал, Россия решилась в этих переговорах на значительные уступки только потому, что думала этой уступкой купить немедленное

выступление Италии. Сам маркиз Империали заявлял его превосходительству сэру Грэю о том, что его правительство обязуется выступить в конце апреля нового стиля. Если теперь, оттянув вследствие своей несговорчивости переговоры и получив значительные выгоды, римский кабинет старается отсрочить исполнение обязательств, являющихся противовесом этих преимуществ, Россия будет вынуждена взять обратно сделанные ею уступки. Достигнутое соглашение должно будет, следовательно, считаться недействительным, если Италия не окажется в рядах воюющих самое позднее 1-го мая нового стиля.

До этого дня остается еще две недели и, раз в Риме уже известно, что все итальянские требования предположительно приняты державами Согласия, военные власти могли бы, без промедления, принять нужные меры для завершения приготовлений. Что касается плана кампании, итальянские военные агенты в Лондоне, Петрограде и Париже могли бы быть снабжены по телеграфу полномочиями и инструкциями для безотлагательной выработки этого плана с главными штабами держав Согласия.

В виду того, что, в оправдание необходимости быть по отношению к Италии сговорчивыми всегда выдвигалось важное значение немедленного выступления Италии, необходимо теперь настаивать на ускорении этого выступления, которое через месяц могло бы в значительной степени утратить свое значение.

Г. Сазонов надеется, что великобританское и французское правительства согласятся с этим мнением и будут воздействовать в этом смысле на римский кабинет. Если последний исполнит в этом отношении принятое на себя маркизом Империали обязательство, г. Сазонов готов принять предложенный его превосходительством сэром Э. Грэем способ подписания соглашения (памятная записка английского посольства от 2 (15) апреля) с оговоркой, что присоединение Италии к союзу между Англией, Францией и Россией будет обнародовано 1-го мая нового стиля.

85.

Секретная телеграмма российского министра иностранных дел послам в Лондоне и Париже.

4 (17) апреля 1915 г., № 1740.

Не могу согласиться с мнением Делькассе, что «в настоящую минуту главное, — как можно скорее, подписать договор», обеспечивающий Италии целый ряд крупных выгод взамен обещаний ее выступить лишь через месяц. Попрежнему не возлагая больших надежд на военную помощь итальянских войск, не имеющих за собой боевых заслуг в прошлом, я считаю, что все значение присоединения к нам Италии заключается в нравственном впечатлении, которое таковое, несомненно, произведет как на воюющих, так и на нейтральных.

Поэтому главное, мне кажется, не в подписании договора и даже не в самом выступлении Италии, а в скорейшей огласке подписанного соглашения. Сообразно с этим, я готов согласиться, чтобы Италия обязалась «выступить» лишь через месяц после того, как мы по суще-

ству пришли к соглашению по всем главным вопросам, то-есть 15-го мая нового стиля, но настаиваю на условии, чтобы факт состоявшегося соглашения был предан гласности не позже 1-го мая нов. стиля. Возражение, что в таком случае Италия может подвергнуться нападению со стороны Германии и Австрии прежде, чем она будет готова,—не убедительно. Во-первых, если итальянское правительство заявляло полтора месяца тому назад через Империали о своей готовности выступить в конце апреля, то следует полагать, что его приготовления достаточно подвинуты, если не для наступления, то по крайней мере для отражения нападения. Во-вторых, такое нападение теперь само по себе немыслимо, так как австрийцы и немцы напрягают все свои силы на других фронтах.

Благоволите без замедления передать вышеизложенное министру иностранных дел и прибавить, что я завтра же сообщу те небольшие поправки, которые считаю нужным внести в полученный мною сегодня полный текст договора.

Сазонов.

86.

Секретная телеграмма посла в Лондоне [1]).

4 (17) апреля 1915 г., № 259.

Копия в Париж.

Лично. Совершенно верно, что, получив вашу последнюю памятную записку, Грэй, так же как и Асквит, не учел огромного значения, придаваемого вами вопросу о сроке. Я должен был прежде всего особенно настаивать на вашей точке зрения, отчасти потому, как это предполагает и Камбон, что, как только договор будет подписан, Италия будет всецело заинтересована и даже вынуждена ускорить события. Грэй, в особенности, проникся мыслью о небходимости подписать договор возможно скорее. И, в самом деле, соотношение между датой подписания и активным выступлением всегда подразумевалось. Кажется, я уже указывал на это в одной из своих телеграмм. В первых числах марта Империали говорил о выступлении в конце апреля. Я сомневаюсь в возможности требовать в настоящее время назначения на первое мая, как обнародования договора, так и активного выступления *(пропуск)* сомневаюсь, также и в том, что связь между датой подписания договора и обнародованием его могла бы быть нарушена. Условия, устанавливающие срок выступления и возможно меньший промежуток времени между датой подписания и началом военных действий, составляют предмет особых забот Грэя.

Я не отдаю себе отчета в поразившем вас несоответствии в позиции Асквита и Грэя. Правда, в начале переговоров Грэй был более настойчив. Судя по положению, занятому Империали, считаю сомнительным, чтобы Асквит смог добиться лучших условий.

Бенкендорф.

---

[1]) Перевод с французского.

87.

Секретная телеграмма посла в Лондоне [1]).

5 (18) апреля 1915 г., № 261.

Срочно.

Прошу срочных указаний.

Грэй и Камбон выработали следующую редакцию для декларации, являющейся единственным, подлежащим опубликованию, документом. Я прошу соответствующих инструкций. В виду того, что итальянское правительство решило принять участие в настоящей войне вместе с правительствами Франции, Великобритании и России и примкнуть к декларации, сделанной в Лондоне 5 сентября 1914 г. тремя названными правительствами, мы, нижеподписавшиеся, на основании данных нам нашими правительствами должных полномочий, заявляем следующее: «Французское, британское, итальянское и русское правительства обязуются не заключать в продолжение настоящей войны сепаратного мира. Четыре правительства согласились, что при обсуждении мирных условий ни одна из союзных держав не будет вносить какие-либо предложения об условиях мира без предварительного на то согласия остальных союзников». Бенкендорф.

Решено, что все постановления относительно будущего мира, принятые союзными державами до присоединения к ним Италии, остаются в силе и не подлежат никаким дальнейшим обсуждениям [2]).

88.

Письмо президента французской республики Пуанкаре на имя Николая II [3]).

Посольство французской республики. С.-Петербург [4]).

Дорогой и высокий друг.

Да будет мне дозволено вашим величеством высказать ему, сколь опасным мне представляется замедление в присоединении союзников к итальянскому меморандуму.

Генерал Жоффр, так же как и его императорское высочество великий князь Николай Николаевич, желает, чтобы выступление Италии произошло возможно скорее, но единственный способ ускорить дело, это — немедленно подписать соглашение. До тех пор, пока оно не будет подписано, можно опасаться, как бы переговоры не были неожиданно прерваны в силу каких-нибудь непредвиденных обстоятельств. Приняв же на себя обязательство подписанием соглашения, Италия, напротив, была бы уже вынуждена приступить к действиям, как только она получила бы материальную возможность это сделать, и мы постараемся подви-

---

[1]) Перевод с французского.
[2]) Эта фраза в оригинале приписана карандашом.
[3]) Перевод с французского.
[4]) В оригинале дата отсутствует.

нуть ее на это решение. Отсрочка, которую она просит, могла бы быть сокращена, поскольку она действительно будет нашим союзником, но тогда мы будем иметь уверенность и основания полагать, что она просит ее не для того, чтобы уклониться от действий, что ей действительно необходимо сделать некоторые предварительные приготовления и что, отказывая ей в предоставлении небольшой отсрочки, мы рисковали бы тем, что она осталась бы в нейтралитете. Пусть лучше она присоединится позднее, чем не присоединится никогда.

Ваше величество, со свойственным ему столь высоким и просвещенным пониманием интересов союзных стран, не поколеблется перед тем, чтобы предотвратить разрыв, могущий повлечь за собой серьезные последствия. В конце концов несомненно, что Италия не может открыто объявить о своем присоединении к декларации 5 сентября до того дня, когда она приступит к действиям. Чем долее будут медлить с подписанием соглашения, тем на более долгий срок будет она поставлена в необходимость не объявлять о своем присоединении.

Я прошу меня извинить за то, что, вынужденный к тому неотложностью дела, я передаю это обращение по телеграфу не непосредственно вашему величеству, и прошу вас верить моей неизменной и преданной дружбе. Пуанкаре.

89.

Секретная телеграмма посла в Лондоне [1]).

7 (20) апреля 1915 г., № 267.

Срочно.

Лорд Китченер просил Ермолова передать мне, что он считает необходимым с военной и морской точки зрения немедленное соглашение с Италией. Ермолов сказал мне, что лорд Китченер не вступал с ним в обсуждение подробностей, но что он не скрыл от него, что малейшая задержка в этом деле была бы пагубной и что он хотел бы, чтобы его мнение было доведено до сведения великого князя верховного главнокомандующего. Китченер настойчиво просил меня довести вышеизложенное до вашего сведения. Я не счел нужным отказать. Он настаивал на слове «немедленное». Бенкендорф.

90.

Памятная записка великобританского посла в Петрограде российскому министру иностранных дел [2]).

7 (20) апреля 1915 г.

Посол его величества короля великобританского получил следующую телеграмму от сэра Эдуарда Грэя:

Мой взгляд на предложенные господином Сазоновым изменения подробно изложены в предшествующей телеграмме. Однако, я хочу просить русского министра иностранных дел не лишать нас сотрудни-

---

[1]) Перевод с французского.
[2]) Перевод с английского.

чества Италии, которое будет иметь очень большое моральное значение. После той готовности, с которой мы пошли навстречу России в вопросе о Константинополе, мне кажется со стороны господина Сазонова несправедливым настаивать на том, чтобы, если не будет обеспечено сотрудничество Италии через месяц после подписания, переговоры были прерваны и сотрудничество Италии отвергнуто. Это значило бы, что вероятность сотрудничества Румынии также отпадает, и Болгария, которая могла бы последовать за нею, будет тяготеть к противной стороне. Вот к какой безнадежной перспективе, по моему мнению, приводит решение русского министра иностранных дел. Если же, с другой стороны, мы получим на этой неделе подпись Италии на меморандуме в его настоящей редакции, а вместе с тем ее присоединение к соглашению 5-го сентября, все остальное уже последует за этим само собой. Самый факт станет известен, так как такие действия, как передвижение войск и совещание между главными штабами, не могут остаться секретом; вступление Румынии будет обеспечено, и в скором времени мы, вероятно, будем иметь на своей стороне Болгарию, а также и Грецию. Я думаю, что теперь наиболее критический момент, и, если мы его упустим, последствия будут неисчислимы и ужасны.

Мы имеем возможность обеспечить себе итальянское сотрудничество самое позднее через месяц после подписания документа, текст которого составлен и который встречает только формальные возражения со стороны господина Сазонова.

Если Италия выразит готовность подписать этот документ, а мы отвергнем ее предложение, настаивая на объявлении о присоединении не через месяц после подписания, а двумя или тремя неделями раньше, переговоры будут прерваны, и мы предоставим ей свободу договориться с Германией. Прочтите эту телеграмму Сазонову и передайте ему личную просьбу от меня рассмотреть создавшееся положение именно с этой точки зрения. С точки зрения русских интересов сотрудничество Италии может не привлекать особенного внимания, но для нас, а я говорю здесь согласно с мнением английских военных и морских авторитетов, факт сотрудничества Италии, влияние, которое он окажет на нейтральные державы, имеет величайшее значение.

Поэтому я хотел бы повторно настаивать на том, чтобы Россия не лишила нас этого даже в том случае, если мы не сможем обеспечить выступление Италии ранее, чем через месяц.

91.

Секретная телеграмма великобританского статс-секретаря по иностранным делам Грэя послу в Петрограде Бьюкенену [1]).

8 (21) апреля 1915 г.

Приводимый ниже текст является проектом, предложенным французским правительством, для оформления присоединения Италии к соглашению 5-го сентября, который я готов принять в настоящей его редакции.

---

[1]) Перевод с английского.

Благоволите сообщить это русскому министру иностранных дел и попросите его содействия.

«Вследствие состоявшегося решения итальянского правительства принять участие в настоящей войне вместе с правительствами французским, английским и русским и присоединиться к Лондонской декларации означенных правительств от 5-го сентября 1914 года, нижеподписавшиеся, надлежащим образом уполномоченные своими правительствами, заявляют следующее:

«Французское, английское, итальянское и русское правительства взаимно обязуются не заключать сепаратного мира в течение настоящей войны.

Четыре правительства согласились в том, что, когда представится возможным внести на обсуждение вопрос о времени заключения мира, ни одна из союзных держав не будет предлагать условий без предварительного согласования таковых с каждой из остальных союзниц».

92.

Письмо министра иностранных дел послу в Лондоне.

8 апреля 1915 г., № 62.

В. доверительно.

М. г.

Гр. Александр Константинович!

Пользуюсь представившимся сегодня случаем, чтобы переслать вам верным путем настоящее письмо в дополнение к вчерашней моей телеграмме № 1797.

Вам уже известно, что, по указанным мной раньше соображениям, которые считаю излишним повторять, выработанное в Лондоне соглашение с Италией является, на мой взгляд, во всех отношениях крайне неудачным, и что я, наконец, согласился на его подписание только под настойчивым давлением наших союзников. Но не могу скрыть от вас того тягостного впечатления, которое по этому поводу остается у меня от способа ведения переговоров Грэем. Как я знаю из весьма доверительного источника, требования Империали никогда не встречали в нем сразу должного отпора, а в последнем спорном вопросе о сроке выступления Италии он даже укрепил упорство последней, заявив, что вполне понимает ее доводы в пользу новой отсрочки. Настойчивость Грэй проявил лишь в стараниях убедить меня в необходимости скорее заключить соглашение, хотя бы ценою каких угодно уступок Италии. Статьи договора вырабатывались им вдвоем с Камбоном без нашего участия и сообщались мне, как окончательно принятые, при чем большею частью даже не делалось никаких попыток заставить римский кабинет согласиться на мои поправки.

Результат подобного ведения переговоров налицо, и его нельзя назвать иначе, как полною капитуляциею трех великих держав перед предъявленными им Италиею требованиями, при чем не удалось даже обеспечить достаточно скорое выступление последней.

Теперь, когда подписание лондонского договора решено, нет более смысла выражать, хотя бы и основательные, сетования. Тем не менее я счел полезным высказать вам вышеизложенное в виду опасений, которые внушает мне этот пример для будущего. Если переговоры по вопросам, связанным с окончанием войны, могли принять столь неудовлетворительный оборот, пока в них участвовали лишь три, наиболее сплоченные между собой, державы, то чего следует ожидать от переговоров по вопросам, к обсуждению коих отныне будет привлекаться также Италия?

В надежде, что вы найдете способ дать понять Грэю необходимость впредь более внимательного отношения к пожеланиям России в случае совместного решения новых задач, пользуюсь случаем, чтобы просить вас, м. г., принять и пр. Сазонов.

93.

Памятная записка великобританского посла в Петрограде российскому министру иностранных дел [1]).

Петроград, 9 (22) апреля 1915 г.

Сэр Эдуард Грэй понимает, что господину Сазонову желательно, чтобы мы побудили Италию при подписании декларации о присоединении ее к заключенному 5 сентября 1914 г. соглашению, подписать одновременно заявление о том, что принятые тремя союзными державами до присоединения Италии решения по вопросам, касающимся заключения мира, останутся без изменения. До сих пор союзники пришли к соглашению только по вопросу о Константинополе и проливах. Мы не обязаны просить Италию присоединяться к этому соглашению, которое, конечно, остается в полной силе. Просить ее об этом значило бы, несомненно, вызвать дальнейшее обсуждение, потому что другие, ныне нейтральные, державы, в случае своего присоединения к нам, пожелали бы также обсуждать этот вопрос, раз о нем спрашивали мнение Италии. Это вызвало бы новые споры и могло бы предать гласности уже раз решенный тремя державами вопрос. В виду этого, по мнению сэра Эдуарда Грэя, было бы благоразумно не затрагивать этого вопроса. Сэр Эдуард Грэй считает возможным, после того, как Италия присоединится к союзу 5 сентября довести до ее сведения, что теперь, когда желания ее удовлетворены, она должна принять вопрос о Константинополе и проливах как «chose réglée» (вопрос решенный). Сэр Эдуард Грэй готов после того, как Италия примкнет к союзникам, присоединиться к господину Сазонову, если последний пожелает сделать подобное заявление. Но он желал бы, чтобы прежде чем переходить к обсуждению каких-либо новых вопросов Италия была окончательно связана с тремя союзницами своей подписью. Меморандум в том виде, в каком он оказывается после пересмотра, когда в него включены некоторые не содержавшиеся в итальянском проекте пункты, как территориальное соприкосновение Сербии и Греции, до сих пор, не принят итальянским правительством.

---

[1]) Перевод с английского.

94.

Памятная записка российского министра иностранных дел великобританскому послу в Петрограде [1]).

9 (22) апреля 1915 г.

Французскому послу копия.

В ответ на врученную ему сегодня его превосходительством сэром Джорджем Бьюкененом памятную записку, г. Сазонов имеет честь заявить, что он принимает обе предложенные для соглашения с Италией формулы, как подлежащую обнародованию, так и ту, которая должна оставаться секретной.

Согласно сделанного вчера г. Сазоновым заявления, графу Бенкендорфу поручено, после подписания соглашения, окончательно сформулировать некоторые пункты, имеющие единственной целью выявить точку зрения России на вопросы, по поводу которых, впрочем, между лондонским и петроградским кабинетами существует, повидимому, полное единомыслие. Действительно, г. Сазонов с удовольствием констатировал, что сэр Э. Грэй, как и он, считает вопрос о Константинополе и проливах окончательно урегулированным и что он разделяет также взгляд г. Сазонова на недопустимость объявления нейтральным черногорского берега, освобожденного от столь тягостного положения в 1909 году, с допущением некоторых исключений для порта Антивари.

Что касается изменений, которые барон Соннино желал бы ввести в текст памятной записки,—г. Сазонов находит, что, если сравнить их с другими статьями и оговорками того же документа, которые императорское правительство уже приняло, хотя и не одобрило, эти новые изменения значения не имеют и могут быть беспрепятственно допущены.

95.

Секретная телеграмма посла в Лондоне [2]).

10 (23) апреля 1915 г., № 276.

По приглашению французского правительства представители английского и итальянского командований, уполномоченные на переговоры для выработки военной и морской конвенций с Италией, соберутся в Париже. К проекту военной конвенции, единственно предполагавшейся вначале, был добавлен проект специально морской конвенции, признанной необходимой правительствами Франции и Англии. Италия приняла.

Бенкендорф.

96.

Письмо президента французской республики Пуанкаре на имя Николая II [3]) [4]).

Дорогой и высокий друг!

Приношу вашему величеству благодарность за вашу телеграмму. С момента открытия военных действий Франция от всего сердца при-

---

[1]) Перевод с французского.
[2]) Перевод с французского.
[3]) Перевод с французского.
[4]) В оригинале дата отсутствует.

соединилась к России в деле защиты интересов славянских народов и надеется, что в момент конечного урегулирования всех связанных с войной вопросов, Сербия и Черногория получат вне территорий, предоставляемых по общему соглашению Италии, преимущества, которые обеспечат этим национальностям мир и широкое благоденствие.

Правительство республики разделяет мнение вашего величества, что выступление Италии не должно внести никаких изменений в ранее состоявшиеся между державами Согласия соглашения по вопросу о требованиях и желаниях каждой из них.

Приношу вновь вашему величеству уверения в моей верности и дружбе. Р. Пуанкаре.

97.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Париже.

12 (25) апреля 1915 г., № 1887.

7 апреля президент французской республики прислал на имя государя императора через здешнего французского посла телеграмму, в которой, указывая на важность скорейшего заключения соглашения с Италией, он просил его величество, во имя интересов союзников, согласиться на подписание этого соглашения [1]), не настаивая на принятии всех поставленных Россией условий. Государю императору благоугодно было на это ответить, также через г. Палеолога, что хотя условия соглашения его во многом и не удовлетворяют, однако, раз президент обратился к нему, ссылаясь на интересы союзников, его величество соглашается уполномочить своего посла в Лондоне подписать договор, в надежде, что союзники постараются ускорить выступление Италии и что все соглашения, ранее заключенные Россией, Францией и Англией, останутся незыблемыми. Эта телеграмма его императорского величества вызвала новую телеграмму г. Пуанкаре, который, выражая благодарность за последовавшее высочайшее соизволение подписать договор с Италией, пожелал лично дать заверение, что при заключении мира Франция окажет содействие к защите интересов славянских народов, а также, что состоявшиеся уже раньше между союзниками соглашения в глазах французского правительства не могут подвергнуться изменениям вследствие присоединения теперь к нам Италии. Изложенная телеграмма была отправлена мною с фельдъегерем государю императору, пребывающему в действующей армии.

Ныне я получил высочайшее повеление передать в Париже следующую ответную телеграмму его императорского величества президенту республики:

Высокий и добрый друг [2]).

С особенным удовольствием благодарю вас за вашу телеграмму, в которой я нашел выражение добрых намерений Франции стать

---

[1]) Текст предложения, последовавшего по адресу Италии со стороны австро-германской 27 апр. — 10 мая 1915 г., опубликован в книге Эрцбергера, «Германия и Антанта», стр. 45.

[2]) Перевод с французского.

на защиту интересов славянских народов, когда наступит час заключения мира.

Вместе с тем благодарю вас за подтверждение факта полного согласия наших двух правительств по вопросу о незыблемости ранее заключенных союзниками соглашений.

Примите уверение в моей неизменной и искренней дружбе...»

Благоволите доставить эту высочайшую телеграмму по назначению.

Сазонов.

98.

Исправленный и дополненный текст соглашения держав Согласия с Италией [1]).

13 (26) апреля 1915 г.

По распоряжению своего правительства итальянский посол в Лондоне, маркиз Империали, имеет честь сообщить статс-секретарю по иностранным делам высокоуважаемому сэру Э. Грэю и их превосходительствам французскому послу г. П. Камбону и российскому послу г. графу Бенкендорфу следующую памятную записку:

Статья 1. Французский, великобританский, российский и итальянский главные штабы незамедлительно заключают военную конвенцию; конвенцией этой устанавливается минимум военных сил, которые Россия должна будет направить против Австрии для того, чтобы воспрепятствовать этой державе сконцентрировать все свои силы против Италии в том случае, если бы Россия решила направить свои усилия главным образом на борьбу с Германией. Военной конвенцией регулируется вопрос о перемириях, зависящих по существу от главного командования армиями.

Статья 2. Италия, с своей стороны, обязуется использовать свои силы и средства в совместной с Францией, Великобританией и Россией борьбе со всеми их врагами.

Статья 3. Французский и английский флоты будут оказывать Италии деятельную и постоянную помощь впредь до уничтожения австрийского флота или до заключения мира. Между Францией, Великобританией и Италией будет немедленно заключена морская конвенция.

Статья 4. По мирному договору Италия получит Трентино, цизальпинский Тироль с его географической и естественной границей, границей Бреннера, а также Триест, графства Горицу и Градиску, всю Истрию до Кварнеро, включая Волоску и истрийские острова Керзо, Люссин, так же как и малые острова Плавник, Униэ, Канидолэ, Палацуоло, Сан-Пиетро ди Немби, Азинелло, Груику и соседние островки.

Примечание № 1. Необходимая для обеспечения выполнения статьи 4 граница будет проведена следующим образом: от вершины Умбрайля до пункта к северу от Стельвио она пойдет вдоль хребта Рейнских Альп до источников Адидже и Эйзака, проходя затем по

[1]) Перевод с французского. — Текст соглашения был опубликован в «History of the peace conference of Paris» ed by W. V. Temperley. London 1920, т. V и в переводе перепечатан в виде «приложения» к сборнику «Раздел Азиатской Турции», стр. 356.

горам Решен, по Бреннеру и по вершинам Этца и Циллера. Затем граница направится к югу, пересечет гору Тоблах и достигнет нынешней границы Карнийских Альп. Она пойдет вдоль этой границы до горы Тарвиз, а далее—по линии водораздела Юлийских Альп через перевал Предиль, гору Мангард, Трикорно и по водоразделу ущелий Подбердо, Подланескам и Идрии. Отсюда граница направится на юго-восток к Шнебергу, оставив вне итальянской территории весь бассейн Савы и ее притоков, текущих от Шнеберга; граница спустится к берегу так, чтобы включить в итальянскую территорию Кастую, Матулью и Волоску.

Статья 5. Италия получит также Далмацию в ее настоящих административных границах, включая на севере Лиссарику и Трибанию на юге—до линии, идущей от мыса Планка на побережье к востоку, по вершинам возвышенностей, образующих водораздел, таким образом, чтобы все долины и реки, спускающиеся к Себенико, как Чиколо, Керка, Бутисника и их притоки, вошли в состав итальянской территории. Она получит также все расположенные к северу и к западу от Далмации острова, начиная от Премуды, Сельве, Ульбо, Скерды, Маон, Паго и Пунтадуры на севере,—до Меледы на юге, в том числе Сан-Андреа, Бузи, Лиссун, Терколлу, Курцолу, Каццу и Лагосту, так же как и расположенные кругом скалы и островки и Пелагозу, за исключением лишь островов Большой и Малой Зироны, Буа, Сольта и Браццыч. Будут нейтрализованы:

1) Весь берег моря от мыса Планка на севере до южной конечности полуострова Сабиончелло на юге, таким образом, чтобы сюда вошел весь этот полуостров.

2) Часть береговой полосы, начинающейся на севере в 10 километрах к югу от Рагуза-Веккия и спускающейся на юг к реке Воюссе, включая залив и гавани Катарро, Антивари, Дульциньо, Сен-Жан ди Медуа, Дураццо, без нарушения прав Черногории, вытекающих из деклараций, которыми обменялись державы в апреле и мае 1909 года. Права эти, касающиеся только нынешней территории Черногории, не могут быть распространены на те территории или порты, которые могут быть предоставлены Черногории. Таким образом, ни одна часть ныне принадлежащего Черногории побережья не может быть нейтрализована. Останутся в силе ограничения для порта Антивари, на которые Черногория сама согласилась в 1909 году.

3) И, наконец, острова, которые не будут предоставлены Италии.

Примечание № 2. Ниже перечисленные территории Адриатики будут четырьмя союзными державами предоставлены Кроации, Сербии и Черногории: в северной части Адриатического моря весь берег от бухты Волоски на границе Истрии до северной границы Далмации, включая берег, принадлежащий в настоящее время Венгрии, и весь кроатский берег, с портом Фиуме и малыми гаванями Нуови, Карлопаго, а также и острова Веглио, Первиккио, Грегорио, Голи и Арбе. В южной части Адриатического моря, в области, в которой заинтересована Сербия и Черногория, весь берег от мыса Планка до реки Дрина с важными портами Спалато, Рагуза, Катарро, Антивари, Дульциньо и Сен-Жан ди-Медуа и острова Большой и Малой Зироны, Буа, Сольта, Брацца, Жаклиан и Каламота. Порт Дураццо

останется во владении независимого мусульманского государства Албании.

Статья 6. Италия получит в полное владение Валону, острова Сасено и территорию, достаточно обширную для того, чтобы обеспечить защиту этих пунктов, между Вокоссой—на севере и на востоке и приблизительно до северной границы округа Кимара на юге.

Статья 7. Если Италия получит Трентино и Истрию согласно статьи 4, Далмацию и острова Адриатического моря в границах, указанных статьей 5, и Валонскую бухту, и если центральная часть Албании будет оставлена для образования небольшого автономного нейтрального государства, она не будет противиться тому, чтобы северные и южные части Албании, если таково будет желание Франции, Великобритании и России, были разделены между Черногорией, Сербией и Грецией. Побережье от южной границы итальянского владения Валоны—смотри статью 6—до мыса Стилоса будет объявлено нейтральным. Италия будет нести представительство государства албанского в его внешних сношениях. Италия, с другой стороны, соглашается во всяком случае оставить на восток от Албании достаточную территорию для того, чтобы обеспечить общую между Грецией и Сербией границу к западу от Охридского озера.

Статья 8. Италия получит в полное владение острова Додеканеза, которые она занимает в настоящее время.

Статья 9. Франция, Великобритания и Россия признают в принципе, что Италия заинтересована в поддержании равновесия на Средиземном море и что, в случае полного раздела Азиатской Турции, она должна будет получить соответствующую часть в местностях, прилегающих к Средиземному морю, смежных с провинцией Адалией, где Италия уже приобрела права и имеет интересы, которые послужили предметом итало-британской конвенции. При определении в свое время границ зоны, которая может быть предоставлена Италии, должны быть учтены существенные интересы Франции и Великобритании. Интересы Италии будут равным образом приняты во внимание в том случае, если будет сохранена неприкосновенность территории Азиатской Турции и если бы были внесены какие-либо изменения в зонах, в которых заинтересованы державы. Если бы Франция, Великобритания и Россия заняли во время войны части территории Азиатской Турции, соседняя с провинцией Адалией местность в указанных ниже границах будет предоставлена Италии, которая получит право ее занять.

Статья 10. Италия получит в Ливии права и привилегии, которые в настоящее время принадлежат султану в силу Лозаннского договора.

Статья 11. При возмещении военных убытков Италия получит долю, соответствующую ее усилиям и жертвам.

Статья 12. Италия заявляет о своем присоединении к сделанной Францией, Англией и Россией декларации в целях оставления Аравии и мусульманских священных мест под властью независимой мусульманской державы.

Статья 13. В случае, если бы Франция и Англия расширили свои колониальные владения в Африке за счет Германии, обе державы признают в принципе, что Италия может требовать равноценных ком-

*

пенсаций, а именно, урегулирования в ее пользу вопросов о границах итальянских колоний в Эритрее, Сомали и Ливии, смежных с французскими и английскими.

Статья 14. Англия обязуется облегчить немедленное заключение на справедливых условиях на лондонском рынке займа на сумму не менее 50.000.000 фунт. стерлингов.

Статья 15. Франция, Англия и Россия поддержат Италию в ее сопротивлении всякому предложению, клонящемуся к допущению представителя св. престола к участию во всех переговорах о мире и об урегулировании вопросов, выдвигаемых настоящей войной.

Статья 16. Настоящее соглашение должно оставаться тайным. Только присоединение Италии к декларации 5 сентября 1914 г. будет обнародовано тотчас после объявления войны Италией или Италии. Ознакомившись с вышеизложенной памятной запиской, представители Франции, Великобритании и России, должным образом на то уполномоченные, заключили с представителями Италии, также надлежащим образом уполномоченными, следующее соглашение: Франция, Великобритания и Россия изъявляют полное согласие с представленной итальянским правительством памятной запиской. Ссылаясь на статьи 1, 2 и 3 записки, предусматривающие военное и морское сотрудничество четырех держав, Италия заявляет, что она вступит в войну возможно скорее и во всяком случае не позднее, как через месяц по подписании настоящего соглашения. В удостоверение чего нижеподписавшиеся подписали настоящее соглашение и приложили к нему свои печати. Составлено в Лондоне в четырех экземплярах. 26 апреля 1915 г.

99.

Секретная телеграмма посла в Лондоне [1]).

13 (26) апреля 1915 г., № 279.

Заявление о присоединении Италии к декларации трех союзных держав от 5 октября [2]), а также соглашение по вопросу о меморандуме подписаны сегодня днем Грэем, Камбоном, Империали и мною. Сегодня утром Империали передал Грэю, что Соннино желал бы, по соображениям внутренней политики и во избежание нареканий на итальянское правительство за аггрессивную проводимую по предварительному сговору с союзными державами политику по отношению к Австрии и Германии, чтобы соглашение о присоединении было подписано сегодня, но без указания даты, которая будет проставлена задним числом, после объявления Италией войны. Грэй заявил ему, что это совершенно невозможно, так как акт должен быть одновременно подписан и датирован. Посоветовавшись с Камбоном и мною, Грэй предложил, во избежание новых проволочек, подписать особый документ, составленный в следующих выражениях:

«Декларация от 26 апреля, согласно которой Франция, Англия, Россия и Италия обязуются не заключать сепаратного мира в течение

---

[1]) Перевод с французского.
[2]) Вероятная ошибка подлинника: очевидно «сентября».

настоящей европейской войны, останется тайной. После объявления Италией войны, четыре державы подпишут новую декларацию, тожественную первой, которая тогда же и будет опубликована».

Империали попросил приложить это постановление к акту о присоединении. Грэй ответил, что он не может на это согласиться, так как акт о присоединении должен остаться точным, неприкосновенным и датированным и что он допускает лишь позднейшее изменение даты, принимая в соображение содержание статьи 16 меморандума. Тогда Империали согласился на предложение Грэя. В виду того, что Камбон за свой страх и риск присоединился к нему и что дальнейшее промедление представляет не мало неудобств, я поступил также, и составленный в вышеуказанных выражениях документ был подписан Грэем, Камбоном, Империали и мною. Я прошу вашего одобрения по вопросу об этом решении, которое, по мнению Грэя, Камбона, а также и моему, нисколько не меняет ни сути вещей, ни формы актов, и которое было вызвано не лишенными некоторых оснований доводами итальянского правительства. Вследствие присутствия Империали на сегодняшнем заседании мы отложили до вечера обмен нотами относительно внутреннего соглашения между Россией, Францией и Англией.

Бенкендорф.

100.

Секретная телеграмма посла в Лондоне [1]).

15 (28) апреля 1915 г., № 283.

Обмен нотами произошел сегодня. Они датированы вчерашним числом, 26 апреля, и подписаны. Моя нота гласит: «Подписывая акт о присоединении Италии к союзу между Россией, Францией и Англией, я уполномочен своим правительством довести до сведения вашего превосходительства, что Россия рассматривает обязательства, взятые на себя союзниками ранее, для разрешения вопросов, связанных с будущим заключением мира, как сохраняющие полную силу и не могущие быть подвергнутыми какому бы то ни было пересмотру в связи с присоединением Италии к Союзу». В своем ответе Грэй подтверждает получение моей ноты, текст которой он повторяет. В заключение он говорит, что «имеет честь известить меня о том, что королевское правительство, в полном согласии с императорским правительством, присоединяется к указанной ноте». Нота Камбона начинается с повторения моей ноты и заканчивается так: «Подтверждая получение настоящего сообщения вашего превосходительства, имею честь, по уполномочию на то своим правительством, заявить, что последнее вполне разделяет мнение императорского правительства по вопросу о значении всех предыдущих соглашений, заключенных союзниками, и всецело присоединяется к вашей сегодняшней ноте».

Бенкендорф.

---

[1]) Перевод с французского.

101.

Секретная телеграмма директора дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего.

21 апреля (4 мая) 1915 г., № 215.

Телеграфирую в Париж: ссылаюсь на вашу телеграмму № 268.

Для военного агента: «верховный главнокомандующий разрешает вам подписать особую военную конвенцию, не касающуюся совместных военных сухопутных итальянских и русских сил, каковой вопрос устанавливается у нас на Ставке». Данилов.

Кудашев.

102.

Секретная телеграмма посла в Париже.

27 апреля (10 мая) 1915 г., № 303.

Морская конвенция между Италией, Францией и Англией подписана сегодня в пять с половиной часов дня.

Извольский.

103.

Военная конвенция между высшим командованием русской и итальянской армий [1]).

Согласно ст. 1 итальянского меморандума, подписанного в Лондоне 13 (26) апреля 1915 года, а также ст. 2 военной конвенции, подписанной 19 апреля (2 мая) 1915 года в Париже французским военным министром и делегатами итальянского, английского, русского и французского главных штабов, представители высшего командования русской и итальянской армий: генерал от инфантерии Янушкевич—от России и подполковник Раполло—от Италии, собравшись 8 (21) мая в главной квартире русской армии, в присутствии и с одобрения представителей высшего командования французской и английской армиями: дивизионного генерала Лагиша со стороны Франции и генерал-майора сэра Джона Хенбюри Уильямса со стороны Англии, приняли следующие решения. Решения эти сообщены высшему командованию сербской и черногорской армий: подполковнику Лонткевичу—со стороны Сербии и генерал-майору Мартиновичу—со стороны Черногории.

Ст. 1. В виду того, что Италия присоединилась к соглашению между Россией, Францией и Англией, высшее командование армиями этих четырех держав сим обязуются действовать совместно, напрягая все усилия к достижению конечной цели, каковой является победа над общим врагом. Союзники должны делать все возможное в целях оказания друг другу помощи, комбинируя, насколько возможно, свои

---

[1]) Перевод с французского.

операции как при определении в каждом отдельном случае их цели, так и при выборе наиболее благоприятного для их выполнения момента.

Ст. 2. Итальянская армия обязуется выступить не позднее 26 мая 1915 года нового стиля; наступление должно быть ей облегчено операциями остальных трех союзных армий, которые, с своей стороны, обязуются принять энергичные военные меры для того, чтобы помешать врагу сконцентрировать на итальянской границе подавляющие силы.

Ст. 3. В случае, если бы австро-венгерско-германские армии предприняли раньше Италии военные действия против нее, три остальные союзные армии обязуются энергичными операциями с их стороны, насколько возможно, парализовать наступление врага на итальянскую армию с целью дать последней возможность закончить свою концентрацию.

Ст. 4. При настоящих условиях главной целью итальянской армии и сосредоточенных в Галиции русских сил явится поражение находящегося на общем австро-венгерском театре военных действий врага, а именно, в местности между Карпатами и составляющими итальянскую границу Альпами.

Для достижения этой цели русская и итальянская армии взаимно обязуются сосредоточить на этом фронте возможный максимум своих сил, оставив на всех остальных фронтах только силы, безусловно необходимые для того, чтобы не подвергнуть опасности стратегическое положение каждой из армий и, как в начале, так и во время хода операций, сообща вырабатывать согласованные с положением обеих армий директивы.

Сербская и черногорская армии должны оказывать свое содействие для достижения вышеупомянутой цели; а именно, признается желательным, чтобы сербская армия предприняла наступление предпочтительно в северо-западном направлении для того, чтобы возможно ранее связать свои действия с действиями правого крыла итальянской армии, которая направляется на Лейбах.

Ст. 5. В случае коренного изменения в настоящей группировке австро-венгерско-германских сил, операционный план будет выработан с общего согласия высшим командованием русской и итальянской армий, при чем должно быть учтено новое положение, могущее создаться для каждого из союзников, но прежде всего должна преследоваться главная цель.

Ст. 6. В целях поддержания самой тесной связи между высшим командованием союзных армий, необходимой в интересах полного согласования совместных операций, к главным штабам каждого из высших командований будут прикомандированы специально для этого назначенные офицеры.

Подписали: генерал Янушкевич, генерал де-Лагиш, подполковник Е. Раполло, Дж. Хенбюри Уильямс, генерал-майор, генерал Митар Мартинович, подполковник Лонткевич.

Главная квартира русской армии
3 (16) мая 1915 г.

104.

Секретная телеграмма посла в Риме [1]).

1 (23) мая 1915 г., № 139.

Срочная.

Министр иностранных дел сообщает: «Нижеподписавшийся королевский министр иностранных дел имеет честь довести до сведения российского посольства, что с завтрашнего дня Италия считает себя в состоянии войны с Австро-Венгрией. Русское посольство соблаговолит не отказать возможно скорее передать это сообщение его правительству». Подписано: Соннино.

Гирс.

105.

Секретная телеграмма посла в Риме.

11 (24) мая 1915 г., № 141.

Срочная.

Австрийский посол, получив паспорта, выезжает сегодня вечером. Одновременно с ним выезжают германский посол и баварский посланник, потребовавшие свои паспорта сегодня утром.

Гирс.

106.

Секретная телеграмма посла в Риме.

12 (25) мая 1915 г., № 144.

Турецкий посол посетил сегодня министра иностранных дел и просил сообщить ему совершенно частным образом, в каком положении находится Турция по отношению к Италии. Ему, частным же образом, было отвечено, что пока войны между обоими государствами нет, но что такое положение, вероятно, не продолжится.

Гирс.

---

[1]) Перевод с французского.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Айронсайд, сэр Бакс, — английский посланник в Софии в 1914 — 1915 гг.

Алексеев М. — генерал русской службы, 1912 по август 1914 г. командир 13 армейского корпуса; с августа 1914 г. по март 1915 г. начальник штаба юго-западного фронта; с марта по сентябрь 1915 г. командующий армиями северо-западного фронта; в дальнейшем верховный главнокомандующий, по март 1917 г.

Антич — сербский посланник в Софии в 1914 — 1915 гг.

Асквит Т. — английский государственный деятель, канцлер казначейства 1905 — 1908 гг. Председатель совета министров с 1908 г. по декабрь 1916 г., в 1914 г. временно исполнял должность военного министра.

Базили — русский дипломат, вице-директор канцелярии министерства иностранных дел 1912 — 1916 гг., директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего 1916 — 1917 гг.

Барер — французский дипломат, 1894 — 1897 гг. посланник в Берне, с 1897 г. посол в Риме.

Барклай — английский посланник в Бухаресте в годы войны.

Бенкендорф, гр. А. К. — русский дипломат, 1902 — 1916 гг. посол в Лондоне.

Берхтольд, граф—австрийский государственный деятель, председатель совета министров и министр иностранных дел Австро-Венгрии 1913 — 1915 гг.

Блондель — французский посланник в Бухаресте 1914 г. по май 1916 г.

Боллати — итальянский дипломат; 1913 — 1915 гг. посол в Берлине.

Бомпар — французский дипломат, посол в Константинополе с 1909 г.

Братиано И. — румынский политический деятель, национал-либерал, с 1897 по 1904 гг. занимает должности: министра общественных работ, министра иностранных дел, министра внутренних дел. В 1909 г. составил кабинет и оставался у власти до 1911 г.; 1914 — 1917 гг. председатель совета министров.

Буриан, барон — министр иностранных дел Австро-Венгрии с 1915 г.

Булиньер, де-ла, — французский подданный, председатель совета администрации Оттоманского «Долга» в 1914 г.

Бюлов, фон — германский государственный деятель. 1893 — 1897 гг. посол в Риме; 1900 — 1909 гг. имперский канцлер и прусский премьер-министр; с декабря 1914 г. по июнь 1915 г. посол в Риме.

Бьюкенен, сэр Джордж — английский дипломат, посол в Петербурге 1910 — 1918 гг.

Валуев — секретарь дипломатической канцелярии ставки (1916 г.).

Вангенгейм, барон — германский дипломат, с 1913 г. посол в Константинополе.

Венизелос Э. — греческий государственный деятель, в 1909 г. премьер-министр критского правительства; 1910 — 1915 гг. председатель совета министров в Греции, в 1916 г. глава Салоникского правительства.

Вивиани — французский политический деятель. С декабря 1913 г. по июнь 1914 г. министр народного просвещения, июнь — август 1914 г. председатель совета министров и министр иностранных дел; в 1915 г. в кабинете Бриана вице-председатель совета министров и министр юстиции.

Геннадиев — болгарский политический деятель, в 1913 г. министр иностранных дел, с апреля 1915 г. посол в Париже.

Гешов И. — болгарский политический деятель, один из лидеров демократической партии, руссофил. С марта 1911 г. по май 1913 г. председатель совета министров.

Гирс М. Н. — русский дипломат, 1902 — 1912 гг. посланник в Бухаресте, 1912 — 1914 гг. посол в Константинополе, с марта 1915 по 1917 гг. посол в Риме.

Гогенлоэ, Шиллингсфюрст, Готфрид, принц — австрийский посол в Берлине.

Гольц, фон дер (паша) — германский генерал, фельдмаршал турецкой армии.

Грэй, лорд Эдуард — английский министр иностранных дел с 1905 по декабрь 1916 г.

Гунарис — греческий политический деятель; 1908 — 1909 гг. министр финансов; с марта по август 1915 г. председатель совета министров.

Делькассе — французский государственный деятель, с 1894 г. последовательно занимал должности министра колоний, министра иностранных дел, морского министра, посла в России; с августа 1914 г. по октябрь 1915 г. — министр иностранных дел.

Демидов — русский дипломат, советник посольства в Париже 1911 — 1912 гг.; посланник в Афинах 1912 — 1917 гг.

Депре — французский военный агент в Бухаресте в годы войны.

Джавид — турецкий политический деятель, младотурок, при возникновении империалистической войны придерживался франкофильской ориентации.

Джемаль-бей — турецкий политический деятель, младотурок, франкофил, в конце 1914 г. — морской министр.

Джиолитти — итальянский государственный деятель, 1901 — 1903 гг. министр внутренних дел; премьер-министр в периоды: 1903 — 1905, 1906 — 1909, 1911 — 1914 гг.

Диаманди — румынский политический деятель, национал-либерал, посланник в Петрограде 1914 — 1918 гг.

Добрович — секретарь канцелярии короля Фердинанда Болгарского 1914 — 1915 гг.

Думерг Г. — французский политический деятель; председатель совета министров и министр иностранных дел 1913 — 1914 гг.; министр колоний 1914 — 1916 гг.

Жоффр Ж. — генерал французской службы, маршал. 1911 — 1914 гг. начальник генерального штаба; 1914 по октябрь 1916 г. главнокомандующий армиями на западном фронте.

Извольский А. П. — русский государственный деятель, дипломат, с 1897 г. был посланником в Белграде, Мюнхене, Токио, Копенгагене; 1906 — 1910 гг. министр иностранных дел; 1910 — 1917 гг. посол в Париже.

Империали — маркиз, итальянский дипломат, 1904 — 10 г. посол в Константинополе; 1910 — 2 — посол в Лондоне.

Какламанос — греческий посланник в Петрограде в 1914 — 1915 гг.

Камбон Поль — французский дипломат, 1898 — 1920 гг. посол в Лондоне.

Карлотти — итальянский дипломат; посланник в Черногории 1906 — 1908 гг., посланник в Афинах 1908 — 1913 гг., посол в Петрограде 1913 — 1918 гг.

Като, барон — японский дипломат; министр иностр. дел в 1915 г.

Костинеско — румынский политический деятель, франкофил, министр финансов (в кабинете Братиано) в годы войны.

Крупенский — русский дипломат, 1912 — 1914 гг. посланник в Пекине; 1914 — 1916 гг. посол в Риме.

Кудашев, Н. князь — 1912 — 14 г. советник русского посольства в Вене; 1914—16 г. директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего.

Лагиш-де — генерал французской службы, военный атташе при ставке верховного главнокомандующего.

Лаговари — румынский посланник в Париже с 1908 г.

Леонтьев — генерал русской службы, 1913 — 1914 гг. русский военный агент в Константинополе.

Лиман, фон Сандерс — генерал германской службы, начальник германской военной миссии в Константинополе с декабря 1913 г., с января 1914 г. генерал-инспектор Оттоманской армии.

Лимпус — адмирал английской службы, английский советник при турецком адмиралтействе с 1912 по 1914 г.

Маджаров — болгарский посланник в Петрограде в 1914 — 1915 гг.

Майореску — румынский политический деятель, один из лидеров консерваторов; до 1913 председатель совета министров.

Маккио барон — австрийский дипломат, посол в Риме в 1914 — 1915 гг.
Малинов — болгарский политический деятель, лидер демократической партии, руссофил.
Маллет — английский дипломат, посол в Константинополе 1913 — 1914 гг.
Маргиломан — румынский политический деятель, германофил, в 1912 г. (в кабинете Майореско) был министром финансов.
Маринкович — сербский посланник в Бухаресте с 1915 г.
Мартинович — генерал сербской службы.
Мотоно, бар. — японский посол в Петрограде 1908 — 1917 гг.
Нератов А. А. — русский дипломат, 1906 — 10 г. вице-директор I департамента М. И. Д. 1911 — 17 — товарищ министра иностранных дел.
Никольсон, лорд А. — английский дипломат; в 1904 — 1905 гг. посол в Мадриде, в 1906 — 1910 гг. посол в Петербурге, 1910 — 1916 гг. помощник статс-секретаря по иностранным делам.
Остророг, граф — французский подданный, состоявший в 1914 г. в качестве юрисконсульта при Оттоманском правительстве.
Палеолог М. — французский дипломат, 1907 — 1912 гг. посланник в Софии, 1912—1914 гг. директор д-та политических и торговых дел, 1914 — 1917 гг. посол в Петрограде.
Паллавичини, маркиз — австрийский дипломат, с 1906 г. посол в Константинополе.
Панафье — французский посланник в Болгарии 1912 — 1915 гг.
Пашич — сербский государственный деятель, лидер радикальной партии, руссофил. С 1891 г., временами подвергаясь репрессиям, неоднократно занимал должность председателя совета министров. В этой должности бессменно состоит с 1913 г.
Поклевский-Козелл — русский дипломат, 1909 — 1913 гг. посланник в Тегеране, 1913 — 1917 гг. посланник в Бухаресте.
Порумбаро — румынский политический деятель, министр иностранных дел (в кабинете Братиано) в годы войны.
Радеев — болгарский посланник в Бухаресте 1914 — 1915 гг.
Радославов — болгарский политический деятель, с июля 1913 г. председатель совета министров.
Раполло — итальянский военный агент при ставке верховного главнокомандующего.
Ризов — болгарский посланник в Вене в годы войны.
Ристич — сербский посланник в Бухаресте в годы войны.
Рифаат, паша — турецкий посол в Париже 1911 — 1914 гг.
Русси де — румынский посланник в Софии в годы войны.
Савинский — русский дипломат. В 1911 г. директор канцелярии министерства иностранных дел; в 1912 — 1913 гг. посланник в Стокгольме; в 1913 — 1915 гг. посланник в Софии.
Савов — генерал болгарской службы, командующий болгарской армией во время балканских войн.
Сазонов С. Д. — русский государственный деятель; 1904 — 1906 гг. советник посольства в Лондоне, 1906 — 1910 гг. дипломатический агент в Ватикане, с 1910 по июль 1916 г. министр иностранных дел, с января 1917 г. посол в Лондоне.
Саид-халим, принц — великий визирь Оттоманской империи в 1914 г.
Саландра — итальянский политический деятель; председатель совета министров 1914 — 1916 гг.
Сан-Джулиано — итальянский политический деятель; министр иностранных дел 1910 — 1914 гг.
Седлер — австро-венгерский военный агент в Риме 1914 — 1915 гг.
Соннино — итальянский государственный деятель; премьер-министр и министр внутренних дел в 1906 и 1909 — 1910 гг., министр иностранных дел 1914 — 1919 гг.
Спалайкович — сербский дипломат, посланник при Петербургском дворе в годы империалистической войны; до того посланник в Софии.
Станчев — болгарский посланник в Париже 1912 — 1915 гг.
Стэг — французский политический деятель, 1911 — 1912 гг. министр народного просвещения; 1912 — 1913 гг. министр внутренних дел; в 1913 гг. снова министр народного просвещения.
Таке-Ионеску — румынский политический деятель, франкофил, с 1912 г. министр внутренних дел.

Талаат-бей — турецкий политический деятель, младотурок, один из видных членов партии «Единение и прогресс», 1913 — 1917 гг. министр внутренних дел и финансов.

Тарновский, граф — австрийский дипломат, в 1914 — 1915 гг. посол в Софии.

Татаринов — полковник русской службы, в 1914 — 1915 гг. военный агент в Софии, 1916 г. военный агент в Бухаресте.

Тисса граф — венгерский государственный деятель, председатель совета министров.

Титтони — итальянский дипломат; министр иностранных дел 1903—1906 и 1906—1910 гг., посол в Лондоне в 1906 г., посол в Париже 1910 — 1916 гг.

Тодоров — болгарский политический деятель, министр финансов в кабинете Гешова 1911 — 1913 гг.

Томсон — английский военный агент в Бухаресте в годы войны.

Тончев — болгарский министр финансов в кабинете Радославова с 1913 г.

Тошев — болгарский посланник в Турции в 1914 г.

Трубецкой, князь Г. — русский дипломат; 1911 — 1914 гг. вице-директор 1-го департамента министерства иностранных дел, в 1914 г. начальник ближне-восточного отдела, с декабря 1914 — 1917 гг. посланник в Сербии, в 1917 г. директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего.

Фашиотти — итальянский посланник в Бухаресте 1914 — 1916 гг.

Фахр-Эд-Дин — турецкий поверенный в делах в Петрограде в 1914 г.

Филиппеско — румынский политический деятель, один из лидеров консерваторов, руссофил.

Фичев — генерал болгарской службы, начальник штаба болгарской армии в 1912 г., военный министр в 1914 — 1915 гг.

Фериго — итальянский военный агент в Бухаресте в годы войны.

Флотов, фон — германский дипломат, посол в Риме до декабря 1914 г.

Хаджимишев — болгарский посланник в Лондоне в 1914 — 1915 гг.

Халил-бей — турецкий политический деятель, в 1914 г. председатель палаты депутатов.

Чернин — австрийский дипломат, 1913 — 16 г. и посланник в Румынии, с 1916 г. — министр иностран. дел.

Штрандтман — русский поверенный в делах в Белграде в 1914 г.

Штюрмер Б. — председатель российского совета министров с февраля по ноябрь 1916 г. министр внутренних дел, февраль и июль того же года, министр иностранных дел июль — ноябрь того же года.

Эбергардт — адмирал русской службы, в 1914 г. командующий черноморским флотом.

Энвер-бей — турецкий политический деятель, младотурок, один из руководителей младотурецкого переворота, с января 1914 г. военный министр.

Эрцбергер — германский политический деятель, член рейхстага, лидер католического центра, в 1917 г. — член военного кабинета Макса Баденского.

Янушкевич — генерал русской службы, начальник штаба верховного главнокомандующего.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
От редакции	III
Предисловие М. Н. Покровского	V
Россия и Турция	1—56
Россия и Болгария	57—142
Россия и Румыния	143—232
Россия и Италия	233—296
Именной указатель	297—300

ИЗДАНИЯ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

ЦЕНТРАРХИВОМ ВЫПУЩЕНЫ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

1. «Красный Архив», тт. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9. Под редакцией В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче.
2. Русско-Германские отношения. (Сборник секретных документов.) С предисловием М. Н. Покровского.
3. ДОСТОЕВСКИЙ. Исповедь Ставрогина (неизданные главы из романа «Бесы») и житие великого грешника (план романа). Под редакцией В. М. Фриче и Н. Л. Бродского.
4. Письма русских писателей. Из архива Достоевского. Под редакцией Н. К. Пиксанова.
5. Дневник А. Г. Достоевской.
6. Сборник материалов и статей по архивному делу.
7. Лейтенант Шмидт. (Письма и воспоминания.) Под редакцией и с предисловием Вл. Максакова.
8. И. С. ТУРГЕНЕВ. (Новые материалы.)
9. Крестьянские движения 1902 г. Вып. III. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче.
10. Архивное дело. Вып. I, II, III — IV.
11. Письма Скрябина. Под редакцией Л. Сабанеева.
12. ЧЕХОВ. Неизданная пьеса.
13. Дневник П. А. Кропоткина. С предисловием А. А. Борового.
14. Политические процессы 60-х годов. Вып. I. Под редакцией Б. Н. Козьмина.
15. Переписка Вильгельма II с Николаем II. С предисловием М. Н. Покровского.
16. Переписка Николая и Александра Романовых. Т. III. С предисловием М. Н. Покровского.
17. Бакунин (материалы для биографии). Под редакцией В. П. Полонского.
18. Аграрный вопрос в совете министров в 1906 г., вып. IV. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. М. Фриче и В. И. Пичета.
19. Письма Победоносцева к Александру III, т. I. С предисловием М. Н. Покровского.
20. Южно-Русские рабочие Союзы. Под редакцией В. В. Максакова и В. И. Невского.
21. Морозовская стачка. Под редакцией А. Лозовского и с предисловием В. И. Невского.
22. Русско-Японская война. По дневникам А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С предисловием М. Н. Покровского.
23. Сборник узаконений и распоряжений по архивному делу.
24. Царская дипломатия в мировой войне. С предисловием М. Н. Покровского.
25. Восстание декабристов. Материалы, т. I. Под редакцией и с предисловием М. Н. Покровского.

ИЗДАНИЯ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

ЦЕНТРАРХИВОМ ВЫПУЩЕНЫ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

26. Революция 1848 г. во Франции. Под редакцией и с предисловием С. Красного и Г. Зайделя.
27. Допрос Колчака. Под редакцией и с предисловием К. А. Попова.
28. Петроградский Совет Р. и С. Д. Под редакцией А. Н. Покровского и Я. А. Яковлева, с предисловием Я. А. Яковлева.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ И ПОДГОТОВЛЯЮТСЯ:

Материалы по истории восстания 14 декабря 1825 г.

Под редакцией М. Н. ПОКРОВСКОГО.

1. Следственное дело т. I, (вышел в свет), тт. II, III (печатаются), IV, V и VI.
2. «Русская Правда» П. И. Пестеля. Под редакцией С. С. Мильмана, С. Н. Чернова и П. Е. Щеголева.
3. «Алфавит декабристам». Под редакцией Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса (печатается).
4. Восстание Черниговского полка. Под редакцией В. О. Волосевича и Ю. Г. Оксмана.
5. Дело Вл. Ф. Раевского. Под редакцией Ю. Г. Оксмана.
6. М. Н. Покровский. Декабристы. Общий очерк.
7. А. Е. Пресняков. «День 14 декабря».
8. П. Е. Щеголев. Восстание Черниговского полка.
9. С. С. Мильман. П. И. Пестель.
10. М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян.
11. Описи архивных дел по истории декабристов.
12. Библиография — сост. Н. К. Пиксановым и Н. М. Ченцовым.
13. Хрестоматия — сост. Н. Ф. Лавровым и Ю. Г. Оксманом (печатается).

1917 г. в документах и материалах.

Под редакцией М. Н. ПОКРОВСКОГО и Я. А. ЯКОВЛЕВА.

1. I Съезд Советов.
2. Петроградский Совет Р. и С. Д. за 1917 г. (вышел в свет).
3. Аграрное движение в 1917 г.
4. Рабочее движение в 1917 г.
5. Движение железнодорожников в 1917 г. (печатается).
6. Материалы II Съезда Советов.
7. Материалы по истории разложения старой армии во время войны и революции (печатается).
8. Буржуазия перед революцией (печатается).

ИЗДАНИЯ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ И ПОДГОТОВЛЯЮТСЯ:

Материалы по истории рабочего движения в России.

Под общей редакцией А. ЛОЗОВСКОГО.

1. Морозовская стачка. С предисловием В. И. Невского (вышла в свет).
2. Стачечное движение 90-х годов.
3. Рабочее движение начала 900-х годов.
4. Стачечное движение 1905 г.
5. Рабочее движение в годы реакции.
6. Ленские события (печатается).
7. Рабочее движение в годы войны (печатается).
8. Материалы по истории рабочего законодательства (печатается).

---

1. Пугачевщина, т. I. Под редакцией и с предисловием М. Н. Покровского (печатается).
2. Политические процессы 60-х годов. Вып. II.
3. Политические процессы 70 и 80 г.г. Под редакцией В. В. Максакова, В. И. Невского и П. Е. Щеголева.
4. Крестьянские движения до 60 гг. XIX стол. (печатается).
5. Пугачевщина, т. II и III.
6. Дело Александра Ульянова и др. (1 марта 1887 г.) (печатается).
7. Материалы по истории «Народной Воли».
8. Дневник Л. Тихомирова. Под редакцией В. М. Фриче (печатается).
9. Студенческое движение 1905 года.
10. Революционное движение в армии и флоте.
11. Последние дни Колчаковщины.
12. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. IV (печатается).
13. Дневник Ламздорфа. Под редакцией Ф. А. Ротштейна (печатается).
14. Письма Победоносцева к Александру III. Т. II. Под редакцией М. Н. Покровского.
15. Дневник Перетца (печатается).
16. Русско-польские отношения (печатается).
17. Русский империализм на Дальнем Востоке.
18. Наказы депутатам в 1-ю Гос. Думу.
19. Письма Ф. М. Достоевского к жене. Под редакцией П. Н. Сакулина (печатается).
20. Из архива Ф. М. Достоевского. Материалы к роману «Идиот». Под редакцией П. Н. Сакулина.
21. Материалы к роману «Преступление и наказание». Под редакцией И. Н. Гливенко.
22. Материалы к роману «Бесы». Под редакцией Н. Л. Бродского.
23. Материалы к роману «Подросток». Под редакцией Ф. Ф. Переверзева.
24. Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову. Под редакцией П. Н. Сакулина.

ЛЕНГИЗ ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

ЛЕНИНГРАД, ДОМ КНИГИ, Проспект 25 Октября, 28. Телефон 132-44, 570-14;
Москва. Тверская, 51. Телефон 3-92-07, 4-92-31.

1917 г. в документах и материалах.

Под редакц. М. Н. Покровского и А. А. Яковлева.

I-й Съезд Советов.

Протоколы Петроградского Исполнительного Комитета за 1917 г. (Печатается.)

Аграрное движение в 1917 г.

Рабочее движение в 1917 г.

Движение железнодорожников в 1917 г. (Печатается.)

Материалы 11 Съезда Советов.

Материалы по истории разложения старой армии во время войны и революции (печатается).

Буржуазия перед революцией (печатается.)

Материалы по истории рабочего движения в России.

Под общей редакц. А. Лозовского.

Стачечное движение 90-х годов.

Рабочее движение начала 900-х годов.

Стачечное движение 1905 г.

Рабочее движение в годы реакции.

Ленские события. (Печатается.)

Рабочее движение в годы войны.

Материалы по истории рабочего законодательства.

Пугачевщина, т. I. Под редакц. и с предисловием М. Н. Покровского. (Печатается.)

Политические процессы 60-х год. в. II.

Крестьянские движения до 60-х г. г. XIX стол.

Пугачевщина, т. II и III.

Дело Александра Ульянова и др. 1 марта 1887 г. (Печатается.)

Материалы по истории «Народной воли».

Дневник Л. Тихомирова. Под редакц. Ф. М. Фриче. (Печатается.)

Студенческое движение 1905 г.

Революционное движение в армии и флоте.

Революция 1848 г. во Франции (донесения Я. Толстого. (Печатается.)

ос Колчака. Под редакц. К. А. Попова. Печатается.)

едние дни Колчаковщины.

изанское движение в Сибири, т. I. од редакц. В. В. Максакова. (Печатается.)

писка Николая и Александра омановых. Т. IV и V. (Печатается.)

Дневник Ламздорфа. Под редакц. Ф. А. Ротштейна. (Печатается.)

Дневник Е. А. Перетца. (Печатается.)

Русско-польские отношения. (Печатается.)

Русский империализм на Дальнем Востоке.

Наказы депутатам в I Гос. Думу.

Письма Ф. М. Достоевского к жене. Под редакц. В. Ф. Переверзева. (Печатается.)

Из архива Ф. М. Достоевского. Материалы к роману „Идиот". Под редакц. П. Н. Сакулина.

Материалы к роману „Преступление и наказание" Под редакц. И. Н. Гливенко.

Материалы к роману „Бесы" Под редакц. Н. Л. Бродского.

Материалы к роману „Подросток". Под редакц. Ф. Ф. Переверзева.

Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову. Под редакц. П. Н. Сакулина.

Цена 3 р. 20 к.